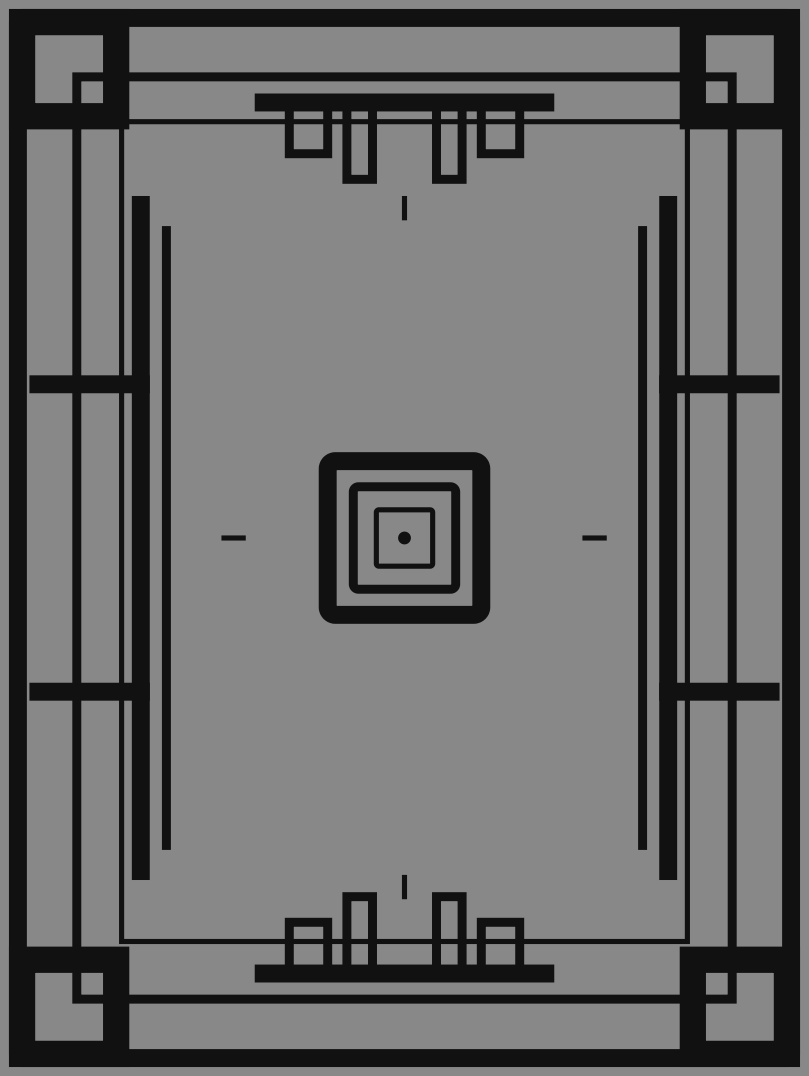

Игра Эндера
Орсон Скотт Кард

Аннотация
Орсон Скотт КАРД. ИГРА ЭНДЕРА
1. Третий
2. Петр
3. Граф
4. Запуск
5. Игры
6. Напиток Гиганта
7. Саламандра
8. Крысы
9. Локи и Демосфен
10. Дракон
11. Вени види вици
12. Бонзо
13. Валентина
14. Учителя Эндера
15. Говорящий от Имени Мертвых

Аннотация

Межзвездный Флот Земли ведет отчаянную борьбу с жестокими негуманоидными пришельцами. Из специально отобранных детей военные готовят по особой программе командный состав земных космических армад…

Орсон Скотт КАРД
ИГРА ЭНДЕРА

Джеффри, постоянно напоминающему мне, какими юными и одновременно старыми могут быть дети.

1. Третий

— Я наблюдал его глазами, слушал его ушами, и я заявляю, что он — единственный в своем роде. Или, по крайней мере, очень близок к тому, к чему мы стремились.

— А что можно сказать о брате.

— Его пробы показали невозможность. По ряду других причин. Не относящихся к его способностям.

— Тоже и сестра. Но по поводу его есть ряд сомнений. В нем слишком сильно мужское начало. Слишком сильно стремление растворить себя в чьей-либо еще воле.

— Если другая личность ему не враг.

— Так что же нам теперь делать? Все время окружать его врагами?

— Если это возможно.

— А я думал, ты любишь этого ребенка.

— Если баггерам удастся заполучить его, я превращусь в образцового дядюшку.

— Ладно. Так или иначе, мы спасаем мир. Бери его.

* * *

Женщина на мониторе приветливо улыбнулась и поправила прическу, затем мягко проворковала: «Эндрю, я полагаю, что ты изрядно устал и пресытился этим ужасным монитором. У меня для тебя хорошие новости. Сегодня его заберут. Мы собираемся проделать это прямо сейчас. Это не причинит тебе ни капли беспокойства, тем более боли».

Эндер кивнул. Это была явная ложь, что не будет ни капли боли. Взрослые всегда так говорят, когда собираются причинить боль. Поэтому он отнесся к подобному заявлению, как к определенному предсказанию будущего. Иногда ложь оказывается более надежной, чем правда.

— Так что, Эндрю, если ты готов, то сядь напротив операционного стола. Доктор будет с минуты на минуту.

Монитор отключился. Эндер попытался представить, что миниатюрное устройство исчезло с затылочной стороны шеи. Теперь я сколько угодно могу ворочаться в постели, и ничто не помешает мне. Прекратится противное покалывание, а так же теплота и легкое жжение, сопровождающее каждое принятие ванны или

душа.

И Питер больше не будет ненавидеть меня. Я приду домой и покажу ему, что монитор исчез, он увидит, что от него не осталось даже следа. Что я теперь буду обычным нормальным ребенком, как он. Наконец кончатся все неприятности. Он простит мне, что носил свой монитор на целый год дольше, чем он. Мы станем…

Нет, не друзьями. Нет, Питер слишком опасен. Питер слишком зол и груб. Хотя бы, просто братьями… Ни врагами, ни друзьями, просто братьями — живущими под одной крышей. Он не будет ненавидеть меня, он оставит меня в покое. А когда он захочет поиграть в баггеров и астронавтов, а у меня не возникнет аналогичного желания, возможно, я просто почитаю книгу.

Но Эндер знал: даже думая совсем о другом он был твердо уверен, что Питер никогда не оставит его в покое. Когда на Питера нападали приступы дурного настроения, в его глазах появлялось что-то такое… Что когда бы Эндер не ловил его взгляд, не наталкивался на злобный блеск, он знал наверняка — единственное, что Питер никогда не сделает — это он никогда не оставит его в покое. «Я упражняюсь на фортепьяно, Эндер. Попереворачивай ноты для меня. Или мальчик с

монитором слишком занят, чтобы помочь брату? А может он слишком умен для того обыденного занятия? А может прибьем парочку баггеров, астронавт?.. Нет, нет, мне не нужна твоя помощь. Я справлюсь сам. Маленький ублюдок! Проклятый Третий!»

— Это не займет много времени, Эндрю, — раздался голос доктора.

Эндер кивнул.

— Он устроен так, что легко убирается. Безо всякого риска, без заражения. Возможно возникнет некоторое щекотание. У некоторых людей появляется чувство утраты чего-то. Ты тоже можешь бессмысленно озираться по сторонам в поисках чего-то, что-то искать. Но тебе никогда не удастся найти то, что ты ищешь, поскольку ты забудешь, что именно надо искать. Поэтому я заранее предупреждаю тебя. Ты будешь искать монитор, а его не будет. Но через несколько дней это чувство пройдет.

Доктор защекотал чем-то по голове Эндера. Внезапная боль, словно бритва, полоснула по затылку. Острый спазм сковал голову и шею, его тело непроизвольно выгнулось дугой, голова ударилась о кровать. Ноги охватило судорогой. Он с такой силой сжал руки, что заломило кости.

— Сестра! — закричал доктор. — Быстрее!

Вбежавшая медсестра застыла на месте.

— Расслабьте эти мускулы! Ну же, помогите мне! Чего вы ждете!

Эндер почувствовал чужие руки, но не видел, что они делают. Он перевалился на бок и соскользнул с операционного стола.

— Держите! — отчаянно завопила сестра.

— Постарайся поддержать его…

— Вы держите, доктор, он слишком тяжел для меня…

— Да не сжимайте так, он же задохнется…

Эндер почувствовал как острая игла вонзилась в шею чуть выше воротника рубашки. Он ощутил жар, внутри него все запылало, но мускулы обмякли и тело расслабилось. Теперь он мог кричать от страха, а заодно и от боли.

— С тобой все в порядке, Эндрю? — спросила сестра.

Эндрю не мог вспомнить, каким образом можно говорить. Они положили его на стол, пощупали пульс, проделали ряд других операций; он ничего не понимал.

Доктор дрожал всем телом; его голос дребезжал, как плохо натянутая струна.

— Они оставляют в детях подобные штучки на

три года и еще что-то хотят? Ты понимаешь, мы можем лишить его разума? Мы можем нанести непоправимый урон его мозгу.

— Когда кончится действие лекарства? — спросила сестра.

— Удерживай его в подобном положении не менее часа. Внимательно наблюдай. Если он не заговорит через 15 минут, дай мне знать. Господи, если это останется навсегда. Ведь мы же не баггеры.

* * *

Он вернулся на урок мисс Памфрей лишь за 15 минут до звонка. Он до сих пор чувствовал вялость и слабость в ногах.

— С тобой все в порядке, Эндрю? — поинтересовалась мисс Памфрей.

Он кивнул.

— Ты болен?

Он отрицательно замотал головой.

— Ты плохо выглядишь.

— Все в порядке. Я хорошо себя чувствую.

— Тебе лучше сесть, Эндрю.

Он направился к своему месту, но вдруг остановился. Чего я ищу? Я не должен думать об этом.

— Твое место вот здесь, — указала мисс Пам-

фрей.

Он молча сел, но ему явно чего-то не хватало, кажется, он что-то потерял дорогой. Ладно, я после этого найду.

— Твой монитор, — зашептала девочка сзади него.

Эндрю протянул руку и потрогал затылок, затем шею. Там была лишь повязка с пластырем. И больше ничего. Теперь он стал как все.

— Его монитор, — защебетала девчонка остальным сзади сидящим.

Эндрю пожал плечами.

— Эй, Эндрю, разжаловали? — хихикнул парнишка, сидящий сзади по диагонали. Как же его зовут. Питер. Нет, как-то по-другому.

— Спокойнее, мистер Стилсон, — произнесла мисс Памфрей. Стилсон удовлетворенно хмыкнул.

Мисс Памфрей объясняла умножение. Эндрю настроил свое ученическое место на кабину самолета. На дисплее появилась контурная карта горной части острова. Эндрю отдал парте команду отобразить горы с трех сторон в пространственной проекции. Учительница, конечно же, знает, что он занимается не делом. Но она не будет беспокоить его и призывать к вниманию.

Ведь он всегда знает ответ, даже тогда, когда она уверена, что он совсем не слушает.

В углу парты появилось какое-то слово, оно начало медленно перемещаться вдоль периметра. Сначала оно было расположено вверх ногами, затем пошло задом наперед. Но задолго до того, как оно выплыло на верхний край стола, Эндрю уже догадался, что оно обозначает.

ТРЕТИЙ.

Эндер улыбнулся. Он был единственным, кто знал как посылать сообщения и заставлять их какое-то время двигаться вдоль экрана адресата — даже несмотря на то, что его тайный враг обозвал его, он использовал его метод пересылки данных, а это льстило лучше всяких комплиментов. Не его вина в том, что он Третий. Это идея правительства, они санкционировали добро — иначе как бы Третий, подобный Эндеру, мог учиться в школе? А теперь монитор исчез. Эксперимент под названием Эндрю Вигин окончен. Если бы это было в их власти, он уверен, они бы с радостью отменили разрешение, дающее право на его рождение. Но это им не по силам, эксперимент окончен.

Прозвенел звонок с урока. Большинство ре-

бят вскочили с мест, лишь некоторые что-то еще торопливо заносили в память компьютера, оставляя памятки для себя. Некоторые передавали данные и домашние задания домашним компьютерам. Несколько учеников сгрудились вокруг принтера и нетерпеливо ожидали конца распечатки. Эндер растопырил пальцы, стараясь охватить всю ученическую клавиатуру, расположенную на самом краю парты. Он представил, что его руки увеличились до размеров ладоней взрослых. Он стал воображать, что должны чувствовать такие руки: большие и неуклюжие, с толстыми плохо гнущимися пальцами и мясистыми подушечками. Правда и клавиатура у них взрослая и большая — но разве в состоянии их неловкие толстые пальцы рисовать такие изящные линии, какие мог Эндер. Он мог выписывать такие тонкие линии и с такой тщательностью, что подобную ювелирную линию можно было обернуть в спираль семьдесят девять раз от центра до любого угла парты, не опасаясь, что она прервется или пересечется. Он любил тщательность и точность. По крайней мере, хоть чем-то можно заняться, пока учительница объясняет и вдалбливает арифметику. Подумаешь, арифметика! Валентина выучила с ним всю арифметику,

когда ему было всего три года.

— С тобой все в порядке, Эндрю?

— Да, мадам.

— Ты опоздаешь и пропустишь свой автобус.

Эндер кивнул и поднялся. Остальные ученики уже ушли. Хотя им все равно придется ждать всех опаздывающих. Его монитор больше не висел на шее, не подслушивал, что он слышит, и не видел, что он видит. Они могут теперь говорить все, что им вздумается. Они могут даже избить его — никто больше ничего не увидит, никто не придет ему на выручку. Монитор давал ряд преимуществ, теперь он навсегда лишился их.

Конечно, как всегда, это был Стилсон. Он не был больше остальных детей, но он был крупнее Эндера. Как всегда он был с приятелями. Он редко ходил один.

— Эй, Третий!

Не отвечать. Ничего не буду говорить.

— Эй, Третий, мы к тебе обращаемся! Третий! Эй, любитель баггеров, тебе говорят!

Лучше не придумывать ответ. Все, что я не скажу, обернется против меня. Лучше молчать.

— Эй, Третий, эй! Ты, онемел, да? Думаешь ты все еще лучше нас. Да ты давно потерял свою птицу счастья, ты — Трешка, потрогай свою дра-

гоценную шейку!

— Вы дадите мне пройти? — спросил Эндер как можно спокойнее.

— Мы дадим ему пройти? Ну как, пропустим его? — Все засмеялись. — Не волнуйся, мы пропустим тебя. Сначала мы выпустим твои руки, затем голову, потом, возможно, одно колено… потом…

Теперь в игру вступили другие и начали дразнить. «Что потерял свое счастьице, Трешка, потерял!»

Стилсон начал толкать его в плечо; кто-то сзади с силой пихнул его на Стилсона.

— Погляди, какой прыгучий мячик! — выкрикнул кто-то.

— Ага, теннис!

— Пинг-понг!

Это вряд ли могло хорошо кончиться. Эндер решил, что ему тоже не хочется плохого конца. Поэтому в следующий раз, когда рука Стилсона прицелилась в него, он слегка пригнулся. Удар пришелся в воздух.

— О… о, ну давай, давай! Эй, Трешка, ну-ка ударь меня!

Приятели Стилсона сгрудились сзади Эндера, готовые в любой момент схватить его.

Эндеру было не смешно, но он заставил себя

рассмеяться.

— Ты собрал специально столько людей, боишься не справиться с одним Третьим?

— Ты прав, мы — люди, а не Третьи, рыло. Тоже мне силач, ты — дохлая сосиска!

Но они отошли от него. Как только они слегка отступили, Эндер ударил кулаком, вложив в него всю свою силу. Удар пришелся в поддых. Стилсон упал. Эндер застыл от изумления — он не думал, что сможет свалить соперника одним ударом. Ему и в голову не пришло, что Стилсон воспримет его намерения вступить в драку, как шутку, и окажется абсолютно не готов к атаке.

Его приятели отпрянули от неожиданности, отойдя на приличное расстояние от застывшего от удивления Эндера и неподвижно лежащего Стилсона. Они тупо уставились на распростертое тело, как будто тот был мертв. Однако, мысли Эндера лихорадочно работали, он пытался отыскать всевозможные способы избежать мести, уйти от подобных ситуаций в будущем. Сегодня я выиграл раз и навсегда. Это должно остаться на будущее. Иначе ему придется драться каждый день, и день ото дня будет все труднее и труднее одержать победу.

Эндер хорошо знал негласные правила войны,

хотя ему было всего шесть лет. Нельзя бить лежачего, так поступают только звери.

Но он подошел к лежащему на спине телу Стилсона, размахнулся и ударил прямо по ребрам. Стилсон жалобно простонал и откатился в сторону… Эндер обошел вокруг него и снова врезал, теперь в грудь. Стилсон промолчал. Он согнулся и вздрогнул. Слезы боли и унижения потекли по его щекам.

Эндер холодно оглянулся на остальных.

— У вас есть еще время рассчитаться со мной. Вы можете избить меня даже сильнее. Но хорошенько запомните, что я сделаю с любым, кто обидит меня. Я рассчитаюсь с любым, чего бы мне это не стоило. Запомните хорошенько.

Он снова обрушил кулак на Стилсона, метя прямо в лицо. Кровь фонтаном брызнула из носа и щедро обагрила землю.

— Возможно это будет не столь уж плохо, это будет еще хуже, — напоследок добавил Эндер.

С этими словами он повернулся и пошел прочь. Никто не преследовал его. Он свернул в коридор, ведущий к остановке автобуса. Краем уха он услышал разговор за соей спиной, «Старик, ты только посмотри, как он его обработал. Проклятое отродье! Отброс». Эндер забился в угол, повернулся

лицом к стене и зарыдал. Теперь я такой же, как и Питер. Они забрали монитор, и я стал как Питер. Его плечи сотрясались в беззвучных рыданиях.

2. Петр

— Ладно, теперь прибора нет. Как он себя ведет.

— Когда живешь годами внутри чьего-то тела, то привыкаешь к нему. Теперь я смотрю на него, вижу его лицо и не понимаю, что происходит. Я не использовал внешние проявления эмоций и выражения лица. Мне приходилось жить самими чувствами.

— Входи, здесь вряд ли подходящее место для разговора о психоанализе. Мы солдаты и редко придаемся психологическим отступлениям. Ты только что видел как он чуть не выпустил кишки главарю детской банды.

— Он был вынужден. Он не избивал его в прямом смысле, все гораздо глубже. Подобно Мазеру Рекхему в…

— Ой, пощади… Вот мнение комиссии: он выдержал испытание.

— Большей частью. Давай посмотрим как он поведет себя с братом теперь, без монитора.

— Его брат. А разве ты не опасаешься того, что может причинить ему брат?

— Ты единственный убеждал, что в этом нет ни капли риска.

— Я просмотрел некоторые прошлые записи. Я ничем не мог помочь. Я люблю этого ребенка. Я думаю, мы должны усилить дисциплину.

— Естественно, это наша обязанность. Мы злые, безнравственные демоны. Мы обещаем имбирный пряник, а сами едим живьем маленьких детишек.

* * *

— Сочувствую, Эндер, — прошептала Валентина. Она огорченно посмотрела на пластырь на шее.

Эндер дотронулся до стены и дверь бесшумно закрылась за ним.

— Мне безразлично. Я даже рад, что его убрали.

— Что убрали? В гостиной появился Питер, его рот был набит хлебом с маслом и язык с трудом ворочался.

Эндер не видел в Питере красивого десятилетнего мальчика с ясным открытым взглядом, темной густой вьющейся шевелюрой и лицом, которое могло принадлежать Великому Александру. Эндер видел в Питере лишь индикатор злобы

или скуки, опасные перепады настроения брата всегда заканчивались болью с плачем. Вот и теперь, лишь только глаза Питера скользнули по повязке на шее, в них заплясали злые чертенята.

Валентина тоже заметила это.

— Теперь он как мы, — сказала она, пытаясь смягчить момент и выиграть время, чтобы не дать взорваться брату.

Но Питера уже ничто не могло остановить.

— Как мы? Он носил свою присоску до шести лет. А когда ты лишилась своей? Ведь тебе было всего три. Я потерял свое устройство около пяти. А он все еще носил свой. У, маленький ублюдок, паршивый баггер.

Это даже хорошо, думал Эндер. Все верно. Говори, говори, Питер. Чем больше ты говоришь, тем лучше.

— Ну что, теперь твои ангелы-хранители не оберегают тебя, — процедил Питер. — Теперь они вряд ли кого-нибудь смогут остановить, даже если тебе будет очень больно. Теперь они не услышат, что я говорю, не будут подглядывать. Что теперь ты скажешь! Что теперь?

Эндер пожал плечами.

— Где мама? — спросила Валентина.

— Ушла, — злорадно усмехнулся Питер. — Я за

старшего.

Внезапно Питер рассмеялся и удовлетворенно потер руками, предвкушая наслаждение.

— Давай поиграем в баггеров и астронавтов, — предложил он Эндеру.

— Я думаю стоит позвать отца, — произнесла Валентина.

— Давай, зови, — усмехнулся Питер, — ты ведь отлично знаешь, что его нет дома.

— Я буду играть, — сказал Эндер.

— Ты будешь баггером, — крикнул Питер.

— Позволь ему хотя бы раз побыть астронавтом, — попросила Валентина.

— Заткни свой противный рот и не суй куда не следует свою толстую морду, — отрезал Питер. — Эй, пошли наверх, выберем оружие.

Эндер знал, что игра обещала быть далеко не забавной. И дело даже не в том, кто выиграет, а кто нет. Вопрос о победителе вообще не стоял. Когда дети играют в коридорах, разбиваясь на враждующие легионы, баггеры принципиально никогда не могут выиграть, и игра приобретает совсем другой оттенок, однако, все же это игра. У себя же в квартирах начатая игра — это совсем другое, здесь баггеры вообще не имеют право голоса. Ты остаешься в шкуре баггера, пока астро-

навт не решит, что игра окончена.

Питер открыл верхний ящик стола и вытащил маску баггера. Мать долго сожалела и расстраивалась, когда Питер принес ее домой. Но отец резонно заметил, что отнюдь не спрятанная в доме маска развязывает настоящие войны, а дети совсем по другим причинам берутся за лазерное оружие. Поэтому лучше играть в войну и тем самым хоть немного подготовиться к настоящему вторжению баггеров.

Только бы пережить эту игру, думал Эндер. Он одел на себя маску. Она сжала его словно огромная ладонь, захватившая все лицо. Интересно, так ли чувствуют себя настоящие баггеры. Ведь они не носят подобные маски как маски. Это их настоящие лица. А вот любопытно, в своих мирах они напяливают маски людей во время игр? А как они нас обзывают? Слизняки? Потому что мы оказались такими мягкотелыми и липкими по сравнению с ними?

— Будь осторожен, мразь! — неожиданно крикнул Эндер.

Он отчетливо видел Питера в глазные прорези маски.

— Мразь, да? Ну хорошо, баггер-ваггер, сейчас я разобью твою мерзкую башку.

Эндер не видел приближающегося кулака, он заметил только, как отклонился корпус Питера. Проклятая маска обрезала боковой обзор, затрудняя пространственное зрение. Внезапно он почувствовал сильный удар в голову, боль мгновенно охватила его. Он потерял равновесие и рухнул на пол.

— Что, плохо видишь, баггер? — ехидно спросил Питер.

Эндер стал лихорадочно стаскивать маску, душащую его. Ботинок Питера уперся ему прямо в пах.

— Прекрати снимать ее, — скомандовал Питер.

Эндер молча вернул на место маску и убрал руки от лица.

Питер сильнее нажал башмаком, возникшая боль пронзила тело Эндера словно кинжал.

— Лежи и не рыпайся, баггер. Сейчас мы посмотрим, что у тебя внутри. Раз уж нам попался живой баггер, то не плохо посмотреть как он устроен.

— Питер, прекрати, — сказал Эндер.

— Питер, прекрати? Вот это здорово. Значит вы баггеры умеете отгадывать наши имена. И даже умеете просить. Очень трогательно. Но это лишь для сопливых детей. Твой плач здесь никого не

трогает. Я вижу тебя насквозь. Они думали, они ожидали, что ты станешь человеком, противный Третий, но на самом деле ты — настоящий баггер, я сейчас докажу это.

Он убрал ногу, приблизился и встал коленями прямо на живот Эндера, поерзав по нему. Он все больше и больше давил на живот. Эндеру стало трудно дышать, мышцы напряглись до боли.

— Я могу убить тебя, — прошептал Питер, — просто давить и давить, пока ты не отдашь концы. А взрослым я скажу, что и не подозревал, что тебе больно и ты умираешь. Ведь мы же просто играли. И мне все поверят, будет все просто прекрасно. А ты сдохнешь. Все будет очень здорово.

Эндер не мог вымолвить ни слова, его легкие сжались, в горле стоял ком. Питер должен знать об этом. Может он не придает этому значения, но он должен догадываться.

— Я знаю, — произнес Питер, — я знаю все, о чем ты думаешь. Это они дали добро на тебя, поскольку я был многообещающим ребенком. Но мне не удалось преуспеть. Ты оказался лучше. Они тоже думают, что ты лучше. Но я не хочу более одаренного брата, слышишь, не хочу Третьего!

— Я обо всем расскажу, — вмешалась Валентина.

— Тебе никто не поверит.

— Они поверят мне.

— Тогда я убью тебя тоже, моя дорогая сестренка.

— О, да, конечно, — произнесла Валентина, — они поверят тебе. «Я не знаю, что убило Эндрю, а когда он уже умер, я абсолютно не представляю, что убило Валентину».

Давление слегка ослабло.

— Ну ладно, не сегодня. Но когда-нибудь с вами обоими кое-что произойдет, несчастный случай.

— Ты слишком много болтаешь, — заметила Валентина, — сам не знаешь о чем.

— Я не знаю?

— Ты знаешь, к чему это может привести? — спокойно спросила Валентина. «Ведь ты хочешь пролезть в правительство. Хочешь быть избранным мира сего. А они никогда не выберут тебя, если твоему сопернику удастся раскопать весьма подозрительный факт, что твой брат и сестра погибли при весьма странных обстоятельствах еще в детстве. А особенно еще потому, что я оставила прощальное письмо в одном из скрытых своих файлов, оно обязательно обнаружится в случае моей смерти».

— Не бери меня на пушку, тоже мне, напугала.

— В нем говорится, что я умерла не своей естественной смертью. Питер убил меня. И если он до сих пор не убил Эндрю, он вскоре сделает и это. Этого, конечно, не достаточно, чтобы доказать твою вину, но вполне хватит, чтобы тебе никогда не стать избранным.

— Понятно, теперь ты стала его монитором, — сказал Питер. — Ты лучше следи за ним. Будь начеку и днем и ночью.

— Мы с Эндером не такие уж глупые. Мы все хорошо просчитали, так же как и ты. А может кое-что еще лучше. Мы все достаточно талантливые дети. Питер, ты не такой уж умный и сообразительный, хотя и самый старший.

— О да, я знаю. Но когда-нибудь наступит день, когда ты уйдешь куда-нибудь, когда ты обо всем забудешь. Внезапно ты вспомнишь, бросишься к нему, а он будет жив-здоров, и все будет о'кей. А уж в следующий раз ты не будешь так беспокоиться, так спешить. И всякий раз с ним будет все нормально. Ты подумаешь, что я забыл обо всем. Даже если ты будешь постоянно помнить наш разговор, ты решишь, что я просто изменился, забыл. А годы пойдут своим чередом. И вдруг чудовищное происшествие, я нахожу тело, я плачу и рыдаю над ним. А ты, помня о нашем разговоре,

будешь стыдить себя. Ведь ты будешь знать, что я изменился, и что действительно произошел несчастный случай. А с твоей стороны просто жестоко напоминать о том, что было когда-то обещано во время детских ссор и игр. Несмотря на то, что правда на твоей стороне. Я подожду своего часа, а он — своей смерти, а ты ничего не сможешь сделать, ни-че-го. Вот тогда ты поймешь, что такое самый старший.

— Большой злыдень, — в сердцах бросила Валентина.

Питер вскочил на ноги и тупо уставился на нее. Валентина попятилась. Эндер сдернул с лица омерзительную маску. Питер обернулся и направился к своей кровати. Усевшись на нее, он начал смеяться. Смех был заливистым, веселым, слезы бисером брызнули из его глаз. «Да, вы ребята просто супер, величайшие простаки планеты Земля! Эй, вы, сосунки!»

— Теперь он скажет нам, что просто пошутил, невинная шутка, — заметила Валентина.

— Да не шутка, просто игра. Я могу заставить таких простачков поверить во что угодно. Я могу заставить вас прыгать, как марионеток. — Сделав притворно грозный голос, он добавил: «Сейчас я убью вас, разорву на мелкие кусочки и выброшу

в мусоропровод».

Он снова захохотал. «Великие сосунки вселенной»

Эндер молча взирал на его веселье. Он думал о Стилсоне, вспоминал, как хрустнули его кости. Вот кто действительно заслужил подобного. Ничего, он свое еще получит.

Словно прочитав его мысли, Валентина отчаянно зашептала: «Нет, нет, Эндер».

Питер внезапно повалился на бок, затем вскочил и занял боевую стойку. «Давай, давай, Эндер. Я готов в любое время».

Эндер нагнулся, снял правый ботинок и поднял его.

— Видишь, вот на подошве и носке? Это кровь, Питер.

— О… о… я умираю от страха. Я трепещу. Эндер раздавил земляного червя, а теперь хочет убить меня.

Для него это были просто слова. В сердце Питера жил убийца, но об этом никто не знал, кроме Валентины и Эндера.

Когда пришла мать, она коротко посочувствовала по поводу исчезновения монитора. Отец тоже выразил свое удивление целой тирадой. Он сказал, что у него такие фантастические дети,

что правительство разрешило им иметь трех вместо двух. А теперь правительство решило не забирать никого, теперь они будут все вместе. Им навсегда оставили Третьего… Он говорил до тех пор, пока Эндер не закричал на него. «Я знаю, что я Третий, я знаю это. Если вы хотите, я уйду, и вам не придется перед всеми оправдываться. Мне жаль, что у меня отняли монитор, и вы оказались с тремя детьми без всяких объяснений. Я понимаю, что это очень обременительно для вас. Мне очень жаль, жаль, жаль…»

Он неподвижно лежал на кровати, тупо уставившись в черноту потолка. На верхней койке, над ним он отчетливо слышал, как ворочался Питер, его спокойное ровное дыхание. Вот Питер соскользнул с кровати и вышел из комнаты. Эндер различил звук журчащей струйки в туалете, затем Питер бесшумно возник в дверном проеме.

Он думает, что я сплю и собирается убить меня.

Питер уверенно подошел к кровати, но не стал забираться на верхний ярус. Вместо этого он остановился у изголовья Эндера.

Но почему он не взял подушку, ведь так легче задушить. Или у него есть другое оружие.

Он прошептал: «Эндер, прости меня, прости, я ведь понимаю тебя, знаю, что ты чувствуешь. Прости меня, братишка, прости. Я люблю тебя».

Спустя некоторое время ровное дыхание Питера известило, что тот снова уснул. Эндер в отчаянии содрал с шеи повязку. Второй раз за день он разрыдался.

3. Граф

— Сестра — наше слабое место. Он действительно очень любит ее.

— Я знаю, она портит все дело с самого начала. Возможно он не захочет расстаться с ней.

— Так что же нам делать?

— Убедить, возможно надавить, заставить поверить, что он хочет пойти с нами больше, чем остаться с ней.

— Да, но как это сделать?

— Сначала хитростью и обманом.

— А если это не сработает?

— Тогда расскажу ему всю правду. Это дозволено делать в случае крайней необходимости. Но мы не можем распланировать все до мелочей, ты знаешь, это невозможно.

* * *

Эндер не проголодался к завтраку. Он гадал, что произойдет в школе. Как он встретится с Стилсоном после вчерашней драки. Как поведут себя друзья Стилсона, что будут делать. Скорее всего ничего, но он не был уверен в этом. Ему не

хотелось идти в школу.

— Ты ничего не ешь, Эндрю, — заметила мать.

Питер вошел в комнату. «Привет, Эндер. Большое спасибо, что оставил свое мокрое полотенце прямо в ванне».

— Старался для тебя, — пробубнил Эндер.

— Эндрю, давай ешь.

Эндрю протянул согнутые ладони, как бы прося: «Подайте корочку бедному нищему…»

— Очень смешно, — сказала мать. — Как я не старалась, ни один мой ребенок не унаследовал материнские гены.

— Лишь твои гены сделали нас подлинными гениями, Ма, — лукаво произнес Питер. — Мы уверены, что в этом лишь твои заслуги, а не нашего Па.

— Я все слышу, — вмешался отец. Он молча поглощал свой завтрак, не обращая внимания на новости, бегущей строкой передаваемые прямо на обеденном столе.

— Не стоит расточать понапрасну свой потенциал.

Стол слабо пискнул. Кто-то чужой стоял около входной двери.

— Кто бы это мог быть? — обеспокоилась мать.

Отец нажал пальцем на клавишу и монитор

ожил. На экране появился человек в военной форме. Это говорило само за себя — ИФ — Интернациональный Флот.

— Я думал, что все уже кончилось, — уныло произнес отец.

Питер ничего не сказал, но рука его дрогнула и молоко выплеснулось в блюдце. А Эндер подумал, что сегодня ему, пожалуй, не придется идти в школу.

Отец набрал код, открывающий входную дверь и поднялся из-за стола.

— Пойду посмотрю, — сказал он, — а вы продолжайте завтрак.

Они остались сидеть, но завтрак можно было считать оконченным. Через одну-две минуты вошел отец и жестом пригласил мать на выход.

— Сейчас тебе будет нагоняй, — произнес Питер. — Они обнаружили, как ты расправился со Стилсоном, и теперь тебя отправят прямо на фронт.

— Но мне всего шесть лет, я еще маленький.

— Ты, Третий, тупица, у тебя вообще нет никаких прав; тебя никто и не спросит.

В комнате появилась Валентина. Ее лицо было заспанным, волосы спутались и торчали в разные стороны.

— Где Ма и Па? Я сегодня так плохо себя чувствую, совсем не могу идти в школу.

— Что очередной устный экзамен? — поинтересовался Питер.

— Заткнись, Питер, — огрызнулась Валентина.

— Тебе лучше расслабиться и наслаждаться жизнью, — не унимался Питер, — может быть и хуже.

— Интересно, что?

— Тебя ждут аналитические экзамены.

— Пробка, — сказала Валентина, — где мама и папа?

— Разговаривают с парнем из ИФ.

Валентина неосознанно посмотрела на Эндера. После долгих лет ожидания, вечного страха, что кто-то придет и скажет, что Эндер прошел тестовые пробы и должен покинуть дом…

— Давай, давай, смотри, — язвительно заметил Питер. — Но ведь это могу быть и я. Они наконец поняли, что я оказался лучше.

Чувства Питера были явно оскорблены, но он старался не показывать вида.

Открылась дверь и раздался голос отца:

— Эндер, выйди на минуту.

— Извини, Питер, — съязвила Валентина, — недолет.

Отец сердито посмотрел на них.

— Тише дети, сейчас совсем не до шуток.

Эндер последовал за Отцом в гостиную. Офицер ИФ встал при их появлении, но не протянул руки Эндеру.

Мать нервно крутила на пальце обручальное кольцо.

— Эндрю, — произнесла она бесцветным голосом, — я никогда не думала, что станешь заводилой драк.

— Мальчик Стилсонов сейчас в госпитале, — добавил отец, — ты серьезно избил его ногами, по-моему, это не совсем красиво.

Эндер тряхнул головой. Он ожидал увидеть по поводу Стилсона кого-нибудь из школы, но никак ни офицера флота. Значит все более серьезно, чем он ожидал. Он совсем растерялся и не знал как себя вести.

— Ты можешь хоть как-нибудь объяснить свое поведение, молодой человек? — осведомился офицер.

Эндер покачал головой. Он не знал, что сказать, и боялся выказать себя еще большим монстром, чем следовало из его действий. «Я перенесу любое наказание, — думал Эндер. — Ну же, начинайте».

— Нам хотелось бы выяснить истинную суть

вещей, — продолжал офицер. — Но я должен заметить, что все это выглядит не лучшим образом. Бить по ребрам, по лицу, пинать ногами лежащего человека — тебе что, доставляло это удовольствие?

— Нет, — прошептал Эндер.

— Тогда почему ты это сделал?

— Там была вся его банда, — промямлил Эндер.

— Ну и что. Это что-нибудь оправдывает?

— Нет.

— Скажи, почему ты избил его, ведь ты же выиграл?

— Сбив его с ног, я выиграл лишь первый раунд. Я хотел выиграть и все остальные. Сразу утвердить себя победителем. Чтобы они оставили меня в покое.

Эндер не мог больше сдерживаться, он был так напуган, так пристыжен своим поведением, что снова разревелся, как маленький. Он не любил плакать и редко позволял себе подобные слабости; сейчас, менее чем за сутки, он ревел уже третий раз. И раз от разу ситуация была все ужаснее. Но рыдать перед отцом и матерью, перед лицом незнакомого офицера — это совсем позор.

— Ведь вы же забрали монитор, — произнес он сквозь слезы, — значит теперь я должен сам

заботиться о себе, разве нет?

— Эндер, — вмешался отец, — тебе следовало попросить взрослых о помощи.

Но офицер встал и подошел к Эндеру. Он молча протянул руку.

— Мое имя Графф, Эндер. Полковник Хьюрум Графф. Я директор частной Школы Баталий в Белте. Я здесь, чтобы пригласить тебя учиться в нашей школе.

После всего. «Но мой монитор…»

— Это был последний этап испытаний. Мы хотели посмотреть, что произойдет с исчезновением монитора. Мы не всегда поступаем подобным образом, но в твоем случае…

— Значит я прошел пробы.

Мать окончательно расстроилась, но в ее голосе сквозило недоверие:

— Прекрасно, мальчик Стилсонов в госпитале. А чтобы вы сделали, если бы Эндрю убил его? Наградили медалью за отвагу?

— Мадам, его действия имели другие мотивы. Мы основывались на другом.

Полковник протянул ей папку с бумагами.

— Здесь все необходимые документы. Ваш сын прошел проверку Отборочной комиссии Интернационального Флота. Естественно мы учи-

тывали и полагались на ваше согласие, данное в письменной форме в самом начале эксперимента, иначе он просто бы не родился. Там четко оговорено, что если он проходит проверочные испытания, он принадлежит нам.

Голос отца нервно подрагивал.

— С вашей стороны не совсем вежливо и гуманно дать понять, что он вам не нужен, а затем заявить о своих правах.

— Кроме того, какой-то ребус, эта заваруха со Стилсоном, — добавила мать.

— Это не ребус, миссис Виггин. До тех пор, пока мы не выяснили мотивы Эндера, мы не могли быть уверены, что он именно такой, а не иной — мы должны твердо знать, что лежит в основе любого его поступка. Или, по крайней мере, что под этим подразумевает сам Эндер.

— Как вы можете называть его этим глупым прозвищем? — бросила мать срывающимся голосом, она уже не скрывала слез.

— Сожалею, мадам. Но это имя мальчик выбрал себе сам.

— Что вы намериваетесь делать, полковник Графф? — произнес отец. — Прямо сейчас забрать ребенка и уйти.

— Все будет зависеть от обстоятельств, — ска-

зал Графф.

— Каких?

— Захочет ли Эндер уйти.

Плач матери превратился в горькую усмешку.

— О, как трогательно. Даже есть право выбора, какая щедрость!

— Для вас двоих выбор был сделан очень давно, когда давалось право на рождение третьего ребенка. Но Эндер еще вообще не сделал своего выбора. Новобранцев и солдат у нас хватает, мы не страдаем от недостатка пушечного мяса, но чтобы стать офицером нужна добрая воля.

— Офицером? — переспросил Эндер. От звука его голоса все разом замолчали.

— Да, — подтвердил Графф, — Школа Баталий существует для будущих командиров космических кораблей, командующих флотилиями и адмиралов флота.

— Только давайте без обманов и пропаганды! — голос отца срывался от гнева. — Сколько мальчиков в последствии становятся командирами кораблей?

— Сожалею, мистер Виггин, но это секретная информация. Но я могу с полной уверенностью заявить, что ни один из мальчиков, не отсеявшихся по концу первого года, в последствии не

проваливается на квалификационной комиссии на звание офицера. И ни один из них не служит по званию и рангу ниже командующего офицера межпланетной станции. Я считаю, это большая честь и очень почетно даже для внутренних войск нашей солнечной системы.

— А сколько обычно проходит на второй год обучения? — спросил Эндер.

— Все, кто этого очень хочет.

У Эндера почти вырвалось: я хочу учиться в вашей школе. Но он сдержался и для верности прикусил язык. Это, конечно, избавит его от обычной школы, но это же глупо, ведь это проблема лишь нескольких дней. Это избавит его от Питера — что само по себе очень важно, но не в этом же заключается вся жизнь. Вот так оставить отца и мать, лишиться дома, покинуть Валентину. А для чего? Чтобы стать солдатом. Но он совсем не любит драться. Он ненавидит принципы Питера, сила против слабости, но свои принципы: сообразительность против глупости — ему тоже не по душе.

— Я думаю, — произнес Графф после затянувшейся паузы, — что нам с Эндером следует поговорить наедине.

— Нет, — отрезал отец.

— Я могу забрать его прямо сейчас, без вашего согласия и даже без прощальных слов, — отпарировал Графф бесцветным голосом. — И вы ничего не сможете сделать.

Отец внимательно посмотрел на Граффа, затем поднялся и, не говоря ни слова, вышел из комнаты. Мать задержалась на мгновение, судорожно сжала руку Эндера, выдавила жалкую полуулыбку и бесшумно скрылась за дверью.

— Эндер, — сказал Графф, — если ты пойдешь со мной, ты не сможешь долгое время вернуться сюда. В Школе Баталий не так уж много свободных дней. Посетители тоже запрещены. Полный курс обучения продлится до 16 лет — ты сможешь получить первое увольнение домой, если удачно сложатся обстоятельства, только в двенадцать лет. Поверь мне, Эндер, люди сильно меняются с годами, тем более за шесть или десять лет. Твоя сестра Валентина станет уже женщиной к тому времени, как ты вновь увидишь ее. Если, конечно, ты решишься уйти со мной. Вы станете чужими. Ты, безусловно, будешь любить ее, но ты уже не будешь знать ее. Видишь, я не скрываю трудностей и не представляю все в розовом свете.

— А мама и папа?

— Я знаю о тебе почти все, Эндер. Я внимательно

но просмотрел все данные о тебе. Ты никогда надолго не покидал родителей. И они никогда нигде не оставляли тебя на долгое время.

Слезы сами по себе навернулись на глаза Эндера. Он отвернулся, но не стал вытирать их.

— Они по-настоящему любят тебя, Эндер. Но ты должен понять, что стоит им твоя жизнь. Они родились очень религиозными, ты знаешь. Твой отец крещен под именем Джон Пауль Викзорек. Он католик. И был седьмым из девяти детей.

— Господи, девять детей! Это немыслимо. Это — настоящее преступление.

— Да, люди совершают странные поступки во имя религии. Ты ведь знаком с карательными мерами — они не так жестоки, как трудноосуществимы. Только первые двое детей могут свободно получить образование. Далее такса за обучение сильно возрастает с каждым ребенком. Твой отец достиг шестнадцатилетия и обратился в Судебную Инстанцию Гражданских Актов с просьбой об отделении от семьи. Он изменил свое имя, отверг религию и дал обет — никогда не иметь детей больше, чем дозволенное количество. Весь свой позор, все трудности, которые он преодолел, будучи ребенком, — все искупил обет — не иметь ребенка, который подвергнется

подобным испытаниям. Ты понимаешь меня?

— Он не хотел меня.

— Да, никто больше не хочет Третьего. Ты не должен ожидать их согласия. Но твои отец и мать — случай особый. Они оба отвергли религию — твоя мать была мормоном — но в их чувствах до сих пор живут сомнения и двусмысленность. Ты знаешь, что означает подобная двусмысленность?

— Они чувствуют и так и эдак.

— Они стыдятся, что родились в неуступчивых семьях, вышли из бунтующих родов. Они скрывают свое происхождение. До такой степени, что твоя мать отказывается перед кем-либо признавать, что родилась в Юте, хотя ряду специалистов это известно. Твой отец отрицает польское происхождение с тех пор, как Польша признана неугодной нацией и к ней применены международные санкции. Поэтому, ты прекрасно понимаешь, что имея Третьего, даже несмотря на разрешение и прямые инструкции правительства, они всячески стремятся скрыть это.

— Я знаю.

— Но все еще намного сложнее. Твой отец до сих пор называет вас узаконенными именами святых. Фактически, он окрестил каждого из

вас, лишь только вы оказались дома сразу после рождения. А твоей матери не нравится это. Всякий раз они ссорятся и ругаются, и не потому что твоя мать не хочет вас крестить, а потому, что она отвергает ваше крещение как католиков. По сути над ними не довлеют их исконные верования. Они смотрят на тебя как на предмет их гордости, потому что им удалось перехитрить закон и заиметь Третьего. Но в тебе так же их малодушный позор, поскольку они рискнули отступить от практики угодничества, которой сами же руководствовались и присягали. Кроме того, ты — вечный объект общественного осуждения, так как каждый твой шаг идет в разрез с их усилиями безболезненно влиться в число законопослушных граждан.

— Но как вы узнали обо всем?

— Мы изучали через мониторы твоего брата и сестру, Эндер. Ты, наверное, будешь удивлен, но это очень чувствительные приборы. Мы работаем напрямую с мозгом. Мы слышим все, что вы слышите, даже если вы невнимательно слушаете. Мы в курсе того, что вы не понимаете. Мы слышим и понимаем все.

— Значит мои родители и любят и не любят меня?

— Они любят тебя. Вопрос в другом — хотят ли они, чтобы ты здесь остался. Твое присутствие в доме — предмет постоянных споров и раздражения. Источник вечного напряжения. Понимаешь?

— Не я единственный вызываю напряжение.

— Дело не в том, что ты делаешь, Эндер. Сама по себе твоя жизнь. Твой брат ненавидит тебя только за то, что ты живое подтверждение его недостаточной одаренности. Родителей обижает и возмущает твое присутствие из-за прошлого, которое они стремятся забыть.

— Валентина любит меня.

— Да, всем своим маленьким сердечком. Она готова полностью и всецело посвятить себя тебе. Ты ее кумир. Я уже говорил тебе, что будет очень трудно.

— А какая ваша школа?

— Прежде всего — это усердие. Учеба, подобная обычным школам, кроме того, мы даем углубленное изучение компьютеров и математики. Военная история. Стратегия и тактика. И над всем, Комната Баталий.

— Что это?

— Военные игры. Все мальчики объединены в армии. День за днем, начиная с нулевой ступени

важности, происходят инсценировки битв и войн. Никто не получает ран, но есть победители и побежденные. Каждый начинает рядовым солдатом, он учится подчиняться приказам. Более старшие юноши становятся офицерами. Их обязанность обучать вас и руководить во время боя. К сожалению, я не могу много рассказывать об этом. Все очень похоже на игру в баггеров и астронавтов — за исключением одного, в своих руках ты держишь настоящее оружие, а рядом с тобой сражаются такие же парни. Но твое будущее и будущее всего человечества зависит от того, как хорошо ты будешь учиться, как хорошо сражаться. Это очень тяжелое испытание, ты будешь лишен нормального детства. Хотя с твоим умом и статусом Третьего ребенка, ты и так будешь практически лишен нормального детства.

— Там все мальчики?

— Есть несколько девочек. Они не так часто выдерживают проверки. Столетиями эволюция работала против них. Но никто из них даже отдаленно не напоминает Валентину. Они скорее братья, чем сестры. Там все становятся братьями, Эндер.

— Как Питер?

— Питер не прошел отборочных испытаний, и

как раз именно по тем причинам, за что ты так ненавидишь его.

— Я не ненавижу его. Я просто…

— Опасаешься его. Ладно, Питер не такой уж плохой, ведь ты лучше меня знаешь это. Он был лучшим из тех, кого мы обследовали на протяжении долгих лет. Мы просили твоих родителей специально родить следующей девочку, дочь — они все равно бы решили завести ребенка — они надеялись, что Валентина будет, как Питер, только мягче. Но она оказалась слишком доброй и мягкой. Тогда мы дали добро на твое рождение.

— Чтобы получить золотую середину между Питером и Валентиной.

— Если все сложится благоприятно.

— Что же я?

— Как мы и ожидали, преуспел. Наши тесты охватывают многое, Эндер. Но они не отражают всего, вплоть до мельчайших подробностей. Фактически, когда что-то не вписывается в их рамки, по ним вообще ничего невозможно определить. Но все же, эти тесты лучше, чем ничего.

Полковник подошел к Эндеру и взял его за руки.

— Эндер Виггин, если бы речь шла только о выборе для тебя счастливого светлого будущего,

я сам посоветовал бы тебе остаться дома. Оставайся, расти, будь счастлив. Но существуют и более плохие вещи, чем быть Третьим, или иметь старшего брата, которому трудно понять в каких ситуациях следует оставаться человеком, а в каких превращаться в шакала. Школа Баталий — одна из таких наихудших вещей. Но ты нужен нам. Для тебя баггеры пока лишь игра, но они всерьез грозили стереть нас с лица земли, особенно в последнее время. Этого им тоже недостаточно. Они хотели видеть нас остывшими, малочисленными и безоружными. Единственное, что нас спасло — это блестящее военное командование, лучший из лучших командующих. Можно называть это судьбой, Божеством, просто удачей. Но у нас был Мазер Рекхем.

— Но теперь его нет с нами. Мы скопили и сохранили все, что накопило человечество. Флот, который они выставили против нас в прошлый раз показался бы нам теперь детскими игрушками, плавающими в ванной. Мы овладели новыми технологиями, новым оружием. Но этого недостаточно. За те восемь лет, прошедших с последнего сражения, баггеры тоже могли достаточно подготовиться. Нам необходимо все самое лучшее, что можно добыть, нам необходимо это как можно

быстрее. Возможно, ты не захочешь работать на нас, а, возможно, захочешь. Возможно, ты сломаешься, не выдержишь трудностей и дисциплины, возможно, вся твоя жизнь пойдет наперекосяк, и ты будешь ненавидеть тот час, когда я явился в ваш дом. Но если у флота есть хоть один шанс заиметь тебя, если это будет способствовать выживанию человечества, и баггеры навсегда оставят нас в покое — тогда я прошу тебя сделать это. Пойдем со мной.

Все проблемы Эндера сфокусировались на полковнике Граффе. Человек как бы отдалился от него, стал совсем крошечным, так что Эндер мог подцепить его двумя пальчиками и посадить в карман. Оставить все здесь и уйти в другое место, где заведомо будет тяжело и трудно. И где не будет ни Ма, ни Па, ни Валентины.

Затем он вспомнил фильмы про баггеров, которые каждый видел по несколько раз за последний год. Катастрофа в Китае. Война в Белте. И везде Мазер Рекхем со своими блестящими, неповторимыми маневрами. Он разбивал армии, в два раза превосходящие по численности и мощи. Он использовал маленькие корабли, которые казались игрушечными по сравнению с вражескими. Его борьба была подобна возне ребенка со взрослы-

ми. Но он выигрывал. А с ним побеждали и мы.

— Я боюсь, — спокойно произнес Эндер, — но я пойду с вами.

— Повтори еще раз, — попросил полковник.

— Ведь только ради этого я был рожден, да? Если я не пойду, зачем я живу?

— Плохо, — сказал Графф.

— Мне совсем не хочется идти, — произнес Эндер, — но я пойду.

Графф кивнул.

— У тебя еще есть время изменить свое решение. До тех пор, пока не тронется моя машина, у тебя есть возможность передумать. Далее будет считаться, что ты по собственному желанию поступаешь в распоряжение Интернационального Флота. Понимаешь меня?

Эндер кивнул.

— Хорошо, давай поставим в известность семью.

Мать зарыдала в голос. Отец слабо пожал руку Эндера и нервно обнял. Питер тоже пожал руку и добавил: «Ты просто счастливчик, маленький тупой пожиратель будущего». Валентина поцеловала его, щедро измазав слезами.

Сборы не заняли много времени. Ему нечего было брать.

— Школа обеспечивает всем необходимым: от формы до школьных принадлежностей. А что касается игрушек — то там у тебя будет одна единственная игра.

— До свидания, — произнес Эндер на прощание. Он подошел к офицеру и взял его за руку, они вместе вышли на улицу.

— Убей за меня парочку баггеров, — крикнул Питер.

— Я люблю тебя, Эндрю, — глотая слезы, выкрикнула мать.

— Мы будем писать тебе, — добавил вслед отец.

Уже садясь в машину, спокойно ожидавшую их, он услышал мученический полурев, полукрик Валентины: «Вернись ко мне! Я всегда буду любить тебя!»

4. Запуск

— С помощью Эндера мы можем сломать и без того хрупкий баланс. Его следует изолировать, но до такой степени, чтобы он не растерял свое творчество, остался созидателем. Иначе он адаптирует под себя всю систему и мы потеряем его. В тоже время необходимо быть уверенными, что он сохраняет свои способности лидера.

— Если он заслужит звание, он сможет реализовать свои лидерские способности.

— Это не так просто. Мазер Рекхем всегда имел под руками свою маленькую флотилию и выигрывал. К тому времени, как началась война, он стал почти гением в своем деле. У него было много маленьких кораблей, слишком много. Он должен был обеспечить бесперебойную ровную, спокойную работу своих подчиненных.

— Прекрасно, у него тоже есть задатки гения, к тому же он славный парень.

— Только не славный. Именно славные и приятные отдадут нас на съедение баггерам со всеми потрохами.

— Значит, ты собираешься изолировать его.

— Я постараюсь отделить его от остальных мальчиков за то время, пока мы летим к Школе.

— Ну, не сомневаюсь в этом. Я буду ждать здесь. Кстати, я просмотрел видеозапись его расправы со Стилсоном. По-моему, ты нашел не такого уж непорочного чистого мальчика.

— А вот здесь ты глубоко заблуждаешься. Он даже чище и непорочнее, чем можно ожидать. Но не переживай. Мы все вычистим и освободимся от этого.

— Иногда мне кажется, что тебе доставляет удовольствие ломка подобных маленьких гениев.

— О, это целое искусство, и я изрядно преуспел в нем. Но наслаждаться? Хотя, возможно, да. Когда в будущем они заново собирают себя из разорванных мной кусочков, они, как правило, становятся еще лучше.

— Ты — чудовище.

— Спасибо за комплимент. Означает ли это надежду на повышение?

— Только медаль. Наш бюджет не резиновый.

* * *

Они сказали, что резкая потеря веса может вызвать дезориентацию, особенно у детей, хотя само чувство направления и пространства еще

не обеспечивает безопасности. Но Эндер ощутил дезориентацию еще до того, как ослабло земное притяжение. Задолго до того, как начался запуск шаттла.

С ним в полете было еще 19 мальчиков. Они дружно вывалились из автобуса и поспешили на эскалатор. Они болтали и шутили, хвастались и смеялись. Лишь Эндер хранил гробовое молчание. Он заметил, что Графф и другие офицеры наблюдают за ним. Анализируют его поведение. Все, что мы делаем, что-то означает для них, понял Эндер. Они смеются. А я не смеюсь.

Его забавляла идея попытаться быть похожим на остальных мальчишек, слиться с ними. Но он не мог вспомнить ни одной шутки, а чужие шутки казались ему совсем не смешными. Когда бы они не смеялись, Эндер не мог выдавить из себя даже улыбки. Он боялся, и страх делал его скованным и серьезным.

Они выдали ему форму, где все было на своих местах; казалось лишь забавным, что вокруг пояса не было ремня. Он чувствовал себя неуклюжим и мешковатым, и в то же время раздетым, будучи одетым подобным образом. Везде виднелись работающие кинокамеры, они, словно хищные зверьки, примостились на плечах крадущихся,

полусогнутых людей. Люди двигались мягко и плавно, как кошки, чтобы камера перемещалась как можно плавнее, без рывков. Эндер поймал себя на том, что он и сам так же ходит, стараясь не делать резких движений.

Он представил себя на экране телевизора дающим интервью перед отлетом. Комментатор спрашивает его: «Как вы себя чувствуете, мистер Виггин?» «О, все отлично, за исключением голода». «Голода?» «Да, они последний раз накормили нас за 12 часов перед запуском». «Как интересно, я и не подозревал об этом. Значит все вы очень голодны». И все время, на протяжении всего интервью, Эндер и парень с телевидения будут красться и плавно вышагивать перед оператором с камерой, делая длинные, скользящие шаги. Впервые Эндер почувствовал что-то наподобие смеха. Ему стало веселее. Он улыбнулся. Другие мальчики, стоящие рядом, в это время тоже рассмеялись, но, естественно, совсем по другой причине. Они думают, что я смеюсь их шутке, анализировал про себя Эндер. А я смеюсь над более забавными вещами.

— Поднимайтесь по одному по трапу, — скомандовал офицер, — когда войдете в отсек со свободными местами, занимайте только по од-

ному месту. И запомните, мест рядом с окнами вообще нет.

Это была, конечно, шутка. И другие мальчики весело захохотали.

Эндер был ближе к концу, но не самым последним. Камеры не последовали за ними. Интересно, Валентина сможет увидеть, как я исчезаю в шаттле? Он подумал, что неплохо помахать ей рукой на прощание, подбежать к камере и спросить: «Могу ли я сказать до свидания Валентине?» Он не подозревал, что строгая цензура все равно вырежет этот момент, ведь подразумевается, что мальчики, отобранные для Школы Баталий, хотят быть храбрыми героями. Они не должны предаваться слабостям духа и скучать о ком-либо. Эндер не знал о существовании цензуры, но он так же не знал о том, что подбегать к камерам — это плохой поступок.

По короткому соединительному мостику он попал на борт корабля. Он заметил, что по правой стене идет такая же ковровая дорожка, как и по полу. Так вот где должна начаться дезориентация. В тот же момент он стал думать о стене, как о поле, затем отчетливо представил, даже ощутил, как он идет по стене. Он поднялся по лестнице и увидел, что вертикальная поверхность сзади

устлана ковром. Я буду карабкаться по ней как по полу, перехват за перехватом, шаг за шагом.

А затем, уже ради смеха, он представил, как спускается вниз по отвесной стене. В своей голове он проделал все мгновенно, убеждая себя в явном отсутствии гравитации. Садясь, он почувствовал, как сидение крепко прижало к себе его тело, хотя нулевая гравитация должна была, наоборот, выталкивать его в воздух.

Другие мальчики занимали места, толкая и пихая друг друга, громко разговаривая. Эндер тщательно обследовал ремни, выясняя как они связаны друг с другом и приспособлены, чтобы удерживать его за плечи, грудь и талию. Он вообразил космический корабль, зависший над поверхностью Земли, гигантские пальцы гравитации крепко вцепились в него и не отпускали. Но мы все равно выскользнем, думал Эндер. Ой, кажется мы начинаем отрываться от поверхности планеты.

В то время он не придал этому значения. Лишь позднее он вспомнит, что еще до того, как покинуть Землю, он стал думать о ней, как о простой планете, такой же, как другие, окончательно разорвав связь с родиной.

— Ну, что, все в порядке, — произнес Графф. Он

стоял на лестнице.

— Летите с нами? — спросил Эндер.

— Обычно я не участвую в наборе новобранцев, — сказал Графф. — У меня другие обязанности. Школьный администратор. Что-то вроде директора. Однако приказы не обсуждают. Мне было сказано вернуться назад или распрощаться с работой, — он улыбнулся.

Эндер улыбнулся в ответ. С Граффом он чувствовал себя увереннее и спокойнее. Графф хороший. К тому же он директор Школы Баталий. Эндер слегка расслабился. У него там будет друг.

Другие мальчики тоже пристегнули ремни, как сделал Эндер. Через час на передней панели засветился телевизионный экран. Началась вводная лекция, знакомящая с космическими полетами, историей освоения космоса, в заключение было рассказано о перспективах развития космонавтики и будущих космических кораблей ИФ. Ужасно скучная тема, Эндер видел множество подобных фильмов раньше.

Исключение было лишь в том, что ему еще не приходилось смотреть их сидя в салоне шаттла, находящегося над поверхностью Земли.

Запуск оказался не таким уж страшным. Легкий испуг. Небольшой толчок и немного болтанки.

Короткая паника, что это может быть первый неудавшийся запуск в истории шаттла. Сидя пристегнутым к креслу и имея ограниченный набор движений, было невозможно определить, испытываешь ли ты перегрузки.

Затем все кончилось, он действительно повис, удерживаемый только ремнями. Тяготения больше не было.

Но, так как он уже давно переориентировал себя, он совсем не удивился, когда Графф поднялся по лестнице задом наперед, как если бы он спускался из шаттла. Не вызвало его беспокойства и то, что Графф зацепился ногами за ступеньку-перекладину и оттолкнулся руками, выпрямившись во весь рост, как будто в обычном самолете.

Переориентировка уже стала надоедать. Какой-то мальчик икнул и громко рыгнул; Эндер сразу понял, почему им запретили есть за двенадцать часов до запуска. Рвота при нулевой гравитации — отнюдь не смешно.

Но для Эндера игры Граффа с гравитацией показались очень смешными. И он мысленно продолжил их, вообразив, что Графф завис в центре отсека, а затем стал медленно продвигаться вперед, отталкиваясь от стен. Гравитация могла

проявлять себя по-разному. Но ему хотелось, чтобы все происходило именно так. Я могу заставить Граффа стоять на голове, а он даже не заметит этого.

— Что ты нашел смешного, Виггин?

Голос Граффа был сух и зол. Что я сделал не так, лихорадочно соображал Эндер. Я что, громко смеялся?

— Я задал тебе вопрос, солдат! — рявкнул Графф.

О, да, начинается муштра. Эндер уже видел несколько военных фильмов по телевизору. Там офицеры всегда в начале службы много и громко кричат на солдат, но затем становятся добрыми друзьями.

— Да, сэр, — ответил Эндер.

— Хорошо, ответь, что смешного!

— Я представил вас висящим вверх ногами, и мне показалось это смешным.

Все прозвучало очень глупо, взгляд Граффа стал еще холоднее и злобнее.

— Значит для тебя это показалось смешным, я правильно понял. Для кого еще это смешно?

Раздался шепот и невнятное бормотание «нет».

— А почему? — Графф презрительно оглядел мальчишек. — Тупицы, это называется лучшие

из лучших. Дураки, пробки. Только у одного из вас хватило ума сообразить, что при нулевой гравитации направление там, где вы его себе представите. Ты понял, Шафтс?

Мальчик послушно кивнул.

— Нет, ты ничего не понял. Конечно, вы все ничего не поняли. Вы не только глупы, вы еще трусливы и лживы. В этом наборе один паренек с мозгами, это Эндер Виггин. Посмотрите внимательно на него. Он собирается стать настоящим командиром, в то время как вам все еще нужны няньки и пеленки. Потому что он знает, как следует думать в полной невесомости, а вы только еще глупо озираетесь вокруг.

Это был не тот метод, каким он предполагал воспользоваться. Графф, наоборот, хотел дразнить и ругать его, а не выставлять на показ, как образец. Предполагалось, что с самого начала они окажутся противопоставленными друг другу, чтобы потом, позднее, стать друзьями.

— Многие из вас сейчас в затруднительном положении, многие замкнутся. Привыкайте малыши. Многие в будущем собираются закончить карьеру в Школе Комбатов, потому что им не хватит ума и таланта управлять космическими полетами и маневрами. Многие вообще не стоят

того, чтобы учиться в Школе Баталий, потому что вообще лишены всяких способностей. Некоторые окажутся хоть чем-то полезными человечеству. Но я не сделаю ставку на вас. Я могу сделать ставку лишь на одного.

Внезапно Графф сделал кувырок в воздухе в обратную сторону и схватился за лестницу руками. Затем, сделав стойку на руках, вытянул ноги вверх. Он стоял на руках, значит пол был внизу, но в то же время слегка переставлял ногами, будто пол был вверху, и он шел по нему. Переставляя одновременно руками и ногами, он опустился в салон и сел на место.

— Похоже нам придется по очереди повторить тоже самое, — прошептал мальчик, сидящий за ним.

Эндер покачал головой.

— Ты, что, даже не хочешь говорить со мной, — обиженно спросил мальчик.

— Я не просил его говорить подобный вздор, — прошептал Эндер.

Он почувствовал резкую боль от удара по голове. Затем еще раз. Кто-то хихикнул. Мальчишка сзади него должен был ослабить или отстегнуть ремни. Снова удар по голове. Отстань, отстань, молил про себя Эндер. Я ведь тебе ничего не

сделал.

Снова удар по голове. Снова смех. Разве Графф ничего не видит? Почему он не остановит их? Снова удар. Более сильный. Боль становится все ощутимее. Где же Графф?

Затем все стало на свои места, все стало ясно. Графф умышленно сам вызвал подобное поведение. Это было хуже любых оскорблений. Когда вокруг тебя образуется изоляция, то другие тянутся к тебе. Но когда тебя слишком явно предпочитает старший по возрасту, остальные начинают ненавидеть тебя.

— Эй, подлиза, — раздался шепот сзади. Он опять получил сильный щелчок по голове. — Тебе не нравится? Эй, супер-ум, а это смешно? — Еще один щелчок, такой резкий, что Эндер тихо вскрикнул от боли.

Если Графф невольно санкционировал это, то помощи ждать больше не от кого, он сам, себе должен помочь. Он подождал до тех пор, пока по его мнению должен последовать удар. Теперь, решил он. И верно, удар. Ему было больно, но Эндер приготовился перенести и следующий щелбан. Сейчас. И все четко, как раз в нужное время. Все, сейчас поймаю тебя, думал Эндер.

В тот момент, когда ожидался очередной удар,

Эндер протянул назад обе руки и схватил обидчика за запястье, а затем резко дернул за руку.

В условиях земного тяготения мальчик просто бы дернулся и подался вперед, ударившись о сиденье Эндера. Но в невесомости он выскользнул со своего места и подлетел к потолку. Эндер сам не ожидал подобного эффекта. Он не осознавал насколько нулевая гравитация может усилить детскую силу. Мальчишка проплыл по воздуху, стукнулся о потолок и отскочил назад, врезавшись в кресло одного из ребят, изменив направление тело пролетело через салон. Он отчаянно молотил ногами, наконец ему удалось изогнуться всем телом, но в тот же момент он со всей силой врезался в перегородку в отдел пилотов. Его левая нога странно изогнулась и высоко задралась.

Все заняло лишь секунды. Но Графф был уже на ногах и поймал паренька в воздухе. Он мягко опустил его и положил в кресло рядом с другими.

— Левая нога. Я думаю перелом, — сказал он спокойно. В считанные моменты мальчику дали лекарство, разложили в воздухе, другие офицеры стали накладывать шины на ногу.

Эндера охватила слабость. Он думал лишь схватить обидчика за руку и слегка наказать. Нет,

нет. Он совсем не собирался жестоко наказывать его, и не хотел бить и тянуть со всей силы. Он не предполагал, что все примет такой гласный публичный оборот, но мальчику было нанесено повреждение, какое он думал, что Эндер специально организовал ему ради мести. Невесомость подвела его, как предатель. Все. Я стал, как Питер. Я такой же. В этот момент Эндер ненавидел себя.

Графф стоял впереди, рядом с кабиной пилотов.

— Вы что, тугодумы? Пошевелите своими слипшимися мозгами, затвердите себе наконец один единственный факт. Вы здесь, чтобы быть солдатами. В своих школах, в своих бывших семьях возможно вы были на хорошем счету, возможно считались сообразительными, а возможно слыли просто хулиганами. Но мы отобрали лучших из лучших, и теперь вас окружают только самые одаренные, самые талантливые. И когда вам говорят, что Эндер Виггин самый лучший в этом запуске, нужно же понимать намеки, тупицы. А не устраивать с ним своры и разборы. И раньше в Школе Баталий случались детские смерти. Я все ясно объяснил? Понятно?

На протяжении всего полета в дальнейшем царило гробовое молчание. Мальчик, занявший

кресло за Эндером, остерегался даже лишний раз дохнуть в его сторону, не только ненароком задеть.

Я — не убийца, повторял себе Эндер снова и снова. И я — не Питер. Чтобы он там не болтал, я — не такой, как он. И никогда не стану таким. Нет и еще раз нет. Я лишь защищал себя. Я долго терпел, сохранял спокойствие и выдержку. Я совсем не такой, как он говорил.

Голос из репродуктора сообщил, что они приближаются к школе. Маневр по снижению скорости и заходу на посадку занял двадцать минут. Эндер тащился вслед за всеми. Они вряд ли будут протестовать, если он покинет шаттл самым последним. Графф ожидал в конце узкого перехода, ведущего из шаттла прямо в здание школы.

— Хороший был полет, Эндер? — приветливо обратился он к мальчику.

— Я думал, вы — мой друг, — несмотря на все усилия, голос Эндера дрожал и срывался.

Графф выглядел озадаченным.

— Что за нелепая идея, Эндер? Почему ты это так решил?

— Потому что вы — потому что вы по-честному, открыто говорили со мной. Сказали всю правду;

я знаю, что это не было обманом.

— Я вообще никогда не вру, ни при каких обстоятельствах, — сказал Графф, — но моя работа — не заводить новых друзей. Моя работа — воспитывать лучших солдат во всей вселенной. Нам нужен Наполеон. Александр. Кроме того, желательно избежать потерь Наполеона, и того, что Александр был очень вспыльчив и умер слишком молодым. Нам просто необходим Юлий Цезарь, но не нужно его откровенное диктаторство, приведшее к смерти. Моя работа — воспитать такую личность, чтобы она была нужна любому мужчине и женщине, чтобы всякий нуждался в его помощи и поддержке. И нигде и никто не может похвастаться, что я вожу дружбу с кем-то из детей.

— Вы заставили их ненавидеть меня.

— И что же? Что ты намерен делать? Рыдать в уголке? Или целовать им задницы, надеясь вновь обрести их любовь? Существует лишь одна вещь, способная в один момент положить конец ненависти. Это стать таким хорошим, сильным, короче самым-самым, чтобы они не могли пренебрегать тобой, а стали нуждаться в тебе. Я сказал им, что ты — лучший из них. И, по-моему, тебе лучше стать таким.

— А что, если я не смогу?

— Тем хуже для тебя. Мне жаль, Эндер, что ты одинок и напуган. Вокруг нас множество баггеров. Десять биллионов, сотни биллионов, миллионы биллионов. С огромным количеством космических кораблей, с оружием, о котором мы ничего не знаем. И с огромным желанием направить это оружие против нас и уничтожить всех разом. На карту поставлена вся вселенная, Эндер. Все мы. Все человечество. Пока дело касается Земли, нам необходимо расширять свое влияние и поддерживать порядок. Все это призвано обеспечить дальнейшую эволюцию и расцвет цивилизации. Человеческий род не может умереть. Как отдельный вид мы вовлечены в общий процесс выживания. Но делать это нужно единственным путем: каждое поколение должно стремиться к высотам, превосходить предыдущие, чтобы на каждой ступени рождались свои гении. Те, кто изобретает колеса. Свет. Полеты в космос. Те, кто строит города, сколачивает новые нации, целые империи. Ты понимаешь меня?

Эндеру показалось, что он понял, но он не был уверен и счел за лучшее промолчать.

— Нет, конечно же, нет. Ладно, объясню проще. Человек волен возражать, когда человечество

требует его себе на службу. Возможно сейчас человечеству понадобишься ты. Для какой-то определенной цели. Я думаю, что человечество нуждается и во мне — для того, чтобы выяснять вашу пригодность. Мы можем оба сделать весьма презренные вещи, Эндер, но если человечеству нужны для выживания именно они, мы будем для него хорошим рабочим инструментом.

— И это все? Только инструментом?

— Каждый отдельный человек лишь инструмент, который используется другими, чтобы обеспечить развитие всему человечеству.

— Это ложь.

— Нет. Возможно в этом лишь половина правды. Ты сам сможешь позаботиться об остальной части, когда мы выиграем эту войну.

— Но это будет задолго до того, как я вырасту, — сказал Эндер.

— Надеюсь, что ты ошибаешься, — произнес Графф, — кстати, ты отнюдь не помогаешь себе, ведя со мной задушевные беседы. Остальные ребята, без сомнения, уже решили, что Эндер Виггин за спиной у всех наушничает и ябедничает Граффу. А когда распространяется обвинение, что ты учительские уши, тебе приходится очень туго. Другими словами, пошел прочь, оставь меня

в покое.

— До свидания, — произнес Эндер.

Он уперся руками в стены перехода и направился в ту сторону, где уже скрылись остальные дети.

Графф молча смотрел ему в след.

Кто-то из учителей подошел и спросил его:

— Это и есть тот, единственный?

— Бог его знает, — ответил Графф. — Но если это не Эндер, тогда он все равно вскорости проявит себя с лучшей стороны.

— Возможно, здесь вообще таких нет, — заметил учитель.

— Возможно, но тогда Бог — это никто иной, как баггер. Можешь ссылать на это, как на цитату, Андерсон.

— Учту.

Они долго стояли в полном молчании.

— Андерсон.

— Да.

— Ребенок не прав. Я его настоящий друг.

— Я знаю.

— Он чист. Чист до последней клеточки сердца. Он очень хороший.

— Я читал отчеты.

— Андерсон, вдумайся, что мы собираемся с

ним сделать.

Андерсон ответил вызывающе.

— Мы собираемся сделать из него лучшего военного командующего в истории человечества.

— А затем взвалить на его плечи судьбу всего мира. Ради его же пользы, пусть окажется, что это не он. Я пошел.

— Будь веселей. Баггеры могут убить нас раньше, чем он окончит школу.

Графф улыбнулся.

— Ты прав. Сейчас мне уже значительно лучше.

5. Игры

— Примите мое восхищение. Перелом ноги — это мастерский удар.

— Все произошло случайно.

— Разве? Это то, что я рекомендовал в официальных рапортах.

— Это слишком сурово. Кроме того, это возведет того маленького тупицу в ранг героя. Это будет способствовать усилению дисциплины. Но я думаю, он мог обратиться за помощью.

— За помощью! А я думал, что уж действительно ценно в нем, так это то, что он сам справляется со своими проблемами. Когда он окажется в космосе, окруженный со всех сторон вражескими кораблями, то вряд ли он может рассчитывать на чью-то помощь.

— Кто мог предполагать, что этот маленький сосунок вылетит со своего места и так неудачно врежется в перегородку отсека?

— Еще один пример тупости армейской подготовки. Если бы у вас были мозги, вы бы сделали настоящую карьеру и предвидели все вперед.

— У вас образцовый ум.

— Мы только что лицом к лицу столкнулись с фактом, прямо говорящим, что мы — второй сорт. И судьба человечества в наших руках. Это дает очаровательное, прелестное чувство собственной силы, не правда ли? А особенно от мысли, что если сейчас мы и потеряем кого-нибудь, особой критики не будет.

— Я никогда не думал подобным образом. Но давайте обойдемся без потерь.

— Спокойно смотреть, как Эндер орудует руками. Если мы уже не потеряли его, если он не справится с положением, то нужно ждать следующего. Ну и кто следующий? Кто еще?

— Я постараюсь составить список.

— Лучше на досуге поразмыслите, как нам не упустить Эндера.

— Я говорил вам. Его изоляция не должна быть снята. Он не должен верить, что кто-то придет ему на помощь. Если хоть однажды у него возникнет мысль, что легко можно выскользнуть из любого положения, считай он — конченный человек.

— Ты прав. Будет ужасно, если он поверит, что у него есть друзья.

— Он может заиметь друзей. А вот родителей больше у него не будет.

* * *

Когда Эндер вошел, другие мальчики уже разобрали приглянувшиеся им койки. Эндер остановился в дверном проеме казарменной спальни и стал оглядываться в поисках свободной кровати. Потолок помещения был очень низким — Эндер мог легко достать до него, подпрыгнув и вытянув руку. Это была большая комната, высотой с крупного ребенка, внизу, почти на полу располагались койки. Изо всех углов за ним с любопытством наблюдали детские глаза. С определенной уверенностью можно было сказать, что нижняя койка справа от двери пустовала. На какой-то момент Эндеру показалось, что оставляя ему самое худшее место в спальне, ребята продолжили начатое третирование. Однако, здесь у него не было путей к отступлению и трудно было выделить виновного.

Поэтому он широко улыбнулся:

— Эй, большое спасибо, — он старался говорить без сарказма. Он придал словам простоту и душевность, как будто ему оставили лучшее место. — А я-то думал, мне придется долго просить нижнюю койку возле двери.

Он сел и посмотрел за интересный запираю-

щийся щиток в ногах кровати. На дверце щитка висела бумага.

> Приложи руку к сканеру,
> расположенному в головной
> части койки, и дважды
> произнеси свое имя.

Эндер отыскал сканер, им оказался листок светонепроницаемого пластика. Он положил на него левую руку и произнес «Эндер Виггин. Эндер Виггин». На мгновение сканер вспыхнул зеленым светом. Эндер закрыл щиток и снова попытался открыть его. Дверца не поддавалась. Тогда он вновь приложил ладонь к сканеру и произнес «Эндер Виггин». Дверка щитка открылась.

Аналогично открывались и три другие отсека. Один из них содержал три робы-костюма, наподобие тех, что был сейчас на нем, и еще один белый. В другом отделении находился компьютер, подобная компьютерной парте обычной школы. Значит, им не грозит пропуск уроков. Самый большой ящик содержал настоящий трофей. На первый взгляд это был космический костюм вместе со шлемом и перчатками. Но это было не совсем то. На нем не было воздухоизоляционного покрытия. Тем не менее, он мог целиком скры-

вать тело. Он был утеплен мягкой прокладкой. Наружная часть была покрыта твердой крепкой тканью.

Рядом с костюмом находился пистолет. Он походил на лазерный, хотя конец был запаян прозрачным стеклом. Однако, он был уверен, что детям вряд ли доверят смертоносное оружие.

— Не лазер, — раздался взрослый голос. Эндер поднял голову Этого человека он еще не видел. Молодой и добродушный человек. — Но он производит достаточно плотный пучок лучей, имеет хорошую фокусировку. Ты можешь прицелиться и произвести на стене световой кружок в три дюйма за сотни метров от себя.

— А зачем? — спросил Эндер.

— Для одной из игр во время отдыха и развлечений. Кто-нибудь еще открывал ящики?

Человек оглядел спальню.

— Я имею в виду, кто-нибудь еще выполнил указания и установил кодировку на голос и прикосновение руки? Вы не сможете открыть ящики, пока не сделаете это. Эта комната — отныне ваш дом в течение первого года обучения в Школе Баталий. Поэтому выберете себе место на весь период проживания. Обычно мы вначале проводим выборы старшего офицера и отводим ему ниж-

нюю полку возле двери, однако, по-видимому это место уже занято. Мы уже не можем перекодировать систему. Поэтому подумайте кого лучше избрать на эту должность. Ужин через семь минут. Следуйте светящимся линиям на полу. Ваш цветовой код — это красный, желтый, желтый — куда бы вы не пришли, везде будут три цветовые точки — красная, желтая, желтая. Следуйте этим индикаторам. Какой ваш цветовой код, парни?

— Красный, желтый, желтый.

— Отлично. Меня зовут Ден. Несколько месяцев я буду вашей мамой.

Ребята рассмеялись.

— Смейтесь сколько угодно, но зарубите себе на носу. Если вы заблудитесь и потеряетесь в школе, что очень даже возможно, то никогда не входите в открытые двери. Некоторые из них ведут прямо в открытый космос.

Снова звонкий смех.

— Вместо этого скажите кому-нибудь, что ваша мама — это Ден, и меня позовут. Или скажите ваш цветовой код и они высветят вам дорогу домой. Если возникнут проблемы, то обращайтесь прямо ко мне. Запомнили. Я — единственный человек, которому платят за нежное обращение с вами. Но не слишком мягкое. Если я услышу хоть одну

дерзость, я разобью ваши пухлые щеки. О'кей?

Ребята снова засмеялись. Ден приобрел целую комнату друзей. Перепуганных детей легко завоевать.

— Кто-нибудь может сказать, как найти выход?

Раздался целый хор ответов.

— Отлично, все верно. Но эта дорога ведет наружу. Корабль блестит и это создает ощущение, что он приближается. Поля как правило изгибаются полукругом в тех направлениях. Придерживайтесь подобных закруглений и поворотов и вы вернетесь туда, откуда пришли. Противоположное направление лучше не испытывать. Потому что вверху расположены учительские апартаменты, а в той стороне, вверху, спальни старших учеников. А старшие не любят, когда у них под ногами крутятся малыши. Вы можете потолкаться вокруг. Действительно, вы и будете толкаться. А когда столкнетесь с отпором, не ревите и не зовите меня на помощь. Здесь Школа Баталий, а не детсад с няньками.

— Тогда что же нам делать? — спросил мальчик. Это был маленький чернявый ребенок, занимающий верхнюю полку рядом с Эндером.

— Ну если не хотите толкаться вокруг, сами

найдите себе занятие. Но я предупреждаю вас — убийства здесь не приняты. Так же наказуемы и тяжкие телесные повреждения. Я знаю именно в вашем наборе оказался человек, чуть не убивший другого еще по дороге сюда. Сломанная нога. Если подобное произойдет еще раз, виновника заморозят живьем. Все ясно?

— Что значит заморозят живьем? — спросил мальчик. На его ноге был гипс и она была подвешена на специальном штативе.

— Заморозить. Выставить на холод. Отослать на Землю. Выгнать из Школы Баталий.

Никто даже не взглянул на Эндера.

— Итак, парни, если кто-нибудь из вас все еще желает быть возмутителем спокойствия, по крайней мере, делайте это с умом, договорились?

Ден вышел. Однако никто не пожелал смотреть в сторону Эндера.

Эндер ощутил холодок страха, поднимающийся из желудка. Парень, которому он сломал ногу — Эндеру не было жалко его. Он был как Стилсон. Подобно Стилсону он уже начал сколачивать свою банду. Маленькая группа детей, несколько подростков. Это они заговорщицки перешептывались и смеялись в дальнем углу комнаты, а потом каждый насмешливо оглядывал Эндера.

Сердце Эндера рвалось домой. Что общего они могут иметь с священной миссией спасения мира? У него больше не было монитора. И он снова оказался один против целой банды, только теперь они были замкнуты в одной комнате. Снова Питер, только без Валентины.

Чувство страха окрепло, так как во время ужина никто не сел рядом с ним. Другие мальчишки болтали о разных вещах — большое табло на одной стене, стол с едой, старшие ребята. Эндеру ничего не оставалось, как просто смотреть и наблюдать, оставаясь в полной изоляции.

Табло отражало командные места. Записи о победах и поражениях, последние пометки с очками. Некоторые старшие мальчики имели ставки на будущие игры. У двух команд, Мантикор и Асп, не было очков — их место мерцало. Эндер решил, что они играют прямо сейчас.

Он заметил, что старшие мальчики разбиты на две группы, соответственно этому они носили разные униформы. Некоторые, несмотря на разную форму, вместе болтали, но в общем каждая группа имела свою территорию. Новобранцы — свою группу. Две или три следующие по старшинству группы — все носили одинаковые просторные голубые униформы. Но совсем

большие дети; те, что были разбиты на команды, носили более яркую вычурную одежду. Скорпионов и Пауков было легко различить. Так же легко угадывались Пламя и Водопад.

К нему подошел крупный мальчик. Он не был особо старшим — но выглядел на 12–13 лет. У него уже появились признаки мужской растительности на лице.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответил Эндер.

— Меня зовут Мик.

— Эндер.

— Это что, имя?

— Меня так зовут с раннего детства. Так прозвала меня моя сестра.

— Не такое уж плохое имя для этих мест. Эндер. Завершитель. Ха.

— Надеюсь.

— Эндер, тебе отвели роль баггера в вашем наборе.

Эндер пожал плечами.

— Я заметил — ты глотаешь ужин в полном одиночестве. В каждом запуске находится такой отщепенец. Ребенок, которого все отвергают. Мне кажется, иногда учителя специально организуют подобные изоляции. Учителя здесь — не слишком

приятные люди. Ты еще убедишься в этом.

— Пожалуй.

— Значит ты — баггер?

— Значит, да.

— Ладно, не стоит расстраиваться.

Он отдал Эндеру свой сверток и взял его пудинг.

— Ешь питательные продукты и овощи. Это тебя закалит и сделает более выносливым.

Мик ковырнул ложкой пудинг.

— А как же ты? — спросил Эндер.

— Я? Нормально. Я сыт воздухом. Я почти всегда здесь, но никто не знает об этом.

Эндер натянуто улыбнулся.

— Да, смешно, но это не шутка. Я здесь почти никто. Теперь я становлюсь слишком крупным. Они собираются меня отправить в следующую школу, это будет очень скоро. Наверное, в Боевую Тактическую Школу. Понимаешь во мне нет задатков лидера, я никогда не был им. Только те парни, которые становятся лидерами, делают быструю карьеру.

— А как научиться быть лидером?

— Да разве я знаю; если бы знал, то бы был таким. Сколько парней моей комплекции ты здесь видишь?

Их было немного. Но Эндер постеснялся сказать.

— Всего несколько. Я не единственный наполовину законсервированный корм для баггеров. Нас здесь несколько. Остальные парни — они все командиры. Почти все парни из моего набора теперь имеют собственные команды и роты. Но не я.

Эндер кивнул.

— Слушай, малыш, это пойдет тебе на пользу. Заводи друзей. Будь лидером. Бейся головой и иди напролом, если считаешь нужным — и пусть другие презирают тебя. Ты понимаешь, о чем я?

Эндер снова кивнул.

— Сейчас ты еще ничего не знаешь. Вы новобранцы все одинаковы. Все ничего не знаете. Ваша память, как чистая бумага, там еще ничего нет. И если что-нибудь заденет вас за живое, вы рассыпаетесь на кусочки. Смотри внимательно, когда ты будешь кончать так же как и я, то вспомни, что тебя предупреждали. Это последнее доброе дело, которое кто-то сделал для тебя.

— Но почему ты все это мне говоришь? — спросил Эндер.

— Что ты такой любопытный? Молчи и ешь.

Эндер замолчал и начал есть. Ему не нравился

Мик. Он знал, что у него нет шансов, кончить так же, как он. Возможно учителя и спланировали для него все каверзы заранее, но у него не было намерения подчиняться их планам.

Я не буду баггером в своей группе. Я оставил Валентину, мать, отца совсем не за тем, чтобы быть замороженным здесь.

Как только вилка очутилась во рту, он вдруг почувствовал, что его окружила семья. Он знал, что можно оглянуться и увидеть, как мама всячески оберегает Валентину, чтобы та не закапала платье. Он знал, где сейчас отец. Он как обычно просматривает на столе последние известия. Питер старательно выковыривает из носа засохшие сопли, в такие моменты даже Питер казался забавным.

Было большой ошибкой думать и вспоминать о них. Он почувствовал комок, подкатившийся к горлу, но мужественно проглотил его. Туман поплыл перед глазами, он уже не мог видеть свою тарелку.

Он не мог заплакать, все равно никто не пожалеет. Ден — это не мать. А любое проявление слабости подскажет стилсонам и питерам, что ты сломался. Эндер принялся делать то, что всегда делал, когда Питер особенно досаждал и мучил

его. Он начал считать и удваивать цифры: 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64. Затем еще дальше, пока он мог удерживать цифры в голове: 128, 256, 512, 1024, 2048, 4096, 8192, 16 384, 32 768, 65 536, 131 072, 262 144. На 67 108 864 он начал сомневаться; нужно ли пропустить десятичный разряд. Будет ли это 10 миллионов, 100 миллионов или всего один миллион. Он попытался начать снова, но опять запнулся 1342 и что еще. 16? Или 17 738? Он не знал. Опять начал сначала. Просчитал до тех пор, пока знал числа. Боль прошла, слезы исчезли и плакать больше не было необходимости.

Ночью, когда погас свет, он слышал, как то тут, то там дети звали матерей, отцов, собак. Он тоже не смог сдержаться, его губы беззвучно произносили имя Валентины. Где-то издалека он даже слышал ее веселый смех. Ему показалось, что в дверь заглянула мать, чтобы лишний раз убедиться, что все нормально. Он отчетливо услышал смех отца, смотрящего веселую комедию по видео. Картины были такими ясными и отчетливыми, но этого больше никогда не повторится. Я буду уже взрослым, когда смогу вновь увидеть их. Самое меньшее мне будет 12 лет. Зачем я только согласился? Ну почему я такой дурак? Господи, пойти в школу — это такой пустяк.

Ну и что, ну буду видеть Стилсона каждый день. Ну еще Питер. Ведь специально напускал все на себя, теперь Эндер это знал и не боялся его.

— Я хочу домой, — прошептал он.

Но это был шепот иного рода, беззвучный крик души, которому он научился, пока Питер истязал его. Звук не разносился дальше его собственных ушей.

На глазах появились неожиданные слезинки, но его всхлипы были такими тихими, что ни одна пушинка не всколыхнулась на подушке. Он был спокоен, никто не услышит его. Но боль была тут как тут. Она тисками сжала горло, тяжелой ладонью легла на лицо, безжалостно сжигая все внутри. Его глаза предательски зачесались. Я хочу домой, кричала маленькая запуганная душа.

Бесшумно в комнату вошел Ден. Он медленно пошел между рядами спящих, кого гладя по голове, кому поправляя одеяло, кого просто держа за руку. От его прикосновений криков и плаксивых вздохов стало еще больше. Любое доброе прикосновение грозило разлиться целым морем слез. Нет, решил про себя Эндер. Когда Ден подошел к нему, он был спокоен, слезы высохли, так и не появившись. На его лице лежала маска спокойствия и непроницаемости. Он часто пользовался

ей перед родителями, когда Питер был особенно груб с ним, а он не хотел показывать своей обиды и унижения. Спасибо за хорошую школу, Питер. Сухие глаза и беззвучный плач. Ты научил меня прятать свои переживания. А теперь я нуждаюсь в этом больше, чем когда-либо.

* * *

Там была и учеба. Каждый день несколько часов школьных занятий. Чтение. Счет. История. Видеофильмы кровавых сражений в космосе, матросы, гибнущие и брызгающие распотрошенными внутренностями по стенам кораблей баггеров. Голограммы чисто технических маневров флота. Корабли, вспыхивающие как свечки и гибнущие в одно мгновение. Многим вещам приходилось учиться заново. Было много и совсем нового материала для освоения. Эндер трудился с большим напряжением и полной отдачей, как и все; все они впервые в своей жизни старались на совесть, ведь в классе собралось столько одаренных и талантливых детей и никто не хотел оказаться хуже другого.

Но были еще и игры — именно ради них они существовали. Играми было заполнено все время между прогулками и сном.

Ден привел их в комнату игр уже на второй день. Она располагалась выше учебных классов и жилых отсеков. Они карабкались туда по лестницам, даже гравитация там несколько ослабевала. Комната предстала перед ними сверкающей огнями пещерой.

Некоторые игры они знали, в некоторые они даже играли у себя дома. Там были легкие и трудные игры. Эндер быстро освоил двухмерные пространственные игры на видео и начал приглядываться к играм старших мальчиков. Они играли в голографические игры с парящими в воздухе объектами. Он был единственным новобранцем в этой части комнаты, и в принципе любой из старших мальчиков мог легко выпроводить его. Что ты здесь крутишься? Потерялся. Ну так лети назад. И, конечно, он легко мог улететь в условиях пониженной гравитации. От легкого пинка он мог долго бежать, едва касаясь ногами пола, пока не воткнется в кого-нибудь или во что-нибудь.

Всякий раз, однако, он обнаруживал себя, переходя с места на место, чтобы видеть игру с разных углов зрения. Он был слишком мал, чтобы сразу понять принципы игры. Но не придавал этому значения. Ему удалось уловить кое-какие момен-

ты по передвижению объектов в воздухе. Способ, каким игрок прокладывал в воздухе тоннели, тоннели из света. Вражеские корабли отыскивали эти тоннели и безжалостно уничтожали корабли игрока. Игрок мог ставить ловушки: мины, блуждающие бомбы, антенны, отлавливающие флот противника и сбивающие их с пути, уводя в бесконечность. Некоторые игроки были очень умны и вели интересные тактические игры, некоторые проигрывали почти сразу.

Эндеру эти игры понравились, особенно когда два мальчика играли друг против друга. Тогда они могли использовать тоннели и коридоры друг друга. В этом случае он уже легко определял победителя, который умело пользовался хитроумными маневрами и, как правило, проявлял больше сообразительности.

Через час простое наблюдение стало надоедать и изрядно утомило его. Эндер освоил принципы, понял правила компьютера; он решил, что тоже может выиграть, овладев управлением и обхитрив врага. Он уже сам догадывался, что лучше предпринять: штопор, если враг ведет себя так; антенны — в другом случае… Обман и ожидание вместе с ловушками. Например, расставить семь ловушек, а затем завлекать в них по очереди. Там

не было опознавательных сигналов и суть игры во многом определялась тем, что компьютер действовал быстрее, чем срабатывали человеческие рефлексы. Это не было смешным. Он хотел сыграть с другими мальчиками. С теми, которые так наловчились в игре друг против друга, что пытались соперничать с компьютером. Они уже больше думали, как машина, нежели просто люди.

«Я могу побить их тем же способом. Я могу побить их тем же способом».

— Я хочу сыграть с тобой партию, — обратился он к мальчику, который только что выиграл.

— Я что-то плохо вижу, что это? — спросил мальчик. — Это клоп или баггер?

— Мелкий представитель только что прибывших гномов, — пояснил другой парень.

— Он даже говорит. Ты подозревал, что они могут разговаривать?

— Я понял, — сказал Эндер, — что ты боишься сыграть со мной на пари: две из трех.

— Побить тебя, — язвительно проговорил мальчик, — проще, чем пописать в душе.

— Это будет даже не смешно, — добавил другой.

— Я — Эндер Виггин.

— Только послушайте; слушай ты, пустышка. Ты никто. Усек? Заруби себе на сопливом носу, ты — никто. Ты будешь пустым местом, пока не получишь первое боевое крещение, не убьешь хоть одного врага. Понял?

Жаргон старших мальчиков имел свой особый ритм. Эндер быстро освоил его.

— Ну если я никто, то почему ты боишься сыграть со мной на пари: две из трех?

Теперь другие мальчики стали проявлять нетерпение:

— Убей быстрее это ничтожество и продолжим дальше.

Эндер занял место на незнакомом пульте. Его руки были маленькими, но клавиатура была достаточно простой. Ему хватило маленькой тренировки, чтобы обнаружить нужные клавиши, управляющие объектами. Управление движением осуществлялось простым нажатием на клавиши с соответствующими стрелками. Его реакция сначала была очень медленной. Другой мальчик, чьего имени он до сих пор не знал, быстро начал одерживать верх. Но Эндер многому научился в ходе игры, и к концу ее играл почти виртуозно, однако, игра уже кончилась, и он проиграл.

— Удовлетворен, Новобранец?

— Две из трех.

— Мы не договаривались играть трижды.

— Ты победил, потому что я первый раз сел за игру.

Они начали игру снова, на этот раз Эндер ловко провернул несколько маневров, которых соперник еще не видел. Его стиль игры не вписывался в данные новшества. Эндер выиграл, но не столь легко.

Друзья соперника перестали шутить и смеяться. Третья игра прошла в полном молчании. Эндер выиграл блестяще, а главное — очень быстро.

Когда игра окончилась, один из старших мальчиков сказал:

— Ну теперь-то они точно заменят эту машину. На ней любой тупица может выиграть.

Ни слова одобрения или поздравления. Презрительное молчание, пока Эндер уходил.

Но он не ушел далеко. Он остановился поодаль и наблюдал, как следующие игроки пытались использовать приемы, которые он им показал. Любой тупица? Эндер ухмыльнулся про сея. Они меня еще вспомнят.

Он чувствовал себя прекрасно. Он выиграл и выиграл у старших мальчиков. Возможно это

были не самые блестящие юноши, но у него прошло чувство страха и паники. Оно больше не сковывало его, Школа Баталий не казалась чем-то сверхъестественным и недостижимым. Все что он сделал, это наблюдал за игрой. Но из этого он вывел правила, суть игры и даже преуспел.

Значит ожидание и наблюдения чего-то значат. Однако оставалось что-то, что еще приходилось молча сносить и терпеть. Мальчишка, которому он сломал ногу, жаждал мщения. Его имя Эндер выяснил очень быстро, его звали Бернард. Он выговаривал свое имя с французским акцентом. Считалось, что французский с его высокомерным сепаратизмом и сложностью усвоения возможно изучать не раньше, чем с четырех лет, когда языковые модели уже сформировались. Его произношение делало его экзотичным и привлекало внимание; а сломанная нога обеспечивала ему ореол мученика; его природный садизм, словно огонек, влек к нему тех, кто тоже любил причинять боль другим.

Эндер стал их главным врагом.

Начались маленькие гадости. Они пинали и сбрасывали его постель всякий раз, когда он выходил из комнаты. Переворачивали на него подносы с едой. Толкали его на лестницах. Эндер

быстро научился не оставлять ничего на глазах и все запирать в ящиках; у него выработалась хорошая реакция, он быстро вскакивал на ноги и не терял равновесия от толчков. «Неваляшка» — назвал его однажды Бернард, и это прозвище прочно приклеилось к нему.

Временами Эндер становился зол, он едва сдерживал гнев. Конечно, если бы не было Бернарда, зло и гнев оказались бы беспочвенными. Он был особым типом-мучителем. Но что бесило Эндера больше всего, так это с каким желанием ему помогали другие мальчики. Ведь все они знали, что в мести Бернарда не было справедливости. Они знали, что он ударил первым, а Эндер лишь ответил на насилие. Если они знают, то ведут себя как будто им ничего не известно, да даже если они ничего не знают, они могли бы все выяснить у Бернарда.

Кроме всего прочего, Эндер являлся не единственной мишенью. Бернард основал целое царство.

Эндер внимательно следил за перемещениями членов банды и видел как Бернард устанавливал иерархию. Некоторые мальчики были полезны ему и он льстил им самым возмутительным образом. Некоторые мальчики сами напрашивались

на роль слуг, делая все, что он не попросит, и при этом терпеливо сносили наказания и оскорбления.

Некоторых раздражало поведение и тиранство Бернарда.

Наблюдая, Эндер вычислил тех, кого возмущал Бернард. Шен был маленьким, честолюбивым и легко возбудимым. Бернард быстро обнаружил это и начал дразнить его Червяк.

— Потому что он карлик, — говорил он, — и потому что увиливает и изгибается. Посмотрите как он виляет задом и вытягивает голову, когда ходит.

Шен взрывался, но над ним еще больше смеялись.

— Посмотрите на его задницу. Гляньте, настоящий червяк!

Эндер ничего не говорил Шену, это было бы слишком явным, но он начал свою соревновательную партию. Он решительно взял компьютер и положил себе на колени. Затем стал как можно сосредоточенней смотреть на экран.

Но он и не думал изучать предметы. Он составил команду и послал ее в компьютер. Она должна была высвечивать через каждые 30 секунд мигающее сообщение. Сообщение было

адресовано всем сразу, оно было коротким и лаконичным. Самым трудным оказалось замаскировать, кто его послал, как это делали учителя. Обычно любому сообщению ученика автоматически добавлялось его собственное имя. Эндер еще не проник в преподавательскую систему защиты информации, поэтому не мог послать сообщение от имени учителя. Но он умел создавать файлы и каталоги от имени не существующих учеников. Он создал такой псевдокаталог, зарегистрировавшись по именем «Бог».

Когда послание было готово к отправке, он отыскал глазами Шена. Тот, как и все, наблюдал за Бернардом, который с дружками смеялся и шутил, высмеивая учителя математики. Бедняга-учитель имел манеру останавливаться и замолкать по середине фразы, оглядывая класс. Казалось, что он сошел с автобуса не на той остановке и непонимающе озирался, не в силах определить, где он находится.

Случайно Шен оглянулся и встретился глазами с Эндером. Эндер ему слегка кивнул и указал глазами на экран парты, затем улыбнулся. Шен растерялся. Тогда Эндер чуть приподнял край своего компьютера и указал на него пальцем. Шен потянулся к своему компьютеру. Только

тогда Эндер нажал пусковую клавишу и запустил послание. Шен увидел его тотчас. Прочитав его, он громко рассмеялся. Он оглянулся на Эндера, как бы спрашивая — твоя работа? Эндер беззаботно пожал плечами, всем видом показывая, что он здесь не при чем.

— Что смешного? — оживился Бернард. Эндер сделал серьезную мину. Он был уверен, что его лицо хранило серьезную озабоченность в тот момент, когда Бернард с любопытством оглядывал класс. Еще раз осмотрев лица и убедившись, что многие испытывают трепетный страх, Бернард посмотрел на Шена. Шен, не скрывая заливался смехом. Немного подумав, Бернард отдел распоряжение и кто-то из дружков принес компьютер. Они вместе прочитали сообщение:

> Спрячь задницу, за ней следит Бернард.
>
> ***Бог.***

Бернард покраснел от гнева.

— Кто сделал это! — закричал он.

— Бог, — со смехом ответил Шен.

— Клянусь адом, что не ты, — процедил со злобой Бернард, — это потребует слишком много мозгов, которых нет у червя.

Через пять минут сообщение Эндера погасло, спустя некоторое время на его экране появилось новое послание.

Я знаю, что это ты.

Бернард.

Эндер даже не взглянул на него. Он вел себя так, как будто не видел ответного сообщения. Бернард определенно надеялся, что он своим видом выдаст себя. Он не мог быть уверенным наверняка.

Конечно, даже если бы он знал, это не имело бы никакого значения. Бернарду и так было за что наказывать его, он постоянно стремился выбить из-под него царский трон. Лишь одну вещь он не мог вынести, когда другие смеются над ним. В этих случаях Бернард начинал суетиться, давая всем понять, что он босс. Следующим утром в душе Эндера сбили с ног. Один из дружков Бернарда держал его за ноги, другой поставил колено ему на живот. Эндер молча стал ждать дальнейших событий. Он наблюдал за войной, которая шла против него во всю. Вот и теперь он ничего не будет делать. Но в другой войне, войне на партах, он уже подготовил следующий удар. Когда он вернулся из душа, Бернард негодовал, швырял подушки и орал: «Заткнитесь! Я ничего не писал!»

Вокруг экрана каждой парты маршировала фраза:

Мне нравится твоя задница. Позволь мне поцеловать ее.

Бернард.

— Я не посылал сообщение, — вопил Бернард.

Крик уже длился долгое время и, наверное, успел долететь до учительских апартаментов. В дверях появился Ден.

— Что за шум? — спросил он, оглядывая спальню.

— Кто-то посылает сообщения, подписываясь моим именем, — мрачно пояснил Бернард.

— Какое еще сообщение?

— Это не имеет значения!

— Для меня имеет.

Ден взял ближайший компьютер, она принадлежала мальчику, занимающему верхнюю над Эндером койку. Ден прочитал его, косо усмехнулся и вернул компьютер.

— Очень интересно, — произнес он.

— Разве вы не собираетесь выяснять, кто это сделал? — потребовал Бернард.

— Я и так знаю, кто это сделал, — спокойно ответил Ден.

Конечно, думал Эндер. Его система очень примитивна, в нее легко влезть. Они уже выяснили, что это я.

— Так кто же? — заорал Бернард.

— Ты кричишь на меня, солдат? — мягко спросил Ден.

В тот же момент настроение в комнате изменилось. Ближайшие дружки Бернарда были в ярости. Остальные едва сдерживали радость. Однако слова Дена на всех нагнали уныние.

— Нет, сэр, — промямлил Бернард.

— Всем известно, что система автоматически проставляет имя отправителя.

— Я не писал этого! — опять заорал Бернард.

— Кричишь? — спросил Ден.

— Вчера кто-то послал сообщение под именем Бог, — сказал Бернард.

— Действительно? — произнес Ден. — Я что-то не припомню чтобы он зарегистрировался в нашей системе.

С этими слова он повернулся и вышел. В тот же миг комната взорвалась от смеха.

Все попытки Бернарда прекратить хохот не увенчались успехом — теперь с ним осталось лишь несколько приближенных, хотя и самых злобных. Эндер знал, что пока он будет зани-

мать позицию молчаливого наблюдателя, ему придется туго. До сих пор он задействовал лишь электронную систему. Но Бернард был сломлен, и все те ребята, которые имеют хоть что-то доброе, освободились от его влияния. Но самое лучшее, что все удалось сделать без увечий и травм. Уж лучше всегда пользоваться подобными мерами.

С этими мыслями он засел за очень серьезное дело — создание системы защиты для своего рабочего места. Так как встроенные охранные барьеры оказались абсолютно не пригодными. Если шестилетний мог легко преодолеть и обойти их, они были сделаны скорее для проформы, а не для обеспечения защиты и ограниченного доступа. Его ждет еще одна игра — та система, которую учителя придумали для них. Вот здесь уж он постарается.

— Как тебе удалось сделать это? — спросил его Шен за завтраком.

Эндер спокойно отнесся к тому, что кто-то из новобранцев впервые заговорил с ним во время еды.

— Что сделать? — переспросил Эндер.

— Послать сообщение под фиктивным именем? А также под именем Бернарда! Они прозвали его Задница! Хотя Наблюдатель за задницами и

сидит под носом у учителей, но они тоже знают, что он любитель разглядывать задницы.

— Бедный Бернард, — промямлил Эндер, — он такой чувствительный.

— Пошли, Эндер. Ты сломал систему защиты. Как тебе удалось?

Эндер покачал головой и улыбнулся.

— Спасибо за сверхоценку моих скромных возможностей. Но я тут не причем. Мне просто посчастливилось первым увидеть сообщение.

— Ладно, не хочешь говорить, понятно. Хотя это все равно здорово!

Некоторое время они молча ели.

— А я правда вытягиваю шею и голову, когда хожу?

— Да, — ответил Эндер, — но совсем немного. Тебе просто не нужно делать такие большие шаги.

Шен кивнул.

— Единственный человек, который это заметил, это Бернард.

— Он просто свинья, — бросил Шен.

Эндер пожал плечами.

— В целом свиньи не такие уж плохие.

Шен рассмеялся.

— Ты прав, я был несправедлив к свиньям.

Они снова засмеялись, теперь вместе. Через минуту к ним присоединились еще двое новобранцев. Изоляция Эндера кончилась. Война была в самом начале.

6. Напиток Гиганта

— В прошлом у нас были одни разочарования, они длятся уже долгие годы. Конечно, мы надеялись, что они вот-вот кончатся, но все оставалось по-прежнему. А что касается Эндера — все прекрасно, ему светит быть замороженным еще в первые шесть месяцев.

— Что?

— А вы что, не видите, что он делает? Он зациклился на интеллектуальной игре «Напиток Гиганта». Мальчик что, склонен к самоубийству? Кажется вы уже упоминали об этом.

— Но все увлекаются Гигантом.

— Но Эндер вообще не отрывается от него. Как маньяк.

— Каждый когда-нибудь ведет себя подобно маньяку. Он может оказаться единственным, который убьет себя. Но не думаю, что это будет иметь что-нибудь общее с Гигантом.

— Ну прямо стало легче дышать. Полюбуйтесь еще, что он сделал со своей группой новобранцев.

— Но вы знаете, в этом нет его вины.

— Меня это мало волнует. Его вина или нет. Он

испортил всю группу. Предполагалось, что они будут связаны, образуют свою иерархию, а он проложил между ними многомильную пропасть.

— В любом случае я не планировал оставлять его здесь надолго.

— Тогда перепланируй все заново. Этот набор какой-то больной, а он представляет источник заразы. Он останется, пока весь набор не будет вылечен.

— Я был источником заразы. Я изолировал его, а теперь мы пожинаем плоды.

— Дай ему время. Ты увидишь, что это еще цветочки.

— У нас нет времени.

— У нас нет времени тащить ребенка к лидерству, особенно того, у которого есть все задатки, чтобы также легко превратиться в чудовище, как и в военного гения.

— Это приказ?

— Ладно, отчеты уже пришли, мы всегда все отсылаем во время, ваша глупость надежно сокрыта, так что убирайтесь к черту.

— Если это приказ, то я…

— Это приказ. Оставить все так как есть, посмотрим как он справится со своей группой. Графф, вы обеспечите мне язву.

— У вас не будет язв, если вы возложите на меня школу, а сами займетесь только флотом.

— Флот ищет хорошего командующего. Поэтому там не о чем заботиться, пока вы мне не рекомендуете подходящую кандидатуру.

* * *

Они неуклюже вошли в комнату баталий. Они шли гуськом друг за другом, как дети, идущие в первый раз в бассейн. Из руки крепко цеплялись за веревочный канат, прикрепленный с одной стороны. Невесомость пугала своей необычностью и дезориентацией; вскоре они выяснили, что гораздо лучше вообще не пользоваться ногами.

Плохо было то, что костюмы очень ограничивали движения. Особенно тяжело давались мелкие точные движения, потому что костюм плохо гнулся, сопротивлялся гораздо больше, чем та одежда, которую им доводилось носить раньше.

Эндер крепче взялся за поручень и согнул колени. Он заметил, что вместе с замедленностью костюм еще усиливает движение. Было трудно только начать движение, далее брючины костюма как бы сами поддерживали и углубляли движение, хотя сами мускулы ног уже рассла-

бились. Можно было дать начальный силовой толчок и костюм усилит этот толчок в два раза. Возможно это будет неуклюже и некрасиво, но я попробую.

Удерживаясь за поручень, он сильно оттолкнулся ногами.

Он выстрелил вверх, его ноги оказались выше головы. Сделав кувырок в воздухе, он врезался спиной в стену. Но тут же рикошетом отскочил от нее. Рикошетный удар оказался сильнее, чем он ожидал, ему показалось, что его руки вот-вот оторвутся, оставив кисти на поручне. От боли он разжал пальцы. Его освободившееся тело вырвалось на простор, он полетел вдоль комнаты, перекувыркиваясь и изгибаясь.

Почувствовав себя крайне отвратительно, он попытался сориентировать тело по вертикальной оси, его тело само стало искать нужный баланс и хоть чуточку тяготения, которого нигде не было. Затем сфокусировал себя на изменении угла зрения. Он снова врезался в стену. Его повлекло вниз. В тот же момент он начал контролировать свои движения. Он больше не летел, он падал. Все очень походило на ныряние. Теперь он мог выбрать, каким способом столкнуться с поверхностью.

Я слишком быстро двигаюсь, чтобы схватиться за что-нибудь и остановиться. Но я могу смягчить удар, я могу лететь под углом, если удастся развернуться, то я врежусь не с такой силой и могу использовать ноги…

Все произошло не так как он спланировал. Он стал двигаться под углом, но не под тем, каким хотел. У него не было времени даже оценить ситуацию. Он столкнулся со стеной, теперь слишком быстро, чтобы подготовиться к удару. Чисто случайно он обнаружил способ использовать ноги для изменения угла отскока. Он снова летел через комнату, на этот раз в направлении группы мальчиков, прилипших к стене. Но теперь он смог достаточно замедлить свой полет, чтобы успеть схватиться за поручень. Он завис под немыслимым, сумасшедшим углом по отношению к другим мальчикам, но тут у него изменилась ориентация, ему показалось, что все лежат на полу, а не держатся за поручень у стены, а он стоит вверх ногами там, где только что были они.

— Ты что делаешь, испытываешь новый способ самоубийства? — спросил Шен.

— Испытываю костюм, — ответил Эндер. — Костюм защищает от ушибов и ты можешь управлять движениями с помощью ног, так же

как я.

Он попытался изобразить движения.

Шен отрицательно затряс головой — ему совсем не хотелось проделывать глупые трюки. Кто-то из мальчиков взмыл в воздух, но не так стремительно, как Эндер, так как он не прыгал. Эндер даже не посмотрел в его сторону, он знал, что это Бернард. Следом за ним вылетел лучший друг, Элай.

Эндер наблюдал, как они пересекли громадную комнату. Бернард пытался сориентировать себя в ту сторону, где по его мнению был пол. Элай сгруппировался и приготовился к столкновению со стеной. Ничего удивительного, что Бернард сломал ногу еще в шаттле, подумал Эндер. Он напрягался и цепенел, когда летел. По всему было видно, что он паниковал. Эндер решил запомнить это на будущее.

И еще один битик информации. Элай не стал двигаться в том же направлении, что и Бернард. Он нацелился в самый угол комнаты. Во время полета их пути еще больше разошлись. Там, где Бернард неуклюже выгнувшись, врезался в стену и рикошетом отскочил от нее. Элай лишь вскользь коснулся стены, встретив столкновение на трех опорах. Этим он погасил максимум скоро-

сти и начал обратное движение под удивительно точным углом. Приземляясь он гикнул и издал победный вопль, зная, что все наблюдают за ним. Некоторые мальчики, от восторга забыв, что они в невесомости, бросились к Элаю, пожать руку. Теперь они беспорядочно парили в воздухе, лихорадочно размахивая руками и ногами, пытаясь придать полету некое подобие плавания.

Отлично, еще проблема, думал Эндер. Что если остановиться во время дрейфа? Ведь там невозможно получить толчок.

Он попробовал заставить себя просто парить и попытаться методом проб и ошибок научиться управлять движениями в свободном дрейфе. Но он видел других мальчиков, их бесполезные попытки подчинить себе полет, это путало его мысли, отвлекало от главной проблемы. Наконец, он решил оставить все на потом.

Удерживаясь одной рукой за пол, он забавлялся игрушечным пистолетом, который был прикреплен спереди, чуть ниже плеча. Он вспомнил, что военные иногда используют ручные гранаты, когда идут в лобовую атаку на вражеские станции. Он достал пистолет и стал внимательно рассматривать его. Он уже нажимал все кнопки под одеялом, но ничего не происходило, не было

никакого эффекта. Возможно здесь, в комнате баталий, он будет действовать. На пистолете не было инструкций, не было и других обозначений. Он знал, где спусковой курок, — с детства мальчишки играют игрушечным оружием. Две кнопки располагались так, что он мог легко нажать их большим пальцем. Остальные располагались на самом конце рукоятки, и казались абсолютно недосягаемыми без использования обеих рук. Очевидно, две кнопки около большого пальца означали, что их можно использовать в любой момент.

Он прицелился в пол и нажал курок. Он почувствовал, что пистолет немного нагрелся; когда он отпустил курок, тот тотчас остыл. В тот же момент на полу, куда он прицелился, появился маленький кружок света.

Он нажал большим пальцем красную кнопку в верхней части ствола и снова нажатием отвел курок. Эффект был тот же самый.

Затем нажал белую кнопку. Это произвело ослепительную вспышку света, которая охватила большую область, но свет был не столь интенсивен. Оружие было совсем холодным, пока кнопка оставалась нажатой.

Красная кнопка делала оружие типа лазерного

— но это не было лазером, так объяснял Ден — а белая — типа фонаря. Вряд ли от них могла быть какая-то польза в бою.

Значит все зависит от того, как оттолкнуться, и от того направления, которое ты принимаешь при старте. Это значит мы должны научиться хорошо управлять нашими запусками и отскоками, иначе придется болтаться в воздухе. Эндер оглядел комнату. Несколько мальчиков плавали вдоль стены, пытаясь схватиться за поручень. Большинство после тщетных попыток врезались друг в друга и дружно смеялись; некоторые, взявшись за руки, выписывали в воздухе круги. Лишь единицы, подобно Эндеру, спокойно стояли у стен и наблюдали.

Один из наблюдавших был Элай. Он стоял возле противоположной стены, недалеко от Эндера. Повинуясь какому-то импульсу, Эндер оттолкнулся и стал быстро двигаться по направлению к Элаю. Уже в воздухе он задумался над тем, что скажет ему. Ведь Элай был другом Бернарда. Что мог сказать ему Эндер?

Но что-либо менять было уже поздно. Он смотрел прямо перед собой и упражнялся в управлении дрейфующим полетом, производя едва заметные движения руками и ногами. Слишком

поздно он понял, что нацелился предельно точно. Он уже не мог приземлиться возле Элая, он мог только врезаться в него.

— Держись за мою руку! — позвал Элай.

Эндер протянул руку. Элай схватил ее и помог ему сделать относительно мягкую посадку возле стены.

— Отлично, — сказал Эндер, — нам следует еще потренироваться в этом.

— Я тоже думал об этом, только все вертятся, словно сбивают масло, — сказал Элай. — Что произойдет, если стартовать вместе, мы сможем отталкиваться друг от друга в противоположных направлениях.

— Здорово.

— Попробуем?

Это было признание, что отныне между ними мир и нормальные отношения. Означает ли это, что отныне они могут работать вместе? Вместо ответа Эндер взял Элая за руку и приготовился к прыжку.

— Готов? — сказал Элай. — Старт.

Так как они оттолкнулись с разной силой, они начали кувыркаться друг через друга. Эндер проделал несколько едва заметных движений руками, затем качнул ногой. Они замедлили

движение. Он проделал все еще раз, и они прекратили вращение. Теперь они медленно парили в воздухе.

— Пригни голову, Эндер, — сказал Элай. Это была шутка.

— Давай оттолкнемся, пока мы не врезались в ту балку.

— Хорошо, и приземлимся в том углу, — произнес Эндер. Сейчас он больше всего боялся, что Элай передумает и хрупкий мостик с враждебным лагерем рухнет.

Затем медленно, последовательно они продолжили дрейф, пока не приняли вертикальное положение и не очутились лицом к лицу, руки к рукам, колени к коленям.

— А интересно мы врежемся друг в друга с хрустом или нет? — спросил Элай.

— Не знаю, не пробовал, — ответил Эндер.

Они оттолкнулись. Эндер пришел в движение с большей скоростью, чем ожидал. Он врезался в пару мальчишек, стоящих возле стены, чего он тоже не планировал. Ему понадобились секунды, чтобы сориентироваться и отыскать тот угол, где они договорились встретиться с Элаем. Он увидел, что Элай нацеленно движется в том направлении. Эндер скорректировал новый курс,

включив два дополнительных отскока от стен, чтобы избежать случайного столкновения со старшими ребятами.

Когда Эндер достиг желаемого угла, Элай уже зацепился двумя руками за веревочную перекладину и притворялся спящим.

— Ты выиграл.

— Я хочу посмотреть коллекцию твоих выигрышей, — сказал Элай.

— Я запер ее в своем сейфе. Разве ты не заметил?

— А я думал, что ты там прячешь чужие носки.

— Мы больше не носим носки.

— О, конечно.

Они тут же вспомнили, что находятся слишком далеко от дома. И рассмеялись, вспомнив смешные моменты обучения навигации.

Эндер достал пистолет и продемонстрировал то, что ему удалось выяснить о двух кнопках.

— А что происходит, если прицелиться в человека?

— Я не знаю.

— А почему бы нам не попробовать?

Эндер покачал головой.

— Можно причинить боль. У меня и так слишком много подвигов.

— Я имел в виду, что мы можем испробовать сами на себе. Например, выстрелить в ноги. Я ведь не Бернард. И не мучаю кошек ради шутки.

— О…

— Это вряд ли опасно, иначе они бы не доверили оружие детям.

— Теперь мы — солдаты.

— Выстрели мне по ногам.

— Нет, лучше ты мне…

— Хорошо, давай выстрелим друг другу.

Они выстрелили одновременно. Тотчас Эндер почувствовал, что брючины костюма стали еще более жесткими и это окостенение нарастало, постепенно это сделало недвижимыми колени, но остановилось на середине бедер.

— Ты замерз?

— Окоченел, как доска.

— Давай еще поморозим кого-нибудь, — предложил Элай. — Начнем нашу первую войну. Мы против них.

Они заговорщицки хихикнули. Подумав, Эндер сказал:

— Лучше пригласим Бернарда.

Бровь Элая удивленно взметнулась вверх.

— Кого?

— И Шена.

— Эту маленькую косоглазую задницу?

Эндер решил, что Элай шутит.

— Ну не все же нам быть ниггерами?

Элай хихикнул.

— Мой дедушка тебя бы убил за такие слова.

— Мой дедушка пришил бы твоего первым.

— Ладно, пошли за Бернардом и Шеном и заморозим этих баггеров.

Через 20 минут все в комнате оказались неподвижными и замороженными, кроме Эндера, Бернарда, Элая и Шена. Они вчетвером победно вопили и хохотали до слез, пока не вошел Ден.

— Понятно, вы поняли, как пользоваться обмундированием, — спокойно произнес он. Затем он что-то набрал на пульте управления, который держал в руках. Все начали медленно подплывать с стене, где он стоял. Он обошел замороженных мальчишек, дотрагиваясь до костюмов и вызывая их оттаивание. Сразу возник шум и жалобный ропот, что совсем нечестно со стороны Бернарда и Элая стрелять в них, когда они совершенно не ожидали и не были готовы.

— А почему вы не были готовы? — сурово спросил Ден. — На вас были эти костюмы столь же долго, как и на них. А вы ничему не научились, кроме пустого болтания в воздухе, подобно пья-

ным уткам. Прекратите стонать и начнем.

Эндер обратил внимание, что лидерство в сражении было приписано Элаю и Бернарду. Отлично, это уже интересно. Бернард знал, что Эндер и Элай вместе выяснили, как действует оружие. Кроме того, Эндер и Элай стали друзьями. Бернард, наверное, решил, что Эндер присоединился к их группировке, но это было не так. Эндер вступил в новую группу. Группу Элая, в нее же, не подозревая того, вступил и Бернард.

Это не было очевидно и ясно всем; Бернард, как и прежде бушевал, сыпал угрозами и оскорблениями. Но отныне Элай свободно ходил по комнате и мог шутками усмирять кипящего от гнева друга. А когда пришла пора выбирать лидера их набора, то кандидатура Элая не казалась уже враждебной, а, наоборот, была поддержана большинством. Бернард дулся и злился несколько дней, затем смирился. Все новобранцы гладко вписались в новую модель группы. Теперь их набор не делился на группировку Бернарда и отверженных Эндера. Элай стал мостом между ними.

Эндер сидел на кровати с компьютером на коленях. Было время самообучения, и он занимался Свободной Игрой. Это была многофазовая,

сумасбродная игра, где школьный компьютер привносил все новые вещи, выстраивая замысловатый лабиринт непознанного перед играющим. Игра позволяла прокручивать назад события и еще раз повторять то, что особо понравилось; но если игрок слишком долго размышлял, знакомая ситуация исчезала и на ее месте возникали новые образы.

Иногда случались очень смешные вещи, иногда душещипательные и приходилось действовать очень быстро, чтобы уцелеть. Он уже много раз погибал, но игра есть игра, там всегда приходится переживать множество смертей, прежде чем тебе наконец повезет.

Игрок изображался на экране, как фигурка маленького мальчика. Иногда она превращалась в какого-нибудь зверя. Сейчас он предстал большой мышью с длинными мягкими лапками. Фигурка уже преодолела множество препятствий, довольно долго играла с кошкой, но ему уже это наскучило — все препятствия казались легко преодолимыми, кроме того он успел изучить почти все возможные ловушки и знал, что его ждет в будущем.

В этот раз не пойду через мышиную нору, приказал он себе. Хватит, я уже устал от Гиганта.

Это бессмысленная игра, и я никогда не смогу выиграть. Все чтобы я не выбирал, оказывается ошибочным.

Но он уже нырнул в нору и по маленькому узкому мосточку перебрался в сад. Ему удалось избежать злых уток и пикирующих вампиров — он устал убегать и обманывать их, тем более, что все оказывалось крайне просто. Если он заигрывался с утками чуть дольше, то он превращался в рыбу, что ему совсем не нравилось. Состояние рыбы напоминало состояние заморозки в комнате баталий. Когда тело костенеет, становится жестким и все мысли направлены лишь на ожидание конца практики и Дена, который помогает оттаять. Поэтому вскоре, как обычно, он обнаружил себя разгуливающим среди невысоких гор.

Начались оползни. Сначала он все время попадал в камнепад и погибал под массами горных пород. Теперь навыки бега по склонам вошли в привычку и надежно закрепились. Он научился удирать под таким углом, чтобы избежать гибели от каменных глыб, или прятаться в надежных укрытиях.

Наконец, оползни прекратились, превратив весь ландшафт в беспорядочное нагромождение глыб. Перед ним возник высокий холм, который

через мгновение обернулся караваем белого хлеба, пористым и пышущим жаром, его поверхность упруго пружинила под ногами. Ходить по нему было трудно и его передвижения замедлились. Когда он спрыгнул с каравая, он оказался стоящим по середине стола. Перед ним возвышалась хлебная громада, рядом лежал огромный кусок масла. Пальцы Гиганта схватили его за подбородок и развернули. Фигура Эндера была величиной не больше расстояния от бровей до подбородка Гиганта.

— Мне кажется тебе пора откусить голову, — рявкнул Гигант.

Он всегда приветствовал игроков подобной фразой.

В этот раз вместо того, чтобы убегать или оставаться на месте, Эндер подошел к Гиганту и пнул его в подбородок.

Гигант высунул язык и Эндер оказался на земле.

— Как насчет игры в отгадки? — спросил Гигант громовым голосом. Ответ не имел особого значения — Гигант играл только в игру в отгадки. Глупый компьютер. Миллионы комбинаций в памяти, а Гигант играет в единственную тупую игру.

Гигант как обычно достал два огромных коротких стакана, высотою примерно до колен Эндера, и поставил их перед ним. Оба были наполнены разными жидкостями. Вот в чем компьютер действительно преуспел, так это в том, что напитки никогда не повторялись. Сейчас в одном из стаканов находилась кремообразная вязкая жидкость, в другом — пенистый шипучий напиток.

— Один отравлен, другой нет, — раздался голос Гиганта, — если угадаешь, я покажу тебе Страну Чудес.

Угадывание сводилось к опусканию головы в один из стаканов. Он никогда еще не отгадывал верно. Иногда его голова растворялась, иногда вспыхивала огнем. Иногда он падал в стакан и тонул. Иногда он становился зеленым и сгнивал заживо. Всегда происходила какая-нибудь ужасная мерзость, и Гигант всегда хохотал.

Эндер знал, чтобы он не выбрал, он непременно умрет. Игра была обречена. После первой смерти его фигурка вновь появлялась на столе. После второй она оказывалась в горах, после третьей — на мосту в сад, далее — в мышиной норе, а если игрок не унимался и снова начинал игру, опять умирал, экран компьютера темнел и появлялось сообщение: «Конец Свободный Игры». Тогда Энде-

ру ничего не оставалось, как ложиться на спину и ждать, пока сон не свалит его. Игра была обречена. Но тем не менее Гигант говорил о Стране Чудес, о глупой Стране Чудес трехлетних детей с Неизменной Матушкой Гусыней или Колобком или Петрушкой, и Эндеру не терпелось найти способ победить Гиганта и попасть в заветную страну.

Он выпил кремообразный состав. Почти тут же он взлетел в воздух и стал надуваться, как резиновый шарик. Гигант засмеялся. Он снова умер.

Он начал новую партию, на этот раз жидкость приклеила его голову, подобно клею, и держала, пока Гигант не съел его с руками и ногами.

Он возник среди гор и решил больше не играть. Он даже позволил камнепаду накрыть себя с головой. Но он ощутил только тяжесть и холод, и со следующей жизнью благополучно миновал горы, которые в итоге превратились в хлеб, оказался на столе Гиганта, где его уже ожидали два стакана.

Он молча уставился на две жидкости. Одна пенилась и шипела, в другой плавало что-то наподобие водорослей. Он попытался отгадать, какой вид смерти они таят в себе. Возможно из той, что с водорослями, выплывет огромная рыба и сожрет меня. А шипящая запенится еще больше

и удушит меня. Я ненавижу эту игру. Она нечестная, глупая, вздорная.

Вместо того, чтобы окунать лицо в одну из жидкостей, он опрокинул один стакан, затем другой, потом уклонился от огромных рук Гиганта, протянувшихся к нему.

— Жулик! Обманщик! — вопил Гигант. Но Эндеру удалось запрыгнуть прямо на лицо Гиганта, он ловко перебрался через губы, взобрался по носу и начал втискиваться в глаз. Оболочки глаза поддались, подобно сливочному сырку. Гигант заорал, но фигурка Эндера упорно втиралась и буравила глаз, углубляясь и разрывая ткани.

Наконец Гигант упал на спину. Почти тут же сменились декорации. Когда же Гигант, дернувшись, растянулся на земле, вокруг появились сказочные, кружевные заросли деревьев. Подлетела летучая мышь и уселась на носу мертвого Гиганта. Эндер вытащил свою экранную копию из глаза.

— Как тебе это удалось сделать? — спросила летучая мышь. — Ведь это еще никому не удавалось.

Конечно же, Эндер не мог ответить. Поэтому он молча выполз, зачерпнул полную пригоршню глазного вещества Гиганта и предложил летучей

мыши.

Мышь взяла презент и взлетела, огласив окрестности визгливым воплем:

— Добро пожаловать в Страну Чудес!

Ему удалось осуществить задуманное. Он мог обследовать новые ситуации. Ему следовало спрыгнуть с лица мертвого Гиганта и воочию увидеть то, к чему он так стремился.

Вместо этого он отключился, спрятал в шкафчике и запер компьютер, снял одежду и укрылся одеялом. Он не предполагал убивать Гиганта. Он предполагал, что добьется настоящей игры, а не выбора между ужасом собственной смерти и кошмарным убийством. Я — убийца, убийца даже во время игры. Питер гордился бы мной.

7. Саламандра

— Ну разве не прекрасно узнать, что Эндер смог осуществить невозможное?

— Смерть Игрока всегда болезненно переживается. Я всегда знал, что Напиток Гиганта — наиболее извращенная из всех интеллектуальных игр, но проникнуть в глаз подобным образом? — и это тот, которого мы прочили на командующего флотом?

— Все дело в том, что он выиграл игру, в которую принципиально невозможно выиграть.

— Я полагаю теперь его можно перевести.

— Мы ведь ждали, как он разрешит ситуацию с Бернардом. Он справился блестяще.

— Значит как только он справляется с одной проблемной ситуацией, вы переводите его туда, где он снова сталкивается с неразрешимой проблемой. Он что, не имеет права на отдых?

— Ну у него еще есть в запасе месяца два, может быть три, которые он пробудет в своем наборе. А это очень длинный период для детской жизни.

— А тебе никогда не казалось, что эти мальчики уже давно не дети? Посмотри, как они себя

ведут, как говорят, ведь они совсем не выглядят детьми.

— Они блестящие, самые одаренные дети вселенной, и каждый в своем роде.

— Но разве они ведут себя как дети? Их нельзя назвать нормальными детьми. Они ведут себя и действуют исторически, это сама история, как Наполеон или Цезарь.

— Мы пытаемся спасти мир, а не лить живительный бальзам на раненные сердца. Ты слишком жалостливый.

— Генерал Леви лишен жалости к кому-либо. Все видеозаписи свидетельствуют в пользу этого. Но не обижай напрасно этого ребенка.

— Ты шутишь?

— Я имел в виду не обижай больше того, что уже сделано.

* * *

Во время обеда Элай сел напротив Эндера.

— Я наконец выяснил, как ты послал то сообщение. Ну с именем Бернарда.

— Я? — изумленно спросил Эндер.

— Придуриваешься, что ли, кто еще? Определенно не Бернард. И Шен тоже не слишком увлечен компьютером. И я точно знаю, что это не

я. Кто еще? Ладно, не важно. Я понял как ты создал каталог с именем Бернард — пустое пространство, Б-Е-Р-Н-А-Р-Д-пробел. Таким образом компьютер не отбрасывает и не отвергает, как повторение того имени, которое уже есть в системе.

— Звучит так, как будто может сработать, — согласился Эндер.

— Да, да. Все работает. Но ты сумел это сделать еще в первый день.

— Или кто-нибудь еще. Возможно Ден, чтобы хоть чуть-чуть подавить влияние Бернарда.

— Я обнаружил еще кое-что. Я не могу проделать эту процедуру с твоим именем.

— Да?

— Везде, где я пытаюсь создать хоть что-нибудь с именем Эндер, ничего не получается. Система сбрасывает все попытки. Я так же не смог прочитать информацию в твоих файлах. Ты создал собственную систему защиты?

— Все может быть.

Элай удовлетворенно хмыкнул.

— Я тут влез и перетряхнул кое-чьи файлы. Он как раз собирался устроить крах моего каталога. Мне нужна защита, Эндер. Нужна твоя система защиты.

— Но если я дам тебе свою систему, ты сможешь

войти в мои файлы и организовать крах мне.

— И это ты говоришь обо мне? — спросил Элай с напускной обидой. — Я твой самый надежный и преданный друг.

Эндер рассмеялся.

— Ладно, я сделаю тебе такую систему.

— Сейчас?

— Можно хотя бы доесть?

— Ты никогда не кончишь есть.

И это было правдой. На подносе Эндера всегда оставалась еда после трапезы. Эндер внимательно осмотрел тарелки и решил, что сыт.

— Ладно, пошли.

Войдя в спальню, Эндер сел на койку и сказал:

— Достань свой компьютер и принеси сюда, я покажу, как это делается.

Но когда Элай подошел к кровати Эндера, тот все так же неподвижно сидел на кровати, шкафы были закрыты.

— Что с тобой? — спросил Элай.

Вместо ответа Эндер приложил ладонь к пластиковому индикатору.

«Попытка несанкционированного доступа», — появилось яркое сообщение. Все осталось по-прежнему закрытым.

— Кто-то попрыгал у тебя на голове, — произнес

Элай, — съел твое лицо.

— Ты уверен, что все еще хочешь заиметь мою систему защиты? — спросил Эндер, вставая и отходя от кровати.

— Эндер, — позвал Элай.

Он обернулся. Элай держал в руках маленький кусочек бумаги.

— Что это?

Элай внимательно посмотрел на него.

— Разве ты не знаешь? Это было на твоей кровати. Ты сидел на нем.

Эндер взял листок.

Эндер Виггин.
Приписан к Армии Саламандра
Командир Бонзо Мадрид
Приступить к службе немедленно
Код зеленый зеленый коричневый
Имущество выносу не подлежит.

— Ты сообразительный и умный, Эндер, но в комнате баталий ты не лучше меня.

Эндер покачал головой. Господи, как же глупо, думал он, продвигать его именно сейчас. Никто не получает повышения раньше восьми лет. Эндеру не было и семи. Обычно новобранцы передаются армиям все вместе, многие армии

пополняются детьми одновременно. Ни на одной кровати больше не было переводных карточек.

Как раз тогда, когда все вошло в свое русло, когда Бернард стал наравне со всеми, даже с Эндером. Тогда, когда Эндер по настоящему подружился с Элаем. Тогда, когда жизнь стала вполне сносной и даже приятной.

Эндер подошел и поднял Элая с кровати.

— Так или иначе от Армии Саламандры все равно никуда не деться, — произнес Элай.

Эндер был так зол и расстроен несправедливостью перемещения, что не в силах был сдержать слезы. Я не должен, не должен плакать, твердил он себе.

Элай увидел слезы, но сделал вид, что ничего не заметил.

— Они бездушные, бессердечные солдафоны, Эндер, они все равно не позволят сделать тебе хоть что-нибудь по собственной воле.

Эндер криво усмехнулся и не заплакал, навернувшиеся слезы исчезли.

— Как ты думаешь, мне стоит раздеться и идти голым?

Элай рассмеялся.

Повинуясь какому-то импульсу, Эндер обнял Элая и сжал в объятьях, но не сильно, будто рядом

была Валентина. Он даже подумал о Валентине и снова захотел домой.

— Я не хочу туда идти, — сказал он.

Элай тоже обнял его.

— Я понял их, Эндер. Ты лучший из нас. Может они торопятся быстрее научить тебя всему.

— Они не хотят учить меня всему, — сказал Эндер. — Сейчас я больше всего хочу научиться тому, как дружить и что значит иметь друзей.

Элай печально кивнул.

— Ты всегда будешь моим другом. Лучшим из моих друзей, — сказал он. Затем хмыкнул. — Давай, кроши баггеров!

— Да, — Эндер улыбнулся в ответ.

Элай вдруг подскочил и поцеловал Эндера в щеку, затем прошептал прямо в ухо: «Шалом». Затем, покраснев, он отвернулся и бросился к своей койке в дальнем конце комнаты. Эндер полагал, что поцелуи и слова в некотором роде запрещены. Возможно, сказалось давление религии. Или это слово имеет для Элая очень личностное магическое значение. Чтобы оно не означало для Элая, Эндер знал, что оно было святым; Элай как бы обнажил себя перед ним так же, как когда-то сделала мать Эндера. Тогда она была еще очень молодой и перед тем, как ему поместили на шею

монитор, она ночью, думая что он крепко спит, положила ему на голову руки и помолилась, затем благословила его. Эндер никому не рассказывал об этом, даже матери, но память сохранила этот эпизод, как прикосновение к святости, как доказательство огромной материнской любви, заставившей ее благословить его тогда, когда об этом не знает и не видит ни одна душа. Теперь Элай дает ему аналогичное благословение; такой святой дар, что даже Эндеру не дано понять, что означает напутственное слово.

После происшедшего не о чем было говорить. Элай дошел до своей кровати, но повернулся и посмотрел на Эндера. Их глаза встретились, они поняли друг друга без слов. Спустя мгновение Эндер вышел.

В этой части школы не было кода зеленый зеленый коричневый; ему предстояло отыскать эту цветовую гамму в общественных местах. Другие скоро кончат обедать; ему не хотелось встречаться с ними. Комната игр должна быть сейчас пустой.

Он находился в таком состоянии, что ни одна игра не шла на ум. Но он все равно подошел к полкам с компьютерами и вызвал свою личную игру. Он быстро добрался до Страны Чудес. Ги-

гант был мертв, когда он появился на поляне. Он осторожно взобрался и прошелся по столу, затем спрыгнул на ножку опрокинутого стула, еще прыжок и он на земле. Он увидел полчища крыс, с жадностью поедающих тело Гиганта. Но Эндер убил одну из них булавкой от рубахи Великана и они с визгом разбежались.

Тело Гиганта почти разложилось. Все что могут оторвать и растащить маленькие могильщики, было растащено и съедено. Черви и личинки расправились с органами, превратив их в зловонное месиво. Зубы обнажились в мертвом окостеневшем оскале, глазницы опустели, пальцы скрючились. Эндер вспомнил, как он вползал, сверлил живой, злобный, умный глаз. Озлобленный и подавленный, как сейчас, он бы с радостью повторил убийство заново. Но Гигант перестал быть действующим лицом, он превратился в часть декорации, поэтому ярость было излить не на кого.

Эндер всегда проходил к замку Королевы Сердец через мост, обычно здесь он погибал, но теперь никто из врагов не препятствовал ему. Он обошел вокруг трупа и пошел вдоль ручья вверх по течению, туда, где он берет начало среди лесов. Там располагалась площадка для игр, горки

и обезьяньи баррикады, качели и карусели. На ней играли и веселились дети. Эндер вышел к ним и тут обнаружил, что в игре он превратился в ребенка, хотя обычно его экранная фигурка в играх была фигуркой взрослого. Кроме того, в этой игре его фигурка оказалась меньше, чем остальные дети.

Он встал в очередь на горку. Другие дети игнорировали его присутствие. Он взобрался по лестнице на вершину и увидел как его предшественник вихрем несется по спиралевидному спуску. Как только он достиг земли, Эндер сел и начал спуск.

Однако он не скользил, затем резко провалился прямо сквозь спуск и брякнулся на землю. Склон горки не держал его.

Аналогично и обезьяньи баррикады. Он мог взобраться на нее, но в тот же миг баррикада рассыпалась, как песчаная горка. Он мог удобно устроиться на сиденьи качелей, но тут же сваливался на землю. На каруселях во время движения как бы он не держался, с какой бы силой не хватался за перила, центробежная сила неизбежно выбрасывала его.

Другие дети — их обидный противный смех звучал надтреснуто и хрипло. После каждой

неудачи они окружали его, тыкали пальцами и подолгу смеялись отвратительным хохотом, затем спокойно возвращались к прежним играм.

Эндеру хотелось побить их, сбросить в ручей. Вместо этого он направился к лесу. Он отыскал тропинку, которая вскоре превратилась в старую мощеную дорогу. Она была запущена и поросла сорняками, но все еще хорошо просматривалась. Вдоль обеих сторон помещалось множество указателей различных игр, но Эндер не поддался соблазну. Он хотел увидеть куда выведет неведомая дорога.

Она вывела к поляне. В центре поляны находился колодец, на нем красовалась надпись: «Выпей, путник». Эндер подошел ближе и стал рассматривать колодец. Тотчас он услышал приглушенный рык. Из леса вышла дюжина голодных волков с человеческими лицами. Эндер сразу узнал их — это были дети, играющие на детской площадке. Только теперь их зубы готовы были разорвать его в клочья. Безоружный Эндер был быстро проглочен.

Во второй попытке его фигурка появилась в той же ситуации и была мгновенно съедена заново, хотя Эндер пытался залезть в колодец и укрыться там.

Следующее появление вернуло его на детскую площадку. Дети снова стали смеяться над ним. Смейтесь сколько угодно, думал Эндер. Теперь я знаю, кто вы такие. Он толкнул одну из девочек. Та разозлилась и последовала за ним. Эндер вел ее к горке. Конечно, он провалился сквозь склон, но она почти наступала ему на пятки, поэтому тоже рухнула вместе с ним. Стукнувшись о землю, она тут же превратилась в волка, но так и осталась лежать на земле, оглушенная ударом или мертвая.

Одного за другим он заманивал их в ловушки. Но он еще не успел разделаться с последним, как волки стали оживать, они так и не превратились обратно в детей. Эндер опять оказался разорванным на части.

На этот раз, вздрагивая и взмокнув от пота, он появился на столе Гиганта. Я должен взять себя в руки, я должен идти в расположение своей армии.

Но он лишь спрыгнул со стола, обошел смердящее тело Гиганта и уверенно направился к детской площадке.

Теперь как только дети плюхались на землю и превращались в волков, он оттаскивал их к ручью и топил там. Каждый раз тела издавали

шипение, словно в ручье текла не вода, а кислота. Волчьи тела растворялись, оставляя после себя лишь зловонное темное облачко дыма, которое мгновенно подхватывалось ветром и уносилось прочь. Детей оказалось довольно просто разъединить, хотя они преследовали его вдвоем, а иногда и втроем. Наконец ни одного волка не осталось на поляне, и Эндер благополучно спустился в колодец по веревке от бадьи.

Открывшаяся перед ним пещера слабо освещалась тусклым мутным светом, но он отчетливо различил груды сверкающих драгоценных камней. Он прошел мимо, даже не притронувшись к ним, позади него среди самоцветов злобно сверкнули глаза. Стол, заполненный едой, также не заинтересовал его. Он прошел мимо группы клеток, свисающих прямо с потолка. В каждой клетке находилось экзотическое, но вполне дружелюбное создание. Я поиграю с вами позже, решил Эндер. Наконец он достиг двери. На ней красовалась фраза из пылающих изумрудов:

КОНЕЦ СВЕТА

Он, не колеблясь, смело открыл дверь и вошел. И оказался на небольшом карнизе, возвышающимся над остальной местностью и открываю-

щим великолепный вид. Перед ним раскинулось необъятное лесное пространство, бьющее первозданной красотой и буйством красок. Яркая сочная зелень перемежалась с мазками пурпура и охры, щедро наложенными осенью. Среди лесных чащ то тут, то там виднелись поляны. На них примостились маленькие деревушки и распаханные поля. Чуть вдали высился замок. Его утонченные башни и шпили взмыли высоко в высь и тонули в облаках. Над ним за облаками угадывался потолок безграничной пещеры, искрящийся замысловатыми наростами блестящих сталактитов.

Дверь захлопнулась за ним. Эндер внимательно изучал ландшафт. Очарованный красотой, он уже меньше заботился о собственном выживании. Красота дарила какое-то успокоение, он немного расслабился и на мгновение забыл об игре. Увлеченный созерцанием величия природы, он решил, что это и есть награда за хорошую игру. Не раздумывая, он прыгнул вниз.

Внизу хрустальным блеском искрилась река, ее скалистые берега ощетинились острыми клыками камней. Казалось его вот-вот поглотят шипящие воды. Но в самый последний момент непонятно откуда взявшееся белоснежное облач-

ко подхватило его и понесло прочь от холодного дыхания воды. Оно доставило его к одной из башен замка и через открытое окно занесло его внутрь замка. Здесь оно предательски оставило его. Комната оказалась очень странной. В ней от пола до потолка не было ни единого намека на наличие дверей, а окна грозили роковым падением.

В следующей попытке он вновь обнаружил себя стоящим на небольшом карнизе. Изрядно поколебавшись, он осторожно спрыгнул вниз.

Маленький коврик перед камином вдруг вздыбился и превратился в длинную гибкую змею, ее зубы кровожадно блеснули.

— Я твое единственное спасение, — прошипела змея, — смерть — твое единственное спасение!

Он стал лихорадочно оглядывать комнату в поисках оружия. Вдруг экран погас. Тотчас по периметру экрана вспыхнула яркая призывная надпись:

Немедленно явиться к командиру.

Вы опаздываете.

Зеленый зеленый коричневый.

Ругаясь и злясь, он отбросил компьютер и подошел к индикаторному цветовому табло. Там он

отыскал кнопку с сочетанием зеленый зеленый коричневый, нажал на нее, и последовал за побежавшей вперед дорожкой-указателем. Сочетание темно-зеленого, ярко-зеленого и коричневого напомнило ему о загадочном осеннем королевстве; казалось игра вновь подхватила и понесла его, он облегченно вздохнул. Я обязательно должен вернуться, твердил он себе. Та змея просто длинная дорожка; я спущусь вниз из башни и отыщу собственную дорогу. Возможно, это место называется концом света, потому что в конце игры, потому что я могу остаться в одной из деревушек и превратиться в одного из местных мальчиков, просто живущего и играющего там; и ничто не будет угрожать расправой, никто не будет стремиться убить меня, я просто буду жить и все.

Он думал и мечтал об этом, хотя и не мог представить себе, что значит «просто жить и все». Ему еще не доводилось вот так просто жить. Но хотелось достичь такой жизни любым способом, пусть даже в игре.

* * *

Армии были гораздо многочисленнее групп новобранцев, армейские казармы тоже во много превосходили по размерам спальные бараки

подготовишек. Казарма была длинной и узкой, по обеим сторонам шли двухъярусные нары. Барак был таким длинным, что пол у дальних коек казалось искривлялся вверх.

Эндер остановился в дверях. Несколько мальчиков равнодушно взглянули на него, они выглядели намного старше его и делали вид, что не замечают его присутствия. Они как ни в чем не бывало продолжали болтать, лежа и сидя на своих койках. Их разговор вертелся вокруг битв и сражений — конечно, о чем же еще могут болтать подростки. Все они были крупнее и выше Эндера. Десятилетние и одиннадцатилетние, они и должны быть выше. Даже самым младшим было по восемь лет, Эндеру было еще далеко до этого возраста.

Он пытался отгадать, кто из мальчиков является командиром, но большинство было одето в нечто среднее между боевой формой и то, что в армиях принято называть спальной униформой — голой кожей от головы до ног. Многие держали на коленях включенные компьютеры, но занимались лишь единицы.

Эндер вошел в комнату. Лишь в этот момент он, наконец, был удостоен внимания.

— Чего тебе? — высокомерно спросил мальчик

с верхней полки рядом с дверью.

Он был крупнее и выше остальных, нежная кожа подбородка уже покрылась мягким пушком.

— Ты ведь не из Армии Саламандры, — вынес приговор молодой гигант.

— А я полагаю, что из нее, — спокойно парировал Эндер, — зеленый, зеленый, коричневый, верно?

Он показал стражу дверей свои бумаги.

Страж-гигант потянулся за ними. Эндер чуть отодвинул их из зоны досягаемости.

— Я полагаю их надо отдать Бонзо Мадриду.

В разговор вмешался другой мальчик. Он оказался меньше остальных, но все же выше Эндера.

— Не Бон-зоу, тупица, а Боне-зо. Имя испанское. Ты имеешь понятие об испанских именах?

— Так это вы — Бонзо Мадрид? — переспросил Эндер, на этот раз стараясь правильно произнести имя.

— Нет, я просто одаренный талантливый полиглот. Петра Арканин. Единственная девочка в Армии Саламандры. Но у меня больше очков и баллов, чем у кого-либо в этой комнате.

— О, мама, Петра опять заговорила, — ехидно произнес один из мальчиков. — Болтушка! Бол-

тушка!

Другой через верхние нары подобрался ближе к двери и закричал:

— Заткнитесь! Заткнитесь!

Все засмеялись.

— Но между нами, — спокойно продолжила Петра, — знай, если ты хочешь найти себе врагов, то ищи их среди зеленых зеленых коричневых.

Эндер потерял всякую надежду. Он так и не имел никаких преимуществ — плохо тренированный, маленький, неопытный, явно обреченный на провал, чтобы получить столь раннее продвижение. А теперь, по чистой случайности, он приобрел совсем не того друга. Отверженная Армии Саламандры, и теперь в глазах остальных ребят она навсегда связала свое и его имя. Да, отличное положение, ничего не скажешь. Эндер еще раз взглянул на смеющиеся, издевающиеся лица, на секунду ему показалось, что их тела покрыты шерстью, а зубы обнажились в злобном оскале, готовые растерзать на части. Неужели я единственный человек в этом логове? Неужели все остальные — это звери, предвкушающие очередную расправу над новой жертвой?

Он вспомнил Элая. В каждой армии, по крайней мере, ведь должен быть хоть один человек,

заслуживающий добрых слов.

Внезапно, как по команде, смех смолк и в бараке воцарилось гробовое молчание. Эндер повернулся к двери. Там стоял стройный, подтянутый юноша со смуглым лицом и очень красивыми черными живыми глазами; тонкие плотно сжатые губы придавали его лицу особую утонченность. Я обязательно стану таким же красивым, отозвалась какая-то часть в душе Эндера. И обязательно научусь видеть то, что видят эти глаза.

— Ты кто? — спокойно и строго спросил мальчик.

— Эндер Виггин, сэр, — ответил Эндер, — переведен из новобранцев в Армию Саламандры.

Он протянул бумаги.

Мальчик быстро принял, почти выхватил бумаги, очевидно, опасаясь коснуться руки Эндера.

— Сколько тебе лет, Виггин? — спросил он.

— Почти семь.

Так же спокойно он уточнил:

— Я спрашиваю: сколько тебе полных лет, а не сколько тебе почти исполнилось.

— Шесть лет, девять месяцев и двенадцать дней.

— Сколько времени ты тренировался в комнате

баталий?

— Несколько месяцев, но я надеюсь что скоро смогу наверстать недостающие навыки.

— У вас были тренировки тактических маневров? Была ли практика боя? Имеешь ли ты опыт ведения совместного боя?

Эндер даже и не слышал о таких вещах, поэтому отрицательно покачал головой.

Мадрид внимательно посмотрел на него.

— Понятно. Так как ты слишком быстро всему обучаешься, то офицеры из командования школы — наиболее известен в этом майор Андерсон, он вероятно и затеял эту игру — могут не скучать, недостатка в игровых трюках не будет. Армия Саламандры только начала всплывать из беспросветной тьмы безвестности. Нам удалось выиграть в двенадцати из двадцати игр. Мы уже удивили Крыс, Скорпионов и Собак, теперь мы готовы бороться за лидерство. Конечно, теперь самое время подсунуть мне такого бесполезного, ни к чему негодного, безнадежного субъекта, как ты.

Петра сказала спокойным голосом:

— Он тоже не горит желанием видеть тебя.

— Заткнись, Арканин, — сказал Мадрид, — к нашему опыту мы теперь добавим другой. Но ка-

кие бы препятствия не выдумали на нашу голову офицеры, мы все еще остаемся…

— Саламандрами! — рявкнули солдаты в один голос.

Инстинктивно у Эндера изменилось восприятие происходящих событий. Это был своеобразный обряд, ритуал. Мадрид не пытался обидеть его, он пытался справиться с собственным недоумением и одновременно усилить контроль над армией.

— Мы тот огонь, который поглотит их. Наши животы и внутренности, головы и сердца вспыхнут яркими огнями, но сольются в единое пламя…

— Саламандры! — вновь раздалось многоголосье, слитое в одно слово.

— Даже этот единственный не ослабит нашего могущества…

В это мгновение Эндер позволил себе маленькую надежду.

— Буду упорно работать, стараться и быстро всему научусь, — произнес он.

— Я не давал тебе разрешения говорить, — ответил Мадрид. — Я намерен избавиться от тебя как можно быстрее. Я готов дать в придачу к тебе кое-кого более ценного, но такого же мелкого и

хуже, чем бесполезного. Будешь еще одним замороженным, таких в каждом бою не мало — вот и весь ты. Но мы теперь в такой стадии, что каждый замороженный солдат имеет разный статус. У нас нет ничего личностного и личного. Но я уверен, Виггин, что ты сумеешь попрактиковаться за чей-либо счет.

— Он горит желанием, от всего сердца, — проговорила Петра.

Мадрид подошел ближе и ударил девочку по лицу тыльной стороной ладони. Раздался глухой тихий удар. На лице всплыли яркие красные следы — четыре полоски пробороздили щеку. Там, где пальцы Мадрида обрушились на кожу, появились капельки крови.

— Вот твои инструкции, Виггин. Надеюсь, что объясняюсь с тобой в последний раз. Когда бы мы не тренировались в комнате баталий, ты не должен вертеться под ногами и мозолить глаза. Конечно, ты будешь находиться там же, но ты не будешь принадлежать никакому подразделению и участвовать в маневрах. Когда начнется отработка боя, ты обязан быстро переодеться и занять свое место возле калитки вместе со всеми. Но ты должен оставаться за воротами, пока не пройдет четыре минуты с начала игры. Войдя в ворота,

ты должен оставаться возле них, не вынимая оружия и не сделав ни единого выстрела. Замри и дожидайся конца игры.

Эндер послушно кивнул. Он был ничем, пустым местом. Он надеялся лишь на то, что Мадриду удастся быстро обменять его.

Он заметил так же, что Петра не заплакала и не сморщилась от боли, даже не дотронулась до щеки. Хотя одна ранка еще сочилась и истекала тонким красным ручейком по челюсти на шею. Возможно она и была отверженной, но с того времени, как Бонзо Мадрид тоже не стал другом Эндеру, ему сделалось абсолютно безразлично с кем водить дружбу, ладно, пусть это будет Петра.

Ему отвели койку в самом дальнем конце комнаты. Это была верхняя полка, так что, лежа на ней, он даже не видел двери казармы. Ее перекрывала искривленная перспектива потолка, усиленная протяженностью комнаты. Вокруг него располагались усталые забитые мальчики с самыми низкими оценочными баллами. Они не произнесли в адрес Эндера ни единого одобрительного или приветственного слова.

Эндер попытался установить кодировку своего шкафа на прикосновение ладони, но ничего не получилось. Затем до него дошло, что замки не

обеспечены защитой неприкосновенности. Все четыре ящика шкафа имели защелки и не более того. Ничего личного, вспомнил он, теперь он осознал, что находится в армии.

В шкафчике помещалась униформа. Это была не бледно-зеленая форма новобранцев. Форма Армии Саламандры имела темно-зеленый цвет и ярко-оранжевую отделку. Она сидела крайне плохо, но вряд ли предполагалось, что армии будут пополняться такими маленькими детьми.

Он начал было вынимать ее, но заметил Петру, направляющуюся к его кровати. Он соскользнул с койки и встал рядом, приветствуя ее.

— Расслабься, — сказала она, — я ведь не офицер.

— Но ты ведь командир подразделения, так ведь?

Рядом раздались презрительные смешки.

— Что тебе пришло вдруг в голову, Виггин?

— У тебя койка недалеко от двери.

— У меня койка впереди, потому что я лучший стрелок Армии Саламандры. Кроме того Бонзо опасается, что я подниму бунт, если командиры подразделений не будут постоянно наблюдать за мной. Можно подумать, что возможно организовать заваруху с подобными рохлями.

Она указала на затравленные лица сидящих рядом мальчиков.

Все что она делает, еще больше ухудшает положение.

— Тут каждый лучше меня, — произнес Эндер, пытаясь отмежевать себя от ее презрительного отношения к мальчикам, которые, помимо всего прочего, являлись его соседями по койкам.

— Я — девчонка, — сказала она, — а ты — шестилетний сосунок. У нас много общего, так почему бы нам не стать друзьями?

— Я не буду за тебя делать домашние задания и черновую работу, — спокойно произнес он.

На мгновение ей показалось, что он шутит.

— Ха-ха, — наконец рассмеялась она, — да, в этом есть кое-что армейское, особенно для сосунков. Но школьные занятия здесь отличаются от обучения новобранцев. История и стратегия, тактика и баггеры, математика и астрономия — в общем, все те науки, которые нужны пилоту или командиру. Ну ты сам скоро разберешься.

— Значит ты будешь моим другом. А что я буду иметь с этого? — спросил Эндер. Он быстро перенял ее насмешливый тон ведения диалога.

— Бонзо не собирается обучать тебя практике. Он намерен дать тебе в руки парту и усадить за

теорию, пока все будут осваивать практические навыки. С одной стороны, он прав — он не хочет, чтобы абсолютно ничего не знающий и не умеющий сосунок портил ему общую картину маневров.

Она перешла на сленговый английский жаргон необразованных людей.

— Бонзо — аккуратист, педантичный до щепетильности. Он такой осторожный, что сумеет поссать на тарелку, не расплескав ни капли.

Эндер хихикнул.

— Комната баталий почти всегда открыта. Если хочешь, то в свободное время я пойду с тобой туда и покажу, что знаю. Я, конечно, не бравый солдат, но не хуже других. И уж наверняка знаю больше, чем ты.

— Ну, если ты хочешь, — сказал Эндер.

— Начнем завтра утром сразу после завтрака.

— А если кто-нибудь займет комнату. Мы всегда ходили туда после завтрака.

— Это неважно, там 9 комнат.

— Я даже не слышал об остальных.

— Все они имеют один вход. Они занимают центральную часть школы баталий и расположены по кругу. Они не вращаются вместе со станцией. Именно поэтому там поддерживается нулевая

гравитация, причем невесомость там всегда постоянного уровня. Нет верчения, нет качки. Все комнаты выходят в единый коридор, причем каждый раз с ним связана только одна комната; как только ее занимают, то занятая комната поворачивается и на ее место устанавливается свободная.

— Вот это да.

— Значит, как договорились. Сразу после завтрака.

— Хорошо, — произнес Эндер.

Она собралась идти.

— Петра, — позвал он.

Она обернулась.

— Спасибо.

Она ничего не сказала, просто повернулась и пошла прочь.

Эндер взобрался на свою койку и снял форму. Он улегся голышом под одеяло и принялся осваивать новый компьютер. Он пытался выяснить, сумели ли они что-нибудь сделать с его кодом доступа. Он был почти уверен, что они стерли его систему защиты. Здесь он не имел ничего собственного, даже собственного компьютера.

Освещение сменилось на ночное. Наступило время отбоя. Эндер не знал, какой ванной комна-

той можно воспользоваться.

— Иди налево от двери, — пояснил ему мальчик с верхней полки, — у нас общие душевые с Крысами, Скорпионами и Белками.

Эндер поблагодарил и отправился на поиски.

— Эй, — окликнул его мальчик, — ты не можешь идти в таком виде. Вне этой комнаты ты всегда должен быть в форме.

— Даже если я иду в туалет?

— Само собой. Тебе так же запрещено разговаривать с кем-либо из других армий. Ни в туалете, ни в столовой. Конечно, ты можешь нарушать это правило иногда, например, в игровой комнате, если, конечно, тебя не видят учителя. Но если тебя за этим занятием поймает Бонзо, считай что ты труп.

— Спасибо.

— Эй, Бонзо сойдет с ума, если узнает, что ты водишься с Петрой и показываешься перед ней в голом виде.

— Но когда я вошел, она была раздета.

— Она может вести себя так, как ей нравится, но ты должен быть всегда в одежде. Это приказ Бонзо.

Это было глупо. Петра выглядела совсем, как мальчишка — глупейший приказ. Он выделяет

ее из общей массы, делает ее изгоем армии. Как может Бонзо быть командиром, если не знает таких простых вещей? Элай намного лучше командует, чем Бонзо. Он знает, как объединить группу, сделать из нее единое целое.

Я тоже знаю, как сплотить группу, думал Эндер. Возможно когда-нибудь я тоже стану командиром.

Он умывался, когда услышал голос, обращающийся к нему.

— Эй, посмотри, они уже напяливают форму Саламандры на грудных младенцев.

Эндер молчал. Он продолжал мыть руки.

— Эй, посмотри, Саламандра превращается в детсад! Только посмотри на этого. Он проскочит у меня между ног, даже не задев за яйца!

— Все дело в том, Динк, что у тебя их нет, — раздался чей-то ответ.

Уже выходя из умывальника, Эндер услышать фразу.

— Это Вигин. Ты знаешь, он считается самым умным и сообразительным по игровой комнате.

Он шел по коридору и улыбался. Возможно он и мал, но все знают его имя. Хотя они знают его по игровой комнате, а это почти ничего не значит. Но они еще узнают о нем. Он станет хорошим

солдатом. Все скоро услышат о нем. Возможно, это случится не в Армии Саламандры, но это произойдет очень скоро.

* * *

Петра ждала его в коридоре, ведущем в комнату баталий.

— Подожди минутку, — сказала она Эндеру. — Армия Кроликов только что зашла туда, понадобится несколько минут, чтобы сменить комнату баталий.

Эндер сел рядом с ней.

— Ведь процесс гораздо сложнее, чем просто переключение с одной комнаты на другую, — сказал он, — например, почему здесь в коридоре есть гравитация, а там нет?

Петра закрыла глаза.

— И если комнаты пребывают в свободном дрейфе, то что происходит, когда одна стыкуется с коридором? Почему она не начинает вращаться вместе со школой?

Эндер кивнул.

— Это тайна, — произнесла Петра многозначительным шепотом, — не пытайся совать свой нос в таинства армии. С тем, кто последний раз проявил излишнее любопытство, произошла

ужасная вещь. Его обнаружили в туалете подвешенным за ноги и головой опущенной прямо в клозет.

— Значит я не первый, кого заинтересовал этот вопрос.

— Вот и запомни это, малыш.

Когда она произнесла слово «малыш», оно прозвучало крайне дружелюбно, а не оскорбительно.

— Они никогда не скажут тебе больше правды, чем это нужно. Но любой младенец с мозгами понимает, что науки и научное видение изменилось со времен старого Мазера Рекхема и Победоносного Флота. Совершенно очевидно, что мы можем контролировать гравитацию. Убавлять и прибавлять, менять направление, возможно даже отражать ее — я уже думала о массе совершенно очевидных вещей, которые можно проделывать с гравитационным оружием и гравитационными передачами на космических кораблях. Можно производить отторжение и отрывы больших кусков путем отражения гравитации собственной планеты только в противоположном направлении и фокусировке ее на ограниченном маленьком участке. Но они ничего не говорят об этом.

Эндер понял гораздо больше, чем было сказано. Манипуляции с гравитацией это одно; обман и притворство офицеров — это совсем другое; но самая суть заключалась в ином: взрослые — это враги, а не другие армии. Они никогда не говорят нам правды.

— Пошли, малыш, — сказала она, — комната баталий готова. Руки Петры тверды, и все враги будут мертвы.

Петра засмеялась:

— Знаешь, как они меня называют: Петра — поэт.

— Они так же говорят, что ты глупая, как гагара.

— Лучше верь этому, кнопка.

В сумке она тащила десять мишеней. Эндер держался одной рукой за ее костюм, а другой — за стенку. Она уверенно разбросала их по разным направлениям. В нулевой гравитации они взлетели, каждая по-своему.

— Следи за мной внимательно, — скомандовала она.

Она оттолкнулась от пола, умышленно вошла в штопор; несколькими едва заметными движениями руки остановила и зафиксировала тело и начала тщательно прицеливаться в одну ми-

шень за другой. Когда она попадала, свет мишени менялся от белого к красному. Эндер знал, что измененный свет будет держаться менее двух минут. Только один шарик успел опять побелеть, когда она подстрелила последний.

Она подлетела к стене, рикошетом отскочила от нее и на большой скорости вернулась к Эндеру. Он поймал ее и удержал от столкновения с собой — один из первых приемов, который он освоил еще новобранцем.

— Ты просто виртуоз, — с восхищением сказал он.

— Ничем не лучше остальных. А теперь будем учиться, как это делается.

Петра научила его держать твердо руки, целиться прямо в цель.

— Большинство солдат не осознают, что чем дальше от тебя мишень, тем дольше и продолжительней необходимо удерживать пучок внутри двухсантиметровой круговой прорези. Разница между десятыми долями секунды и полусекундой кажется совсем ничтожной, но во время боя это очень длительный интервал. Многие считают, что неизбежно промахнутся, если окажутся прямо напротив мишени, они начинают удаляться слишком быстро. В общем, твое оружие — это

не шпага, шик-шик и все. Ты должен тщательно прицелиться.

Они использовали заборщик мишеней, чтобы собрать их, затем медленно одну за одной снова запустили их. Теперь стрелял Эндер. Он промахнулся во все.

— Отлично, — сказала Петра, — у тебя нет ни одной вредной привычки.

— Ни одной хорошей тоже нет, — заключил Эндер.

— Я дам тебе их.

Они немногого достигли за это занятие, больше разговаривали. Как и о чем думать, пока целишься. Ты должен следить и держать в поле зрения малейшие собственные движения и движения твоего врага. Ты должен наверняка видеть и чувствовать цель, только тогда твоя цель замерзнет, а ты еще сможешь стрелять. Изучи то место, куда ты обычно поражаешь мишени и двигайся по такой же дуге, то есть выбери аналогичную траекторию движения, тогда тебе не придется подтягивать себя во время стрельбы. Расслабь тело, мышцы не напрягай, иначе не избежать тремора и дрожи в руках.

Это было единственное практическое занятие в тот день. Во время армейских учений днем Эн-

деру было приказано принести парту-конторку и делать домашнее задание, сидя в дальнем углу комнаты. Бонзо собирал в комнате баталий всех своих солдат, но использовал далеко не всех.

Эндер, однако, не выполнил приказ и не стал делать домашнее задание. Если он не может практиковаться как рядовой солдат, он может изучать Бонзо в роли тактика. Армия Саламандры имела обычное деление на четыре подразделения по десять солдат в каждом. Некоторые командиры формировали свои подразделения так, что в подразделении А собирались самые сильные и хорошо тренированные солдаты, а в подразделении Д — самые слабые. Бонзо все перемешал, поэтому каждое его подразделение имело сильных и слабых солдат.

Кроме того, в подразделении Б было всего девять мальчиков. Эндер гадал, кто же выбыл, чтобы освободилась вакансия для него. Скоро стало ясно, что в подразделении Б новый командир. Теперь понятно и неудивительно, почему Бонзо был так разочарован — он потерял командира подразделения, а взамен получил Эндера.

Бонзо оказался прав и в другом. Эндер не был подготовлен. Все время практических занятий было затрачено на проведение маневров. Под-

разделения, которые не могли видеть друг друга, отрабатывали синхронное выполнение и точность совместных операций по хронометру. Все солдаты пользовались хорошо отработанными навыками, которых у Эндера не было и в помине. Например, способность к мягкой посадке и своеобразному поглощению толчков и ударов. Точность полета. Курс и направление корректировок определялось по замороженным солдатам случайным образом дрейфующим по комнате. Повороты, штопор, уловки. Скольжение вдоль стен — очень сложный маневр, но наиболее значимый, так как враг не может оказаться у тебя за спиной.

Несмотря на то, что Эндер обнаружил много вещей, которых он не умел, он так же усмотрел и то, что нужно исправить. Хорошо вымуштрованные подразделения, доведенное до автоматизма исполнение были ошибкой. Они обеспечивали беспрекословное выполнение отданных приказов, но в тоже время делали их крайне зависимыми. Так же солдатам было дано слишком мало инициативы. Они следовали установленной и отработанной модели поведения и все. Совершенно не рассматривались возможные действия врага на выработанный способ ведения

боя. Эндер изучал порядок и формирования Бонзо как вражеские, однако, ничто не могло нарушить или внести беспорядок в его построение.

Во время свободной игры вечером Эндер еще раз попросил Петру позаниматься с ним.

— Нет, — ответила она, — я тоже хочу стать командиром, поэтому должна играть в игровой комнате.

Это было весьма распространенное поверье, что учителя просматривают ведение игр и таким образом определяют потенциальных командиров. Эндер сомневался в этом. У командиров подразделений гораздо больше шансов проявить себя в бою или на тренировках, чем на видеоплейерах.

Но он не стал спорить с Петрой. Практика после завтрака была достаточно обобщенной. Значит он может позаниматься самостоятельно. Но он не мог практиковаться один, за исключением отработки ряда основополагающих навыков. Большинство трудных упражнений требовали партнеров и даже команд. Вот если бы Элай или Шен могли попрактиковаться с ним.

Отлично, а почему он не может позаниматься вместе с ними? Он никогда не слышал, чтобы солдаты практиковались вместе с новобранцами,

но он не знал и о существовании каких-либо правил запрещающих это. Однако все было трудно осуществимо, новобранцы занимали слишком презрительное положение. Ну да ладно, Эндер так же везде и всеми презирался, как и новобранцы. Он нуждался в хорошей команде для практики, да и они могли научиться тем приемам, которые используют старшие.

— О, возвращение великого воина, — раздался голос Бернарда. Эндер замер в дверях своей прежней спальни. Он отсутствовал всего день, а все здесь показалось ему совсем чужим, да и вся прежняя группа новобранцев выглядела абсолютно незнакомой. Он собрался было уже уходить. Но здесь был Элай, чье имя он вспоминал с какой-то святостью. Элай никогда не станет ему чужаком.

Эндер не сделал ни единой попытки скрыть, какое ничтожество он представляет собой в Армии Саламандры.

— Они абсолютны правы. От меня столько же пользы, сколько от чихания в шлеме астронавта.

Элай рассмеялся, вокруг стали собираться другие новобранцы. Эндер предложил им свою сделку. Каждый день во время свободной игры — изнуряющая практика под его руководством.

В результате они научатся многим армейским вещам и боевым приемам, а Эндер обретет необходимые солдатские навыки.

— Мы готовы прямо сейчас.

Большинство мальчишек согласилось прямо с радостью.

— Отлично, — произнес Эндер, — если вы собрались поработать, а не поглазеть из любопытства, тогда незачем попусту тратить время.

Они не истратили впустую ни одной минуты. Хотя у Эндера получались весьма путаные описания и неуклюжие показы того, что он видел, им удалось кое-чему научиться. Время свободной игры кончилось, они были усталые, но довольные первыми успехами, им удалось познакомиться и обрести пусть примитивные, но все же незнакомые им приемы новых технологий.

— Где ты был? — строго спросил Бонзо.

Эндер замер возле койки командира.

— Практиковался в комнате баталий.

— Я слышал, с тобой были новобранцы из прежней группы?

— Я не могу отрабатывать приемы один.

— Мне не нужны солдаты, нянчащиеся с новобранцами. А ты теперь солдат, понятно?

Эндер молчал.

— Ты понял меня, Виггин?

— Да, сэр.

— Больше никакой практики с сосунками.

— Могу я поговорить с вами наедине? — осторожно спросил Эндер.

Это была просьба, которую командующий обязан был удовлетворить. С злым недовольным лицом Бонзо вышел в коридор.

— Слушай, Виггин, мне абсолютно не хочется с тобой связываться, я хочу избавиться от тебя, и не доставляй мне лишних проблем и хлопот, иначе я размажу тебя по стене.

Господи, умный командир никогда не позволит себе таких глупых тирад с угрозами.

Молчание Эндера еще больше вывело из себя Бонзо.

— Послушай, ты вытащил меня сюда, так давай говори.

— Сэр, вы были правы, что не определили меня в подразделение. Я не знаю приемов и ничего не умею.

— Я не нуждаюсь в твоем одобрении или поддержке.

— Но я хочу стать хорошим солдатом. Я не хочу срывать ваши ежедневные маневры и портить практику; но я тоже хочу тренироваться и могу

тренироваться только с теми людьми, которые сами согласятся работать со мной. А никто, кроме новобранцев, не решится на это.

— Ты сделаешь так, как я тебе приказываю, маленький ублюдок.

— Да, сэр. Я исполню все приказы, которые обязан исполнять. Но время свободной игры — это время свободной игры. Здесь никаких распоряжений быть не может. Никаких. И ни от кого.

Бонзо покраснел, казалось, он вот-вот лопнет от злости. Это плохо. Излишний пар никогда не доводит до добра. Злоба Эндера была холодной и трезвой, он мог управлять ей. Бонзо раскалился до красна и не управлял собой, значит он вполне может управлять им.

— Сэр, я должен сам позаботиться о своем положении и карьере. Я не хочу мешать вашим тренировкам и боям, но должен же я научиться хоть чему-нибудь. Я не просился в вашу армию, ваше дело — избавляться от меня или нет. Но никто не возьмет меня, если я абсолютно ничего не буду уметь, ведь так? Позвольте мне научиться чему-нибудь, и вы сможете быстрее избавиться от меня и получить того солдата, который окажется полезен вам.

Бонзо был не настолько глуп, чтобы злоба заду-

шила здравый смысл произнесенных слов. Тем не менее, он не хотел сдаваться сразу.

— Пока ты в Армии Саламандры, ты обязан безоговорочно мне подчиняться.

— Если вы посягнете на свободное игровое время, у вас появится шанс быть замороженным.

Конечно, это не было правдой, но могло оказаться вполне возможным. Если бы Эндер поднял суматоху вокруг контроля игрового времени, Бонзо мог запросто оказаться смещенным с должности командующего армией. Кроме того, офицеры могут усмотреть в Эндере кое-что положительное, что поможет его продвижению. Возможно, у него уже есть определенное влияние на руководство, и его угроза — это не просто слова.

— Ублюдок, — повторил Бонзо.

— Не моя вина в том, что вы не можете вынести мне подобную оценку при всех. Но если хотите, я признаю, что вы выиграли. Тогда завтра скажите мне, что передумали и отменили свое решение.

— Не указывай, что мне делать.

— Мне не хотелось бы, чтобы другие подумали, что вы пошли на попятный. Иначе вам не стать хорошим командиром.

Бонзо возненавидел его за его доброту, за до-

полнительный шанс. Все происходило так, будто Эндер даровал ему командование, как милость. Обидно, но тем не менее у него не было выбора. Не было выбора и возможности повернуть дело вспять. Бонзо не приходило на ум, что лишь его собственная вина в том, что отдан такой глупый, ничем необоснованный приказ. Он знал только то, что Эндер победил, положил его на обе лопатки, а затем от великодушия утер ему нос.

— Когда-нибудь я заставлю тебя стать ослом, — со злобой бросил Бонзо.

— Возможно.

Свет замигал, раздалась сирена. Эндер пошел обратно в казарму, умышленно напустив побитый вид. Он был зол и расстроен. Остальные солдаты сделали соответствующие выводы.

А утром, когда Эндер направлялся в столовую, Бонзо остановил его и заговорил нарочито громко.

— Я изменил свое решение, маленькая колючка. Возможно, занимаясь со своими сосунками, ты чему-нибудь научишься, и я быстрее обменяю тебя. Все, чтобы как можно быстрее избавиться от тебя.

— Спасибо, сэр, — сказал Эндер.

— Все, — прошептал Бонзо, — чтобы заморо-

зить тебя.

Эндер благодарно улыбнулся и вышел из казармы. После завтрака он снова тренировался с Петрой. Днем он наблюдал за Бонзо и искал пути уничтожения его диспозиций. Вечером, во время свободной игры он, Элай и другие новобранцы до изнурения осваивали новые приемы и армейские навыки. «Я могу все освоить, я должен догнать их», — думал Эндер, лежа в постели. Его мышцы ныли и дрожали от перенапряжения. «Я должен справиться и доказать им».

* * *

Через четыре дня Армия Саламандры давала очередной бой. Эндер молча плелся за настоящими солдатами по сети запутанных коридоров. По стенам шли две цветовые гаммы: зеленый, зеленый, коричневый — Саламандры и черный, белый, черный — Кондоров. Подойдя к комнате баталий, он увидел, что коридор поделен на двое: зеленый, зеленый, коричневый шел влево, а черный, белый, черный вел вправо. Армия остановилась возле глухой передней стены.

Деление на подразделения произошло в полном молчании: Бонзо стал отдавать последние распоряжения:

— «А» при первом удобном случае занимает позицию сверху, «Б» — обход слева, «С» — справа, «Д» — ударит снизу.

Он увидел, что подразделения поняли инструкции и заняли исходные позиции. Затем добавил:

— А ты, сосунок, ждешь четыре минуты, затем заходишь и остаешься возле двери. Не вздумай даже вытаскивать оружие.

Эндер кивнул. Внезапно стена за спиной Бонзо стала прозрачной. Это была уже не стена, а своеобразный переходный отсек. Комната баталий тоже предстала в ином виде. Огромные коричневые отсеки-боксы висели в середине комнаты, частично перекрывая обзор и препятствуя движению. Это были те самые препятствия, которые солдаты называли звездами. По-видимому, они могли распределяться случайным образом. Казалось, Бонзо нисколько не заботило их присутствие. Скорее всего солдаты уже знали, как справляться со звездами.

Пока Эндер сидел в коридоре и наблюдал за битвой, ему стало понятно, что солдаты абсолютно не умеют управлять звездами. Они знали, как приземляться на них и использовать для прикрытия, тактику атаки вражеских позиций, дислоцированных на звездах. Но все это не от-

ражало истинного предназначения звезд. Обе стороны настойчиво штурмовали их, чтобы обходным маневром добиться наиболее преимущественной позиции.

Командующий другой армией воспользовался слабыми местами тактики Бонзо. Они яростно атаковали Саламандр и одерживали явный верх. Все меньше и меньше Саламандр оставалось незамерзшими для следующего штурма очередной звезды. Исход был налицо, оставалось каких-нибудь пять-шесть минут, именно столько еще могло длиться сопротивление Саламандр.

Эндер ступил на поле боя. Он дрейфовал возле входа. В комнатах баталий, где ему доводилось тренироваться, двери, как правило, располагались на полу. В помещении учебных боев дверь находилась в самой середине стены, между потолком и полом.

Он почувствовал, что теряет ориентировку так же как в шаттле. То, что было вверху, вдруг оказалось внизу, а может в стороне. Но в невесомости не было необходимости сохранять вертикальную ориентацию, аналогичную тяготению. Совершенно невозможно определить, глядя на абсолютно квадратные двери, где находится верх, а где низ. Да это и не имеет значения. Наконец ему удалось

обрести ориентиры, имеющие смысл. Ворота врага находились внизу, а он плыл прямо на них.

Эндер стал делать движения, чтобы изменить направление, но вместо того, чтобы расслабиться, его тело сгруппировалось, и теперь он летел на врага вперед ногами. Он представлял хоть и маленькую, но отличную мишень.

Его быстро заметили. Ведь он бесцельно болтался в воздухе. Инстинктивно он задрал ноги еще выше. В тот же момент раздался выстрел, и его ноги начали замерзать. Прямого попадания в него не получилось, и процесс замерзания остановился на середине тела, оставив руки годными к стрельбе. Эндер сообразил, что если бы он не выставил вперед ноги, то выстрел пришелся бы точно в тело. Тогда бы он оказался полностью неподвижным.

Так как ему было приказано не вынимать оружия, он продолжал свободный дрейф, не двигая ни руками, ни ногами и симулируя полную неподвижность. Враги полностью игнорировали его и сосредоточили внимание на тех солдатах, которые отстреливались. Шло ожесточенное сражение. Не имея численного преимущества, Армия Саламандры действовала упорно и последовательно. Поле сражения теперь представляло

многочисленные обособленные кучки перестреливающихся. Жесткая дисциплина Бонзо оправдала себя лишь в одном: на каждого замороженного солдата Саламандры приходился, по крайней мере, один вражеский солдат. Никто не убегал и не паниковал, все Саламандры сохраняли олимпийское спокойствие и хладнокровие, ведя тщательный прицельный огонь.

В этом отношении Петра была особенно опасна своими смертоносными выстрелами. Кондоры заметили это и потратили много сил, чтобы вывести ее из строя. Сначала им удалось заморозить лишь ведущую руку, но это лишь ненадолго прервало ее сопротивление. Лишь совместная атака нескольких Кондоров и одновременный залп полностью обездвижил ее. Голова ее бессильно свесилась на грудь, маска шлема закрыла лицо. Через несколько минут расстановка сил окончательно прояснилась. Армия Саламандры больше не пыталась сопротивляться.

Эндер с радостью обратил внимание, что у Кондоров осталось лишь пять воинов, способных открыть ворота победы. Четыре из них сориентировались по разным углам и, пользуясь шлемовыми прожекторами, держали под ярким освещением все четыре стороны комнаты, в

то время, как пятый спокойно пересекал поле битвы. Это был конец боя. Комната осветилась яркими огнями, из учительской двери показался Андерсон.

«Я бы мог воспользоваться оружием, когда враг приближался к двери, — подумал Эндер. — Я бы мог подстрелить хотя бы одного, и их осталось бы еще меньше. Бой вполне мог бы окончиться вничью. Не имея четырех человек, сдерживающих четыре направления, и пятого, который прошел в ворота, Кондорам не одержать победы. Бонзо, ты — осел, я мог бы спасти тебя от поражения, Возможно, ты смог бы одержать даже победу, ведь они представляли такие легкие мишени, а я плавал под самым их носом, пока бы они сообразили, откуда ведется огонь. Даже я бы справился со стрельбой по открытым мишеням у себя под носом».

Но приказы не обсуждают, Эндер обещал повиноваться им. Ему доставили некоторое удовольствие официальные результаты боя: отчеты гласили, что в Армии Саламандры не сорок один уничтоженный или выведенный из строя, а сорок — убитых и один раненый. Бонзо никак не мог понять, пока не просмотрел журнал Андерсона и не выяснил, кто это был. «Проклятый Бонзо, —

думал Эндер. — Ведь я мог стрелять».

Он ждал, что Бонзо вот-вот подойдет к нему и скажет: «Следующий раз в подобной ситуации ты можешь стрелять». Но Бонзо не произнес ни единого слова до следующего утра. Все случилось во время завтрака. Конечно, Бонзо ел за столом командиров. Эндер был абсолютно уверен, что именно это дополнительное очко вызвало шум и суматоху в малом зале командиров, аналогичную сенсацию оно вызвало и в общем зале солдат. В других играх такого еще не случалось; каждый игрок проигравшей команды был либо уничтожен — то есть абсолютно заморожен, либо выведен из строя, что означало, что остались незамороженными некоторые части тела, но боец становился недееспособным — он уже не мог причинить вреда противнику и не мог стрелять. Саламандры были единственной проигравшей командой с наличием одного раненого бойца дееспособной категории.

Эндер не горел желанием объяснять, как это все произошло. Но другие бойцы настаивали, они имели право знать. То один, то другой мальчик подходили к нему и спрашивали: «Почему ты не нарушил приказ и не открыл огонь?» Эндеру ничего не оставалось, как говорить, что он всегда

добросовестно выполняет приказы.

После завтрака Бонзо сурово посмотрел на него и бросил:

— Приказ остается в силе, помни об этом.

«Ты заслуживаешь этого, глупец. Может, я плохой солдат, но если я могу оказаться полезным, у тебя абсолютно нет оснований запрещать мне действовать».

Но тирада прозвучала лишь в голове, Эндер не стал возражать.

Самым поразительным и интересным итогом прошедшего боя явилось то, что Эндер выдвинулся в самый перед табеля достижений. Поскольку он не сделал ни единого выстрела — у него не оказалось и ни единого промаха. А так как он не вошел в число уничтоженных или выведенных из строя, то процент его достижений оказался просто замечательным. Он шел с большим отрывом ото всех, никто не приблизился к его результатам. У многих ребят это вызвало просто смех, у остальных зависть и злобу. Но теперь Эндер был лидером табеля достижений.

Он продолжал сидеть и наблюдать за практикой солдат, а затем сам тренировался до изнеможения: с Петрой по утрам, а вечерами с друзьями-новобранцами. К ним присоединилось

уже достаточно много новобранцев, и причина крылась не в простом любопытстве, они видели результаты своих тяжких трудов — у них получалось все лучше и лучше. Естественно, Эндер и Элай оставались непревзойденными лидерами. Частично это происходило из-за Элая, он все время придумывал что-нибудь новенькое, что заставляло Эндера думать и разрабатывать новую тактику взаимодействия с ним. Иногда это порождало глупые ошибки, которые ввергали их в ситуации, требующие сверхъестественных навыков, которые нормальным солдатам не приходили в голову. Хотя многие новшества в итоге оказывались абсолютно бесполезными. Но все было забавным, рождало замечательное настроение, а кроме того, упрочивало полезные армейские навыки. Вечера превращались в лучшее время суток.

Следующие две битвы Саламандра выиграла довольно легко; Эндер вступал на поле боя пятью минутами позже и оставался в целости и сохранности до конца сражения. Эндер наконец понял, что Армия Кондоров, которая одержала над ними верх, была, пожалуй, самая сильная; Армия Саламандры, хотя и ослабленная чрезмерной жестокостью власти Бонзо, считалась тоже одной

из сильнейших команд, которая стремительно набирала баллы и делила уже четвертое место вместе с Крысами.

Эндеру исполнилось семь лет. В Школе Баталий календарей было мало, но Эндер научился выводить и отслеживать дату на дисплее компьютера и заметил, что настал день рождения. В Школе тоже не забыли про его день рождения. Его тщательно замерили, записали размеры и выдали новую униформу Армии Саламандры и новый псевдоскафандр для комнаты военных игр. Он явился к себе в казарму в новом обмундировании. Он чувствовал себя странно и неловко, костюм казался слишком свободным, как новая, плохо прилегающая к нему кожа.

Ему страстно захотелось задержаться возле койки Петры и рассказать ей о своем доме, как обычно справляли его дни рождения, чтобы она могла пожелать ему что-нибудь доброе на счастье. Но никто не делился своими историями об именинах. Это было слишком по-детски. Так делали только новобранцы. Торт с пирожными и глупые обычаи. На шестилетний юбилей Валентина сама испекла ему торт. Он упал на пол, это была ужасная трагедия. Никто больше не знал как испечь торт или хотя бы пирог. Кулинария яв-

лялась одним из безумных коньков Валентины. Все начали дразнить и подзадоривать Валентину, лишь Эндер сохранил на блюдце крохотный кусочек неуцелевшего шедевра. А потом они забрали монитор, он покинул дом. Но он всегда помнил о той сладко-липкой желтой кашице на крае блюдца. Никто не говорил и не вспоминал о доме; у солдат это не принято — для них не существует жизни вне Школы Баталий, Никто не получает писем, никто не пишет весточек домой. Каждый делает вид, что окончательно забыл о доме, и домашние проблемы больше не трогают его сердца.

«Но мне это не безразлично, — думал Эндер. — Единственная причина, которая удерживает меня здесь — забота о доме, беспокойство о родных. Я здесь за тем, чтобы баггеры не выбили глаз любимой Валентине, не размозжили ее голову, подобно арбузу, не раскололи череп лазером так, что спекшиеся мозги присыхают к черепу, а тело становится высохшей мумией. Подобные видения часто являются ко мне в ночных кошмарах, в самые ужасные из ночей. Они заставляют с ужасом вздрагивать и просыпаться в холодном поту, стучать от страха зубами, но молчать и глотать так и невырвавшийся крик. Я одинок и нем в

своем страхе, иначе они обнаружат, что я скучаю по семье, узнают, что я хочу вернуться домой».

Утро принесло облегчение. Воспоминания о родных тупой болью затаились в глубинах памяти, оставив лишь усталость в глазах. В то утро Бонзо появился в казарме, когда они одевались.

— Псевдоскафандры! — заорал он.

Предстоял новый бой. Четвертое сражение, четвертая игра Эндера.

Врагом оказалась Армия Леопардов. Предстояло легкое сражение, так как Леопарды были относительно молодым недавним формированием, их результаты всегда замыкали итоговую таблицу. Армия была образована всего шесть месяцев назад во главе с Полем Слаттери. Эндер нацепил новый боевой костюм и встал в строй; Бонзо грубо вытолкнул его из линии построения и указал на конец шеренги. «Мог бы и не делать этого, — молча возмутился Эндер. — Мог бы и оставить меня на своем месте».

Эндер молча наблюдал в коридоре. Поль Слаттери хоть и казался почти юным, но оказался довольно проницательным и умным, новые идеи так и кипели в нем. Он заставлял свою армию постоянно двигаться, маневрировать от звезды к звезде, совершать стремительные обходы,

появляться то выше, то ниже малоподвижных Саламандр. Эндеру стало весело. Бонзо абсолютно растерялся, вся его армия пришла в полное замешательство. Леопарды оказались рассредоточенными по всем направлениям. Однако игра совсем не выглядела однобокой. Эндер заметил, что Леопарды потеряли много людей — их опрометчивые маневры и безрассудная тактика рассредоточения не замедлили с результатами. Тем не менее Саламандра терпела поражение. Инициатива ускользнула из-под ее контроля. Хотя они все еще относительно успешно сражались с врагом — они теснились друг к другу и толкались как последние жители на искореженной планете, надеясь, что враг проглядит, и их не коснется резня.

Эндер осторожно проскользнул в ворота, сориентировался по отношению к вражеским расположениям и начал медленно отплывать у угол, где его никто не заметит. Он даже выстрелил себе в ноги, чтобы те приняли неестественное полусогнутое положение, и шансы остаться незамеченным еще больше возросли. Теперь он воспринимался как подстреленный солдат, бесцельно болтающийся в пространстве.

Как и ожидалось, Леопарды наголову разбили

Саламандр. Армия Саламандры окончательно прекратила сопротивление, когда у Леопардов оставалось в запасе девять бойцов. Они выстроились и направились в открытые ворота Саламандр.

Эндер тщательно прицелился, и, прежде чем кто-то что-то сообразил, он заморозил трех, которые уже подошли к воротам и намеревались снять шлемы. Наконец, его тоже заметили и подстрелили. Но как и в первый раз — удар пришелся в ноги. Это дало ему время подстрелить еще двоих, которые совсем близко подошли к воротам. У Леопардов оставалось всего четыре человека, когда Эндер был ранен в руку и окончательно выведен из строя. Бой закончился вничью, кроме того, никому так и не удалось попасть ему прямо в тело.

Поль Слаттери негодовал и метал проклятья, но ничего нельзя было уже исправить. Вся Армия Леопардов сочла, что Бонзо сделал хитрый стратегический маневр, оставив в запасе человека на случай роковой минуты. Им даже не пришло в голову, что маленький Эндер проявил собственную инициативу, нарушив все распоряжения и приказы. Знали об этом только в Армии Саламандры. Бонзо хорошо понимал это; и по тем огнеметным

взглядам, которые бросал на Эндера командир, он без слов догадался, какая ненависть вскорости обрушится на него за эту злосчастную ничью. «Меня это мало заботит, — убеждал и успокаивал себя Эндер. — Теперь ему будет легче обменять меня, кроме того, он не оказался в самом конце списка итоговой таблицы. Пусть обменивает, пожалуйста. Я научился от тебя всему, чему только можно. Проигрывать с блеском и шиком — это единственное, что ты можешь, Бонзо!»

Чему еще можно научиться у тебя? Эндер накидал в уме небольшой список. Вражеские ворота закрыты. Значит, используй свои ноги, как щит. Ведь это хоть и маленький, но все же шанс на крайний случай. Рядовые солдаты иногда способны принимать более разумные решения, чем командиры.

Раздетый догола, Эндер собирался нырнуть в кровать, когда перед ним выросла фигура Бонзо. Лицо командира глядело сурово и печально, в нем чувствовалась усталость. «Когда-то так выглядел Питер, — подумал Эндер, — молчаливым и с садистскими огоньками в глазах. Но Бонзо — это не Питер. Бонзо намного опаснее».

— Виггин, я, наконец, обменял тебя. Мне даже удалось убедить Армию Крыс, что твой список

личных достижений — простая случайность. Можешь убираться прямо завтра с утра.

— Спасибо, сэр, — вежливо ответил Эндер.

Возможно, ответ прозвучал слишком уж слащаво вежливо. Внезапно Бонзо размахнулся и с силой стиснул его подбородок ладонями. Затем, не разжимая ладоней, поднял Эндера за подбородок до уровня верхней полки и подержал чуть-чуть на весу, раскачивая в разные стороны, потом разжал ладони. Эндер приземлился на ноги, но не упал. В довершение всего он получил хороший удар в челюсть. Не выдержав силы удара, Эндер рухнул на колени.

— Ты ослушался меня, не выполнил приказ, — произнес Бонзо достаточно громко, чтобы было слышно всем. — Хороший солдат всегда свято исполняет приказы.

Эндер не сдержался и заплакал от боли, но ропот, поднявшийся в бараке, доставил ему какое-то мстительное удовольствие. Ты дурак, Бонзо. Такими методами нельзя укрепить дисциплину, ты лишь окончательно расшатаешь ее. Они ведь тоже поняли, что именно я обернул поражение в ничью, и тем самым спас положение. А теперь они видят, чем ты отплатил мне. Ты выставил себя глупцом, полным идиотом. Что теперь стоит

твой авторитет командира?

Следующим утром Эндер объявил Петре, что пришел конец ее мучениям с ним. Бонзо избавился от него, поэтому Петра может вздохнуть свободнее и отдохнуть от занятий с ним.

— Кроме всего прочего, — добавила Петра, — ты всему уже научился лучше некуда.

Он оставил компьютерную парту и скафандр в своем бывшем ящике. Но ему еще придется некоторое время носить униформу Саламандры, пока военный интендант не сменит ее на коричнево-черную форму Крыс.

Он ничего не взял из личных принадлежностей; у него их просто не было. Да и брать было особо нечего — все, что имело какую-либо ценность, находилось либо в памяти школьного компьютера, либо в голове, либо в руках.

Час после завтрака он провел в комнате игр, где воспользовался одним из общественных игровых мест и потренировался преодолению земного притяжения. Он и не думал, как бы отомстить Бонзо за незаслуженное наказание. Но в нем окрепла уверенность, что никому больше не удастся проделать с ним подобную штуку впредь.

8. Крысы

— Полковник Графф, игры всегда проводились раньше довольно сносно. Использовалось случайное распределение звезд или симметричное. Это даже красиво.

— Совершенство и красота, Майор Андерсон, — это прекрасные качества. Но они не имеют ничего общего с войной.

— Игры должны стать компромиссными, провоцирующими.

— Сравнительные положения и относительная регулярность утратят свое значение.

— Увы!

— Но это займет месяцы. Может быть, годы, чтобы разработать новые принципы и переоборудовать комнаты баталий, запустить новые аналогии.

— Именно поэтому я говорю вам об этом сейчас. Начинайте работу. Дерзайте, творите. Продумайте любое возможное и невозможное скопление звезд. Разработайте правила. Поздние объявления. Неравенство сил. Запускайте пробные симуляторы и определяйте, которые

сложные, а которые проще. Нужен творческий процесс, развивающий интеллект. Мы должны завлечь его туда.

— Вы планируете сделать его командиром? Когда? Когда ему исполнится восемь?

— Нет, конечно. Я еще не приступал к формированию его армии.

— О, вы тоже думаете в этом направлении?

— Мы слишком увлеклись играми, Андерсон. При этом забыли, что игры — это лишь хорошая тренировка.

— Но они также обеспечивают определенный статус, подобие, цели, имена — все, что могут извлечь дети из подобных игр. Когда станет известно, что играми можно управлять, что игры могут принимать разные повороты, быть творческими, это взорвет всю школу, я не преувеличиваю.

— Я знаю.

— Надеюсь, что Эндер Виггин — единственный в своем роде, потому что вы подвергли сомнению и хотите изменить методы обучения, служившие нам долгие годы.

— Если не тот единственный, если пик его военного гения не совпадет с прибытием нашего флота на земли баггеров, тогда вообще не будет

иметь значения, хорош наш метод обучения или плох.

— Я думаю, вы простите меня, полковник Графф, но мне кажется, что я должен доложить о ваших распоряжениях и моем мнении по этому поводу Верховному Стратегу и Гегемону.

— А почему не нашему дорогому Полимарту?

— Все знают, что он у вас под колпаком.

— Какая враждебность, майор Андерсон. Я думал, что мы друзья.

— А мы и есть друзья. Я даже думаю, что вы правы относительно Эндера. Но не верю, что вы, в одиночку, рискнете решить судьбу мира.

— Я даже не знаю, имею ли право определять судьбу Эндера Виггина.

— Надеюсь, вы не планируете переложить эту миссию на меня?

— Конечно, планирую, вы же осел, все время вмешивающийся не в свои дела. Это то немногое, которое решается людьми, отвечающими за свои поступки; которые знают, на что идут и что делают. И отнюдь не дело политиканов, захвативших кресла власти только потому, что их некогда выдвинули толпы равнодушных, малосознательных безумцев.

— Но вы же прекрасно понимаете, зачем и по-

чему я делаю это.

— Потому что вы тоже подобный недалекий бюрократический мерзавец, который заботиться о своей шкуре и все время дрожит, как бы чего не случилось. Как вы не понимаете простой вещи, если что-нибудь случиться, мы все превратимся в мясо для баггеров. Так доверяйте же мне хоть немного, Андерсон. Я не хочу навесить все проклятия Гегемона на свою шею. Я делаю и без того тяжелое дело, и без них тяжкое.

— Но разве это вас не радует? Или все оборачивается против вас? Вы можете строить пакости Эндеру, но лишь дело коснется вас — что ж, увольте?

— Эндер Виггин в десятки раз выносливее и умнее меня. Все, что я делаю — это еще больше развивает его гений. Если бы мне пришлось проделать подобные вещи с собой, я был бы просто сломлен и раздавлен, как червяк. Майор Андерсон, я понимаю, что разбиваю и повергаю в прах игры, которые вы любите больше тех мальчишек, что в них играют. Пожалуйста, ненавидьте меня за это, но не становитесь у меня на пути.

— Я сохраняю за собой право вступать в переговоры с Верховным и Гегемоном тогда, когда захочу. Но сейчас — делайте, что хотите.

— Спасибо, вы чрезвычайно добры и любезны.

* * *

— А, Эндер Виггин, та самая малявка, которая сумела побить все рекорды достижений, спасибо, что осчастливил нас своим присутствием.

Командир Армии Крыс во всей красе нагого тела растянулся на нижней полке. Лишь клавиатура персонального компьютера скрывала наиболее интересные места.

— Ну, теперь, обретя подобную подмогу, разве может наша армия потерпеть хоть одно поражение?

Несколько рядом лежащих мальчиков одобрительно хихикнули.

Пожалуй, не существовало двух более различных армий, чем Крысы и Саламандры. В казарме царил гам, шум, галдеж и полнейший беспорядок. Помня о Бонзо, Эндер ожидал, что встретит подобный хаос как благо или награду. Вместо этого, его охватила тоска по покою, тишине и порядку. Беспорядок и расхлябанность заставляли его чувствовать себя не в своей тарелке.

— Все будет «О'кей», Эндер, я — Роуз де Ноуз, гений еврейского рода, а ты — не что иное, как жалкий прыщ на заднице. Не забывай об этом.

В момент образования ИФ Верховным всегда был еврей, это стало своеобразной традицией. Существовало множество мифов и легенд, что еврейские командующие не проигрывают войн. До сих пор это подтверждала практика, поэтому все еврейские отпрыски стремились стать Верховными Стратегами, это считалось престижным и само собой разумеющимся. Армию Крыс частенько называли Непроходимой Силой, частично по созвучию, частично как пародию на Непобедимые Силы Мазера Рекхема. Однако оставалось много и таких, которые любили напомнить, что во времена Второго Нашествия, хотя на посту Президента в качестве Гегемона Союза стоял Американский Еврей, Израильский Еврей являлся Верховным Стратегом объединенного ИФ, а Русский Еврей Полимартом флота, именно никому неизвестный Мазер Рекхем, полувоенный, полуновозеландец, опираясь на свои Непобедимые Силы полностью разбил космофлот баггеров на орбите Сатурна.

Если Мазер Рекхем сумел спасти мир, то абсолютно не имеет значения течет в нем еврейская кровь или нет, — так решило большинство людей.

Но все имеет свое значение, и Роуз де Ноуз хорошо знал это. Он нарочно подсмеивался над

собой, предвосхищая издевательские выпады антисемитов — каждый, кого он побеждал в бою, хотя бы не надолго становился антисемитом — и он всячески подчеркивал, что знал это, и даже гордился своим происхождением. Его армия прочно занимала второе место и вела упорную борьбу за первое.

— Я подобрал тебя, пигалица, только потому, чтобы все, наконец, усвоили, что и с таким жалким подобием солдата, как ты, я все равно буду выигрывать сражения. Мы подчиняемся здесь лишь трем основным правилам. Делай, что тебе велят, и не писай в постель.

Эндер кивнул. Он догадывался, что Роуз ждет от него вопроса о третьем правиле. И он спросил.

— По-моему, я перечислил все три заповеди. Хотя мы здесь не столь сильны в математике. Смысл был предельно ясен. Победы в боях ценятся превыше всего.

— Можешь положить конец своим тренировкам с недоделанными новобранцами, Виггин. Понятно. Теперь ты в армии взрослых. Я определил тебя в подразделение Динка Микера. С этого момента он для тебя — Бог.

— А кто же тогда вы?

— Я — фигура номер один, офицер, нанявший

бога себе на службу, — Роуз хихикнул, довольный шуткой, — и заруби себе на носу, тебе запрещено пользоваться партой, пока не подстрелишь двух солдат в одном бою. Этот приказ не относится к самообороне. Я слышал, что ты гениальный программист. Но мне не хочется, чтобы ты зацикливался на учебе и втягивал нас в свои головоломки.

Все взорвались от хохота. Через некоторое время до Эндера дошло, почему. Роуз запрограммировал и вывел в увеличенном масштабе на экран огромное изображение мужских гениталий, причем член совершал качательные движения в разные стороны, эта картинка служила единственным прикрытием его наготы. Да, только командир, подобный этому, мог согласиться обменяться на меня, подумал Эндер. И как только человек, тратящий время на пошлости, мог выиграть столько битв?

Эндер нашел Динка Микера в игровой комнате. Тот не принимал участия в играх, а просто сидел и наблюдал за происходящим.

— Меня направили к тебе, — обратился к нему Эндер, — я — Эндер Виггин.

— Я знаю, — ответил Микер.

— Теперь я в твоем подразделении.

— Я знаю, — раздался очередной ответ.

— Я почти ничего не умею.

Динк придирчиво оглядел его.

— Ладно, Виггин, я все прекрасно знаю. Как ты думаешь, почему я попросил Роуза определить тебя ко мне?

У него не было поводов для уныния, не было желания радоваться. Микер добровольно согласился водиться с ним.

— Почему? — спросил Эндер.

— Я наблюдал, как ты тренировал новобранцев. Я подумал, что все это выглядит не так уж плохо. Бонзо просто глуп, мне хочется, чтобы ты поучился у более достойного учителя, чем Петра. Все, что она умеет — это отличная стрельба.

— Мне необходимо было научиться этому.

— Но ты до сих пор двигаешься так, будто боишься замочить штаны.

— Научи меня по-другому.

— Научишься.

— Но я не собираюсь прекращать тренировку с новобранцами во время свободной игры.

— Никто от тебя и не требует их прекращения.

— Но Роуз де Ноуз сказал…

— Роуз де Ноуз не сможет ни запретить, ни заставить тебя. Также у него нет прав запретить

тебе пользоваться компьютером.

— А я думал, командиры могут приказывать все, что угодно.

— Они могут приказать, чтобы луна стала голубой, но этого никогда не произойдет. Слушай, Виггин, любой командир имеет ровно столько власти и авторитета, сколько ты позволишь ему иметь над собой. И чем больше ты будешь повиноваться, тем больше власти он обретет над тобой.

— А как можно избежать физических расправ? — Эндер вспомнил об ударе Бонзо.

— Я думаю, это произошло потому, что ты переманил на свою сторону и убедил в своей правоте всех.

— А ты действительно наблюдал за мной, правда?

Динк не ответил.

— Я не хочу, чтобы Роуз срывал на мне свою злобу. Я хочу стать одним из вас, участвовать в сражениях наравне со всеми. Я устал от бездействия и наблюдения за ходом событий.

— Ну, твоему бездействию пришел конец.

Теперь молчал Эндер.

— Слушай, Эндер, пока ты в моем подразделении, считай себя действующим лицом событий.

Вскоре Эндер понял, почему Динк тренировал свое подразделение абсолютно самостоятельно, независимо от остальной Армии Крыс. В его подразделении чувствовалась сила, бодрость и, конечно, дисциплина. Он никогда не советовался с Роузом и очень редко участвовал в совместных маневрах Армии. Все выглядело так, как будто Роуз командовал большой Армией, а Динк — маленькой, обе армии случайно столкнулись в комнате баталий и вынуждены тренироваться вместе.

Первое занятие Динк начал с того, что попросил Эндер продемонстрировать его атаку вперед ногами. Остальные мальчики отнеслись к его тактике весьма скептически.

— Как можно атаковать, лежа на спине? — спрашивали они друг друга.

К удивлению Эндера, Динк не стал поправлять их, не стал объяснять, что они не атакуют на спине, а как бы выталкиваются вперед ногами. Он безусловно видел, что делал Эндер, но не понял самой сути маневра. Вскоре Эндер осознал, что каким бы талантливым и умным не был Динк, его упорство относительно передвижения по коридору гравитации ограничивало тактические приемы и сдерживало развитие новых

маневров.

Они отрабатывали тактику атаки оккупированной врагом звезды. До знакомства с методом передвижения Эндера они шли в лобовую атаку, и их тела представляли весьма легкие мишени. Даже теперь, когда они выработали весьма успешные приемы относительно безопасного достижения звезд, штурм производился лишь в одном направлении.

— С вершины, — раздавалось приказание Динка, и они штурмовали сверху. Для закрепления маневра он обязательно повторял упражнение в других условиях.

— Теперь то же самое снизу и изнутри.

Но вследствие того, что они постоянно стремились двигаться по ходу гравитации, часть приемов не срабатывала, мальчики становились неловкими, превращались в неуклюжих кукол при любом маневре сверху. Все выглядело так, как будто у них кружилась голова.

Они ненавидели передвижение вперед ногами. А Динк настаивал на использовании данного приема. И в результата они возненавидели Эндера.

— Теперь мы должны учиться у сосунков-новобранцев? — пробормотал один из них в полной уверенности, что Эндер услышит вопрос.

— Да, — твердо отвечал Динк, и тренировка продолжалась.

Обучение шло, навык закреплялся. Сражаясь друг с другом мелкими группами, они наконец начали понимать, насколько сложнее подстрелить врага, летящего на тебя вперед ногами. А по мере того, как росло подобное осознание полезности данного упражнения, появилось и желание прочнее закрепить навык.

Вечером Эндеру впервые удалось вырваться к новобранцам после изнуряющей обеденной тренировки. Он устал и не скрывал этого.

— Теперь ты в настоящей армии, — сказал Элай, — тебе незачем больше заниматься с нами.

— От тебя я узнаю то, что вряд ли смогу узнать от кого-либо.

— Динк Микер — лучший из лучших. Я слышал, он командир твоего подразделения.

— Тогда не будем терять время зря. Я научу тебя, что мне удалось перенять от него сегодня.

Он стал пробовать на Элае и паре дюжин других новобранцев те же самые упражнения, которые сам освоил днем. Но он усовершенствовал их, поставил усложняющие условия, заставляя мальчиков двигаться с одной замороженной ногой, с двумя замороженными ногами или используя

полностью замороженных новобранцев как помехи или трамплин для смены направления движения.

Где-то в самом разгаре занятий он увидел Динка и Петру, внимательно следящих за ходом тренировки. Когда же он снова посмотрел туда, они уже исчезли.

«Значит, они наблюдали за мной и видели все, что я делаю». Он не знал, был ли Динк его другом, но он верил, что Петра — его друг, хотя и за это он вряд ли мог стопроцентно поручился. Возможно они злятся на меня, ведь я веду себя как командир или руководитель подразделения — муштрую и тренирую солдат. Может, их оскорбляет моя близость с новобранцами, ведь я теперь солдат. Факт, что солдаты следили за его тренировками с новобранцами, поставил его в неловкое положение.

— Кажется, я приказывал тебе не пользоваться партой-компьютером.

Фигура Роуза де Ноуза выросла возле его койки.

Эндер даже не посмотрел в его сторону.

— Я заканчиваю задание по тригонометрии на завтра.

Роуз слегка подтолкнул коленом парту Эндера.

— Я сказал не пользоваться ей.

Эндер осторожно положил парту на койку и встал.

— Тригонометрия нужна мне больше, чем глупые приказы тупого командира.

Роуз был выше Эндера сантиметров на сорок. Но Эндер практически не волновался. Дело вряд ли дойдет до физической расправы, а если и дойдет, думал Эндер, то он тоже не останется в долгу. Роуз слишком ленив, чтобы вести потасовки.

— Твои личные результаты ползут вниз, паренек, — язвительно заметил Роуз.

— Этого следовало ожидать. Я возглавляю список достижений благодаря тому глупому способу, каким обычно использовала меня Армия Саламандры.

— Глупому? Благодаря твоей тактике Бонзо выиграл пару ключевых битв.

— Со своей тактикой Бонзо превратил бы свою армию в винегрет. Я всегда нарушал приказ, когда стрелял из оружия.

Роуз ничего не знал об этом. Известие разозлило его до бешенства.

— Значит все, что Бонзо рассказывал о тебе — ложь от первой до последней буквы. Ты не просто ничего не умеющая малявка, ты еще и нарушитель дисциплины.

— Но я превратил поражение в ничью, только благодаря себе.

— Ладно посмотрим, как тебе удастся в следующий раз что-нибудь сделать благодаря себе.

Один из солдат подразделения потряс руку Эндера.

— Поздравляю, ты глуп, как пробка.

Эндер с надеждой посмотрел на Динка, который играл на компьютере, лежа на койке. Динк поднял глаза, увидел, что Эндер смотрит на него и пристально посмотрел в ответ. Его лицо ничего не выражало, тупая маска равнодушия. Ничего. Пустота. «Все прекрасно, — подумал Эндер, — я сам позабочусь о себе».

Очередная битва должна состояться через несколько дней. Это было первое сражение Эндера в качестве полноправного солдата подразделения, он нервничал и переживал. Подразделение Динка выстроилось по правой стороне коридора. Эндер изо всех сил старался не отклоняться в стороны и не нарушать линию строя, не позволял себе раскачиваться под тяжестью собственного веса. Он тщательно заставлял себя стоять по струнке, не шевелясь и не отклоняясь от вертикали.

— Виггин, — позвал его Роуз де Ноуз.

Эндера охватил мгновенный страх, он пронзил его от кончиков пальцев до глотки, тошнотворным комком застрял в горле. Страх заставил его предательски вздрогнуть. Роуз заметил это.

— Трепещешь? Дрожишь? Смотри не намочи в штаны, новобранец.

Роуз ткнул пальцем в сторону оружия Эндера, схватился за ремень и слегка развернул его к себе. На мгновение комната баталий скрылась из виду.

— Посмотрим, чего ты стоишь теперь, Эндер. Как только откроются двери, сразу прыгай и двигайся прямо в сторону вражеских ворот. Старайся шевелиться быстрее.

Господи, самоубийство. Безумное, бесцельное самоуничтожение. Но он должен исполнять приказы. Это не школа, это — армия, и пусть игровая, но война. Какую-то долю секунды Эндер боролся с собственной яростью, затем ему удалось взять себя в руки.

— Прекрасно, сэр, — ответил он, — там, куда выстрелит мое ружье, и будет указателем из главных сил.

Роуз рассмеялся.

— Я думаю, у тебя не будет времени даже притронуться к своему оружию.

Стена вздрогнула и разъехалась в стороны. Эндер прыгнул и с силой вытолкнул себя, набирая скорость и двигаясь в сторону вражеских ворот.

Противником оказалась Армия Сантипедов, они только появились из ворот, когда Эндер находился уже на середине комнаты баталий. Многие намеревались проскочить под прикрытие звезд, но Эндер, высоко подняв ноги над головой, уперев пистолет в грудь, открыл яростный огонь, поливая очередями между ногами. Он успел многих заморозить прямо при вступлении в комнату баталий.

Первыми пострадали его ноги, но у него оставалось в запасе еще несколько добрых секунд, прежде чем вражеская пуля попала в тело и вывела его из строя. Он заморозил еще нескольких, затем широко раскинул руки в противоположных направлениях. Рука, в которой он держал оружие, была направлена в самый центр главных сил Армии Сантипедов. Он последний раз нажал курок, поливая огнем основные массы врага, затем они окончательно заморозили его.

В следующее мгновение он врезался во вражескую калитку и с бешеной скоростью отскочил обратно. Его безвольное тело ударилось в группу вражеских солдат, расположившихся на одной

из звезд. На секунду это вызвало замешательство, затем он был быстро вытолкан обратно. В следующее мгновение он утратил контроль над происходящим, бесцельно плавая в невесомости. Он даже не подозревал, скольких солдат он успел заморозить до того, как сам превратился в сосульку. Но он вырубился с единственной мыслью, что Армия Крыс победит, как всегда.

После сражения Роуз даже не посмотрел в сторону Эндера, не обмолвился с ним ни единым словом. Эндер снова возглавил список личных рекордов. На сей раз ему удалось полностью заморозить трех, двух вывести из строя и семерых ранить. Никаких разговоров о безоговорочном подчинении и быть не могло, он мог беспрепятственно пользоваться партой-компьютером. Роуз больше не покидал своей половины барака и оставил Эндера в покое.

На следующей тренировке Динк Микер начал обрабатывать стремительную атаку из коридора — пример тактического приема Эндера, когда он ошеломил врага, только вступающего на поле боя.

— Если один человек смог наделать столько шума и причинить врагу столько вреда, то что же может целое подразделение?

Динк попросил майора Андерсона открыть двери в центре стены вместо привычных дверей напольного уровня. Теперь настенные двери открывались во время практических занятий, чтобы тренировки проводились в условиях, приближенных к боевым. Знакомые условия приобрели другой смысл. С этих пор никто уже не входил беспечно в двери и не тратил драгоценные пятнадцать-двадцать секунд на ознакомление с обстановкой. Правила игры изменились.

Затем были новые сражения. С тех пор Эндер выполнял вполне определенные обязанности в подразделении. Он совершал ошибки. Сражения мелкими группами постепенно вышли из моды и были забыты. В табеле достижений он шел уже вторым, а потом и вовсе скатился до четвертого места. Однако, он стал допускать все меньше ошибок, он упрочил свои позиции в подразделении, стал своим. Это отразилось и на результатах. Постепенно он поднялся то третьего места, затем до второго, а затем прочно обосновался на первом, почетном месте.

Однажды, после практических занятий, Эндер задержался в комнате баталий. Он заметил, что Динк Микер всегда опаздывает на обед, и решил, что Динк отрабатывает какие-то особые навыки.

Эндера еще не мучило чувство голода, поэтому он решил посмотреть те приемы, которые Динк шлифует в одиночку.

Но Динк не занимался. Он стоял возле двери и смотрел на Эндера.

Эндер тоже замер посреди комнаты и внимательно следил за Динком.

Никто не говорил. Было яснее ясного, что Динк ждет, пока Эндер покинет комнату баталий. Но также было предельно ясно, что молчание Эндера означает немой отказ это сделать.

Динк повернулся спиной к Эндеру, медленно и аккуратно снял скафандр и мягко оттолкнулся от пола. Он медленно двигался к центру комнаты, почти дрейфовал, все его тело было полностью расслаблено. Казалось, его руки и ноги, все тело сносит невидимое воздушное течение.

После изнуряющих скоростей и напряжения практических занятий, изматывающих тренировок, даже наблюдение за дрейфом Динка было своеобразным отдыхом и расслаблением. Он парил не менее десяти минут, прежде чем достиг противоположной стены. Затем он перевернулся, оттолкнулся сильнее, довольно быстро пересек комнату и точно приземлился возле скафандра. Затем так же тщательно одел его и застегнулся.

— Пошли, — крикнул он Эндеру.

Они направились к казарме. Комната оказалась пустой, все мальчики обедали.

Каждый направился к своей койке и переоделся в обычную форму. Эндер подошел к койке Динка и подождал, пока тот окончательно соберется.

— Почему ты остался? — спросил Динк.

— Я не голоден.

— Ладно, теперь ты знаешь, почему я не командующий.

Эндер удивленно вскинул брови.

— Вообще-то мне предлагали уже дважды, но я отказался.

— Отказался? Сам?

— Они отбирали у меня личные вещи, мою койку и компьютер. Потом предлагали мне армию и препровождали в кабинет командующего. Но я специально сидел и не покидал кабинета, пока меня вновь не переводили в чью-либо армию.

— Но почему?

— Потому что я не позволю им это сделать для меня. Я не могу поверить, что ты ничего не замечаешь, Эндер. Я надеюсь, ты еще просто слишком мал. Все эти другие армии, они не враги. Настоящие враги — это учителя. Они заставляют нас бороться и сражаться друг с другом. Они застав-

ляют нас ненавидеть друг друга. Игры — это все. Выигрывать, выигрывать, выигрывать. Но все это равнозначно нулю, пустому месту. Мы убиваем друг друга, а в это время старые ублюдки сидят и спокойно наблюдают за нами, изучают нас, методично отлавливают наши слабости, решают, где мы достойно проявили себя в нем? Для чего? Мне было ровно шесть, когда меня привезли сюда. Разве я тогда знал, что такое ад? Они решили, что я идеально подхожу под программу, но никто до сих пор не может сказать мне, а подходит ли мне их программа.

— Тогда почему ты не ушел обратно домой?

Динк горько усмехнулся.

— Потому что я не в силах отказаться от игры.

Он с силой ударил по снятому и разложенному на койке костюму.

— Потому что я люблю все это.

— И поэтому не хочешь становиться командующим?

Динк отрицательно покачал головой.

— Никогда. Посмотри, что стало с Роузом. Мальчишка просто сошел с ума. Роуз де Ноуз. Он спит вместе с нами, вместо того, чтобы пользоваться личными апартаментами. А почему? Потому что он боится оставаться один, Эндер. Боится

темноты.

— Роуз?

— Но они сделали его командующим за то, что он однажды повел себя очень достойно. А он даже не знает, что он сделал. Он побеждает, но все эти победы, все эти очки еще хуже всего, ведь он не знает, каким образом и почему он постоянно побеждает, а я на своем месте все-таки кое-что могу. В любой момент каждый может выяснить, что Роуз не такой уж талантливый израильский отпрыск, который может одержать победу, чего бы это не стоило. Он просто не знает, почему кто-либо проигрывает или выигрывает. Никто не знает.

— Но ведь это совсем не значит, что он сумасшедший, Динк.

— Я знаю, ты здесь всего год, ты еще думаешь, что все вокруг тебя — это вполне нормальные люди. Но это не так. Мы — совсем другие. Я довольно часто бываю в библиотеке или вызываю книги на экран. Читаю в основном старые книги, потому что они просто ограничивают нас в чем-то новом. Но это неважно, у меня сложилось вполне определенное мнение, какими должны быть дети. Мы — не дети, Эндер. Дети могут терять или приобретать, и это мало кого беспокоит.

Детям чужды армии, они не могут быть главнокомандующими еще для сорока таких же детей. Это больше, чем может вынести человек, если, конечно, он немного не сумасшедший.

Эндер попытался вспомнить, а какими еще могут быть дети, там дома или в школе. Но все, что ему пришло на ум, было связано со Стилсоном.

— У меня был брат. Простой нормальный парень. Все, что его интересовало — это девчонки. И полеты. Он хотел летать. Он играл в мяч с другими мальчишками. В азартные игры, стрелял по мишеням в тире, гонял по коридорам мяч, пока какой-нибудь миролюбивый офицер не конфисковывал его. Это было отличное время. Он учил меня, как правильно вести мяч, если ко мне переходит подача.

Эндер вспомнил собственного брата, но ожившие воспоминания не доставляли ему радости.

Динк оценил выражение лица Эндера по-другому.

— Ладно, я знаю, все предпочитают не говорить о доме. Но мы ведь появились не из ниоткуда, а из вполне конкретных мест. Не Школа Баталий произвела нас на свет. Она может только разрушать. И мы все помним дом и все, что с ним связано. Возможно это не только радужные воспомина-

ния, но мы помним и врем друг другу, прячась за равнодушную забывчивость. Посмотри вокруг, Эндер, почему никто никогда не говорит о доме? Разве это не говорит само за себя, как это важно. А никто не признается в этом даже себе. Ну разве не ад?

— Да нет, все нормально. Просто я тоже вспомнил свою сестру, Валентину.

— Извини, я не хотел огорчать тебя.

— Все нормально. Я не слишком часто думаю о ней. По-моему, я тоже стал частью всей этой игры.

— Все правильно, мы в норме и никогда не расплачемся. Господи, я никогда не задумывался об этом. Ведь никто из нас не плачет. Мы стараемся стать взрослыми. Как наши отцы. Я почему-то представляю твоего отца, похожим на тебя. Такой спокойный и выносливый и вдруг взрывается, как порох — и…

— Я совсем не похож на отца.

— Возможно я ошибаюсь. Но вспомни Бонзо, твоего прежнего командующего. Он весь пропитан духом испанской чести. Он не может позволить иметь слабости. Быть лучше его — это кровная обида, оскорбление. Быть сильнее — все равно, что кастрировать его. Именно поэтому он

ненавидел тебя, ведь ты не страдал, не мучился, когда он наказывал тебя. Он ненавидел тебя, от всего сердца хотел бы уничтожить тебя. Он безумец. Все они безумцы.

— А ты?

— Я тоже безумец, такой маленький законсервированный псих. Но когда во мне закипает очередной приступ безумия, я всегда стремлюсь в одиночку парить в невесомости, тогда безумие потихоньку вытекает из меня, прилипает к стенкам и оседает там в ожидании новой жертвы. И как только во время очередного боя кто-нибудь врезается в стену, он тут же подхватывает эту заразу и прибавляет к своему сумасбродству очередную дозу.

Эндер засмеялся.

— Ты тоже скоро заразишься безумием, — пророчески изрек Динк, — ладно, пошли жевать.

— Возможно ты сможешь быть командующим и не сойдешь с ума. Зная все о безумии, ты не допустишь, чтобы оно овладело тобой.

— Я не собираюсь позволять этим ублюдкам разрушить меня, Эндер. На тебя они тоже положили глаз, и вряд ли планируют обходиться с тобой мягко. Посмотришь, что тебя еще ожидает.

— Пока они только продвигают меня и больше

ничего.

— И это делает твою жизнь интереснее и легче, да?

Эндер снова рассмеялся и покачал головой.

— Возможно, ты прав.

— Они думают, что им удастся заморозить тебя. Смотри не поддавайся.

— Но именно поэтому я здесь, — произнес Эндер. — Иначе зачем учить меня, определять меня в подразделение. Все это ради спасения мира.

— К сожалению, я уже не могу верить во все эти сказки, которые так прочно сидят в твоей голове.

— А во что верить?

— Вечная угроза баггеров. Спасение мира. Послушай, Эндер, если бы баггеры решили вернуться и отомстить нам, они давно были бы уже здесь. Но они больше не посягнут на нас, не вторгнуться в наши просторы. Мы разбили их, и они отступили.

— Но видео…

— Все это от Первого и Второго Нашествий. Твой дедушка еще вряд ли родился, когда Мазер Рекхем наголову разбил их. Приглядись внимательно. Это фальшивка. В мире больше нет войн. Они крутят нам старые ролики.

— Но зачем?

— Потому что пока люди боятся баггеров, ИФ будет все время во всеоружии и силе. А пока ИФ остается в силе, определенные страны могут оставаться во главе и рассчитывать на дальнейшее господство. Но помяни мои слова, Эндер. Люди скоро разгадают эту игру, и тогда на смену придет другая война — гражданская. Это уже более реальная угроза, Эндер, но не баггеров. И в этой войне, если она начнется, мы уже не будем друзьями. Потому что ты — американец, как и наши дражайшие учителя. А я — нет.

Они вошли в столовую и поели, болтая совсем о других вещах. Но Эндер не переставал думать о словах Динка. Школа Баталий была настолько изолированным учреждением, а игра в войну так прочно насаждалась в умы ребят, что Эндер невольно позабыл о том, другом, внешнем мире. Испанская гордость. Гражданская война. Школа Баталий — действительно очень уединенное, маленькое местечко, это правда.

Но Эндер так и не мог до конца принять выводы Динка. Баггеры реальны. Их угроза тоже реальна. ИФ контролирует многие вещи, но видеосводки и компьютерные сети вряд ли подконтрольны ИФ. Во всяком случае, не там, где вырос Эндер. На родине Динка, в Нидерландах, находящихся под

властью уже трех поколений русской династии, там, возможно, все подконтрольно. Но Эндер твердо знал, что ложь не может долго продержаться в Америке. Поэтому он верил.

Верил, но зерно сомнения уже запало в душу, оно крепко присосалось к ней и уже пустило крошечный корешок. По мере роста, он менял и восприятие. Росток сомнений заставлял Эндера более внимательно вникать в то, что подразумевают люди, а не что они говорят. Он сделал его более мудрым.

Во время вечерней практики собралось совсем мало мальчиков, только половина.

— А где Бернард? — спросил Эндер.

Элай усмехнулся. Шен смиренно закрыл глаза, желая показать, что передается медитации.

— А разве ты не слышал? — сказал мальчик из другой группы новобранцев. — Говорят, что тот, кто будет ходить на твои тренировки, вряд ли может рассчитывать на место в армии. Говорят, что командующие не хотят брать пополнение, испорченное твоими занятиями.

Эндер молча кивнул.

— Но что до меня, — продолжил чужой новобранец, — то я думаю, что тренировки только на пользу будущим солдатам, и командующий сам

себя накажет, если откажется от такого пополнения. Ведь так?

— Да, — со вздохом сказал Эндер.

Они начали занятие. Спустя полчаса, во время отработки столкновений с замороженными солдатами, появилось несколько командующих из разных армий. Они скрупулезно записали имена тренирующихся.

— Эй, — закричал Элай, — убедитесь, что правильно записали мое имя.

Следующим вечером собралось еще меньше мальчиков. К этому времени Эндер уже достаточно наслушался всяких разных историй — новобранцев выталкивали из комнат баталий, происходили разные происшествия в столовой и игровых комнатах, или личные файлы новобранцев были весьма грубо разрушены более старшими мальчиками, которые легко ломали примитивные системы защиты новобранцев.

— Сегодня практики не будет, — объявил Эндер.

— По-моему, до настоящего ада еще далеко, — возразил Элай.

— Подожди несколько дней. Я не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал из-за меня.

— Если ты прекратишь занятия хотя бы на один

вечер, то они еще больше уверятся в своей силе. Это тоже самое, как если бы ты уступил и струсил перед Бернардом, когда он вел себя по-свински.

— Кроме того, — добавил Шен, — нас это не напугало и мало заботит. Ты можешь со спокойной совестью продолжать. Нам нужны эти тренировки так же, как и тебе.

Эндер вспомнил слова Динка. Господи, как же мелко и банально выглядела вся эта возня по сравнению с делом спасения мира. Почему кто-то должен тратить каждый вечер своей жизни на эти глупые, бессмысленные игры?

— Вряд ли стоит добиваться своего такой ценой, — сказал Эндер.

Он повернулся, чтобы уйти. Элай остановил его.

— Они и тебя пугали? Может они топили тебя в ванной или пытались засунуть голову в унитаз? А может у тебя стащили оружие?

— Нет, — произнес Эндер.

— Значит, ты до сих пор мой друг? — спросил Элай уже более спокойным тоном.

— Да.

— Тогда я тоже все еще твой друг, и я остаюсь здесь заниматься с тобой.

Старшие юноши вновь появились во время

практики, но теперь командующими были единицы. Большинство принадлежало двум армиям. Эндер легко узнал униформу Армии Саламандры. Пара юношей из Армии Крыс. В этот раз никто не записывал имена. Вместо этого они дразнили и громко насмехались над новобранцами, когда у тех не получались сложные приемы и комбинации. Некоторые мальчики смутились и совсем растерялись.

— Послушайте, что они орут, — сказал Эндер достаточно громко, чтобы все слышали. — Хорошенько запомните их слова. Если вы захотите свести с ума своих врагов, повторите им подобные высказывания. Это заставит их наделать массу глупостей. Но мы-то не сумасшедшие.

Шену пришлась идея Эндера по душе. И теперь, после каждого выкрика старших, он вместе с четырьмя другими новобранцами громко и отчетливо повторял фразу четыре-пять раз. А когда они дошли до того, что стали распевать некоторые фразы наподобие припевок, старшие мальчики не выдержали, отделились от стен и ринулись в бой.

Однако боевые скафандры были предназначены для боев с использованием светового оружия; они почти не обеспечивали защиты и серьезно

мешали движению в рукопашном бою. Некоторые сразу получили достаточно сильные удары и не могли больше драться, но одеревенелость и твердость костюмов сыграла свою службу. Эндер быстро приказал собраться своим новобранцам в одном углу комнаты. Видя это и расценивая как капитуляцию, другие взрослые мальчики, которые просто наблюдали, присоединились к атаке.

Эндер и Элай решили швырнуть замерзших солдат прямо навстречу противнику. Один замерзший новобранец нацеленно летел шлемом вперед, двое других тоже стремительно приближались к массе старших, вращаясь друг против друга. Одному из взрослых мальчишек удар шлемом пришелся прямо в грудь, он с воем схватился за ушибленное место, на глазах выступили слезы.

Шутки кончились. Теперь все наблюдатели из старших ринулись в бой. У Эндера не осталось даже надежды, что им удастся покинуть поле боя без увечий и повреждений. Однако враг выступал очень неорганизованно, драка велась наудачу; они никогда прежде не работали вместе, а маленькая гвардия Эндера, несмотря на свою малочисленность, хорошо знала друг друга, а главное — умела действовать совместно, а не по

одиночке.

— Вперед! К победе! — закричал Эндер. Новобранцы рассмеялись. Они разбились на три группы. Соединив ноги и взявшись за руки, они образовали некое подобие маленьких звезд возле дальней стены.

— Теперь обходим их и прямо к дверям! Пошли!

По его команде все три звезды одновременно распались, и новобранцы разлетелись в разных направлениях, но они летели под такими углами, чтобы оттолкнуться от стен и направиться к дверям головой вперед. А поскольку вражеская гвардия собралась в центре комнаты, им значительно труднее было сменить направление, в отсутствии опор и стен подобный маневр оказался фактически неосуществимым.

Эндер сориентировал себя таким образом, чтобы при столкновении использовать замороженного солдата как трамплин. Однако мальчик оказался не неподвижным, он позволил Эндеру ухватиться за себя, развернуть себя и оттолкнуться, чтобы отлететь к двери. К несчастью, Эндера ожидал противоположный результат — вместо полета к двери он двигался совсем в другую сторону. Но ему удалось замедлить

скорость передвижения. Теперь единственный из своей гвардии он медленно подплывал к группе старших ребят, собравшихся в дальнем конце комнаты баталий. Он слегка повернулся и убедился, что все его новобранцы в целости и безопасности собрались возле дверей.

Какое-то время разозленный и рассредоточенный отряд врага с недоумением взирал на него. Эндер подсчитывал как скоро он сможет достичь стены и приземлиться или сменить направление передвижения. Он мог не тревожиться, долгожданное приземление ожидало его явно не скоро. Несколько старших мальчишек устремились ему наперехват. Эндер старался отыскать среди них лицо, похожее на Стилсона. Наконец он понял, что ничего похожего, даже отдаленно там нет, и содрогнулся. Тем не менее, ситуация вновь повторилась, однако теперь не было комбата, способного прекратить бузу и разогнать всех по своим местам. У них не было лидера, думал Эндер, зато они все намного сильнее и крупнее его.

Несмотря ни на что, он кое-что вспомнил о физических законах движения объектов и законах невесомости. Тренировочные бои и битвы никогда не доходили до рукопашного боя, кроме того невозможно было столкнуться и удариться

о незамерзшее тело. Поэтому Эндер мог рассчитывать на несколько свободных секунд, чтобы скорректировать свою позицию и подготовиться к встрече.

К счастию, противники так же мало знали о драках в невесомости, как и он. Те несколько добровольцев, которые попытались поколотить его кулаками, скоро убедились в полной безрезультатности своих попыток. Одновременно с выбросом кулака вперед их тела также быстро отскакивали в противоположном направлении. Но, как успел заметить Эндер, в группе противника нашлись и такие, чьи головы природа создала не только из костей, забыв положить хоть чуть-чуть мозгов. Эндер не стал дожидаться их реакции.

Он схватил одного из нападавших за руку и дернул так сильно, как только мог. Это крутануло и Эндера и отбросило его от группы врага, хотя и не приблизило к спасительным дверям.

— Стойте на месте, — крикнул он своим товарищам, видя, что некоторые вот-вот готовы бросится ему на выручку. «Стойте на месте и не двигайтесь!»

Кто-то схватил Эндера за ногу. Эта хватка обеспечила ему некоторую опору и новое средство борьбы. Ему удалось дотянуться до плеча другого

мальчика и схватить его за ухо. Мальчик заорал от боли, и его товарищ был вынужден отпустить ногу Эндера. Если бы тот, кого он схватил за ухо, последовал вниз вслед за Эндером, ему бы меньше досталось, кроме того Эндер мог использовать его как опору для изменения направления движения. Вместо этого мальчишка изо всех сил старался зависнуть и не сдвигаться с места; в результате ухо хрустнуло и слегка надорвалось, капельки крови бисером засверкали в невесомости. Непредвиденный результат ужасом сковал Эндера, его движение замедлилось, он почти повис на месте.

Я опять сделал это, долбила Эндера навязчивая мысль. Я снова причиняю боль людям, чтобы спасти себя. Почему они не оставят меня в покое, чтобы не было повода обижать их и причинять боль?

Три других юноши стремительно приближались к нему, на этот раз они действовали согласованно. Однако им нужно было еще схватить его, прежде чем начать обработку кулаками. Эндеру удалось перевернуться так, что двое противников могли поймать его лишь за ноги, оставив свободными руки для расправы и отпора третьему.

В полной уверенности они заглотили наживку. Эндер схватился обеими руками за рубашку третьего и потянул его на себя, врезаясь своей головой в шлеме прямо в лицо. Снова сильный удар и очередная кровь. Двое других, державших его за ноги, с силой дернули его. В ответ на это Эндер швырнул парня с разбитым носом прямо на одного из державших. Они столкнулись и разлетелись в разные стороны. Одна нога Эндера оказалась на свободе. Не было ничего проще, как использовать захват второго, как опору для толчка. Он с силой пнул его в пах и оттолкнулся, нацеливаясь на дверь. Маневр оказался не совсем блестящим, но это уже не имело значения. Никто больше не преследовал его.

Он беспрепятственно присоединился к друзьям возле двери. Они поймали его налету и вынесли на руках. Все радостно смеялись и шутливо приговаривали: «Ты дурно воспитан!» — повторяли новобранцы, давясь от смеха. «Просто жуткий тип! Прямо порох!»

* * *

— На сегодня практика окончена, — сказал Эндер.

— Они завтра снова придут, — произнес Шен.

— Тем хуже для них, — произнес Эндер. — Если они придут без скафандров, повторим то же, что и сегодня. А если в скафандрах — попросту всех заморозим и конец.

— Кроме того, — добавил Элай, — учителя вряд ли допустят очередную потасовку.

Эндер вспомнил слова Динка и удивился прозорливости Элая.

— Эй, Эндер, — крикнул кто-то из старших ребят. — Ты — ничтожество, пустое место! Мы уничтожим тебя!

— Мой прежний командующий, Бонзо, — крикнул в ответ Эндер, — я думаю, тоже не любил меня.

Весь оставшийся вечер Эндер играл в шахматы с компьютером. Четыре его соперника проходили медосмотр. У одного оказалось сломанным ребро, один с сотрясением мозга, один с разорванным ухом и один со сломанным носом и выбитым зубом. Причиной увечий во всех случаях стояло одно и тоже:

«Случайное столкновение в условиях невесомости».

Если учителям будет позволено не доводить дело до официального рапорта, было ясно, что

они не собираются никого наказывать за эту позорную потасовку в комнате баталий. Интересно, собираются они что-нибудь предпринимать? Разве их не заботит, что происходит в школе?

Так как он вернулся в барак раньше, чем обычно, то вызвал на экран фантастическую игру. Он уже довольно долго не играл в нее. Достаточно долго, что забыл то место, где кончил. Поэтому вновь начал с того места, где лежал труп Гиганта. Однако теперь то, что от него осталось, даже трудно было назвать телом. Останки наполовину истлели и смешались с землей, сквозь внутренности проросла трава. От головы остались лишь белые кости черепа. Они торчали уродливыми неровными обломками.

Эндер не стал откладывать борьбу с детьми-волками, но к его глубокому удивлению их нигде не было. Возможно, однажды умерев, они уже больше не воскресали. Это его немного огорчило.

Он спустился под землю, попетляв по туннелям, затем оказался на отлогом высоком уступе с чудесным видом на лес. Он снова прыгнул вниз, облако подхватило его и перенесло в замкнутую комнату башни замка.

Как и прошлый раз, яркая дорожка зашевелилась и превратилась в змею, только теперь Эндер

не колебался.

Он наступил на голову змеи и растоптал ее ногами. Она шипела и извивалась всем телом, в ответ он еще сильнее вдавил ее в пол. Наконец, она замерла. Он поднял ее и с яростью швырнул на пол, безжизненное тело змеи вновь обратилось в дорожку. Эндер оглянулся в поисках выхода.

Вместо двери он обнаружил зеркало. Из зеркала на него глянуло лицо, которое он тут же узнал. Это был Питер, по его подбородку пролегла кровавая дорожка, изо рта выглядывал хвост змеи.

Эндер вскрикнул и отшвырнул от себя парту. На его крик подошло несколько мальчиков, но он извинился и сказал, что крик вырвался случайно. Они отошли к своим койкам. Он снова посмотрел на экран парты. Его мини-фигурка все еще стояла рядом с зеркалом. Он попытался найти хоть что-нибудь, чем можно разбить зеркало. Но зеркало висело, как заколдованное. Казалось, оно сделано из брони. Наконец Эндер подобрал змею и швырнул ее в зеркало. Зеркало исчезло, оставив после себя отверстие в стене. Десятки мерзких, склизких змей начали медленно появляться из отверстия. Они, зловеще шипя, окружали фигурку Эндера. Вот кишащая масса поглотила ее. Фигурка замерла, утонув в змеиной каше.

Экран погас, и появилась надпись.

Еще одна игра?

Эндер выключил компьютер и отложил парту.

На следующий день к Эндеру подходили командующие или посланные парламентеры. Все успокаивали его, уговаривали не волноваться о последствиях. Многие говорили, что поддерживают идею практики с новобранцами, считают его тренировки полезными, и советовали продолжать начатое. А чтобы больше никто не мешал ему, они откомандировали для поддержания порядка старших солдат, которые готовы были помочь ему.

— Они такие же огромные, как те баггеры, которые напали на тебя прошлым вечером. Кроме того они в два раза умнее.

Вместо обычных десяти — пятнадцати человек следующим вечером собралось сорок пять. Возможно на это повлияло присутствие старших, принявших сторону Эндера, а, возможно, авторитет прошлой драки, давшей ясный пример, что будет с теми, кто встанет на дороге.

Эндер больше не возвращался к своей излюбленной игре. Но она заняла прочное место в его мечтах. Он снова прокручивал эпизод убийства

змеи и те чувства, что переполняли его, когда он растаптывал ее на полу. Он невольно сравнивал те чувства с другими, когда он отрывал ухо, избивал Стилсона или ломал кости Бертрану. Вновь перед ним вставало лицо Питера, оно неотступно следило за ним из призрачного зеркала. Игра слишком хорошо изучила его слабости. Она превратилась в низкую презренную лгунью. Я — не Питер. В моем сердце нет жажды убийства.

И еще этот липкий противный страх, что он стал убийцей. Пусть не таким, как Питер. Но именно этот штрих, эта черта так нравится учителям. Именно убийцы нужны им для расправы с баггерами. Им нужны люди, которые смогут растоптать врага в грязи, безжалостно наступить ему на лицо, пустить его кровь красным дождем.

Да, я ваш человек. Я именно тот кровавый ублюдок, каким вы хотели меня видеть. Я оружие в ваших руках. И разве имеет значение, что я сам ненавижу ту часть своего «я», которую так лелеете вы? Разве имеет значение то, что когда маленькие змейки убивают меня во время игры, я согласен с ними и благодарен за избавление от себя? Я рад и счастлив.

9. Локи и Демосфен

— Я пригласил вас сюда не для того, чтобы тратить время впустую. Какого черта компьютер повел себя именно так?

— Я не знаю.

— Каким образом он вытащил изображение брата Эндера и поместил его среди мультипликационных изображений Страны Чудес?

— Полковник Графф, меня не было, когда создавалась эта игра. Единственное, что я знаю, это то, что компьютер никого не пускал туда раньше. Страна Чудес — очень странное место, с определенных пор она вообще перестала быть обычной Страной Чудес. Это даже больше, чем Конец Света, это...

— Я знаю название всех мест, но я не знаю как они себя ведут и что подразумевают.

— Страна Чудес была заложена с самого начала. Подразумевалось ее присутствие совсем в других местах. В ней не было и намека на Конец Света. Правда нам еще не удавалось на практике проверить это.

— Мне не нравится, что компьютер вступил

в контакт с мозгом Эндера, тем более подобным образом. Питер Виггин — одна из самых значимых фигур в жизни Эндера, за исключением, пожалуй, его сестры Валентины.

— А интеллектуальная игра вознамерилась воссоздать их, помочь им подыскать мир, где бы они все чувствовали себя удобно и комфортно.

— Вы действительно так думаете, майор Амби? Мне не хочется видеть Эндера, чувствующим себя комфортно при Конце Света. Наша деятельность направлена не на это, мы не можем позволить извлечь удобства из Конца Света!

— Конец Света в игре отнюдь не означает конца человечества в войне с баггерами. Он имеет сугубо личное значение только для Эндера.

— Прекрасно. Что это все означает?

— Я не знаю, сэр. Я ведь не ребенок. Лучше об этом спросить у него самого.

— Майор Амби, мне хочется, чтобы ответили вы.

— Здесь можно выдвинуть тысячи предположений.

— Приведите хотя бы одно.

— Вы изолировали этого мальчика. Возможно он желает конца именно этого мира, мира Школы Баталий. А, возможно, это конец того мира,

из которого он просто вырос — мира детства, мира дома. А может быть все это — своеобразное средство борьбы с разрушительной силой остальных детей. Эндер — очень чувствительный ребенок, вы же прекрасно знаете, а ему постоянно приходится причинять боль другим; вполне вероятно, что он желает окончания этого мира.

— Или ничего из того, что вы здесь наговорили.

— Весь интеллект этой игры и заключается во взаимодействии компьютера с мозгом самого ребенка. Они вместе сочиняют игровой сюжет. Как правило, эти истории жизненны и правдивы; в том смысле, что они отражают реальность жизни ребенка, подлинные условия его жизни и чувства. Это все, что я знаю.

— А теперь послушайте, что я знаю, Майор Амби. Это изображение Питера Виггина совсем не из тех, которые машина могла почерпнуть из наших файлов здесь в школе. У нас нет ничего о нем ни электронного, ни какого либо еще, с тех самых пор, когда здесь появился Эндер. Кроме того, это совсем недавнее изображение.

— Но ведь все произошло в течение года с небольшим. Вряд ли мальчик мог сильно измениться за такой короткий срок.

— Да, но сейчас он носит волосы абсолютно по-другому. Кроме того у него действительно весь рот красный вследствие заболевания десен. Я специально сделал запрос на континент через компьютер и сравнил. Значит единственный путь, каким наш компьютер мог получить эту фотографию — это запрос и выход на компьютерную сеть наземного базирования. А насколько мне известно ни один из наземных компьютеров не связан с ИФ. Между ними отсутствуют каналы связи. Мы не можем выйти прямо на Гилфорд Северной Каролины и позаимствовать фото из школьного архива. Может ли кто-нибудь из школы санкционировать подобный допуск?

— Вы меня не поняли, сэр. Компьютер нашей Школы Баталий — лишь часть разветвленной сети ИФ. Если мы захотим иметь фото, то нам необходимо делать запрос на общую сеть компьютеров наземного базирования и запрос на само фото, но если сама интеллектуальная игра решила, что ей необходимо данное фото...

— Но его не возможно просто так взять и перенести.

— Естественно, это не будет происходить каждый день. Все делается лишь в тех случаях, когда это необходимо самому ребенку...

— Ладно, пусть для его пользы. Но зачем? Его брат очень опасен. Его брат был в свое время отвергнут как неподходящая фигура, поскольку уже тогда было предельно ясно, что перед нами наихудший из рода человеческого, с каким нам вообще доводилось сталкиваться. Почему он настолько необходим и важен для Эндера? Почему спустя столько времени?

— Если честно, сэр, то я не знаю. А интеллект программы устроен таким образом, что абсолютно не за что зацепиться. Игра сама может не знать этого. Это то, куда нам вход воспрещен.

— Вы думаете компьютер совершенствует сам себя от взаимодействия?

— Мы не должны исключать этого.

— Ладно, это немного меня успокоило, а то я было подумал, что я единственный из всех.

* * *

Валентина отпраздновала восьмилетие Эндера в одиночестве, уединившись в лесистой части двора их нового дома в Гринсборо. Она расчистила от листьев и сучков маленькую площадку, затем палочкой прямо на земле написала его имя. Потом она нагребла еще немного мелких веток и сухой листвы, образовала из них невысокий

конус и зажгла крошечный костерок. Его легкий дым смешался с запахом леса и преющей листвы, создав неповторимый природный аромат. Он вознесся далеко в небо и еще дальше в безмерное пространство… Она молча сидела и мечтала, что он долетит до далекой Школы Баталий…

Не было ни единого письма, кроме того, они узнали, что и их собственные письма не доходили до него. Первое время, как только его забрали, отец и мать почти каждый вечер садились за стол и составляли длинные подробные послания. Через некоторое время число писем сократилось до одного в неделю, но ответов все не было, и письма стали писаться один раз в месяц. Сегодня прошло ровно два года с того дня, как он покинул родной дом, а они так и не получили ни единой весточки, ни единого напоминания, даже по дням рождения. Он умер, с горечью думала она, потому что мы забыли о нем.

Но Валентина не забыла, она всегда помнила о нем. Ни родители, ни даже вездесущий всевидящий Питер не подозревали, как часто она думает о нем, и сколько писем написала, зная что ни на одно не придет ответ. А когда отец и мать объявили, что они меняют местожительство, переезжают в Северную Каролину, она уже

твердо знала, что ей не суждено больше увидеть Эндера. Все, что их еще связывало, это лишь место, куда он мог вернуться и где мог отыскать их. Где теперь он их будет искать, как сможет найти среди этих непроходимых лесов и тяжелых, тучных облаков? Он будет жить среди коридоров и комнат. Даже если он все еще в Школе Баталий, там совсем нет природы. Да и зачем ему все эти красоты?

Валентина знала истинную причину их переезда. Он был задуман ради Питера. С точки зрения мамы и отца жизнь среди просторов природы, общение с лесом и животными, должна была благодатно повлиять на их странного жестокосердого сына. И где-то, конечно, она повлияла. Питер с головой окунулся в новую жизнь. Он много гулял, петляя и продираясь сквозь непроходимые чащобы, мог часами отдыхать на окруженных лесом полянах. Иногда за прогулками он проводил целые дни, беря с собой пару бутербродов да переносной компьютер. Маленький карманный нож был его единственным оружием и защитником.

Но Валентина знала и другое. Она видела маленькую белку, с обрубленным хвостом и ободранной кожей, беспомощно барахтающуюся в грязи и тщетно пытающуюся подняться

на связанные лапы. Она живо представила, как Питер ставил капкан, затем живую помещал в импровизированный штатив, а потом медленно и осторожно срезал верхний слой кожи, стараясь не прорезать брюхо, наблюдая как сокращаются мышцы и бьется в судорогах тельце обезумевшего от боли и страха животного. Сколько времени еще может прожить та белка, прежде чем смерть прекратит ее страдания? А в это время Питер сидел где-нибудь рядом, привалившись к дереву, возможно к тому, где находилось дупло замученной белки, и развлекался с компьютером, изредка наблюдая как мучительно вытекает жизнь из маленького существа.

Сначала она громко возмущалась и даже убегала во время обеда, не в силах видеть, с каким аппетитом Питер ест и при этом не забывает шутить и улыбаться. Но чем больше она думала о поведении брата, тем больше убеждалась, что для него это тоже некое таинство, обряд, а, может, даже своеобразная магия, как и для нее маленькие костры; жертва, успокаивающая черные силы больной души. Лучше издеваться над белками, чем над другими детьми. Питер всегда жаждал крови, тщательно вынашивал и осуществлял свои злодейские планы, так пусть он лучше пьет

кровь беззащитных животных, пусть это будут мелкие порции садизма, чем огромные дозы жестокости, которые он обрушивал на других детей в школе.

— Идеальный ученик, — говорили о нем учителя. — Хотелось, чтобы и остальные стали такими же. Он все время учится, он умеет извлекать знания из простой жизни, а жизнь превращать в знания. Он обожает учиться.

Но Валентина знала, что это лишь видимость, сплошной обман. Питер любил знания, любил сам процесс учебы, все верно, но учителя ничего не давали ему. Он учился и получал знания благодаря домашнему компьютеру, постоянному копанию в библиотеках и знакомству с базами данных, думая и рассуждая о сути вещей, а кроме всего прочего, беседуя с Валентиной.

В школе он вел себя так, как будто возбужден и по-ребячески взволнован впечатлениями дня. «О, боже, я никогда не подозревал, что изнутри лягушка выглядит именно так», — говорил он. А дома тщательно изучал голограммы строения клетки, способы их деления и функционирования в едином организме. При этом он весьма умело пользовался литературой, веками накопленной в филотических библиотеках вселенной. Питер

был мастер лести и обмана, а учителя легко покупались на его «невинный взор» и постоянное стремление к новым знаниям.

Тем не менее, все было хорошо. Питер больше не ожесточался, не стремился к лидерству и утверждению на костях других. Со всеми вел себя ровно и доброжелательно. Это был во всех отношениях новый Питер.

Все легко поверили в это. Отец и мать радовались и не уставали повторять о благом влиянии переезда. Казалось все вдруг нацепили розовые очки. Иногда Валентине хотелось кричать: «Протрите глаза, это совсем не новый Питер. Это прежний, старый Питер, только умнее и коварнее!»

Намного умнее. Умнее тебя, отец. Умнее и тебя, мама. Умнее всех, кого мне только доводилось встречать.

Но не умнее меня.

— Я все еще решаю, — сказал Питер, — убивать тебя или нет.

Валентина прислонилась к сухому шершавому стволу, костерок угасал, унося с собой последние капли неповторимого аромата.

«Я тебя тоже люблю, Питер».

— А ведь это так просто. Ты постоянно разво-

дишь эти мерзкие глупые костры. Можно просто ударить и сжечь тебя. Ты будешь прекрасной жертвой ритуального костра.

— А я думаю, что ты так крепко спишь ночью, что тебя легко можно кастрировать во сне.

— Ты не осмелишься. Тебе это приходит в голову только когда я стою перед тобой, как сейчас. Я пробуждаю в тебе все лучшее: лучшие чувства, лучшие мысли… Ладно, Валентина, я решил не убивать тебя. Я думаю, что ты еще пригодишься мне.

— Я?

Еще несколько лет назад Валентина холодела от страха от угроз Питера. Однако теперь, она даже не испугалась. Нет, она не сомневалась, что Питер способен убить ее. Она не знала ни одной, даже самой ужасной вещи, которую бы Питер был не в силах осуществить. Она так же знала, что Питер не был душевно больным и мог вполне контролировать себя и свои поступки. Он владел собой лучше, чем кто-либо из тех, кого она знала. За исключением, пожалуй, ее самой. Питер мог откладывать и замедлять исполнение своих желаний настолько, насколько это было ему необходимо; он легко управлял своими эмоциями. Она была твердо уверена, что он не только не

сможет причинить ей боль, он даже пальцем не тронет ее в порыве ярости. Он может решиться лишь в случае, когда выгода пересилит риск. Другие люди вели себя по-иному, большей частью импульсивно. Поэтому она многим предпочитала Питера. Он всегда поступал согласно выгоде для себя и сообразно собственным интересам. Поэтому, все что было нужно, чтобы обеспечить себе безопасность, это постоянно поддерживать в нем интерес, живая она ему нужна больше, чем мертвая.

— Валентина, все вещи рождаются в голове. Я тут проследил за передвижением армии в России.

— О чем мы говорим?

— О мире, Валентина. Ты знаешь о России? Такая огромная империя? Варшавский договор? Единые нормы и пространство Евразии от Нидерландов до Пакистана?

— Они никогда не публиковали данные о своих войсках и их передвижении, Питер.

— Ну конечно же, нет. Но они регулярно публиковали расписание пассажирских и грузовых поездов. Я составил программу, анализирующую данные расписания и раскрыл ряд секретных передвижений войск, перебрасываемых поездами

специального назначения, идущими одними и теми же маршрутами. Затем сопоставил данные за три года. За последние шесть месяцев они особенно активизировались, они готовятся к войне. Наземной войне.

— А как же Союз? Баггеры?

Валентина не понимала, чего добивается Питер, он часто начинал подобные обсуждения, особенно касающиеся мировых событий. Он использовал ее как своеобразный тестер своих идей, как средство отточки и шлифовки мысли. В ходе обсуждения, как правило, ее собственные мысли тоже очищались от всякого мусора. Она скоро выяснила, что несмотря на то, что их точки зрения на будущее устройство мира редко сходятся, они очень редко расходятся в том, какой мир есть и как он устроен. Они весьма искусно наловчились выкачивать важную и точную информацию даже из романов абсолютно невежественных, доверчивых молодых писателей. Информационное стадо, так называл подобных писак Питер.

— А нынешний Полимарт ведь русский? Он прекрасно осведомлен, что происходит с флотом. Значит, они уже выяснили, что баггеры больше не представляют угрозы, или то, что мы стоим

на пороге новой грандиозной баталии. Так или иначе, война с баггерами окончена. Они вовсю готовятся к новой войне.

— Но если они передислоцируют войска, то это должно быть известно Стратегу.

— Все обставлено как внутренние перемещения внутри Варшавского Договора.

Весть была ошеломляющей. Мир и сотрудничество всей вселенной казались незыблемыми со времен первой войны с баггерами. То, что обнаружил Питер, фундаментально подрывало основы мирового порядка. В ее мозгу сама по себе возникла ясная картина того мира и порядка, который был накануне вторжения баггеров.

— Значит мы опять скатываемся к старому пути развития.

— Нет, есть несколько отличий. Ныне мы надежно защищены в одном плане — вряд ли кто-нибудь сможет воспользоваться ядерным арсеналом оружия. Теперь мы сможем убивать друг друга тысячами вместо прежних миллионов.

Питер хмыкнул.

— Вал, все находится в полной готовности. Сейчас многочисленный интернациональный флот и армии существуют в рамках американского приоритета. Когда война с баггерами будет

окончена, вся эта неисчислимая и мощная сила лопнет, как мыльный пузырь, исчезнет, потому что все сейчас зиждется на страхе перед баггерами. Тогда мы оглянемся вокруг и увидим, что все старые союзы давно изжили себя, умерли, канули в далекое прошлое, кроме одного — Варшавского Договора. Все превратится в маленький доллар, в который нацелено пять миллионов лазеров. Нам останутся лишь астероидные обломки, а они овладеют Землей. Придется обходиться без изюма и сельдерея, а за одно и без земли тоже.

Что беспокоило Валентину больше всего, так это то, что Питер казался абсолютно спокойным, без тени волнения.

— Питер, почему, ради чего я должна признать все твои бредни блестящей идеей и гениальной возможностью проявить себя?

— Ради нас обоих, всех нас, Вал.

— Питер, тебе всего двенадцать лет. Мне десять. У них ведь достаточно аргументов для подобных малолетних выскочек. Они обзовут нас несмышлеными детьми и цыкнут, а этого вполне достаточно, чтобы загнать нас в угол, как мышек.

— Но мы ведь думаем и размышляем совсем не так, как дети. Разве нет, Вал? И разговариваем

мы иначе. А кроме всего прочего, мы пишем абсолютно не по-детски.

— Отлично, от смертельных угроз мы перешли к сочинениям на вольную тему. Я так понимаю, это и есть кульминация беседы, правильно, Питер?

И тем не менее Валентина почувствовала себя явно польщенной. Сочинения и письменные сообщения — это то, что у Валентины всегда получалось лучше Питера. Они оба прекрасно знали об этом. Однажды Питер весьма образно выразился на этот счет. Он сказал, что всегда выискивает то, что люди ненавидят больше всего, а затем этим же третирует их, Валентина, наоборот, выясняет, в чем люди преуспевают, а затем ласкает их слух подобной лестью. Конечно, данное признание звучало весьма цинично, но это была правда. Валентина легко убеждала людей и склоняла их к своей точке зрения — ей всегда удавалось доказать им, что они сами хотят того, что она добивается от них. С другой стороны, Питер легко запугивал людей, легко вызывал состояние страха к тому, что задумал. Когда он впервые заговорил об этом и изложил свою теорию, она долго возмущалась и даже обиделась. Ей очень хотелось верить, что она правильно

поступает, убеждая других, потому что она права, а не потому, что умнее. При этом она сама забывала, сколько раз доказывала себе, что совсем не желает эксплуатировать людей теми методами, которыми так классно владеет Питер. Но мысль о том, что она может оказывать влияние на других людей, пришлась ей по вкусу. Однако, это было не просто влияние. Люди легко оказывались под ее контролем, и при всем этом, у них самих возникало желание исполнять ее волю. Она стыдилась, но подобная власть доставляла ей удовольствие, и она уже не раз пользовалась своим умением. Она заставляла учителей поступать так, а не иначе. С одноклассниками вообще не было проблем. Для нее было не трудно заставить отца и мать видеть события и вещи своими глазами. Иногда ей удавалось подчинить даже Питера. Но что больше всего пугало ее, так это то, что она прекрасно понимала Питера, симпатизировала ему и даже в душе поддерживала его внутренние побуждения. В ее сердце Питер занимал гораздо больше места, чем она сама себе признавалась. Однако она всегда говорила себе: «Ты мечтаешь о власти и могуществе, Питер, но по-своему, я намного могущественнее тебя».

— Я изучал историю, — сказал Питер. — Я

изучал теории человеческого поведения и мотивации. Всегда были времена, когда мир переделывал и переустраивал сам себя. Но если верно выбрать момент, то верные и точные призывы могут изменить ситуацию, перевернуть весь мир. Вспомни Перикла и Афины, Демосфена…

— Да, им удалось дважды превратить Афины в развалины.

— Периклу, да, но Демосфен был прав в отношении к Филиппу…

— А может просто спровоцировал его…

— Ты так думаешь? Впрочем, так поступают все историки — увертываются, играют в слова по поводу причины и следствия вместо того, чтобы назвать вещи своими именами. Всегда существуют периоды, когда мир находится в состоянии движения, своеобразного ожидания перемен. И тогда верное слово, произнесенное в нужном месте, может всколыхнуть мир. Томас Пайн Бен Франклин, например. Бисмарк. Ленин.

— Не существует абсолютно совпадающих периодов, нельзя слепо переносить исторические моменты, Питер.

Но она не соглашалась с братом только в силу привычки; она поняла, куда он клонит, и расценивала все, как вполне возможное.

— А я и не ожидал, что ты поймешь все сразу. Ты ведь до сих пор веришь, что учителя знают что-то стоящее, на чем следует заострить внимание.

— Я поняла больше, чем ты думаешь, Питер. Значит, ты отводишь себе роль Бисмарка.

— Я рассматриваю себя, как человека, знающего каким образом внедрить нужную идею в общественное сознание. Разве тебе не приходилось слышать фразы, очень умные фразы, Валентина. А через неделю или две те же самые фразы произносили взрослые, и они уже не казались странными. Они могли даже попасть в видеосводки или пересылаться по сети. Разве тебе не приходилось с этим сталкиваться?

— Но я всегда отдавала себе отчет, что слышала их раньше, от других людей и при других обстоятельствах, и воспринимала все как повторение.

— Ты ошибаешься. Кроме нас, моя маленькая сестренка, в мире, пожалуй, еще найдется тысяча другая таких же умных и сообразительных людей. Многие из них прозябают где-то в безвестности. Учат вредных тупых ублюдков или проводят узкие исследования в никому не нужных областях. И только считанные единицы из них обладают хоть какой-то властью.

— Полагаю мы будем из тех, которым улыбнет-

ся счастливая звезда могущества…

— Не иронизируй, это глупо, как шутка про одного кролика, Вал.

— Которых, я думаю, немало развелось в наших лесах, особенно в последнее время.

— Да, они скачут друг за другом вокруг нашего дома.

Валентина улыбнулась, представив комичную картину, и тут же возненавидела себя за то, что нашла это смешным.

— Вал, мы можем уже сегодня сказать те слова, которые кто-нибудь еще сможет произнести через две недели. Мы можем сделать это сейчас. Мы не должны ждать, пока вырастем и сделаем какую-либо сносную карьеру.

— Питер, тебе всего двенадцать лет.

— Но для сетей возраст не имеет значения. Для передачи сообщения по сетям мы можем назваться как угодно.

— Для сетей мы всего-навсего ученики, мы даже не можем вступить в спор или начать обсуждение иначе, как через статус — «прочие мнения». А это означает, что нас вообще никто не услышит.

— У меня есть план.

— Я не сомневаюсь в этом.

Она старалась не выдать своей заинтересован-

ности и всячески сдерживала желание поскорее услышать его соображения.

— Мы можем зарегистрироваться в сети как полноправные взрослые, под любыми вымышленными именами, если отец поможет нам обрести доступ и статус обычных взрослых горожан. Ведь это находится в его ведении.

— Ну и ради чего он это сделает? Ведь у нас же есть школьный статус, чтобы общаться со всем миром?

— Нет, Вал. Я вообще ничего не хочу говорить ему. Ты скажешь ему, что очень волнуешься и переживаешь за меня. Ты расскажешь, как я изо всех сил стараюсь хорошо вести себя в школе, и как это тяжело дается мне. Мне приходится подавлять себя, и это сводит меня с ума. Что мне абсолютно не с кем поговорить на равных. Что здесь вообще нет никого, равного мне по интеллекту. Что взрослые просто смеются надо мной, потому что я очень молод, и отсылают меня к ровесникам. А те глупы, как пробки. В общем, ты убедишь его, что я на грани стресса.

Валентина вспомнила распятое, ободранное тельце белки и решила, что ее находка была частью хорошо продуманного плана Питера. Или, по крайней мере, он решил использовать

свой садизм, как часть плана, когда уже вдоволь наиздевался.

— Так ты убедишь его разрешить нам воспользоваться правами его взрослого доступа, и утвердить наши псевдонимы в сетевой системе, чтобы мы могли вести дискуссии на том уровне, какого заслуживаем?

Валентина могла усомниться и оспорить его идеалы, но ничто не могло отвратить его от мыслей, подобных этим. Она не могла сказать ему: а почему ты думаешь, что достоин уважения? Она много читала об Адольфе Гитлере. Ее удивляло, каким он был в свои двенадцать лет. Нет, он не был таким же умным, как Питер, он вообще не походил на Питера, но он страстно желал славы и могущества. И что бы стало бы с миром, если бы в детстве он попал в молотилку, или его лягнула лошадь?

— Вал, сказал Питер, — я знаю, что ты думаешь обо мне. Ты думаешь, что я отнюдь не из приятных людей, достойных уважения.

Валентина легонько бросила сосновую иголку в Питера.

— Стрела прямо в сердце.

— Я давно хотел поговорить с тобой, Вал, и долго готовился. Но я все время боялся.

Она слегка послюнявила новую сосновую иголку и снова бросила в него. Она ударилась ему в грудь и отскочила на землю.

«Снова неудача». С чего это он захотел быть слабым?

— Вал, я боялся, что ты не поверишь мне. Что ты не поверишь, что я могу сделать это.

— Питер, я верю, что ты все сможешь сделать, и даже хочу этого.

— Но еще больше я боялся, что ты поверишь мне и попытаешься остановить, отговорить или повлиять на меня.

— Продолжай, Питер, еще раз пообещай убить меня.

Неужели он действительно верит, что ее можно одурачить подобными детскими выходками?

— У меня ужасное чувство юмора. Прости, пожалуйста. Ты же знаешь, я просто дразнил себя. Мне нужна твоя помощь.

— Да, ты как раз тот, кто так нужен для спасения мира. Двенадцатилетний сопляк решит все мировые проблемы.

— Не моя вина в том, что мне всего двенадцать лет. И не моя вина, что именно сейчас открывается подобная возможность. Прямо сейчас самое время, когда я могу повлиять на события. Мир

всегда выбирает демократию во времена великих сдвигов и перемен, и человек с силой убеждения и мощным голосом всегда побеждает. Каждый почему-то думает, что Гитлер пришел к власти благодаря опоре на армию, потому что они хотели убивать. Но в этом лишь часть правды, так как в реальном мире власть всегда опирается на угрозы и бесчестие. Он обрел власть во многом благодаря тому, что в нужное время произносил пламенные нужные речи.

— Я как раз хотела сравнить тебя с ним.

— Я не презираю Евреев, Вал. Я вообще не хочу никого уничтожать. Я не хочу войн. Я хочу мира и стремлюсь поддержать его. Разве это плохо? Я не хочу, чтобы мы пошли по старому пути развития. Ты читала о мировых войнах?

— Да.

— Мы снова катимся к тому же. Или еще к худшему. Мы можем однажды обнаружить, что насильно заперты в Варшавский Договор. Ну разве не приятные мысли?

— Питер, мы всего лишь дети, как ты это не понимаешь? Мы ходим в школу, растем…

Но несмотря на внешнее сопротивление, ей очень хотелось, чтобы он убедил ее. Ей с самого начала хотелось, чтобы он склонил ее на свою

сторону.

Но Питер и не подозревал, что победа за ним.

— Если я поверю в это, если я допущу эту мысль и буду просто сидеть и наблюдать, то я потеряю все возможности, а когда достаточно подрасту, то будет слишком поздно. Вал, послушай меня. Я знаю, как ты воспринимаешь меня, ты всегда относилась ко мне именно так. Я был жестоким, порочным братом. Я был жесток с тобой, и еще более жесток с Эндером. Я не ненавижу тебя, я люблю вас обоих, я только хотел — хотел держать все под контролем, разве ты не догадалась? Это самая важная вещь для меня, моя великая вина, я могу видеть слабости, знаю как пользоваться этими слабостями. Я легко нахожу слабинки. Возможно я стану удачливым бизнесменом и когда-нибудь создам свою мощную корпорацию; и что же, я должен сидеть сложа руки и ждать, что это мне даст? Ничего. Я хочу управлять и властвовать, Вал. Хочу контролировать события. Но я хочу, чтобы мой контроль хоть что-нибудь стоил. Хочу сделать что-то полезное. Чур-чур американское всему миру! Чтобы если кто-то еще решится посягнуть на нас после того, как мы расправимся с баггерами, если кто-то решится на подобный шаг и надумает уничтожить нас, они

обнаружат, что мы расселились по всем уголкам вселенной, мы пребываем друг с другом в едином мирном союзе и нас нельзя уничтожить. Ты понимаешь меня? Я хочу спасти человечество от самоуничтожения и саморазрушения.

Ей никогда не доводилось видеть его таким увлеченным и искренним. В его голосе не было ни намека на иронию, ни нотки лжи. Он становился лучше. А может он просто прикоснулся к правде, и она изменила его.

— Значит двенадцатилетний мальчик и его младшая сестра собираются спасти мир?

— Сколько лет было Александру? Я не собираюсь изменять мир прямо сейчас. Я собираюсь лишь начать. Если ты конечно согласна помочь мне.

— Я не верю, что все твои зверства с этими беззащитными белками лишь часть хорошо продуманного плана. Я думаю, что ты все это проделывал, потому что наслаждаешься своими изуверствами, безумно любишь подобные вещи.

Внезапно Питер разревелся и закрыл лицо руками. Валентина допускала, что Питер способен на притворство, тем не менее она была поражена. Ведь это было вполне возможно, ведь он действительно мог любить ее. А теперь

ему предоставилась прекрасная возможность проявить себя, и он умышленно хочет казаться слабее, чтобы добиться ее любви. Он просто манипулирует мной, думала она, но это совсем не значит, что он притворяется, он может быть искренним в своих намерениях. Он отвел руки, на нее глянуло мокрое от слез лицо брата, глаза опухли и покраснели.

— Я знаю, — наконец сказал он, — это именно то, чего я так боялся. Ты думаешь, что я — чудовище. Я никогда не хотел быть убийцей, но ничем не могу помочь себе.

Она не видела его еще таким беззащитным и слабым. Ведь ты такой умный, Питер. Ты сохранил свои слабости, чтобы затем заставить меня действовать и влиять на меня. И это действительно подстегнуло ее к действию. Потому что если все правда, даже частично, тогда Питер — точно никакое не чудовище, и она может удовлетворить свою любовь к власти, аналогичную страсти Питера, абсолютно не опасаясь самой превратиться в чудовище. Она знала, что Питер всегда все просчитывает наперед, даже теперь, но она верила, что за всеми этими расчетами стоит правда. Возможно, она глубоко спрятана, но он должен обнаружить ее, чтобы добиться ее

доверия.

— Вал, если ты не поможешь мне, я просто не знаю, кем могу стать, во что превратиться. Но если ты будешь рядом, станешь моим партнером во всех начинаниях — ты сможешь удержать меня от падения, как сейчас.

Она кивнула. Ты рассчитываешь поделиться со мной властью, думала она, на самом деле вся власть в моих руках, даже над тобой, даже если ты не догадываешься об этом.

— Я сделаю. Я помогу тебе, Питер. Я тоже хочу этого.

* * *

Как только отец предоставил им право гражданского доступа, они с головой окунулись в изучение подробностей. Они старались не выходить на те сети, которые требуют указания подлинных имен. Это оказалось совсем не трудно, поскольку настоящее имя было необходимо лишь для финансовых расчетов и операций с деньгами. У них не было денег, они были не нужны им. Они нуждались в признании и добивались его. Под вымышленными именами они могли работать под кого угодно. Они могли превратиться в стариков, или женщин среднего возраста — в любое

лицо, если соблюдать достаточную осторожность в стиле письма и обращения. Все, что видели другие люди под именами — это слова и идеи. Любой гражданин имел для сетей равные возможности и права.

Сначала они использовали пробные имена, а не те индивидуальные, которые предложил Питер, рассчитывая их прославить и тем самым обеспечить всемирное признание. Конечно, их никто не приглашал принять участие во всемирных форумах или грандиозных национальных конференциях — они могли лишь наблюдать за происходящим, пока не заслужат чести быть участниками. Но они заявляли о себе и следили за реакцией, читали заключение знаменитых людей и, главное, тщательно анализировали дебаты, разворачивающиеся на их компьютерах.

А на менее значительных собраниях, где, как правило, обычные люди комментировали события конференций и форумов, делились своими впечатлениями, они стали вставлять свои замечания. Сначала Питер настаивал, чтобы их выступления были умышленно излишне пламенными.

— Мы не сможем выяснить, как срабатывает выбранный нами авторский стиль, пока не полу-

чим отклики, а если мы будем излишне вежливы и мягки, нам просто никто не ответит.

Они не оказались среди мягкотелых мямлей, и им ответили. Ответы, которые они получали по общим публичным каналам, оказались кислыми. А те ответы, которые предназначались Питеру и Валентине лично, весьма ядовитыми. Однако они выяснили, что их стиль принят не как детский и не как фальшивый. Они начали еще больше стараться.

Когда Питер наконец удовлетворился вполне взрослым звучанием авторского стиля, он уничтожил пробные имена и они начали готовиться к настоящей борьбе за аудиторию и признание.

— Мы должны выглядеть как два абсолютно отдельных, независимых субъекта. Мы будем писать в разное время и на разные темы, не будем ссылаться друг на друга. Ты будешь вещать в основном по сетям западного направления, а я южного. Будем затрагивать и региональные вопросы. Так, с домашним заданием все ясно?

И они с жадностью набрасывались на домашние задания. Отец и мать иногда волновались, видя Питера и Валентину постоянно вместе с компьютерами в руках. Но они не жаловались — они хорошо учились, кроме того Валентина

так хорошо влияла на Питера. Она изменила его отношение ко всему. Питер и Валентина теперь вместе ходили в лес в хорошую погоду, а в дождливую прятались под навесами ресторанов и в арках домов, там они вместе сочиняли свои политические комментарии. Питер тщательно продумал оба персонажа, таким образом, чтобы не повторялись идеи; на всякий случай они готовили и запасной вариант, чтобы при необходимости использовать в качестве третьего оппонента.

— Давай позволим им найти то, что они хотят, — говорил Питер.

Однажды устав писать и переписывать написанное, пока Питер не дал окончательного добра, Валентина расстроилась и в сердцах сказала: «Пиши сам, как хочешь!»

— Я не могу, — ответил он, — они не могут звучать лишь похоже. Ясно? Ты забываешь, что однажды мы станем знаменитыми, и кто-то может начать по нам сравнительный анализ. Мы всегда должны выступать как разные люди.

И она продолжала писать. Ее главным псевдонимом для сетей стал Демосфен — это имя выбрал Питер. Себя он назвал Локи. Оба имени звучали как явные псевдонимы, но это тоже было частью

задуманного плана.

— В любом случае они попытаются докопаться, кто мы на самом деле.

— Когда это произойдет, нам уже не будут грозить потери и страх разоблачения. Люди будут просто шокированы известием, что Локи и Демосфен — два малолетних ребенка, но к тому времени они уже многое услышат из наших уст и будут ждать новых высказываний.

Они начали сочинять план дискуссий для своих персонажей. Было решено, что Валентина подготовит текст открытого сообщения, а Питер под вымышленным разовым именем ответит ей. Его ответ будет очень интеллигентным и дискуссия пройдет в миролюбивой форме, будет много умных замечаний и масса острых политических выводов. Валентина в совершенстве владела приемами аллитерации, что делало ее фразы крылатыми и запоминающимися. Они поместят разыгранный диалог в сетевую систему компьютера и специально организуют временные задержки для придания большей правдоподобности спонтанно возникшей дискуссии. Иногда к ним присоединялись новые респонденты. Они вносили свои комментарии, но Питер и Валентина игнорировали их или незначительно меняли

свои реплики в зависимости от сделанных замечаний.

Питер вел скрупулезную регистрацию и анализ наиболее важных, запоминающихся фраз дискуссий, а затем время от времени проводил подсчет и исследования на повторение данных фраз в разных местах другими людьми. Естественно, не все помеченные фразы, но большинство повторялось то там, то здесь, а некоторые даже звучали в качестве цитат на весьма престижных форумах.

— Нас читают, — радовался Питер, — а наши идеи потихоньку просачиваются в массы.

— Во всяком случае, отдельные фразы — это просто мера. Посмотри мы уже имеем кое-какой вес и влияние. Никто еще, правда, не цитирует нас по имени, но они уже обсуждают те вопросы, которые мы поднимаем. Мы помогаем им сформировать повестку дня. Мы неуклонно движемся к цели.

— Может следует попробовать свои силы в ведущих дебатах?

— Нет, подождем, пока они сами не попросят нас.

Они просуществовали всего семь месяцев, когда по западному направлению сетей Демосфену пришло сообщение. Предложение сотрудничать

с еженедельным вестником, имеющим весьма разветвленную сеть вещания и подписчиков.

— Но я не могу делать еженедельные обзоры и сообщения, — сказала Валентина, — я едва справляюсь с тем, что приходится делать ежемесячно.

— Ну, это абсолютно разные вещи, — проговорил Питер.

— Но все повиснет на мне. Я до сих по еще ребенок.

— Ответь им согласием, но с условием, что, до тех пор, пока ты предпочитаешь работать под псевдонимом, пусть платят тебе во время непосредственной передачи данных. Организуем новый код для связи с их корпорацией.

— А если правительство выследит меня…

— Ты будешь просто субъектом, получившим и ответившим на сетевой запрос. Не будем больше пользоваться привилегированным доступом отца. Интересно, чего же я не учел, что они предпочли Демосфена раньше Локи?

— Талант так или иначе пробьет себе дорогу.

Как игра это было даже забавно. Но Валентине не нравились некоторые ядовитые суждения и выводы, на использовании Демосфеном которых постоянно настаивал Питер. Демосфен начал проявлять себя как ярый до параноидальности

противник Варшавского Договора. Это беспокоило ее, потому что Питер был единственным человеком, знавшим, как умело пользоваться людскими страхами — ей все время приходилось прибегать к его помощи, чтобы поддерживать данный стиль. Между тем его Локи последовательно следовал ее довольно модерновому, но впечатляющему стилю. Это придавало текстам особый шарм. Отдавая ей на откуп Демосфена, он придавал ее теме особый акцент, в то же время не забывал под маской Локи сыграть на людских страхах. Но главное заключалось в другом, главное было в поддержании постоянного состояния безвыходности, и тем самым Валентина делалась зависимой от Питера. Она уже не могла выйти из игры и использовать Демосфена для личных целей. Она просто не знала для чего и как пользоваться им. Это заставляло их держаться вместе. Кроме того, он не мог писать от имени Локи без ее помощи. А может мог?

— Я думала, наша цель — в объединении мира. Но если я буду писать, как ты того требуешь, Питер, то очень скоро я смогу вызвать войну по подрыву Варшавского Договора.

— Никаких войн, просто открытое обсуждение и дебаты. Этакий свободный поток информации.

Все в полном соответствии с требованиями и правилами Союза, ради его спасения.

Не подозревая того, Валентина начала говорить голосом Демосфена, хотя обычно она не разделяла взгляда и точку зрения Демосфена.

— Каждому известно, что с самого начала Варшавский Договор рассматривался как отдельная особая общность, к которой применимы лишь свои правила. Интернациональный флот до сих пор является открытой структурой. Отношения же между нациями, объединенными Варшавским Договором, считаются проблемами внутреннего порядка. Именно поэтому они всячески поддерживают явный приоритет Америки в делах Единого Союза.

— Ты начала аргументировать партию Локи, Валентина. Доверяй же мне. Ты призываешь к лишению Варшавского Договора своего политического статуса. При этом масса людей придет в бешенство. Затем, позднее, ты признаешь необходимость компромиссного решения…

— Тогда они просто перестанут слушать меня, бросят все и пойдут воевать.

— Валентина, ты должна больше доверять мне. Я знаю, что делаю.

— Но откуда ты знаешь, что произойдет? Ведь

ты нисколько не умнее меня, и тоже занимаешься подобной деятельностью впервые.

— Мне уже тринадцать лет, а тебе только десять.

— Почти одиннадцать.

— Я знаю как срабатывают подобные вещи.

— Прекрасно, я сделаю, как ты хочешь. Но я не буду позволять себе подобные вольности или смертельные шутки.

— Но ты тоже хочешь этого.

— А когда однажды они вычислят нас и удивятся, почему твоя сестра так жаждала крови и вообще такая кровожадная, я просто объясню им, что ты заставил меня поступить подобным образом.

— Ты уверена, что у тебя еще нет месячных, маленькая коварная фурия?

— Я ненавижу тебя, Питер Виггин.

Что волновало Валентину больше всего, так это то, что ее публикация была перепечатана рядом местных изданий, и отец тоже прочитал ее, просматривая ежедневные сводки.

— Наконец-то попался человек со смыслом и пониманием, — сказал он и процитировал один абзац, который Валентина ненавидела больше всего.

— Приятно работать с этими патриотичными русскими, вместе бороться с баггерами, но после того как мы выиграем, мне не хотелось бы покидать цивилизованный мир в качестве раба, разве не так, дорогая?

— Я думаю ты слишком серьезно ко всему относишься, — произнесла мать.

— Мне нравится этот Демосфен. Мне симпатичен образ его мыслей. И меня удивляет, почему он до сих пор не участвует в центральных дебатах главных сетей — я все время ищу его имя среди выступающих на международных конгрессах, и ты знаешь, он ни в одном не принимал участия.

У Валентины вдруг пропал аппетит, и она пулей выскочила из-за стола. Спустя разумный интервал, Питер встал и пошел за ней.

— А тебе не по душе лгать отцу, — сказал он. — А почему это вдруг? Ведь это не ложь. Он даже не подозревает, что Демосфен — это ты, а просто Демосфен говорит такие вещи, в которые ты просто не веришь. Они как бы отменяют друг друга, все сводят на нет.

— Это одна из многих причин, которая делает Локи таким асом.

Но что действительно волновало ее, отнюдь не то, что приходилось обманывать отца, нет, а

тот факт, что отец искренне соглашался с Демосфеном. Она думала, что только глупцы могут поддержать его точку зрения.

Несколькими днями позже Локи получил официальное приглашение сотрудничать с одним из главных вестников Новой Англии, при этом был сделан специальный упор на пропаганду противоположных взглядов популярной колонке Демосфена.

— Отлично, все прекрасно для двух малолеток, проведших в дискуссиях не более восьми часов, — довольным голосом произнес Питер.

— Однако не забывай, что между еженедельными обзорами и статьями и властвованием над миром лежит слишком долгий путь, — пророчески изрекла Валентина, — он настолько долог, что вряд ли под силу одному человеку.

— Ладно, они получат то, что хотят. Или какой-нибудь похожий моральный суррогат. В своем первом обзоре я собираюсь слегка пощипать Демосфена.

— Хорошо, Демосфен даже и не заметит существование Локи. И так всегда.

— Нет, лишь некоторое время.

Теперь они стали полноправными гражданами, их имена-псевдонимы поддерживались постоян-

ными поступлениями от ведения еженедельных обзоров, поэтому они использовали доступ отца лишь для разовых выступлений и обращений. Мать как-то заметила, что они проводят слишком много времени за общением с сетями.

— Только работа, занятия и никаких игр, — легонько пожурила она Питера.

Питер напустил на себя волнение, его руки намеренно задрожали.

— Если ты думаешь, что это следует прекратить, то я полагаю, что уже в состоянии справиться с ситуацией и держать себя в руках, я уже давно вполне осознанно контролирую события.

— Нет, нет, — энергично возразила мать, — мне совсем не хочется, чтобы ты прекращал занятия, только будь осторожнее и не переутомляйся слишком, вот и все.

— Я всегда осторожен, мама.

* * *

За год не произошло никаких изменений, никаких потрясений. Эндер немного успокоился, однако все стало казаться ему пресным и давно известным. Он до сих пор был ведущим и возглавлял табель личных достижений, хотя уже никто не сомневался, что все его результаты — это плод

заслуженного труда и кропотливой работы. В возрасте девяти лет он стал командиром подразделения в Армии Феникса, командующим армией стала Петра Арканин. Он до сих пор вел вечерние практические занятия, однако теперь их посещала особая элитная группа солдат с выбора и разрешения командующих, хотя для любого желающего новобранца двери оставались всегда открытыми. Элай так же стал командиром подразделения, только в другой армии, они по-прежнему дружили; рядом с ними всегда был Шен, хотя он не выбился в командиры подразделения, это не для кого не было помехой. Динк Микер наконец решился принять пост командующего и благополучно заменил Роуза де Ноуза в Армии Крыс. Все идет хорошо, просто отлично, я даже не могу желать лучшего…

Но почему я так ненавижу свою жизнь?

Он молча бродил по коридорам, разглядывая играющих и тренирующихся солдат. Ему нравилось учить и тренировать солдат, они тоже принимали его вполне дружелюбно и лояльно. Все его уважали и ценили. Он свыкся с отличиями во время дополнительной вечерней практики. Даже командующие приходили поучиться у него. Простые солдаты в столовой, подходя к его столу,

просили разрешения сесть. Даже учителя относились к нему вежливо и с должным почтением.

На него свалилось столько этого проклятого уважения и почета, что хотелось выть.

Он внимательно наблюдал за молодым пополнением армий, недавние выпускники групп новобранцев, они беспечно играли и шутили, ловко и остроумно высмеивая своих командиров, рассчитывая на то, что их никто не видит. Он присматривался к дружеским отношениям старых друзей, которые провели в Школе Баталий долгие годы и теперь, ожидая долгожданного выпуска, говорили и смеялись, вспоминая старые битвы и курьезы солдатской жизни.

Но со своими старыми друзьями он никогда ничего не вспоминал, никогда не смеялся. Только работа. Только размышления и возбуждение от одержанных побед, и ничего больше. Сегодня именно эта мысль засела у него в голове и не давала покоя. Эндер и Элай обсуждали детали маневров в открытом космосе, когда к ним подошел Шен и молча прислушался к разговору. Внезапно он схватил Элая за плечи, тряхнул его и, глядя прямо в глаза, истошно завопил: «Ура! Ура! Ура!» Элай взорвался от хохота, а затем в течение нескольких минут Эндер наблюдал, как

они напоминали друг другу подробности этой давней драки, где впервые почувствовали на себе всю реальность маневров в открытой комнате, потом вспоминали, как им удалось обвести вокруг пальца старших мальчишек и…

Внезапно они опомнились и увидели Эндера, стоящего рядом. Беспечность и веселье угасли.

— Прости, Эндер, — сказал Шен.

— Господи, простить. За что? За то что мы друзья? Ну, я же тоже был там, разве вы забыли, — сказал Эндер.

Они снова удивились. Вернулись в деловое русло. Вернулись к прежнему уважительному тону. До Эндера вдруг дошло, что в их смехе, в их дружбе ему не было места. Им даже в голову не приходило, что он тоже участник и часть тех событий.

Давай, пожалей себя, Эндер. Он старательно набил на экране «Бедный Эндер». Затем безмолвно рассмеялся и стер надпись. В школе нет ни одного мальчика или девочки, которые бы не хотели поменяться со мной местами.

Он загрузил фантастическую игру. Он прошел тем же путем, каким обычно ходил, — мимо деревни, построенной карликовыми эльфами прямо в останках тела Гиганта. Было довольно

легко возвести прочные стены на основе ребер, обглоданных и омытых дождями и уже поросших травой. Между ними было достаточно места, чтобы выстроить просторные окна. Скелет Гиганта уже распался на части и был растащен на постройку домиков, белевших костями позвоночника. Внутри таза выросло здание амфитеатра, возвышающееся над остальными постройками. Между длинными, словно бревна, костями ног мирно паслись стада низкорослых пони. Эндер не знал, как поведут себя эльфы, но они не обращали на него никакого внимания. Он молча бродил по деревне, не причиняя им тоже никакого вреда. Он обошел амфитеатр и постоял на площади рядом с ним. Мимо него лениво прошли несколько пони. Он не пытался преследовать их. Теперь он сам не понимал, как функционирует игра. В былые дни, до того как он вступил за черту Конца Света, любое препятствие становилось настоящей проблемой и требовало решения — нужно было уничтожить врага, прежде чем он успеет убить тебя, или необходимо было преодолеть препятствие и избежать несчастного случая. Сейчас на него никто не нападал, никто не хотел с ним воевать, все препятствия исчезли.

За исключением, конечно, той комнаты в зам-

ке Конца Света. Она оставалась единственным опасным местом. И Эндер, даже не желая того, всегда убивал змею, затем смотрел в лицо своего брата и, вне зависимости от того, что он делал и как себя вел, всегда погибал.

Ничего не изменилось и сегодня. Он попытался было воспользоваться ножом, лежащим на столе, и разбить каменную кладку стены. Но как только он расковырял первый пласт штукатурки через трещины начала просачиваться вода. Фигурка Эндера на экране перестала подчиняться его действиям. Она металась и билась об стены, не желая умирать. В довершение всего из зеркала на него глянуло лицо Питера Виггина, оно насмешливо следило за его предсмертной агонией.

Я попал в ловушку, думал Эндер, Конец Света не имеет выхода! Он уже знал, что вот-вот его рот наполнится кислым привкусом, неизменным кислым привкусом Школы Баталий. Несмотря на все свои успехи, он был разочарован и несчастен.

* * *

В холле школы находились люди в военной форме. Валентина сразу заметила их. Они не казались просто экскурсантами, они вели себя так,

словно ожидали кого-то, чтобы продолжить прерванное дело. На них была форма ИФ. Морские мундиры, знакомые каждому по кровавым военным роликам войны с баггерами. Они внесли особую атмосферу романтики, и все дети пребывали в состоянии особого возбуждения.

Только не Валентина. Военная форма напомнила ей о Эндере, с одной стороны. И совсем по другой причине заставила ее испугаться. Кто-то совсем недавно опубликовал дикий, почти варварский отзыв — обзор на все сочинения Демосфена. Этот комментарий был вынесен на открытую конференцию, проводимую в рамках международных связей и отношений, где именитые маститые корифеи крепко взялись за Демосфена, то нападая, то защищая его. Что волновало ее больше всего, так это то, что оппонентом был англичанин и его чисто английская щепетильность: «Нравится ему или нет, Демосфен не может больше хранить свое инкогнито, он оскорбил чувства слишком многих умнейших людей и слишком долго ублажал слух глупцов, чтобы прятаться дальше за вычурным псевдонимом. Или он снимет маску, чтобы в открытую возглавить многочисленные ряды глупцов, высоко поднявших знамя тупости под влиянием его

пламенных речей. Или его враги сорвут с него эту пресловутую маску, чтобы лучше разглядеть ту заразу, которая прячется под ее личиной».

Питер наслаждался подобной реакцией, но затем он задумался. Валентина была просто напугана, что стольких влиятельных людей раздражает злобная и норовистая фигура Демосфена. Ей даже показалось, что ее карьера закатилась. ИФ вполне мог положить конец всей ее деятельности, даже если американское правительство конституционно закрепило любую свободу слова. Именно здесь, в Западном Гилфорде была центральная база ИФ, а теперь они явились в школу.

Она не очень удивилась, когда, включив компьютер, прочла следующее сообщение.

«Пожалуйста зарегистрируйте получение сообщения и незамедлительно явитесь в кабинет доктора Линебери».

Валентина нервно переминалась возле кабинета директора школы доктора Линебери. Наконец, та открыла дверь и пригласила ее войти. Последние сомнения и надежды отпали, когда она увидела подтянутую фигуру в форме ИФ. Это был полковник, он спокойно сидел в одном из комфортабельных директорских кресел.

— Вы — Валентина Виггина, — спросил он.

— Да, — прошептала она.

— Я — полковник Графф. Мы уже встречались раньше.

— Раньше?

«Господи, когда же мне уже приходилось иметь дело с ИФ?»

— Я бы хотел поговорить с тобой конфиденциально, по поводу твоего брата.

«Значит, наследила не я, подумала Валентина. Им нужен Питер. Или они задумали еще что-нибудь? Может он совершил очередное безумство? Я полагала, что он покончил со всеми своими зверствами».

— Валентина, по-моему ты перепугалась. Поверь, здесь нет ничего серьезного. Пожалуйста присядь. Я заверяю тебя, что с твоим братом все в порядке. Он превзошел все наши ожидания.

Вместе с волной облегчения накатилась горечь воспоминаний. «Так значит речь идет о Эндере. Эндер. Господи, значит никакого наказания не грозит, причина их появления — маленький Эндер, который исчез много лет назад и с тех пор перестал быть жертвой Питера. Ты счастливый, Эндер. Ты исчез раньше, чем Питер успел втянуть тебя в свою аферу».

— Что ты думаешь о своем брате, Валентина,

что ты чувствуешь по отношению к нему?

— Эндеру?

— Конечно.

— Что я могу чувствовать? Я ничего не слышала о нем и не видела его с тех пор, как мне исполнилось восемь.

— Доктор Линебери, надеюсь, вы извините нас?

Линебери была в ярости и раздосадована.

— Я чувствую, доктор Линебери, что Валентина и я поговорим более продуктивно, если немного погуляем. В саду возле школы. Подальше от этих электронных устройств, которые ловят каждое слово.

Впервые в жизни Валентина видела Линебери настолько шокированной, что у нее не нашлось слов для возражения. Полковник Графф немного сдвинул картину, висящую на стене, в ней оказалось маленькое отверстие, прикрытое тонкой чувствительной мембраной. Все без труда узнали маленький встроенный микрофон.

— Дешевый, — сказал полковник, — но очень эффективный. Я думал вы в курсе.

Линебери выдернула микрофон и с озлобленным лицом упала в кресло. Полковник и Валентина вышли из кабинета.

Они прошли к футбольному полю. Солдаты из окружения полковника следовали за ними на почтительном расстоянии; словно по команде они разошлись и образовали большой круг, медленно обходя его, они несли по нему почетный караул.

— Валентина, нам необходима твоя помощь, в ней очень нуждается Эндер.

— Какая помощь?

— Мы не совсем уверены. Именно ты должна помочь нам выяснить, что за помощь ему необходима.

— Что случилось?

— Это тоже своеобразная проблема. Мы не знаем.

Валентина ничем не могла помочь, поэтому просто рассмеялась.

— Я не видела его более трех лет, все эти годы он был с вами!

— Валентина, мой перелет сюда из Школы Баталий стоит намного больше денег, чем твой отец сможет заработать за всю свою жизнь. Мне не хотелось бы ссориться.

— У короля была мечта, — сказала Валентина, — но он забыл в чем ее суть, поэтому он призвал мудреца и повелел ему выяснить суть этой мечты, иначе он будет казнен. Только Дани-

ил смог разгадать ее, потому что он был пророк.

— Ты читала Библию?

— Мы будем проходить ее в этом году, в курсе английского. Но я все равно не пророк.

— Мне хотелось бы рассказать тебе все о деле Эндера, без утайки. Но это займет часы, возможно дни, кроме того ряд моментов носит секретный характер и не подлежит разглашению. Значит так, давай договоримся, я расскажу тебе все, что смогу в рамках ограничения информации. У наших студентов есть одна игра, компьютерная игра.

И он рассказал ей о Конце Света, замкнутой комнате и изображении Питера в зеркале.

— Но если это компьютер поместил в игру изображение Питера. То почему не обратиться с запросом прямо в компьютер?

— Компьютер не знает ответа.

— Вы полагаете, что знаю я?

— Уже дважды, находясь у нас, он доводил эту игру до смертельного конца. Казалось, что данная игра вовсе не имеет решения.

— Он нашел уже однажды выход из безвыходной ситуации?

— Случайно.

— Тогда дайте ему время, он справится и со

второй ситуацией.

— Я не уверен в этом. Валентина, твой брат — очень несчастный маленький мальчик.

— Почему?

— Я не знаю.

— По-моему, вы не слишком много знаете, правда?

На секунду Валентине показалось, что ее слова разозлят полковника. Вместо этого он рассмеялся.

— Нет, совсем немного. Валентина, как ты думаешь, почему Эндер видит Питера в зеркале?

— Он не должен. Это же глупо.

— Почему глупо?

— Потому что, если и есть кто-нибудь, столь противоположный Эндеру и не совместимый с ним, так это Питер.

— Каким образом?

Валентина не знала, как ответить, любой ответ выглядел слишком опасным. Слишком сомнительным был вопрос о том, представлял ли Питер смертельную опасность. Валентина достаточно знала об этом мире, чтобы понять что никто не воспримет всерьез планы Питера о мировом господстве, а тем более как угрозу существующим правительствам. И они абсолютно верно реши-

ли, что он просто сумасшедший и не годится для них.

— Ты готовишься солгать мне и подбираешь слова, — спокойно произнес Графф.

— Я готовлюсь не разговаривать с вами больше ни о чем, — ответила Валентина.

— Ты испугалась. Чего ты испугалась?

— Я не люблю, когда вторгаются в мою семью и лезут с нескромными вопросами. Избавьте, пожалуйста, от этого меня и мою семью.

— Валентина, я пытаюсь избавить твою семью от излишних расспросов. Я пришел именно к тебе, чтобы не прогонять Питера через серии бесконечных тестов, чтобы избавить от тестирования твоих родителей. Я пытаюсь разрешить эту проблему с тем человеком, которого Эндер любил и которому доверял больше всего, возможно это единственный человек, которого ценил и любил Эндер. Если мы договоримся сейчас, твоя семья будет избавлена от неприятных процедур и назойливых вопросов. Проблема отнюдь не тривиальна, поэтому я не могу рассердиться, хлопнуть дверью и уйти.

Единственный человек, которого любил и кому доверял Эндер. Волна боли комом подкатила к горлу. Все чувства перемешались в ней: горечь,

стыд, сострадание — она предала его. Сейчас Питер занял его место, сблизился с ней, стал центром ее жизни. Для тебя, Эндер, я зажигала маленькие смешные костры в дни твоего рождения. Ради Питера я помогаю ему осуществлять его бредовые идеи, отдаю всю себя, без остатка.

— Я никогда не видела в вас доброго, приятного человека. Ни тогда, когда вы забрали Эндера, ни сейчас.

— Не надо строить из себя маленькую, несмышленую дурочку. Я видел твои тесты на интеллект, когда ты была маленькой, видел недавние результаты. Найдется не так уж много профессоров в университетах, способных потягаться с тобой.

— Эндер и Питер ненавидели друг друга.

— Я знаю это. Ты говорила, что они — две противоположности. Почему?

— Питер способен к ненависти, иногда совсем необузданной.

— Необузданной в каком плане?

— В плане? Без всяких планов. Ненависть и все.

— Валентина, ради спасения Эндера, расскажи мне, что он делал в такие моменты?

— Грозился убивать. Но на самом деле это были лишь угрозы на словах. Но тогда мы были

маленькими, поэтому я и Эндер очень боялись его. Он говорил, что убьет нас. Особенно часто он грозился убить Эндера.

Потом она рассказала ему, как Питер третировал ребят в тех школах, где учился. Он не бил, не обижал их, но его издевательства были хуже любых побоев и пыток. Он выискивал их слабые места, то, чего они больше всего стыдились, а затем рассказывал об их слабостях тем людям, чьего расположения они добивались. Он выяснял, чего они боялись, а затем сталкивал их со своими страхами.

— Он и с Эндером это проделывал?

Валентина отрицательно покачала головой.

— А ты уверена? Разве у Эндера нет слабых мест? Нет такого, чего бы он боялся или стыдился больше всего?

— Эндер никогда не делал ничего такого, чего бы потом можно было стыдиться.

Внезапно, утонув в собственном стыде за предательство забытого брата, она не выдержала и горько расплакалась.

— Почему ты плачешь?

Она лишь покачала головой. Она не могла ему объяснить всей тяжести нахлынувших чувств. То, как тяжело было ей говорить о маленьком

брате, который был очень добр и нежен к ней, которому она долгое время была надежной защитой и опорой, а затем она же предала его ради другого. Она стала союзником Питера, его помощницей, его рабыней в деле, ход которого вышел из-под ее контроля. Эндер никогда не поддавался, никогда не сдавался на милость Питера, а я капитулировала без борьбы. Я стала частью его, а Эндер никогда не опустился бы до такого.

— Эндер никогда не уступал и не сдавался, — прошептала она.

— Не уступал в чем?

— Не уступал Питеру. Он не хотел и не был таким, как Питер.

Они молча шли вдоль центральной линии.

— А как и чем Эндер мог походить на Питера?

Она пожала плечами.

— Я ведь уже говорила вам.

— Но Эндер никогда не делал подобных вещей. Он же был почти ребенок.

— Но мы оба хотели. Мы оба хотели убить Питера.

— Ой.

— Нет, это не совсем то, о чем вы подумали. Мы никогда не говорили об этом. Эндер никогда не говорил, что хочет сделать это. Я тоже — только

думала об этом. Это я, а не Эндер. Он никогда не говорил, что хочет убить его.

— А вдруг он тоже хотел?

— Он никогда не хотел быть…

— Быть кем?

— Подопытными белками Питера. Он распяливал их и живьем сдирал кожу, а затем сидел и смотрел, как они умирают. Он делал это раньше. Сейчас уже покончено с подобными зверствами. Но раньше он делал подобные вещи. Если бы Эндер знал об этом, видел все эти зверства, я думаю он бы…

— Что бы он сделал? Спасал бы бедных белок? Старался бы вылечить их?

— Нет, тогда вряд ли — жертвам Питера нельзя было помочь. Он не пошел бы на стычку с ним. Но Эндер был добр к белкам. Вы понимаете меня? Возможно он бы кормил их.

— Но если бы он их кормил, то они стали бы ручными, и оказались бы еще более легкой добычей Питера!

Валентина снова расплакалась.

— Что бы вы не делали, все было Питеру на руку, все ему помогало. Ему и так все помогает, все и вся, даже безделье и отсутствие.

— А ты помогаешь Питеру? — спросил Графф.

Она не ответила.

— Разве Питер такой уж ужасный человек, Валентина?

Она кивнула.

— Питер — наихудший человек в мире?

— В мире? Этого я не знаю. Он — наихудший из тех, что мне известны.

— И тем не менее, ты и Эндер — его сестра и брат. У вас одинаковые гены, одинаковые задатки; каким образом он может быть таким плохим, если…

Валентина повернулась к нему, зло посмотрела прямо в глаза и в отчаянии закричала так, словно ее убивают.

— Эндер — это не Питер! Он совсем не похож на Питера! Ни в чем! За исключением таланта и ума — и это все. Во всем остальном, в чем обычно сравнивают людей, он никогда, слышите, никогда и ни в чем не походил на Питера! Никогда и ни в чем!

— Я все понял, — поспешил успокоить ее Графф.

— Я не знаю о чем вы думаете, вы такой же ублюдок как и все, вы думаете, что я ошибаюсь, что Эндер такой же, как Питер. Хорошо, возможно это я — копия Питера, но только не Эндер, только

не он. Я всегда говорила ему об этом, когда он плакал. Я повторяла эти слова бессчетное число раз: «Ты — не Питер, тебе не нравится обижать и издеваться над людьми, ты добрый и хороший, ты совсем не похож на Питера».

— Это правда.

Его заключение успокоило ее. «Черт побери, это действительно правда. Правда».

— Валентина, ты поможешь Эндеру?

— Сейчас я ничего не могу сделать для него.

— Но это тоже самое, что ты делала для него раньше. Просто успокой его, скажи ему, что он никогда не любил обижать людей, что он хороший и добрый, и совсем не похож на Питера. Это очень важно. Особенно то, что он вовсе не похож на Питера.

— Я смогу увидеть его?

— Нет, я хочу, чтобы ты написала ему письмо.

— Что хорошего это даст? Эндер не ответил ни на одно мое письмо.

Графф кивнул.

— Он отвечал на все письма, которые получал.

Понадобилась лишь секунда, чтобы до нее дошел смысл сказанного.

— Какая же вы гадина.

— Изоляция — это оптимальная среда для твор-

ческого развития личности. Мы хотели развития именно его идей, его мыслей — и не думай, что я стараюсь оправдываться.

«Тогда зачем вы просите меня об этом сейчас?» — это был немой вопрос в пустоту.

— А сейчас он ослаб, остыл что-ли, и катится вниз. Мы толкаем его вперед, а он не хочет идти.

— А может я больше помогу Эндеру, послав вас подальше?

— Ты уже и так помогла мне. Тебе же ничего не стоит помочь больше. Напиши ему письмо.

— Обещайте, что не обкорнаете мое письмо, не выбросите из него то, что придется вам не по вкусу.

— Я не могу пообещать подобных вещей.

— Тогда забудьте обо всем.

— Нет проблем. Я могу сам написать такое письмо вместо тебя. Мы можем использовать все написанные тобой письма, чтобы воссоздать стиль письма. Это не так уж трудно.

— Я хочу увидеть его.

— Он получит право на первое свидание в восемнадцать лет.

— Раньше вы говорили, что в двенадцать.

— У нас изменились правила.

— Почему я должна помогать вам!

— Не мне. Помоги Эндеру. И разве так уж плохо, что ты заодно поможешь и нам?

— Что вы там с ним вытворяете? Что за страшные каверзы ему уготованы?

Графф ухмыльнулся.

— Валентина, дорогая моя девочка, все страшные каверзы стоят только на пороге.

* * *

Эндер пробежал глазами не менее четырех строчек письма, прежде чем врубился, что это не послание от кого-то из солдат из Школы Баталий. Послание поступило обычным порядком — «Почтовые Отправления» мгновенно сигнализируют о наличии сообщения, едва адресат зарегистрируется в системе. Он начал читать с начала, быстро пробежал глазами до конца и уставился на подпись. Затем снова вернулся к началу, поудобнее устроился на койке и прочитал послание не менее десяти раз.

> Эндер,
>
> эти ублюдки не пропускали к тебе ни единого моего письма. Я писала сотни раз, а ты наверное, думал, что я забыла о тебе. Нет, я не забыла и регулярно пи-

сала письма. Ни на секунду не забывала о тебе. Я справляла все твои дни рождения и вспоминала, вспоминала каждую мелочь из нашей жизни. Некоторые думают, что раз ты теперь солдат, то стал бессердечным и жестоким, превратился в чудовище, жаждущее убивать, подобно тем кровожадным матросам из видеороликов.

Но я знаю, что это не правда. В тебе нет ничего от того, кого ты так хорошо знаешь. Теперь он выглядит невинным ягненком, но в душе его притаился кровавый монстр. Возможно, ты огрубел снаружи, но никакая оболочка не собьет меня с толку. Как и прежде глажу тебя по головке и целую,

Вал.

Не пытайся отвечать мне, твое письмо все равно не уйдет дальше мусорного ведра.

Было очевидно, что письмо написано с согласия и разрешения учителей. Но не было сомнений, что весточку писала сама Вал. Психоаналитиче-

ские особенности письма, красочные эпитеты, типа «кровавый монстр», относящиеся к Питеру, шутки в его адрес и многое другое, что знала одна Валентина и никто другой.

И все же они поступили весьма грубо, как будто лишний раз хотели проверить Эндера, посмотреть: воспримет ли он данное письмо, как подлинное. Зачем им это?

Ясно, что это фальшивка. Даже если бы оно было написано ее кровью: оно все равно было явным обманом, потому что они заставили ее это сделать. Ведь она уже писала раньше, а они не пропустили не единой весточки. Возможно, те письма были настоящими, а это — лишь фикция, лишь часть очередного каверзного плана.

Горечь и разочарование охватили его. Но теперь он знал почему. Теперь он знал, что он так сильно ненавидел. Он больше не контролировал ход своей жизни. Они лепили из него все, что хотели. Они делали выбор за него. Ему оставалась лишь та безумная игра и больше ничего. Все остальное было их: правила и планы, уроки и программы, все что он планировал и выдумывал, все его военные хитрости. Единственной неприкосновенной реальностью, единственным его сокровищем была память о Валентине, о челове-

ке, который любил его, прежде чем его окунули в эту жуткую круговерть, любил его, несмотря ни на баггеров, ни на войны. Но они забрали и ее и грубо переманили на свою сторону. Теперь и она стала одной из них, такой же как они.

Он ненавидел их и их игры. Ненавидел их так сильно, что не сдержался и заревел, пройдя еще раз пустое, написанное по приказу, послание Вал. Мальчики из Армий Феникса заметили его слезы и недоуменно переглянулись. Эндер Виггин в слезах? Что-то сверхъестественное. Значит произошла серьезная катастрофа. Лучший солдат в Армии лежит на койке и заливается слезами. В комнате повисло гробовое молчание.

Эндер уничтожил письмо, вытер его из памяти, а затем загрузил фантастическую игру. Он не был уверен, почему вдруг так захотел сыграть снова. Он быстро очутился в мире Конца света, но не стал тратить время понапрасну. Только когда медленно летел на облаке, любуясь яркими осенними красками загадочного мира, он вдруг понял, что особенно ненавидит письмо Валентины. Хотя в нем говорилось лишь о Питере. О том, что он не такой и не должен быть таким, как Питер. Слова, которые она так часто говорила ему, стараясь утешить дрожащего от страха ребенка,

до смерти запуганного своим братом. Эти слова тоже были в письме.

Значит они просили ее именно об этих словах. Ублюдки знают об этом, они знают об отражении Питера в зеркале в комнате замка Конца Света. Они знают обо всем и использовали Вал, как послушное оружие для контроля над ним, как еще один трюк в серии бесконечных игр с человеческой душой. Динк оказался прав, они настоящие враги. Они ничего не любят, для них нет ничего святого, они пройдут по любым головам, ради достижения своих грязных целей. Будь он проклят, если еще чего-нибудь сделает для них. У него было лишь единственное сокровенное воспоминание, единственное светлое пятно, а эти ублюдки растоптали его, захватали своими грязными липкими руками. Нет. Хватит, никаких игр, он не собирается больше подыгрывать им.

Как всегда змея ждала его в комнате замка, она медленно выползла из дорожки. Однако, Эндер почему-то не стал топтать ее ногами. Он неожиданно для себя взял ее в руки, затем встал на колени, и медленно, медленно; нежно, нежно поднес шипящую змеиную пасть к своим губам.

И поцеловал…

Он не предполагал поступать именно так. Он

хотел задержать змею возле своих губ. А, возможно, просто съесть ее живьем, как это проделывал Питер в зеркале, появляясь там с окровавленным подбородком и змеиным хвостом, торчащим изо рта.

Но вместо этого поцеловал…

Змея в его руках стала расти и превратилась в иное существо. Человеческое. Это была Валентина. Она поцеловала его в ответ.

Змея не могла быть Валентиной. Он слишком часто убивал ее, чтобы она оставалась его сестрой. Питер слишком жадно пожирал ее, чтобы она все еще сохранила образ Валентины.

Чего они добивались, когда позволили прочитать письмо сестры? Его больше не беспокоил этот вопрос.

Она поднялась с пола в комнате замка и подошла к зеркалу. Эндер тоже поднял свою фигурку и последовал за ней. Они стояли перед зеркалом, но вместо окровавленного лица Питера на них смотрели дракон и единорог. Эндер протянул руку и дотронулся до зеркала; стена рухнула, за ней оказалась широкая мраморная лестница, ведущая вниз. Яркая дорожка устилала ступеньки. Вдоль перил стояли смеющиеся и радостно приветствующие их люди. Вместе, рука в руке,

он и Валентина начали спускаться вниз. Слезы неожиданно навернулись на глаза. Это были слезы облегчения, слезы радости, что ему наконец удалось вырваться из безвыходной комнаты Конца Света. Он снова был свободен. Из-за этих слез он не заметил, что в толпе приветливо махающих им людей мелькнуло лицо Питера. Он знал теперь твердо, куда бы не забросила его судьба, Валентина будет всегда рядом.

* * *

Валентина внимательно прочитала письмо, переданное ей доктором Линебери.

«Дорогая Валентина, — *гласило оно,* — мы благодарим тебя и восхваляем за усилия в деле содействия Армии. Ты безусловно достойна самой высшей награды — Звезды Союза Гуманизма Первой степени. Это высшая военная награда, которая может быть вручена гражданскому лицу. К несчастью, секретные службы ИФ запрещают нам вручение подобных наград в торжественной обстановке до тех пор, пока намеченная операция не будет успешно завершена. Но мы хотим, чтобы ты знала, что твои старания увенчались полным успехом.

С искренним уважением, Генерал Симон Леви, Стратег».

Когда она прочла письмо второй раз, Доктор Линебери взяла письмо из ее рук.

— Мне даны четкие инструкции — дать тебе прочитать и тут же уничтожить.

Она взяла настольную зажигалку и подожгла кончик письма. Оно ярко вспыхнуло и мгновенно превратилось в пепел.

— Плохие или хорошие новости? — поинтересовалась директор.

— Я продала своего брата, — отрешенно ответила Валентина, — и они заплатили мне за это.

— По-моему, ты слишком все драматизируешь, Валентина.

Валентина молча направилась обратно в класс. Той же ночью Демосфен опубликовал пылкое обличающее обвинение на законы, сдерживающие рост населения. Людям необходимо иметь столько детей, сколько они хотят, а избытки населения следует расселять на других планетах. Это будет способствовать распространению человечества по всей вселенной. Именно тогда никакие катаклизмы, никакие вторжения не сотрут человеческую расу, не уничтожат ее корни. «Самое обидное, унизительное прозвище, — писал Демосфен, — которым можно обозвать ребенка — это Третий».

Тебе посвящается, Эндер, шептала она, сочиняя статью.

Питер расцвел от удовольствия, когда прочитал ее публикацию.

— О, это заставит их сидеть тихо и молча наблюдать. Третий! Позорное прозвище! Да! В тебе оказывается тоже есть уголки злобы.

10. Дракон

— Сейчас?

— Полагаю да.

— Нужен соответствующий приказ, полковник Графф. Армии вряд ли двинуться, если командующий скажет — полагаю время наступать.

— Я не командующий. Я — педагог, учитель маленьких детей.

— Сэр, полковник, я много думал, чтобы сделал, будь на вашем месте, возможно, я просто профан, но тем не менее все срабатывало, срабатывало именно так, как вы того хотели. А последние недели Эндер был даже, даже…

— Счастлив.

— Доволен. У него все хорошо. У него живой, острый ум. Игра проходит прекрасно. У нас еще не было никогда такого юного мальчика, так идеально подходящего на должность командующего. Обычно они достигают подобного уровня в одиннадцать лет, однако, по праву можно сказать, что этот достиг своих высот в девять лет с небольшим.

— Да, да. Минуту назад мне тут пришла в го-

лову мысль и я задумался. А какой тип человека способен залечить раны этого ребенка с тем, чтобы снова окунуть его с головой в борьбу. Эдакая маленькая моральная дилемма. Пожалуйста, проверьте все еще раз, а то я устал.

— Но мы спасаем мир, вы не забыли?

— Позовите его.

— Мы только делаем то, что должны делать, полковник Графф.

— Идите, Андерсон, может вам еще посчастливится увидеть, как лихо он справляется со всеми нашими играми, над которыми мы так долго мучились.

— Это обычные низменные вещи...

— Значит я тоже низменный человек. Идите, майор. Мы оба хорошие подонки, земные отбросы. Мне тоже не терпится увидеть, как он со всем справится. Кроме всего, скоро все, все наши жизни будут зависеть от него. Усекли?

— Вам не следует пользоваться детским жаргоном, вы согласны?

— Зовите его, майор. А я тем временем скопирую список нарядов и расписание дежурств в его файлы и восстановлю его прежнюю систему защиты. Все, что мы проделываем с ним, в конце концов не так уж плохо. Он снова обретет

уединение.

— Изоляцию, вы имели в виду.

— Одиночество власти. Зовите же его.

— Да, сэр. Мы будем здесь через пятнадцать минут.

— Прощайте, да сэр, да сэр, да сэр… Я надеюсь у тебя еще будет много веселых минут и времени для безмятежного счастья, Эндер. Возможно это будет последнее беззаботное время в твоей жизни.

Привет, малыш. Твой дорогой дядюшка Графф уже кое-что придумал для тебя.

* * *

Эндер уже понял, что произошло с того момента, когда его привели. Почти все знали, что он рано станет командующим. Возможно, не столь рано, но он по-прежнему возглавлял список личных рекордов на протяжении трех лет. Ни у кого не было даже близких результатов. А его вечерние практические занятия превратились в престижный кружок для избранных. Многие мальчики попросту удивлялись, чего еще так долго ждут учителя.

Он гадал, какую армию ему могут предложить. Три командующих ожидали выпуска, среди них

была Петра, но он вряд ли мог рассчитывать получить Армию Феникса — еще никому не посчастливилось командовать той армией, где он преуспел.

Андерсон показал ему новую комнату. Среди правил было одно неоспоримое — только командующие имели отдельные комнаты. Он внимательно осмотрел свою новую униформу и скафандр. Осмотрев регалии, он нашел аббревиатуру армии.

Дракон, гласило название. Но в Школе не существовало Армии Дракона.

— Я ничего не слышал об Армии Дракона, — сказал Эндер.

— Потому что на протяжении последних четырех лет в Школе и не было такой Армии. Иногда мы прекращаем давать Армиям имена из-за излишних суеверий. За всю историю Школы Баталий ни одна Армия Дракона не выиграла и трех сражений. Об этом ходило много шуток.

— Тогда почему же вы возродили это название сейчас?

— У нас скопилось слишком много лишней униформы.

Графф уселся за его стол. Он выглядел каким-то обрюзгшим и помятым. Он протянул Эндеру

некое подобие крюка — хук, маленькую коробочку — прибор, которым часто пользовались командующие, чтобы перемещаться во время практики в комнатах баталий в тех направлениях, в которых им было нужно. Много раз, проводя вечерние тренировки, Эндер мечтал о таком приборе, вместо необходимости отталкиваться от стен, чтобы оказаться в нужном месте. Но теперь, когда он в совершенстве овладел приемами перемещения в невесомости, у него появился этот прибор.

— Но он будет работать, — предупредил Андерсон, — во время регулярных практических занятий, предусмотренных расписанием.

А так как Эндер уже решил продолжать дополнительные тренировочные занятия, это означало, что его хук будет полезен лишь наполовину. Как они стремятся сделать меня зависимым от этого хука. Зато это объясняет, почему многие командующие никогда не проводят дополнительных практических занятий. Они уже стали рабами хука, и не могут без него обойтись. Едва они привыкают к нему, обнаруживают, что именно в хуке заключается их преимущество, их власть над остальными солдатами, они больше не хотят лишаться такой мощной поддержки. Это

как раз то преимущество, какое у меня есть над некоторыми из врагов, думал Эндер.

Приветственная речь Граффа звучала напыщенно и навязчиво. Только в конце в его словах появилось кое-что интересное.

— Мы предприняли кое-что необычное для Армии Дракона. Полагаю, ты не подозревал об этом. Мы сформировали новую армию на основе целого выпуска новобранцев, оставив определенное количество уже опытных солдат. Я думаю, ты будешь доволен качеством своих воинов. Надеюсь, что будешь, потому что мы запрещаем тебе перемещения и обмены гвардейцами.

— Никаких обменов? — спросил Эндер.

Ведь это был единственный способ для командующего подштопать свои слабые места. Все армии держались на обменах.

— Никаких. Понимаешь, у тебя было и так одно послабление — ты вел свои дополнительные занятия факультативной практикой на протяжении трех лет. Все имеет свои последствия. Многие хорошие солдаты теперь всеми правдами и неправдами, иногда не совсем честными методами, будут оказывать давление на своих командующих с целью их обмена в твою армию. Мы даем тебе армию, которая со временем имеет

все шансы стать очень сильной и начать борьбу за призовые места. Учитывая все, мы не хотим создавать тебе тепличные условия.

— А что будет, если мне попадется такой солдат, с которым я не смогу ужиться?

— Стараться жить с ним в мире.

Графф закрыл глаза. Андерсон поднялся, давая понять, что аудиенция окончена.

Драконам дали новую цветовую гамму: серый, оранжевый, серый. Эндер переоделся в боевой скафандр, затем нажал указатель цветового кода и пошел вдоль загоревшейся линии. Вскоре он вышел к армейской казарме. Солдаты были уже там, они нетерпеливо толпились около входа. Эндер тут же приступил к своим обязанностям.

— Койки распределяются в порядке старшинства. Ветераны в дальней части комнаты, новобранцы — рядом с выходом.

Это было прямой противоположностью установленным порядкам, и Эндер знал, но сознательно пошел на подобное новшество. Он не хотел походить на тех командующих, которые почти никогда не видят молодых солдат, так как тем достаются места в дальней части комнаты.

Когда они разошлись по комнате и сами рассортировались по датам поступления в Школу,

Эндер медленно прошел вдоль всей казармы. Почти тридцать человек из его армии оказались новичками, пополнением из выпуска новобранцев. Эта часть представляла собой неопытных, неквалифицированных малышей. Часть из них была даже ниже среднего уровня — один возле самой двери, оказался фактически коротышкой. Эндер было разозлился, но быстро успокоился, вспомнив каким он предстал перед Бонзо Мадридом. Тем не менее, у Бонзо был лишь один гадкий утенок, с которым приходилось мучиться.

Ни один из ветеранов не принадлежал к элитной группе практикантов Эндера.

Ни один из них не был раньше командиром подразделения. Но что было особенно важно, ни один из ветеранов не был старше Эндера, а значит имел опыт, равный восемнадцати месяцам. Некоторых он даже не узнавал, настолько незаметными и серыми были их успехи.

Они все знали Эндера, с тех пор как он был одним из именитых солдат Школы. Некоторые, как успел заметить Эндер, были даже чем-то обижены на него. Но по крайней мере, они сделали мне одно одолжение — ни один из моих солдат не старше меня.

Как только каждый солдат определил наконец

свою койку, Эндер приказал одеть скафандры и выйти на практические занятия.

— Согласно утреннему расписанию практические занятия начинаются сразу после завтрака. Формально у нас есть три часа. Посмотрим на что вы способны.

Спустя три минуты после приказа, несмотря на то, что половина оказалась вообще не одетой, он велел построиться и идти в комнату баталий.

— Но я совсем голый, — чуть не плача, произнес один из мальчиков.

— Следующий раз одевайтесь быстрее. Три минуты на экипировку сразу после приказа — это правило на эту неделю. Следующую неделю я дам вам две минуты. Живей двигайтесь!

Скоро тот факт, что Армия Дракона шествовала в комнату баталий полуголой, станет самой популярной шуткой Школы Баталий. Пятеро мальчиков были совершенно раздеты, они просто тащили за собой костюмы, некоторые были застегнуты и одеты наполовину, и лишь единицы оказались экипированными как надо. Все обращали внимание на необычный строй и смеялись. Ни один больше не опоздает, думал Эндер, подобная процедура должна сработать.

В коридоре, ведущем в комнату баталий, Эндер

заставил их в качестве разминки побегать взад вперед по коридору, у тех, кто не был одет, появилось время привести себя в порядок. Он подвел их к центральным дверям, расположенным в центре стены, чтобы они сразу тренировались в условиях, приближенным к боевым. Затем он заставил их прыгнуть вниз и, пользуясь потолочными балками, чуть-чуть повертеться и самостоятельно сориентироваться в помещении.

— Сбор возле дальней стены, — сказал Эндер, — там вражеские ворота.

Они полностью разоблачили себя, совершив не менее четырех грубых ошибок, пока добирались до вражеских ворот. Почти никто из них не знал, как установить прямую линию до мишени; а когда они достигли дальней стены, то некоторые вообще не имели понятия о контроле отскоков.

Последним закончил маневр самый маленький недоросток. Не было и речи, что он сможет достать и опереться о потолочную балку.

— Ты можешь использовать боковые балки, если хочешь, — произнес Эндер.

— Обойдусь без поблажек, — отрезал он.

Он вытянулся в струнку, и в полуполете-полулупрыжке коснулся пальцами рук потолочной балки, а затем, вращаясь сразу в трех направ-

лениях, медленно, но верно стал продвигаться к дальней стене, где уже собралась вся армия. Эндер никак не мог решить, нравится ли ему эта малявка за свой характер, или следует обидеться на него за пренебрежение советами старшего по званию.

Наконец все были в сборе у дальней стены. Эндер обратил внимание, что все без исключения солдаты избрали все то же вертикальное положение, аналогичное обычным условиям. Эндер умышленно вычурно указал на их ошибку.

— Почему вы стоите вверх ногами, солдаты? — спросил он требовательным тоном.

Кое-кто попытался встать иначе.

— Внимание!

Все застыли в ожидании.

— Спрашиваю еще раз — почему вы все оказались вверх ногами?

Все молчали. Они не знали, чего он ждет от них, и боялись сесть в лужу.

— Я спрашиваю вас снова, почему каждый из вас болтается головой вниз, а ногами вверх?

Наконец раздался робкий голосок.

— Сэр, именно так, в этом направлении, мы пришли из коридора.

— Хорошо, какой вывод из этого можно сде-

лать? В чем здесь разница? Что изменится, если в коридоре не будет гравитации! Вы что, собираетесь драться в коридорах? Есть здесь гравитация или нет?

— Нет сэр, нет сэр.

— С этого момента навсегда забудьте про гравитацию, как только переступите порог этой комнаты. Прежняя гравитация исчезла, испарилась. Понятно? Каким бы не было направление гравитации, когда вы заходите, зарубите себе на носу — вражеские ворота внизу. Ваши ноги должны быть в том направлении, где находится вражеская калитка. Верх — там, где ваши собственные ворота. Север — там, юг — там, запад в том направлении, а восток… Где восток?

Они дружно показали направление.

— Примерно то, что я и ожидал. Единственное дело, с которым вы справились, это выбор направления, да и то, пожалуй, потому, что вам приходится ежедневно проделывать это в туалете. Да, вы показали настоящий цирк! И это вы называете подготовкой? Это вы называете полетом? Теперь каждый, живо перевернитесь и выстройтесь на потолке! Прямо сейчас! Ну живо! Пошли!

Как и ожидал Эндер, добрая половина солдат

начала маневр не вдоль стены, граничащей с полом, а в том направлении, которое Эндер обозвал севером, в том же направлении, которое бы они выбрали, очутись в коридоре. Конечно, они быстро поняли, что ошиблись, но было уже поздно — теперь можно было сменить направление, только долетев до северной стены и оттолкнувшись от нее.

А тем временем Эндер мысленно делил их на две группы: быстро соображающие и тугодумы. Низкорослая малявка одним из первых появился у нужной стены и, сделав ловкий пирует, замер. Да, пожалуй, они вполне правомерно определили его в армию раньше положенного времени. Он сделал все верно. Он так же был весьма самоуверенным и нахальным, что Эндер втайне обрадовался, что ему удалось погонять его голым по коридору.

— Ты! — указал на него Эндер. — Где низ?

— В направлении вражеских ворот.

Ответ прозвучал очень быстро, но довольно угрюмо, как будто лишний раз подчеркивалась глупость заданного вопроса.

— Твое имя, кнопка?

— Имя этого солдата, Бин, сэр. Что значит Боб.

— Это относится к росту или мозгам?

В комнате раздался хохот.

— Хорошо, Боб, ты сделал все верно. Теперь слушайте меня внимательно, это очень важно. Никто не сможет пройти через эту дверь без риска не быть подстреленным. В старые времена у вас было бы в запасе 10–12 секунд для ориентировки на местности. Теперь если вы не возьмете хороший старт с самого начала, то враг легко превратит вас в лепешку. Что происходит, когда ты заморожен?

— Нет возможности двигаться, — сказал один из мальчиков.

— Это то, что вообще означает понятие «замороженный», — произнес Эндер. — Но что происходит именно с тобой?

Это был опять пресловутый Боб, отнюдь не испугавшийся шутки командующего, который дал весьма точный развернутый ответ.

— Ты продолжаешь двигаться в том же направлении, что и двигался раньше. С той же скоростью, которая была в тот момент, когда тебя подстрелили.

— Верно. Вы пятеро, начинайте движение прямо отсюда.

Мальчики недоуменно переглянулись. Эндер подстрелил пятерку, не начавшую движения.

— Следующие пять, вперед!

Они двинулись, Эндер подстрелил новую пятерку, но они продолжали двигаться вдоль стены. Первые же пять человек хаотично бесцельно болтались возле основной группы солдат.

— Посмотрите на этих, так называемых, солдат, — сказал Эндер. — Их командующий приказал им двигаться, а что же они? Они не просто заморожены, они заморожены на месте и превратились в абсолютно бесполезный балласт. В то время как другие, у которых прочищены уши, и которые начали двигаться, получив приказ, тоже заморожены, но они движутся и портят вражеские позиции, препятствуют обзору и мешают прицельной стрельбе врага. Я полагаю, хотя бы пять из вас поняли суть маневра. Без сомнения, Боб все понял. Я прав, Боб?

Он не отвечал. Эндер внимательно смотрел на него, ожидая ответа.

— Правы, сэр.

— Тогда в чем же суть дела?

— Когда вы приказываете начинать движение, необходимо как можно быстрее двигаться в нужном направлении для того, что если тебя заморозят, ты стал бы препятствием для врага, а не щитом для его операций.

— Прекрасно. По крайней мере теперь у меня есть хоть один солдат, который соображает и улавливает суть вещей.

Эндер увидел нотки недовольства и досады на лицах своих подчиненных. Многие переглядывались, обменивались двусмысленными презрительными улыбочками. Почти все солдаты избегали смотреть на Боба. Зачем я делаю это? Что в этом общего с тем, чтобы просто быть хорошим командующим? Неужели для этого нужно одного сделать мишенью для всех? Если это когда-то проделали со мной, то почему я сам прибегаю к аналогичным методам? Эндер хотел извиниться перед мальчонкой, обратить внимание других на то, что эта малолетка нуждается в их помощи и дружбе больше, чем кто-либо. Но, конечно же он не мог себе позволить такой роскоши. В первый день знакомства даже его ошибки должны выглядеть, как часть хорошо продуманного плана.

Эндер с помощью хука встал ближе к стене и вытянул одного из мальчиков к центру комнаты.

— Держи тело по прямой, — скомандовал он.

Затем, держа его за руки, он развернул выпрямленное, словно доска, тело так, что ноги

мальчишки оказались в направлении всей оставшейся группы. Когда мальчик начал медленно двигаться в заданном направлении, Эндер подстрелил его. Все рассмеялись.

— Куда, в какую часть тела ты можешь теперь попасть? — спросил он парня, стоящего прямо напротив.

— Все, куда я могу попасть, это ноги.

Эндер повернулся к следующему, рядом стоящему.

— А ты?

— В ноги и корпус.

— А ты?

Мальчик, стоящий через три человека ответил почти сразу.

— В любую часть тела.

— Ноги не так уж велики. Не слишком большая защита.

Эндер толкнул замороженного солдата прямо перед собой. Затем поднял свои ноги и чуть согнул их, как будто собрался стать на колени, прицелившись, выстрелил в них. Тотчас штанины костюма стали жесткими и негнущимися, они зафиксировали избранное им положение ног.

Он легко подвесил себя в воздухе, теперь его колени находились над солдатами.

— Что вы видите? — спросил он.

Они не замедлили с ответом.

Эндер прицелился, поместив оружие между ног.

— У меня прекрасный обзор, — произнес он и подстрелил парня, находящегося прямо под ним.

— Остановите меня! — закричал он. — Ну же! Попытайтесь подстрелить меня!

Наконец они справились с заданием, но прежде он расправился с половиной из них. Он неловко схватился за хук, затем разморозил себя и всех остальных.

— А теперь, где расположена вражеская калитка? — бодро спросил он.

— Внизу! — ответил многоголосый хор.

— Как мы будем атаковать врага?

Многие попытались сформулировать суть маневра в словах, вездесущий Боб оттолкнулся от стены, уже в полете поднял ноги над головой, в таком положении установил лазер между ног и, двигаясь к противоположной стене, палил не переставая.

В какое-то мгновенье Эндеру захотелось наорать на него и наказать выскочку, но он во-время удержал себя и подавил первоначальный импульс. Разве можно сердиться на ребенка?

— Что, Боб — единственный, кто усвоил урок? — рявкнул он грозным голосом.

В тот же момент вся его армия взлетела в воздух в направлении противоположной стены, перевернулась коленями вперед, стрельба между ног перемежалась с радостными воплями «Ура!» Да, пройдет еще много времени, прежде чем этот маневр превратится в рефлекс атаки, мысленно говорил себе Эндер, а пока вместо наступления одним ударом, сорок болтающихся сарделек.

Когда все собрались у противоположной стены, Эндер скомандовал атаковать его. Сразу без промедления. Ладно, думал Эндер. Все не так уж плохо. Они дали мне абсолютно необученную армию с весьма посредственными ветеранами. Но, по крайней мере, это — не сборище тупиц. Я могу с ними работать.

Когда они снова собрались все вместе, смеясь и подшучивая друг над другом, Эндер приступил к основной части занятий. Он заморозил их ноги в области коленей.

— Ну а теперь, для чего пригодны ваши ноги в настоящем сражении?

— Не для чего, — раздалось большинство ответов.

— Я полагаю, Боб так не думает, — заявил Эн-

дер.

— Они пригодны для отталкивания от стен, — отрапортовал Боб.

— Верно.

Другие начали возражать, что отталкивание от стен — это вид передвижения, а не само сражение.

— Не существует наступлений и сражений без движения и маневров, — пресек Эндер всяческие возражения.

Все замолчали и стали ненавидеть Боба еще больше.

— А теперь, когда ваши ноги заморожены, сможете оттолкнуться от стены?

Никто не рискнул ответить, боясь очередного прокола.

— Боб? — спросил Эндер.

— Я не пробовал, но возможно если подлететь лицом к стене, а затем резко отклониться назад…

— Можно, но это не верно. Следите за мной. Я двигаюсь спиной к стене, ноги заморожены, если я согну колени, то ноги оказываются направленными прямо на стену. Обычно, когда вы отталкиваетесь, вы резко стреляете телом вниз. Ваше тело выстреливает словно стручок с

бобами, понятно?

Дружное ржание заполнило комнату.

— Но с замороженными подобным образом ногами, я использую почти ту же силу для толчка от бедра или других частей тела. Только в данном случае выталкиваются мои плечи, ноги запаздывают, а бедра выбрасываются вверх, при этом я теряю компактность тела и его плотность, поэтому не нужно напрягать спину. Смотрите как это делается.

Эндер с силой выбросил вперед бедра, это отбросило его от стены; в тот же момент он вновь скорректировал свою позицию и встал на колени, ноги оказались направленными вниз, в таком положении он устремился к противоположной стене. Он коснулся коленями опоры, слегка откинулся назад и отскочил от стены в противоположном направлении подобно складному ножу.

— Стреляйте в меня! — прокричал он на лету.

Он проделал несколько пируэтов в воздухе, кружась волчком. Благодаря постоянному вращению никто не мог взять точный прицел и подстрелить его.

Закончив маневр, он поправил костюм и подтянулся на хуке к ним.

— Вот это упражнение мы и будем отрабатывать в течение первого получаса практических занятий. Заодно нарастите мускулы, о существовании которых вы не подозревали. Учитесь использовать собственные ноги как щит и тщательно контролируйте каждое движение при вхождении в штопор. Однако помните, что вращение вблизи врага, вряд ли что даст. Но если производить вращение на расстоянии, тогда у них фактически не останется шансов причинить вам какой-либо ощутимый вред. На расстоянии пучок лазера бьет в одно и тоже место в течение определенного времени, при постоянном вращении этого не происходит. А теперь пусть каждый подстрелит себя и полный вперед.

— Вы не хотите обозначить нам коридоры движения? — спросил один мальчик.

— Нет, я не собираюсь этого делать. Я хочу, чтобы вы врезались друг в друга и научились, как справляться с подобными ситуациями; за исключением случаев строевой подготовки я обычно провоцирую подобные столкновения сознательно. Пошли!

При слове «пошли», они одновременно начали движение.

Эндер последним покидал комнату баталий,

он специально задержался, чтобы помочь самым нерадивым улучшить технику выполнения маневров. Возможно у них были хорошие учителя, но каким бы квалифицированным не был педагог, неопытные и неподготовленные новички оказались абсолютно беспомощными, столкнувшись с необходимостью проделывать две-три вещи одновременно. Было весьма забавно отрабатывать маневр «складной нож» с замороженными ногами. У них почти не возникало проблем с движением в нужном направлении; но двигаться в одном направлении с ускорением, стрелять в другую сторону, сделать кувырок в воздухе, методом «складного ножа» отскочить от стены и снова продолжать огонь, перемещаясь в противоположном направлении — это было выше их понимания и сил. Муштра, муштра, муштра — это единственное, что мог предложить им Эндер в первое время. Разработка стратегий и боевые построения, конечно, важное дело. Но они ничего не значат, если армия не знает, как вести себя в бою.

Он должен получить боеспособную армию прямо сейчас. Он рано стал командующим, а теперь учителя изменили правила, запретив обмены солдатами, предоставив в его распоряжение

лишь посредственных ветеранов. У него абсолютно не было гарантии, что ему дадут обычную отсрочку на три месяца, чтобы добиться слаженной, сплоченной работы армии, прежде чем поставят перед боевой задачей или сражением.

По крайней мере, вечером Элай и Шен помогут ему в тренировке новых гвардейцев.

Он стоял в коридоре, ведущем в комнату баталий, когда перед ним выросла фигурка Боба. Боб выглядел злым и суровым. Эндеру не хотелось нарываться на неприятности прямо сейчас.

— Привет, Боб.

— Привет, Эндер.

Молчание.

— Сэр, — мягко поправил его Эндер.

— Я знаю, чего вы добиваетесь, сэр Эндер, но предупреждаю вас…

— Предупреждаешь меня?

— Я могу стать лучшим в твоей армии, только не надо со мной играть в подобные игры.

— Или что?

— Или я стану худшим, кого тебе доводилось встречать. Так что у тебя есть выбор: одно или другое.

— А чего же ты ожидал: объятий и поцелуев? — Эндер начал заводиться.

Боб выглядел абсолютно спокойным.

— Я хочу подразделение.

Эндер прошел мимо него, затем вернулся и посмотрел прямо в глаза.

— А зачем тебе подразделение?

— Затем, что я знаю, что с ним делать.

— Знать, что делать с подразделением, это семечки, шелуха, — уже спокойнее произнес Эндер, — сплотить всех, сделать настоящей боевой единицей, вот что трудно. Почему это вдруг солдаты должны слушаться и выполнять приказы такой малявки, как ты?

— Они и тебя называли так, я слышал. Я слышал, Бонзо Мадрид до сих пор тебя так зовет.

— Я задал тебе вопрос, солдат.

— Я сумею завоевать их расположение, если ты не будешь мне мешать.

Эндер усмехнулся.

— Я помогу тебе.

— Как лиса цыпленку, — сказал Боб.

— Никто не заметил бы тебя, за исключением фальшивой жалости к маленькому мальчишке. Но сегодня, я уверен, все обратили на тебя внимание. Они следили за каждым твоим движением. Теперь все, что нужно сделать, чтобы добиться уважения, это стать первоклассным солдатом.

— Прелестно, у меня не осталось шансов даже научиться до того, как мне уже вынесут оценку.

— Бедняжка. Никто не обходится с ним по справедливости. — Эндер мягко толкнул Боба к стене. — Я могу научить тебя, как получить подразделение. Докажи мне, чего ты стоишь как солдат. Докажи, что ты знаешь, как использовать подразделение. А затем докажи мне, что кто-то хочет следовать за тобой, выполнять твои приказы, идти вместе с тобой в сражение. Только тогда ты получишь подразделение. Но без крови и без разбитых носов.

Боб рассмеялся.

— Это по-честному. Если ты действительно поступишь так, как говоришь, я стану командиром подразделения через месяц.

Эндер взял Боба за грудки и слегка приподнял.

— Когда я говорю, что буду поступать именно так, Боб, значит я буду поступать именно так.

Боб снова улыбнулся. Эндер выпустил его и пошел прочь. Когда он дошел до своей комнаты, он рухнул на койку, его трясло, как в лихорадке. Что я делаю? Это моя первая практика, а я уже третирую людей подобно Бонзо. Или Питеру. Расталкиваю людей. Нападаю и задираю бедного мальчишку, выставляя его мишенью для всеоб-

щей ненависти. До чего отвратительно. Я сам ненавидел это. А теперь поступаю именно так.

Или это один из законов человеческой натуры, что ты неизменно становишься копией своего первого командующего? Если это действительно так, то я могу успокоиться.

Он все больше и больше думал о том, что делал и что говорил во время первого занятия со своей армией. Но почему он не мог говорить так, как обычно говорил во время вечерних занятий? Никакой власти и давления — одно мастерство. Никаких приказов — одни предложения. Но это не сработало, не сработало с новой армией. Его группу неформальной практики не нужно было учить коллективным действиям. Им не нужно было развивать чувство локтя, чувство коллектива; они никогда не учились, как бороться вместе, доверять друг другу, вместе идти в бой. Им не нужны были приказы.

И он тоже может впадать в крайности. Он может быть вялым и расхлябанным, некомпетентным, как Роуз де Ноуз, если захочет. Он может совершать глупые ошибки, независимо от того, что он делает. Он должен иметь дисциплину, а это значит необходимо требовать — и получать в ответ незамедлительное полное повиновение.

Он должен иметь хорошо обученную армию, а это значит, необходимо муштровать и тренировать солдат снова и снова, даже когда они твердо уверены, что в совершенстве овладели техникой владения боя. Муштра будет продолжаться до тех пор, пока навык не станет столь обыденным, что они будут выполнять его, не задумываясь, как мытье рук или чистка зубов.

Но зачем вся эта возня вокруг Боба? Почему он усложнил жизнь этому маленькому, самому слабому, но возможно самому талантливому из его ребят? Почему он поставил Боба в те же жесткие условия, в которые сам был когда-то поставлен?

Потом он вдруг вспомнил, что все началось не с командиров. Еще до Роуза и Бонзо, создавших ему невыносимые условия, он оказался в изоляции в своей же группе новобранцев. А эту кашу заварил отнюдь не Бертран. Все началось с Граффа.

Именно учителя составили этот жуткий жестокий план. Он был выбран не случайно. Эндер понял это только сейчас. Это была своеобразная тактика. Графф намеренно отделил его от других мальчиков, сделал невозможным всякую дружбу и сближение. Но теперь он стал догадываться о причинах. Это было сделано не ради сплочения новобранцев — наоборот, все было направлено

на разделение. Графф изолировал Эндера, чтобы заставить его бороться. Заставить его доказывать, нет, не компетентность и мастерство, а то, что он лучше остальных. Это был единственный путь завоевать расположение и дружбу. И именно это сделало его лучшим солдатом в школе, однако он стал одиноким, озлобленным и запуганным. Возможно, это тоже внесло свою лепту в дело формирования образцового солдата. Именно это я теперь сделал для тебя, Боб. Я обидел тебя, чтобы заставить стать лучшим из лучших. Отточить мастерство и тонкость ума. Повысить выносливость и желание бороться. Я специально выбил почву из-под твоих ног, чтобы ты не расслаблялся и всегда был готов побеждать и выигрывать — неважно что. Я так же сделал тебя более весомым и значимым. Именно так они поступили со мной, Боб. Значит, ты такой же как я. Значит, ты успеешь состариться раньше, чем вырастешь.

А я — я должен стать таким, как Графф? Ожиревшим и бездушным, равнодушным и черствым, манипулирующим жизнями детей, словно марионетками, и все ради того, чтобы они стали адмиралами и генералами, полководцами, всегда готовыми встать на защиту родины. Ты наслаждаешься развитием кукольной комедии, дергая

за нитки. Наконец ты вылепливаешь солдата, который лучше прежнего, и умеет больше своего предшественника.

Этого нельзя достичь обычными методами, иначе нарушается симметрия. Ты должен держать его в ежовых рукавицах, периодически окунать головой в прорубь, изолировать от общества, бить и щипать его, не давая уснуть, пока он не встанет под одну гребенку с другими, такими же талантливыми, одаренными, но безликими и несчастными детьми.

Ладно, что сделано, Боб, то сделано. Но я буду наблюдать за тобой, даже более внимательно, чем ты рассчитываешь. А когда подойдет время, ты сам обнаружишь, что я — твой друг, а ты стал таким солдатом, каким мечтал.

Эндер не пошел на дневные занятия. Он лежал на койке и записывал свои впечатления о каждом мальчике своей армии, там же он отмечал их положительные стороны и их достижения, а так же недостатки, над устранением которых следует поработать. Сегодня, во время вечерней практики, он поговорит с Элаем, и они вместе наметят пути обучения малых групп необходимым военным навыкам. По крайней мере, хоть в этом он не будет один.

Но вечером, когда он зашел в комнату баталий, он увидел там майора Андерсона.

— У нас новые изменения в правилах внутреннего распорядка, Эндер. Отныне только члены одной армии могут вместе тренироваться в одной комнате баталий. Кроме того, разрешается занимать комнаты баталий только согласно расписанию практических занятий. Твое намечено на сегодняшний вечер, затем твоя очередь подойдет лишь через четыре дня.

— И никто больше не будет проводить дополнительных тренировок?

— Ты должен понять, Эндер. Теперь ты сам командуешь армией, и многие командующие вряд ли захотят, чтобы их солдат тренировал командир вражеской армии. Я уверен, ты сделаешь правильные выводы. Теперь они будут проводить собственную практику — каждый со своей армией.

— Но я все время относился к вражеским армиям, тем не менее они посылали своих солдат ко мне на занятия.

— Но тогда ты не был командующим.

— Вы дали мне абсолютно неподготовленную, зеленую армию, майор Андерсон. Сэр…

— Но у тебя есть и ветераны.

— Они тоже не блещут подготовкой.

— Ни на кого здесь не сыплется манна небесная, Эндер. Сделай их хорошими.

— Мне необходима помощь Элая и Шена…

— Когда ты подрастешь, то сможешь поступать так, как сочтешь нужным, Эндер. Я не вижу необходимости в помощи твоих друзей. Впрочем, ты теперь сам командующий. Вот и действуй согласно своему новому положению, Эндер.

Эндер пошел вслед за Андерсоном к комнате баталий. Затем неожиданно остановился и спросил.

— Если все вечерние занятия практикой отныне регламентированы расписанием, означает ли это, что я могу пользоваться хуком?

Неужели Андерсон улыбнулся? Нет, нет даже намека на тень улыбки.

— Посмотрим, — бросил он в ответ.

Эндер повернулся спиной к майору и долгое время неподвижно стоял в коридоре. Вскоре появилась его армия и больше никого. Либо Андерсон находился рядом и предупреждал всех направляющихся на практику, либо Школу уже облетело известие, что с сегодняшнего дня вечерняя практика Эндера отменяется.

Занятия удались на славу, они многому научи-

лись, но к концу практики Эндер чувствовал себя одиноким и опустошенным. До отбоя оставалось еще полчаса. Ему не хотелось идти в казарму — после долгих раздумий он пришел к выводу, что хороший командующий должен находиться отдельно от армии и навещать барак, только имея вескую причину для посещения. У мальчиков появится лишний шанс не ссориться друг с другом, если они будут уверены, что за ними никто не подглядывает и не подслушивает, что они могут говорить, думать и поступать, как сочтут нужным.

Он направился в игровую комнату, где несколько мальчиков развлекались, убивая время до сна. Ни одна из игр не интересовала Эндера, тем не менее он загрузил одну; это была примитивная, легкая в управлении игра специально для новичков-новобранцев. Пренебрегая утомительными надоедливыми подробностями и всякими правилами, он бесцельно изучал окружающую обстановку, используя игровую фигурку — крошечного смешного медведя.

— Так ты никогда не выиграешь.

Эндер улыбнулся.

— Ты пропустил практику, Элай.

— Я был там. Но они выделили твою армию в

отдельной комнате. Теперь ты большой человек, вряд ли станешь нянчиться с малолетками.

— Ты на целый коробок больше меня.

— Коробок? Тебе что, было указано свыше готовиться к казни. Или у тебя просто хандра.

— Это не хандра, это старость. Секреты, интриги, перевороты, измены. Вот и ты мне изменил, а теперь хвостом виляешь.

— А разве ты ничего не знаешь? Мы теперь враги. Следующий раз встретимся в бою. Посмотрим какой ты ас.

Это была лишь шутка, но слишком горькая правда стояла за ней. Для Эндера слова Элая не показались смешными, он почувствовал горечь и боль, а самое главное острое чувство, что теряет друга. Еще больнее ему было от того, что Элай весел и беззаботен, будто их дружба ничего не значит для него.

— Давай, смотри, — сказал Эндер, — я научил тебя всему, чего ты знаешь. Но я не учил тебя всему, что знаю я.

— Я всегда знал, что ты кое-что держишь про запас.

Молчание. Медведю Эндера приходилось очень туго. Он залез на дерево.

— Нет, Элай. Я ничего не держал про запас.

— Я знаю, — сказал Элай. — Я тоже.

— Шалом, Элай.

— Увы, это невозможно.

— Что невозможно?

— Мир. Это то, что означает «шалом». Мир с тобой и в тебе.

Слова эхом прозвучали в памяти Эндера. Голос матери что-то тихо шептал ему. Не думай, что я принес мир на землю. Я пришел сеять не мир, а бурю. Эндер представил свою мать, протыкающей острой шпагой Питера. Со шпаги стекает кровь. А голос все звучит и звучит в мозгу.

Снова молчание. В гробовом молчании медленно умирал медведь. Это была глупая смерть, сопровождаемая смешной музыкой. Эндер оглянулся. Элай давно ушел. Он почувствовал, как из него вынули какую-то сокровенную частичку души, и на ее месте воцарилась пустота. Вместе с Элаем и Шеном, он чувствовал себя сильным. Их союз казался прочным, как броня, что слово «мы» у Эндера стало постепенно вытеснять одинокое «я».

Но Элай кое-что забыл. Эндер лежал на койке и смотрел в потолок, вдруг он почувствовал губы Элая возле щеки, слегка щекотнув, они произнесли мудрое слово «мир». Это слово-поцелуй,

этот мир до сих пор с ним. Я состою из того, что помню, и Элай в моей памяти по-прежнему самый близкий друг. Эта память настолько сильна, что они не смогут вырвать ее из меня. Эти воспоминания, так же как и образ Валентины, и есть часть — лучшая часть — моего «я».

На следующий день он столкнулся с Элаем в коридоре. Они приветствовали друг друга как ни в чем не бывало, долго трясли друг другу руки и болтали о всяких пустяках. Однако они оба знали, что отныне между ними стена. Эту стену можно легко сломать, но это будет потом, в будущем. А сейчас лишь настоящий душевный разговор может сблизить их, пустить корни, которые уйдут глубоко в землю, и там, где стена не властна, сплетутся воедино, в единое «мы», вместо одиноких «я».

Самым страшным в этой ситуации был страх, что стена никогда не исчезнет, что сердце Элая ликует от свободы, оно радуется их разобщению и заранее готово сдать его врагам. С этого дня они не смогут быть вместе, они будут жить и существовать отдельно. А это значит, что Элай стал чужим, теперь у него будет своя, иная жизнь, ничем не связанная с моей. А когда мы снова встретимся, мы не будем уже знать друг друга.

Эндеру было горько и грустно, но он не расплакался. Он справился с охватившими его чувствами. Когда они сделали предателем Валентину, использовали ее как послушное оружие для его обработки, с того самого дня никакое горе не могло его ранить сильнее, снова заставить плакать. Эндер был твердо уверен в этом.

С этой злобой и ожесточением он решил, что достаточно силен, чтобы начать решающую схватку со своими настоящими врагами — его учителями.

11. Вени види вици

— Вы не можете серьезно относиться к подобному расписанию учебных боев.

— Совсем наоборот.

— Он получил армию всего лишь три с половиной недели назад.

— Я уже говорил вам. Мы сделали компьютерный расчет возможных результатов. Компьютер дал прогноз возможных действий Эндера.

— Мы должны учить его, а не устраивать вечные пробы на сверхвыносливость.

— Компьютер знает о нем больше и лучше, чем мы.

— Компьютер совсем не знаком с состраданием.

— Если вы хотите щадить и проявлять милость, то вам следовало идти в монастырь.

— А вы думаете, это все — не монастырь?

— Значит, это тоже на пользу Эндеру, мы подвели его к максимальному раскрытию творческого потенциала.

— Я думал, мы дадим ему года два побыть в должности командующего. Обычно мы проводим

учебные бои не менее двух раз в месяц, но спустя три месяца, отведенные на сплочение новой армии. Это необходимый мизер.

— Есть ли у нас обычные два года отсрочки?

— Я знаю, я видел прогноз достижений Эндера через год. Но он абсолютно не пригоден, даже вреден, так как он продвигается намного быстрее, чем на это способен человек.

— Мы задали компьютеру условие, что наивысший приоритет получит субъект, остающийся в форме, после прохождения тренировочных программ.

— Понятно, до тех пор, пока он в форме…

— Послушайте, полковник Графф, вы единственный заварили всю эту кашу, несмотря на все мои протесты, вы помните…

— Я все помню, мне не следовало обременять вас своей виной. Я сам не столь жажду приносить в жертву маленьких детей ради спасения мира. Полимарт недавно виделся с Гегемоном. Кажется русские немного озабочены тем, что некоторые сверхактивные граждане развернули в сетях широкую дискуссию о том, каким образом Америка может использовать ИФ, чтобы ослабить, а затем и сломать позиции Варшавского Договора, лишь только исчезнет угроза баггеров.

— Все выглядит несколько примитивным.

— Это полное безумие. Конечно, свобода слова нужна, но ввергать Союз в националистическое соперничество — на это способны только очень ограниченные личности, склонные к самоубийству. И ради этого мы толкаем Эндера за грань человеческой выносливости.

— Я думаю, вы недооцениваете Эндера.

— Я боюсь, что недооцениваю глупость остального человечества. А вы абсолютно уверены, что нам необходимо побеждать в этой войне?

— Сэр, подобные слова равносильны угрозе.

— У меня черный юмор.

— Совсем не смешно, когда дело касается баггеров, то ничего…

— Ничего нет смешного, я знаю.

* * *

Эндер Виггин лежал на койке и смотрел в потолок. С тех пор, как он стал командующим, он никогда не спал более пяти часов, хотя свет отключали в двадцать два часа и включали только в шесть часов. Иногда он работал с компьютером, приучая глаза к тусклому свету дисплея. Но обычно он смотрел в невидимый потолок и размышлял.

Или учителя наконец-то после всех мытарств поступили с ним по человечески, или он действительно очень хороший командующий, думал он.

Его разношерстная маленькая группа ветеранов, ничем не выделявшихся в своих прошлых армиях, за считанные дни превратилась в боевую группу способных лидеров. Все оказались настолько талантливыми и выдающимися, что вместо обычных четырех подразделений, он создал пять, причем каждое подразделение делилось еще на два отряда. Каждый ветеран смог обрести заслуженный статус командира подразделения или отряда. Теперь он проводил тренировки армии, разбитой на подразделения по восемь человек, или отряды по четыре человека.

Его армия мгновенно могла превратиться в отдельно маневрирующие мобильные группы, выполняющие одну боевую задачу. Еще ни одна армия не имела подобного дробного деления, но Эндер и не хотел строить свою стратегию на тех принципах, которые были выработаны раньше. Многие армии уделяли большое внимание практике массовых общих наступлений, придумывали разные сценарии атак. У Эндера не было ни одного сценария. Вместо этого он

обучал своих командиров подразделений и отрядов наиболее эффективно использовать свои боевые единицы для достижения поставленных целей в кратчайший срок. Частенько они вообще действовали без поддержки, в одиночку, по собственной инициативе. Уже через неделю он начал практиковать шутейные сражения, разбив армию на две части. Он был уверен, что меньше чем через месяц тренировок, его армия обретет необходимую квалификацию и потенциально будет готова к любому сражению.

Что из этого всего было заранее спланировано учителями? Знали ли они, что дают ему незаметных с виду, но действительно талантливых ребят? Было ли намеренным то, что они дали ему тридцать новобранцев, многие из которых даже не достигли возраста перевода в армию, потому что понимали, что маленькие дети легко обучаются и быстро усваивают боевые навыки? Или тоже самое произошло с любой группой, попавшей под командование человека, который знает, что он хочет и знает, чему учить?

Эти вопросы не на шутку волновали его, так как он не был уверен: пошел ли он в разрез с планами учителей или оправдал их ожидания.

Все в чем он был абсолютно уверен так это то,

что он ждет не дождется сражения.

Многим армиям требовались три месяца и даже больше, чтобы освоить как можно больше сценариев ведения боев. Они были готовы уже сейчас. Дайте же нам проявить себя!

Дверь тихонько приоткрылась. Эндер прислушался. Воздух чуть-чуть колыхнулся и дверь закрылась.

Он соскочил с кровати и на два метра приблизился к дверям. Возле дверей белел листок бумаги. Ему не нужно было читать, чтобы знать, что это. Сражение. Первый бой. Как любезно с их стороны. Стоило захотеть, и желание исполнилось.

Эндер уже облачился в боевой скафандр Армии Дракона, когда зажегся свет, возвещая о подъеме. Тотчас же он пулей вылетел в коридор и уже в шесть часов одну минуту стоял в дверях казармы своей армии.

— Сегодня в семь часов ноль ноль минут будет сражение с Армией Кроликов. Я хочу, чтобы вы размялись и были готовы к сражению. Раздевайтесь и пошли в гимнастический зал. Приготовьте боевые скафандры, мы пойдем в комнату баталий прямо оттуда.

— А что, завтрак отменяется?

— Я не хочу, чтобы кого-нибудь вырвало в ком-

нате баталий.

— Но, по крайней мере, хотя бы по малой нужде можно сходить?

Раздался дружный хохот. Те, кто спал одетым, быстро разделись; все свернули боевые костюмы и пошли за Эндером в гимнастический зал. Сначала они дважды пробежали по залу, преодолевая препятствия и перепрыгивая через снаряды. Затем они прыгали с трамплина на маты, далее центрифуга, затем батут.

— Не заставляйте себя работать в полную силу, просто проснитесь и слегка разомните мышцы.

Он не волновался о переутомлении. Все были в отличной форме, подтянутые и бодрые, слегка возбужденные предстоящим боем. Некоторые из мальчиков совершенно спонтанно начали борьбу — гимнастика из напряженной превратилась в смешную и забавную, так как предстояло сражение, которого никто не боялся. Их доверие было полным, они доверяли и полагались на него и в тоже время думали и рассчитывали на себя. Хорошо, а почему они не должны думать подобным образом? Они думают, думают так же, как и я.

В шесть сорок он приказал одеваться. Пока шло облачение в костюмы, он давал последние наставления командирам подразделений.

— Армия Кроликов состоит почти из одних ветеранов, но Кен Карби стал командующим лишь пять месяцев назад. Мне не приходилось сражаться под его командованием. Но он был отличным солдатом. Кролики на протяжении всего года занимают ведущие позиции в табеле достижений. Однако я полагаю, что они предпримут обычный план атаки с боевым построением, так что нечего волноваться.

В шесть пятьдесят он заставил их лечь на маты и расслабиться. Затем, в шесть пятьдесят шесть, он поднял их, построил и вывел в коридор, ведущий в комнату баталий. Абсолютно бессознательно он подпрыгнул и коснулся рукой потолочной балки. Все мальчики, по-очереди, подскочили и дотронулись до той же самой балки. Цветовая полоска на полу с кодом армии вела влево; Армия Кроликов уже прошествовала по правой стороне. В шесть пятьдесят восемь они уже стояли возле ворот в комнату баталий.

Подразделения построились в пять колонн. А и Е были готовы к внезапному проходу по флангам и находились на старте. В и Д построены для обхода сверху, параллельно двум потолочным балкам, они должны были вылететь вверх при полной нулевой гравитации.

Подразделению С предстоял путь вниз и обход снизу.

Так все фланги: право, лево, верх, низ — охвачены. Эндер стоял впереди колонн и в случае непроходимости был готов переориентировать их.

— В каком направлении вражеские ворота?

Внизу раздался дружный веселый хор. И в тот же момент верх стал севером, низ — югом, а лево и право — востоком и западом.

Внезапно серая стена перед ними исчезла, перед ними открылась комната боя. Это был бой в сумерках, огни горели лишь наполовину, создавая иллюзию сумерек. Где-то в глубине, в тусклом свете он разглядел вражеские ворота, там уже вовсю гоношились фигуры в ярких костюмах. Эндер знал, что сейчас самый подходящий момент. Уже каждый в школе знал и выучил о плохом уроке Бонзо, злоупотребляющем Эндером Виггиным. Они все одновременно ринулись в дверь; теперь если враг решил воспользоваться тактикой Бонзо, то ему просто нечего делать. Командующим во время боя некогда было думать и менять тактику сражения. У Эндера было такое время, поскольку он доверял своим солдатам и заранее дал добро на то, чтобы сражаться с подстреленными нога-

ми, для того чтобы сохранить бойцов от полной заморозки, если они запоздают и не сумеют вовремя войти в ворота.

Эндер мгновенно оценил боевую обстановку, ни одна мелочь не ускользнула от его внимания. Все те же, знакомые по прошлым битвам открытые управляемые сетки, подобные обезьяньим клеткам в парках. Их было довольно много, а значит было вдоволь позиций, которые никуда не годились, и представляли собой только помехи.

— Держитесь ближе к звездам, — командовал Эндер. — С — постарайтесь проскользнуть возле стены. Если это сработает, то А и Е последуют их примеру. Если нет, я решу, что делать дальше. Я буду с Д. Ну, вперед! Пошли!

Все солдаты понимали, что происходит, но принятие тактических решений целиком относилось к полномочиям командиров подразделений.

Даже выслушав последние напутствия Эндера, они задержались с проходом через калитку всего на десять секунд. Армия Кроликов уже выполняла какой-то искусно продуманный маневр на своей стороне комнаты баталий. В тех армиях, где Эндеру уже приходилось сражаться, он всегда нервничал перед началом, пока наконец не убеждался, что он и его подразделение находится

в нужном месте в полной боевой готовности. Теперь, вместо прежних переживаний, он и его люди думали как бы проскользнуть мимо позиций врага, держать под контролем звезды и углы комнаты, а затем разбить все искусное вражеское построение на жалкие беспомощные осколки и уничтожить их. Никто из них больше не задумывался, как и что они делают. Даже после такого минимального срока совместных тренировок — менее четырех недель, тот способ, каким они вели бой, казался единственно возможным способом сражения. Эндер был поражен, что Армия Кроликов, ничего не подозревая, вела бой таким устаревшим способом.

Подразделение С осторожно скользнуло вдоль стены, они летели на врага согнутыми коленями вперед. Безумный Том, командир подразделения С, по-видимому, приказал своим бойцам заранее подстрелить себя в ноги. Это была хорошая идея, особенно в условиях плохой видимости сумеречного боя, так как в подобном свете яркие люминесцирующие костюмы становились темными в замороженных областях. Это сделало их вообще невидимыми. Эндеру следует похвалить его за подобную находку.

Подразделение С стало теснить наступление

Армии Кроликов, и прежде чем им удалось убраться под прикрытие одной из звезд, С удалось расчленить передовую линию и вывести из строя дюжину Кроликов. Но звезда находилась позади формирования Кроликов, что означало, что теперь они станут легкой добычей!

Хан Тзи, прозванный Горячим Супом, был лидером подразделения Д. Он быстро скользнул к тому краю звезды, где находился Эндер.

— А что, если обойти с севера и свалиться на них коленями вперед?

— Действуй, — сказал Эндер, — я брошу В в обход с юга, чтобы выйти им прямо в спины.

Затем он громко скомандовал:

— А и Е медленно двигайтесь вдоль стен! Он соскользнул вниз на брюхо звезде, с помощью хука уперся ногами в ее поверхность, затем резко выпрыгнул, ударился о верхнюю часть стены и рикошетом отскочил в то место, где укрывалось подразделение В. В тот же момент он самолично повел их вниз, к южной стене, они оттолкнулись от выступа и оказались позади двух звезд, где засели солдаты Кена Карби. Все оказалось подобным резанию масла горячим ножом. Армия Кроликов стала хаотично разбегаться, так что осталось лишь подчистить остатки. Эндер разбил

каждое подразделение на два, они начали последовательный обход по периметру, замораживая остатки вражеских солдат. Через три минуты командиры подразделений доложили, что комната свободна. Только один из бойцов Эндера был полностью заморожен — один из подразделения С, он принял на себя главный удар — и всего пять с легкими повреждениями. Некоторые были легко ранены, в основном в ступни и ноги по методу самоповреждения. Все прошло даже легче, чем мог ожидать Эндер.

Эндер предоставил командирам подразделений почетную обязанность пройти через вражескую калитку. Четверо держали под прицелом четыре направления, а Безумный Том прошел через калитку. Большинство командующих используют для прохода через вражескую калитку того, кто остался в живых; Эндер мог выбрать практически любого. Хорошее сражение. Просто отличный бой.

Огни вспыхнули и комната залилась светом. Майор Андерсон самолично вышел из учительских дверей на южной стене. У него был напыщенный вид, с особой торжественностью он передал Эндеру учительский хук, который согласно школьному ритуалу вручался победите-

лю. Эндер разморозил им костюмы своих солдат, затем построил их по подразделениям, и лишь затем стал размораживать вражескую армию. Он хотел, чтобы обретя контроль над своими телами, Карби и его Армия Кроликов увидела боевую подтянутую армию соперника. Они могут проклинать нас, наговаривать кучу небылиц, но они запомнят, что мы начисто разбили их; и не имеет значения, что они расскажут о нас другим солдатам и командирам, они и сами смогут увидеть в их Заячьих глазах нас, как новую боевую армию, победоносную и сильную армию, вышедшую из первого сражения целой и невредимой. Армия Дракона больше не будет пребывать в безвестности и прославит свое имя.

Кен Корби подошел к Эндеру, как только был разморожен. Ему было двенадцать лет, он принял командование армией меньше года назад. А значит он был еще сосунком в этой должности, как те, которые становятся командующими в одиннадцать лет. Я буду помнить об этом, думал Эндер, когда одержу очередную победу. Нужно держаться с достоинством, отдавать должное уважение не только победителям, но и проигравшим. Проигрывать нужно тоже уметь и не ронять свое достоинство. Но я полагаю, мне не придется

много проигрывать.

Андерсон задержал Армию Драконов и отпустил их после того, как Кролики покинули комнату баталий через ворота Эндера. Затем Эндер повел своих солдат через вражеские ворота. Сигнальные огни в верхней части дверей напомнили им о том, где верх, а где низ при возвращении в зону гравитации. Они пружинисто приземлились на ноги и побежали. Коридор наполнился гомоном и шумом.

— Сейчас семь пятнадцать, это значит у вас есть пятнадцать минут на завтрак до начала утренних практических занятий.

Он мог слышать их безмолвное ликование. «Пошли! Мы выиграли! Нужно отпраздновать первую победу!»

«Правильно, — так же молча ответил им Эндер, — имеете полное право». А вслух добавил:

— Считайте, что я вам разрешил бросаться едой во время трапезы!

Они рассмеялись и расслабились. На этой радужной ноте он отпустил их в барак. В последний момент он окликнул командиров подразделений и сказал, что он никого не ждет на практику раньше семи сорока пяти, кроме того практика окончится раньше, чтобы у мальчиков было вре-

мя принять душ. Полчаса на завтрак и никакого душа после боя — это тоже не слишком щедро, но выглядело царским подарком по сравнению с куцыми пятнадцатью минутами. А Эндер хотел, чтобы отмена скупых пятнадцати минут шла не от него, а от командиров подразделений, а вся спешка и прижимистость только от командующего. Это еще больше должно связать их, прикрепить к его подолу еще одной маленькой булавкой.

Эндер не пошел завтракать. Он не был голоден. Вместо этого он пошел в душ. Сняв костюм и разложив его, чтобы можно было одеть его в любой момент, он встал под сильную струю воды. Он уже дважды намылился и смыл пену, но все еще продолжал стоять под струей воды. Он наслаждался. Пусть каждый вкусит от моей славы. Они дали ему абсолютно неподготовленную армию, но он выиграл. Он выиграл, с шестью, только с шестью ранеными солдатами. Теперь посмотрим сколько времени командующие еще будут пользоваться всякими формами атаки и массовыми тактиками, когда они на деле увидят насколько мобильна и успешна его гибкая стратегия малых групп.

Он парил в центре комнаты баталий, когда в

дверях появилась его армия. Естественно, никто даже не пытался заговорить с ним. Он сам заговорит, когда будет готов, но не раньше.

Когда все были в сборе, он подтащил себя на хуке прямо к ним, и посмотрел на всех по очереди.

— Отлично для первого сражения, — сказал он.

Это было достаточным оправданием их безудержного веселья и празднования счастливого начала Армии Дракона. Поднялся гомон. Но он быстро остановил чрезмерное веселье.

— Армия Дракона вела себя очень достойно по отношению к Кроликам. Но не все же враги окажутся такими слабыми. Если бы противником оказалась более сильная армия, то для подразделения С с подобной полусонной атакой все закончилось бы весьма плачевно. Они бы все превратились в ледышки еще в пути, даже не выйдя на нужную позицию. Вам следует скользить и двигаться одновременно в двух направлениях, чтобы вас невозможно было обойти с флангов. А и Е — ваша стрельба никуда не годится, отчеты показали, что у вас приходится лишь одно попадание на двух солдат. Это значит, что большинство попаданий было сделано во время атаки в непосредственной близости от врага. Это не совсем верная тактика — хороший противник

вряд ли подпустит вас близко к своим позициям, поэтому необходимо учиться стрелять с дальнего расстояния. Я хочу, чтобы каждое подразделение научилось в совершенстве вести прицельный огонь по движущимся и неподвижным мишеням с разного расстояния, причем находясь в движении. Разберитесь на отряды и стреляйте друг в друга. Через каждые три минуты я буду размораживать костюмы. Пошли.

— Можно использовать звезды? — спросил Горячий Суп. — Для обозначения цели?

— Нет, я вообще не хочу, чтобы пользовались чем-то обозначающим или стабилизирующим цель. А так же не хочу, чтобы вы использовали опоры для рук при стрельбе. Если не можете обрести твердость руки, подстрелите себя в локте. Все, пошли!

Командиры подразделений быстро освоились с ситуацией и самостоятельно стали вести занятия со своими отрядами. Эндер внимательно следил за тренировкой, переходя от группы к группе, давая рекомендации и советы, а так же помогая тем, у которых плохо получалось. Солдаты знали, что Эндер мог быть грубым и язвительным в обращении с подразделением или целой армией, но когда он работал индивидуально с отдельным

солдатом, он всегда был сдержан и спокоен, объясняя и поправляя ошибки столько раз, сколько это требовалось, ненавязчиво вносил свои коррективы и внимательно выслушивал вопросы и солдатские соображения. Он никогда не смеялся, когда товарищи по подразделению начинали дразнить и подшучивать над нерадивым солдатом, и вскоре уже никто не пытался смеяться над ошибками других. Он был командующим во всем, а они были его подчиненными, но они были единым целым. Ему не нудно было лишний раз напоминать об этом. Он просто был и все.

Весь день прошел с явным привкусом победы. Веселье усилилось, когда он распустил солдат на полчаса раньше обычного времени. Эндер оставил лишь командиров подразделений для подробного обсуждения тактики, которую они использовали в бою, а также замечаний и оценок их работы с солдатами. Затем он направился в свою комнату и переоделся в обычную униформу. Он особенно тщательно проследил, чтобы все сидело на своих местах, все пуговицы были застегнуты, ничего не морщило. Он войдет в зал командующих с опозданием на десять минут. Время как раз подходило к намеченной отметке. Это была его первая победа, и он просто не знал

как ведут себя командующие выигравшей армии, но он твердо знал и хотел опоздать к ленчу, чтобы появиться тогда, когда уже появятся результаты утреннего боя. Армия Дракона больше не будет позором школы.

При его появлении не возникло особого оживления и суматохи. Но когда многие заметили, какой он маленький и драконов на его рукавах, они уставились на него во все глаза, и пока он брал поднос с пищей и садился за стол, в зале командующих царило молчание. Эндер медленно принялся за еду, он ел очень аккуратно, стараясь правильно пользоваться ножом и вилкой, и всеми силами делая вид, что не замечает пристального внимания к своей персоне. Но вскоре шум и говор вновь заполнили столовый зал, Эндер немного расслабился и украдкой стал смотреть по сторонам.

Почти целую стену занимало табло достижений. Солдаты могли проследить по нему за продвижением своей армии за последние два года, кроме того, специальными баллами оценивался командующий той или иной армии. Само собой новые командующие не наследовали хороших результатов своих предшественников — они оценивались по своим собственным до-

стижениям.

У Эндера оказались самые лучшие результаты. Абсолютно беспроигрышные очки, что естественно само собой разумелось, но и по другим показателям он вырвался в лидеры. По среднему числу потерь и ранений, по среднему числу попаданий в противника, по среднему времени ведения боя — по каждой категории он далеко обогнал других командующих.

Когда он почти закончил еду, кто-то подошел сзади и легонько дотронулся до его плеча.

— Не возражаешь, если я присяду?

Эндеру не нужно было оглядываться, он легко узнал Динка Микера.

— Привет, Динк, — сказал Эндер. — Садись.

— Тебе здорово везет, вероятно на небосклоне стоит твоя звезда, — приветливо произнес Динк, — мы вот тут голову ломаем: твои очки — это очередное чудо или просто ошибка.

— Привычка, — ответил Эндер.

— Одна победа — это еще далеко не привычка, — продолжил Динк. — Так что не задирай нос слишком высоко. Когда ты новенький против тебя обычно выставляют слабых командующих.

Кен Карби действительно не занимал призовых мест, это была правда. Карби шел в компании

середнячков.

— Он — отличный парень, — снова заговорил Динк, — единственный его недостаток, что он только получил армию. За это можно и извинить. А ты не проявил ни нотки снисхождения, тебе подавай наслаждение.

— Наслаждение? От чего? Или они хуже стали тебя кормить, оттого что я выиграл? Я думал, что ты скажешь мне, что все это глупые игры, и ни одна из них ничего не значит.

Динк вообще не любил, когда в него швыряли собственными словами, тем более при подобных обстоятельствах.

— Ты был один из тех, который и меня заставил плясать под их дудку. Но с тобой, Эндер, я не стану играть в поддавки. Тебе не побить меня.

— Возможно, — ответил Эндер.

— Я научил тебя, — сказал Динк.

— Всему, что я знаю и умею. Я до сих пор могу все проиграть, даже на слух.

— О, поздравляю.

— Хорошо знать, что у тебя есть хоть один друг.

Но говоря эти слова, Эндер не был уверен, является ли Динк до сих пор его другом. Не знал этого и сам Динк. Они обменялись ничего не значащи-

ми фразами, пошутили друг с другом, наконец Динк взял поднос и вернулся к своему столу.

Эндер огляделся по сторонам, везде за столами сидели маленькие группы командующих, которые о чем-то беззаботно болтали. Эндер узнал Бонзо, он был одним из самых старших командующих. Роуз де Ноуз уже окончил Школу. В дальнем углу он заметил Петру в окружении других командующих. Она не смотрела в его сторону. Хотя многие из ее окружения мельком поглядывали на него, включая тех, с кем разговаривала Петра. Эндер был уверен, что она сознательно не встречается с ним глазами. Господи, новая проблема, оказывается побеждать в самом начале своей карьеры тоже дурно. Начинаешь терять друзей.

Ладно, решил Эндер, нужно дать им несколько недель, чтобы привыкли. К тому времени на моем счету будет уже две битвы, возможно все решиться само собой.

Кен Карби вновь подошел и еще раз поздравил его в самом конце ленча. Это был все тот же грандиозный жест, хотя в отличии от Динка и других, он не выглядел нервным и натянутым.

— Я в опале, — честно признался он, — никто не верит мне, что ты проделывал такие трюки, которых еще никому не доводилось видеть. Же-

лаю тебе как можно быстрее побить очередную армию. Сделай такое одолжение, докажи им мою правоту.

— Только ради тебя, — обрадованно сказал Эндер, — и спасибо, что вообще заговорил со мной.

— Я думал они обойдутся с тобой еще хуже. Обычно новых командующих подбадривают и приветствуют, когда они первый раз появляются в зале. Но, как правило, новый командующий начинает с поражений и неудач, которые подобно граду сыплются на его голову. Я сам все испытал на себе, ведь я появился здесь несколько месяцев назад. Но, говоря по правде, если кто и заслуживает одобрения, так это — ты. Но такова уж жизнь. Тебе придется заставить их съесть собственную шляпу.

— Постараюсь.

Кен Карби ушел, и Эндер мысленно причислил его к своему короткому списку хороших людей.

Этой ночью Эндер спал крепко и безмятежно. Спал так крепко, что проснулся лишь в тот момент, когда зажглись огни. Он проснулся в отличном настроении, вскочил и отправился в душ. Маленький клочок бумаги возле двери он заметил лишь тогда, когда вернулся и начал одеваться. Он заметил его потому, что он подлетел в

воздух, когда он размахнулся рубашкой, пробуя заскочить в нее с налету. Он поднял клочок и внимательно прочитал его.

ПЕТРА АРКАНИН, АРМИЯ ФЕНИКСА, 7.00

Это была его прошлая армия, он покинул ее лишь четыре недели назад и знал все маневры вдоль и поперек. Частично благодаря влиянию Эндера, они были наиболее подвижной и гибкой армией, быстро ориентирующейся в новых ситуациях. Армия Феникса, пожалуй, самый достойный соперник Эндера, учитывая его нетрадиционные методы атак.

7.00 — гласило послание, а на часах было уже 6.30. Возможно некоторые из его солдат уже отправились на завтрак. Эндер отшвырнул обычную униформу и мгновенно запрыгнул в скафандр, в следующее мгновение он уже стоял в дверях казармы.

— Уважаемые джентльмены, я полагаю вы уже научились правилам ведения боя, поэтому не посрамите мою седую голову и сегодня.

Им понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что речь идет не о практике, а о битве.

— Это ошибка, — заговорили они почти все

сразу, — ни у кого еще не было двух боев подряд.

Он поднес бумажку к самому носу Летающего Моло, командира подразделения А.

— Скафандры! — истошно завопил он, и сам начал лихорадочно менять одежду.

— Почему ты не предупредил нас раньше? — спросил Горячий Суп. Он задал вопрос таким требовательным тоном, на какой не отважился бы никто другой.

— Я решил, что имею право принять душ, — ответил Эндер, — вчера Армия Кроликов намеренно сдалась мне почти без боя, потому что они не вынесли того зловония, которое я распространял.

Солдаты стоящие рядом захохотали.

— Значит ты не обратил внимания на извещение, пока не пришел из душа?

Эндер оглянулся на голос. Конечно это был Боб. Он стоял уже в боевом скафандре и выглядел как сама невинность. Самое время сводить счеты, так, Боб?

— Конечно, — сказал Эндер как можно равнодушнее, — я ведь не нахожусь так близко от пола, как ты.

Хохот стал еще громче. Боб вспыхнул от гнева.

— Ясно, что мы не можем рассчитывать на то, что сумеем бороться старыми методами, — сказал

Эндер. — Кроме того, по-моему, нам слишком часто придется менять тактику. Поэтому побольше думайте о маневрах и битвах, и почаще. Мне не нравится их политика, вечное стремление прижать нас к ногтю. Но я знаю одно — у меня есть армия, способная преодолеть любые трудности.

После таких слов, даже если бы он попросил их пойти за ним на Луну без скафандров, они сделали бы это без единого возражения.

Петра разительно отличалась от Кена Карби, ее тактика была очень гибкой и она быстро реагировала на новшества Эндера, легко улавливала ход его импровизированных атак. А в результате Эндер потерял гораздо больше воинов к концу битвы: трое были заморожены или убиты, а девять выведены из строя. Петра никогда не тяготела к красивым жестам, поэтому не стала поздравлять и жать руку Эндеру. Злые огоньки в ее глазах ясно говорили сами за себя: я была твоим другом, а ты так отблагодарил меня за это?

Эндер сделал вид, что не заметил ее гнева. Он решил положиться на время, когда на его счету будет побольше битв, и она сама поймет, что, несмотря на проигрыш, она нанесла ему такой урон, какой вряд ли кто еще в состоянии нанести. Кроме того, у нее до сих пор было чему поучить-

ся. На сегодняшней практике он будет учить командиров подразделений как парировать и реагировать на ее новинки. Вскоре они снова станут друзьями.

Он верил и надеялся на это.

* * *

К концу недели Армия Дракона уже имела на своем счету семь битв. Табло достижений показывало семь побед и ноль поражений. У Эндера не было потерь крупнее, чем в бою с Армией Феникса, кроме того, в двух битвах он вообще не имел ни одного раненного, тем более убитого. Никто больше не верил в то, что он оказался первым по чистой случайности. Он выиграл у ведущих армий, которые вот-вот подойдут к выпуску и станут профессиональными. Другие командующие больше не могли игнорировать его. Каждый день по нескольку человек присаживалось к его столу, тщательно выспрашивая, каким образом ему удалось одержать победу над той или иной армией. Он подробно и честно говорил им, что некоторые из них знают, как тренировать солдат и командиров подразделений, чтобы добиться аналогичных результатов. И пока Эндер беседовал с несколькими командующими, делясь

своими новшествами, то еще больше слушателей собиралось вокруг того командующего, над кем сегодня он одержал победу. И те и другие хотели лишь одного: выяснить, каким способом можно разбить Эндера.

Среди них было много таких, кто ненавидел его. Ненавидели его за молодость, за выдающийся талант командующего, за то, что их поражения выглядели такими жалкими и ничтожными. Впервые Эндер заметил огоньки ненависти в глазах, проходя по коридорам; затем он обратил внимание, что некоторые мальчики демонстративно встают и уходят дальше, если он садился неподалеку от них; все чаще его толкали чьи-то локти в игровой комнате; подножки теперь постоянно ожидали его при входе и выходе из гимнастического зала; то и дело ему в затылок летели шарики из мокрой, туго свернутой бумаги. Они не могли его одолеть в честном бою в комнате баталий и знали об этом — вместо этого они решили действовать исподтишка; тогда, когда им ничего не угрожало, когда перед ними был не блестящий командующий, а просто маленький мальчик. Эндер презирал их, но тайно и молча, настолько тайно, что иногда сам не сознавал этого. Где-то в глубине его души вновь ожил ста-

рый страх. Все слишком напоминало те мелкие подвохи и каверзы, мастером которых был Питер. Эндер, не желая того, все больше стал окунаться в былую атмосферу дома.

Все эти досадные мелочи были такими жалкими, что Эндер понемногу убедил себя, что все это — своеобразное проявление уважения к его персоне. Уже многие армии начали перенимать и подражать тактике Эндера. Теперь почти большинство солдат шло в наступление вперед ногами, согнутыми в коленях; почти все громоздкие массовые формирования и построения отмерли сами собой; и многие командующие стали посылать подразделения в обход по стенам. Но никто еще не уловил главного звена Эндера — организации и деления армии на пять подразделений — это до сих пор давало ему явное преимущество над армиями из четырех подразделений. Никто не брал в расчет и не следил за тем, что делает пятое подразделение.

Эндер учил их всему, что знал о нулевой гравитации. Но где он сам мог узнать кое-что новое?

Он начал ходить в видеозал, до отказа заполненный пропагандистскими фильмами о Мазере Рекхеме и других великих полководцах человечества во время Первого и Второго Нашествия.

Эндер заканчивал общий практический курс на час раньше и разрешал командирам подразделений в течение часа проводить собственную практику. Обычно они проводили тренировочные бои — подразделение против подразделения. Какое-то время Эндер оставался и следил за ходом этой практики и, если все шло нормально, отправлялся смотреть старые ролики.

Большинство фильмов было пустой тратой времени. Торжественная музыка, парадные выходы командующих, награждения отличившихся в бою, ликующие матросы на поверженных кораблях баггеров. Но то здесь, то там он находил полезные мелочи: корабли, подобные световым точкам, бороздящие черноту космоса, или, что еще лучше, горящие стекла бортов кораблей, которые, как световые экраны, отражали эпизоды битвы. Конечно, было очень сложно по видеоролику увидеть проекцию в трех измерениях, кроме того — сцены самих сражений оказались очень короткими и неполными. Но и по ним Эндер начал улавливать, как первоклассно пользовались баггеры приемом создания видимости случайных хаотичных перелетов для внесения сумятицы и неразберихи, или ловушками-приманками, а иногда и просто фальшивыми

атаками, чтобы заманить корабли ИФ в ловушку. Некоторые битвы были разбиты на несколько сцен, которые затем повторялись в разных вариациях во многих фильмах. Просматривая их в разных вариантах, Эндер научился воссоздавать реальные картины сражения целиком. Он начал подмечать тонкости, на которые не обращали внимания комментаторы боев. Все их речи были направлены на обливание грязью баггеров и подъема патриотизма у людей. Однако у Эндера появилось серьезное подозрение — а как вообще человечество одержало победу? Космические корабли людей были сверхпримитивны, флот реагировал на изменение обстоятельств крайне медленно. В тоже время флот баггеров действовал очень грамотно и согласованно, мгновенно реагировал на любую вылазку. Естественно, во время Первого Нашествия космические корабли людей не были пригодны для быстрого маневрирования и мгновенных атак, но аналогичные корабли были и у баггеров. Только во Втором Нашествии корабли и оружие превратились в разрушительную и смертоносную силу.

Таким образом, не от людей, а от баггеров Эндер учился стратегии. Он чувствовал горечь разочарования и стыд за необходимость учиться

у них, ведь они считались самым кошмарным врагом, кровожадными убийцами, не знающими жалости. Но они были первоклассными профессионалами в том, что делали. Это к слову. Казалось, они всегда придерживались одной основной стратегической линии — собирали огромное число кораблей в ключевой точке конфликта. Они не делали ничего сверхординарного и поражающего воображение, не делали ничего, чтобы говорило о блестящем уме или, наоборот, о глупости командира. Дисциплина, по-видимому, у них была очень строгой.

И еще одна странность поразила Эндера. Повсюду было столько разговоров о Мазере Рекхеме, но очень мало подлинных данных о битвах, проведенных им. Некоторые сцены, особенно из ранних битв, выглядели вообще комично на фоне согласованных профессиональных действий флота баггеров. Баггеры уже разбили основные силы ИФ, превратив его в искореженные осколки, вывели из строя все ранее действующие орбитальные станции, превратив человеческое наступление в жалкое посмешище — этот фильм особенно часто показывали, чтобы вызвать в людях гнев и ненависть к побеждающему врагу. Затем остатки флота перешли под командова-

ние Мазера Рекхема, базирующегося на орбите Сатурна, в основном это были разрозненные беспомощные боевые единицы, а вот затем…

Затем выстрел маленького крейсера Мазера Рекхема, один вражеский корабль взрывается. И это единственный эпизод, который показывали.

В остальном большинстве фильмов были лишь матросы, громящие корабли баггеров. Всюду валялись обломки кораблей, сотни трупов баггеров. И не одного фильма об уничтожении баггеров в рукопашном или прямом бою, кроме тех — о Первом Нашествии. Эндера раздражало, что победа Мазера Рекхема оказалась явно отретушированной. Студентам Школ Баталий наверняка было чему учиться у Мазера Рекхема, но все сведения о его победе сводились к минимуму.

Естественно, как только распространился слух, что Эндер Виггин просматривает фильмы из видеотеки, в видеозале постепенно стали собираться настоящие толпы желающих приобщиться. Большинство из них было командующими, они с умным видом смотрели те же самые ролики и всячески старались сделать вид, что прекрасно понимают, зачем их прокручивает Эндер и что стремится почерпнуть из них. Сам Эндер вообще ничего не объяснял. Даже когда он просмотрел

подряд семь сцен одного и того же сражения, взятых из разных роликов, только одному из мальчиков пришло в голову спросить: «А что, большинство об одной и той же битве?»

Эндер равнодушно пожал плечами, будто ему все это безразлично.

Это случилось на последнем часу практических занятий на седьмой день боевых действий Армии Дракона. Лишь несколько часов назад гвардия Эндера расправилась с очередным врагом. Он, как всегда, находился в видеосалоне, когда туда самолично заявился майор Андерсон. Он протянул маленький листок бумаги одному из командующих, а затем заговорил с Эндером.

— Полковник Графф хочет видеть тебя незамедлительно.

Эндер поднялся и последовал за Андерсоном по хитросплетению коридоров. В одном из тупиков Андерсон набрал нужный код и разблокировал выход, отделяющий помещения офицеров от ученических. Наконец они оказались в комнате, где полковник Графф восседал на вертящемся кресле, намертво привинченном к полу. Его брюхо колыхалось возле колен, даже когда он сидел очень прямо. Эндер попытался восстановить в памяти прежний образ полковника. Графф не

показался ему таким толстым и обрюзгшим, когда они впервые встретились четыре года назад. Время и напряжение не были благосклонны к директору Школы Баталий.

— Прошло ровно семь дней с того момента, как ты принял свой первый бой, Эндер, — произнес Графф.

Эндер молчал.

— За это время ты достиг невероятных высот, твои очки немыслимо высоки.

Губы Эндера скривила ухмылка.

— Как ты, с точки зрения командующего, можешь объяснить столь невероятный успех?

— Вы дали мне армию, с которой я знал, что делать.

— Ну и что же ты знал?

— Мы все время держали ориентировку на врага и использовали собственные согнутые ноги, как прикрытие. Тщательно избегали громоздких формирований и стремились к мобильности и быстродействию. Очень помогло то, что вместо четырех из десяти человек в моей армии пять подразделений по восемь человек. Конечно, у наших врагов не было времени, чтобы принять контрмеры на все эти новшества, поэтому мы разбили их, используя одни и те же приемы.

Естественно, это не может продолжаться долгое время.

— Значит ты не планируешь и впредь одерживать победы.

— Не за счет тех же самых маневров.

Графф кивнул.

— Садись, Эндер.

Эндер и Андерсон уселись на предложенные места. Графф многозначительно посмотрел на Андерсона, и тот продолжил разговор.

— В каком состоянии находится твоя армия при таком напряженном расписании боев?

— Теперь они все могут считаться опытными ветеранами.

— Но как они себя чувствуют? Они устали?

— Если понадобиться, они не позволят себе нытья и расслабления.

— Они все еще бодры и бдительны?

— По-моему, вы заодно с теми компьютерными играми, которые экспериментируют над человеческим мозгом. Вот вы и скажите мне об этом?

— Мы знаем то, что положено нам. Но мы хотим знать твое мнение.

— Они все очень хорошие солдаты, майор Андерсон. Я уверен, что у них есть свой потолок, но они еще не достигли его. У некоторых из бывших

новобранцев есть проблемы, потому что они еще не достигли необходимой отточенности базовых навыков, но они усиленно тренируются и с каждым занятием улучшают свои результаты. Чего вы еще хотите, чтобы я сказал, что они нуждаются в отдыхе? Но это само собой разумеется; конечно им нужен отдых. Им нужна пара недель без боев. Они забросили все общеобразовательные занятия, почти никто из них не делает во-время домашних заданий. Но вы же знаете об этом лучше меня. Знаете и вас это не капли не волнует, так почему это должно волновать меня?

Графф и Андерсон многозначительно переглянулись.

— Эндер, а почему ты взялся за изучение фильмов о войне с баггерами?

— Конечно, чтобы побольше узнать о военной стратегии и тактике.

— Но эти фильмы создавались для чисто пропагандистских целей. И все стратегические маневры подвергались жесткой цензуре.

— Я знаю.

Графф и Андерсон снова переглянулись. Графф оперся о край стола.

— Ты больше не играешь в фантастическую игру? — спросил он, пристально глядя на Эндера.

Эндер молчал.

— Скажи, почему ты больше не играешь в нее?

— Потому, что я выиграл.

— В той игре нельзя всего выиграть. Она всегда предлагает новый сюжет.

— Я выиграл все, что мог.

— Эндер, мы хотели помочь тебе стать счастливым насколько это возможно, но если ты…

— Вы хотели вылепить из меня лучшего солдата, насколько это возможно. Спуститесь и посмотрите на табло личных достижений. Посмотрите на достижения за весь период моего пребывания в Школе. Ну разве не прекрасную работу вы проделали. Примите поздравления. Ну а теперь, когда вы собираетесь выставить против меня достойную армию?

Губы Граффа тронула хитрая улыбка.

Андерсон протянул Эндеру листок бумаги.

— Сейчас, — лукаво сказал он.

БОНЗО МАДРИД, АРМИЯ САЛАМАНДРЫ, 12.00

— Но ведь это через десять минут, — сказал Эндер. — Моя армия, наверное, уже в душе после практики.

Графф рассмеялся.

— Тогда лучше поторопись, мой мальчик.

* * *

Спустя пять минут, он добежал до армейской казармы. Многие переодевались после душа; кое-кто уже ушел в игровую комнату. Он послал трех молодых солдат, чтобы оповестить всех о предстоящем бое.

— У нас совсем нет времени, — сказал Эндер. «Они оповестили Бонзо двадцать минут назад, и когда мы будем возле калитки, он уже успеет занять все лучшие боевые позиции».

Мальчики были расстроены и, не стыдясь, жаловались, используя цензурные и нецензурные выражения, которые обычно не решались раньше произносить в присутствии командующего.

Жалобные фразы сыпались ото всюду.

— Почему они так издеваются над нами, они что, сошли с ума?

— Забудьте слово «почему». Мы побеспокоимся об этом ночью. Вы что, устали?

Летающий Моло ответил за всех.

— Мы сегодня так размялись на практике, что пуговицы отлетали прочь. Несмотря на то, что до этого начисто разбили Армию Хорьков.

— Еще ни у кого не было двух сражений в один

день! — проговорил Безумный Том.

Эндер ответил в том же ключе.

— Еще никому не довелось побить Армию Дракона. Неужели теперь вы хотите опорочить свое имя?

Вопрос — поучение Эндера явилось ответом сразу на все жалобы. Сначала победи, а потом жалуйся и задавай вопросы.

Все солдаты теперь были в казарме, все в полной боевой готовности.

— Вперед! — скомандовал Эндер.

Они дружно затопали в след за ним. Некоторые на бегу продолжали одеваться. Почти все тяжело дышали. Это был дурной знак, ребята слишком устали от боев. Двери в комнату баталий были уже открыты. Перед ними оказалась абсолютно пустая комната, не было ни звезд, ни опор — голое пространство при ослепительно ярком свете. Даже темноту и полумрак нельзя было призвать в союзники.

— Бог мой, — произнес Безумный Том, — слава тебе, они тоже еще не вошли.

Эндер приложил палец к губам, призывая замолчать. Обе двери были открыты, и враг мог слышать каждое слово. Эндер обвел пальцем вдоль стены напротив двери, показывая, что

Армия Саламандры наверняка рассредоточилась вдоль стены и стоит с оружием наготове. Оттуда они почти не видны, зато легко могут подстрелить любого неосторожного выскочку.

Эндер жестом приказал всем отойти от двери. Затем он выбрал несколько самых высоких мальчиков, включая Безумного Тома. Поставил их на колени, и, не сгибаясь, с прямой спиной посадил их на пятки. Таким образом получилось некое подобие буквы «L». После этого он подстрелил каждого. Его армия молча наблюдала за ним. Далее он отобрал самого низкорослого мальчика, Боба, протянул ему ружье Тома и усадил его на колени на согнутые замороженные ноги Тома. После этого он протянул руки Боба подмышками Тома.

Теперь и остальные мальчики поняли замысел Эндера. Том превратился в своеобразный щит, управляемую броню, за которой Боба было фактически не видно. Конечно, он не был абсолютно неуязвимым, но он приобретал отсрочку во времени.

Эндер подозвал двух мальчиков для ответственного запуска получившейся фигуры, но просигналил им, чтобы подождали. Он обежал глазами всю армию и быстро назначил ударные

группы из четырех — щит, стрелок и две башни. Затем, когда все оказались замороженными, как нужно, и готовы к броску, он приказал башням выбросить ношу как можно дальше.

— Пошли! — крикнул Эндер.

Они начали движение. Две спаренные фигуры одновременно вылетали через дверь и устремлялись навстречу врагу щитом вперед. Враг сразу открыл шквальный огонь, но все пришлось на душу уже замороженного мальчика впереди. В это время заговорили сразу два ружья спрятанных стрелков. Два скрытых ружья, находящихся в непосредственной близости от открытых мишеней, обеспечили Драконам небольшое преимущество. Такой шанс фактически невозможно было упустить. Сбросив фигуры, башни-бросатели сами прыгнули в открытое пространство, они стремительно достигли уровня, где стоял враг, и открыли огонь словно из шлангов. Пошла перекрестная стрельба по врагу под разными углами. Армия Саламандры оказалась сбита с толку и не знала, куда направить основной огонь, на башни или странные фигуры. Таким образом вся армия ушла в бой, и когда Эндер сам появился на боевых позициях, битва была уже закончена. Весь бой занял не больше одной минуты с того

момента, как был открыт шквальный огонь. Драконы потеряли двадцать человек полностью замороженными или выведенными из строя, только двенадцать мальчиков остались целыми и невредимыми. Это был наихудший результат Армии Драконов, но тем не менее они выиграли.

Когда майор вышел и протянул Эндеру преподавательский хук, Эндер не мог сдержать клокочущего гнева.

— А я думал, вы выставите против нас настоящую армию, которая станет достойным соперником в честном бою.

— Поздравляю с очередной победой, командующий.

— Боб, — закричал Эндер. — Если бы ты командовал Армией Саламандры, чтобы ты предпринял?

Боб, раненый, но не окончательно замороженный, начал отвечать прямо с того места возле вражеской калитки, где он дрейфовал.

— Постоянно делал бы перестановки своих стрелков. Или бы организовал передвижения. Нельзя захватить врага врасплох, если точно не знаешь, где он находится.

— Вы же так преуспели в обмане и жульничестве, — с вызовом произнес Эндер, — почему

бы не научить другую армию своим уверткам, чтобы она могла жульничать интеллигентным образом!

— Я предполагал, что ты реорганизуешь свою армию.

Эндер нажал сразу две кнопки, что бы разморозить обе армии одновременно.

— Армия Дракона, все свободны! — закричал он.

В школе не было детально разработанного сценария, как производить капитуляцию проигравшей армии. Эту битву нельзя было назвать справедливой и честной. Учителя заранее полагали, что Драконы проиграют. Их спасла лишь упрямая глупость Бонзо, поэтому в победе не было ни намека на славу.

Лишь когда Эндер покидал комнату баталий, он вдруг осознал, что Бонзо не понял, на кого направлен его гнев. Он не понял, что Эндер сердит на учителей. Испанская гордость. Бонзо видел только одно, что он потерпел поражение, и теперь это отразится на его репутации, принизит его достоинство. Эндер был почти ребенком, а его армия еще не обрела должного статуса, он обязан был проиграть, а не выиграть. Вместо этого он провел мгновенную атаку и победил. Бонзо даже

не успел среагировать. Поэтому если Бонзо до сих пор еще не начал ненавидеть Эндера, то, без сомнения, это бесславное поражение подхлестнуло его к ярой ненависти. Бонзо был последним человеком, который ударил меня, я уверен, он еще помнит об этом.

Эндер и сам хорошо помнил обо всем. Помнил о драке, которую учинили взрослые мальчики, надеясь сорвать практические занятия. Помнил он и о других мелких пакостях. Все они хотели его крови, теперь к этой жажде присоединился и Бонзо. Эндер уже давно вынашивал идею передовой личной защиты, но теперь, когда битвы оказались возможными не только раз в день, но и два, он не мог тратить время попусту. Я должен использовать все свои шансы. Учителя сами бросили меня на растерзание, ввергли в эту круговерть — теперь пусть сами и заботятся о моей безопасности.

Боб взобрался на свою полку усталым и подавленным — половина мальчишек уже давно спала, хотя до отбоя еще оставалось не менее пятнадцати минут. Он осторожно достал парту-компьютер из своего шкафа и включил его. Завтра по геометрии будет контрольная работа, а Боб абсолютно не был готов к ней. Ему ничего не стоило нагнать

свои промахи, если бы на это было время. Он прошел труды Евклида еще в пять лет, но контрольное тестирование не случайно называется контрольным, оно имеет жесткие временные ограничения для ответа, там не отводится дополнительных минут на вольные размышления и импровизации. Он должен знать и точка, а он не знал. Скорее всего он не справится с завтрашним заданием или выполнит все из ряда вон плохо. Но они сегодня дважды одержали нелегкую победу, это давало ему некоторое оправдание и усыпляло не дающую покоя совесть.

Но как только он зарегистрировался в системе, все мысли о геометрии тут же исчезли. На экране тотчас появилось сообщение:

Нужно немедленно увидеться. Эндер.

* * *

Время показывало 21.50, до отбоя и отключения электричества оставалось еще десять минут. Сколько времени уже ждет его послание Эндера? Ладно, наверное, лучше не оставлять его без внимания. Возможно завтра будет новый бой, и у них не будет времени поговорить. Боб сорвался с полки, но помчался по пустым коридорам к комнате

Эндера. У дверей он предупредительно постучал.

— Входите, — раздался голос Эндера.

— Только что увидел твое послание.

— Отлично, — сказал Эндер.

— Скоро погасят свет.

— Я помогу тебе дойти обратно в казарму.

— Я просто хотел напомнить, может ты забыл, который сейчас час…

— Я всегда знаю, сколько времени…

Боб многозначительно вздохнул. Он не любил проигрывать. Когда бы он не заговаривал с Эндером, весь разговор мгновенно обращался в спор. Боб ненавидел подобные манеры. Он давно понял, что Эндер — гений и уважал его за это. Но почему Эндер не видит во мне ничего хорошего?

— Вспомни наш разговор четыре недели назад, Боб? Когда ты изъявил желание стать командиром подразделения?

— Уф.

— Я уже набрал пять командиров подразделений и пять их замов — командиров отрядов.

Эндер вскинул брови и продолжил.

— Как по-твоему, я прав?

— Да, сэр.

— Теперь ты расскажи мне, как ты вел себя в этих восьми битвах.

— Сегодня первый раз за все время врагу удалось подстрелить меня, но компьютер присудил мне одиннадцать очков прежде чем я вышел из строя. Ни в одном бою у меня не было менее пяти попаданий. Кроме того я всегда справлялся со всеми поручениями, какие мне давали.

— Почему они перевели тебя в солдаты так рано, Боб?

— Но я был не моложе вас, сэр.

— Но почему?

— Я не знаю.

— Нет, ты знаешь, знаешь так же как и я.

— Я попытаюсь предположить, но предупреждаю, это лишь одни догадки. Они видят, что ты выделяешься в лучшую сторону. Когда они убеждаются в этом, они двигают тебя вперед…

— Ответь мне, зачем, Боб?

— Потому что мы нужны им, вот и все почему.

Боб уселся на пол и уставился на ноги Эндера, потом неожиданно продолжил.

— Потому что им нужен кто-то для расправы с баггерами. И это единственная вещь, которая их заботит.

— Очень хорошо, что ты знаешь об этом, Боб. Ведь большинство мальчиков в школе думают, что игры важны сами по себе, а не ради чего-ли-

бо. А все эти игры необходимы, чтобы выявить настоящих командующих для настоящей реальной войны. Игры лишь метод принуждения. Мы вынуждены играть в эти проклятые игры.

— Смешно, а я думал, что они специально направлены на наше обучение военному делу.

— Игра на девять недель раньше, чем это положено. Игра каждый день. А теперь и по нескольку раз в день. Боб, я не знаю, что задумали учителя, но моя армия устала, и я устал, а их совершенно не заботят правила игры. Я запросил у компьютера данные о результатах других тренировочных боев за несколько лет. Еще ни одной армии не удавалось уничтожить столько врагов с такими минимальными потерями.

— Но ведь ты лучший, Эндер.

Эндер покачал головой.

— Возможно. Но я не случайно получил именно тех солдат, которых получил. Новобранцы и представители других армий, но сложи их вместе, и даже самый плохой солдат моей армии станет искусным командиром подразделения в любой другой армии. Сначала они так организовали ход вещей, как это мне нужно. Но теперь они делают все наперекор мне. Боб, они хотят подорвать нас, взорвать нас изнутри.

— Но они не смогут подорвать нас.

— Ты будешь удивлен, — начал Эндер и осекся. Он глубоко вздохнул. Вздох был таким глубоким и внезапным, как будто его охватил приступ нестерпимой боли, или он захотел схватить глоток воздуха. Боб во все глаза смотрел на него и понимал, что происходит что-то сверхъестественное. Что Эндер отнюдь не дразнит и не заигрывает с ним. Он действительно доверяет и нуждается в нем. Пусть не много, а чуть-чуть, самую малость Эндер оказался просто человеком, и Бобу было позволено увидеть это.

— Возможно, ты будешь удивлен, — сказал Боб.

— Ведь есть определенный потолок тому, сколько умных, талантливых идей могу я выдать в течение дня. Возможно кто-то что-нибудь придумает еще лучше и применит это ко мне. Я не буду готов к этому и не смогу дать достойный отпор.

— Ну и что из этого? Что произойдет такого страшного, что ты проиграешь одну игру?

— Да, именно это и страшно. Я не могу проиграть ни одной игры, потому что если я проиграю хоть одну…

Он не стал дальше объяснять, а Боб не стал настаивать и уточнять.

— Я хочу, чтобы ты стал умнее, Боб. Я хочу,

чтобы ты подумал над решением проблем, о которых я еще ничего не знаю. Я хочу, чтобы ты попробовал такие вещи, которые еще никто не пытался освоить, потому что они кажутся абсолютно глупыми.

— Почему я?

— Потому что если и есть в моей армии солдаты лучше тебя, то их очень немного, кроме того, никто из них не может думать быстрее и оригинальнее, чем ты.

Боб ничего не ответил. Да это было и не нужно, они оба прекрасно знали, что это правда.

Эндер указал ему на экран компьютера. Там было двенадцать фамилий. Два-три человека из каждого подразделения.

— Выбери из них пять человек. Они составят специальное подразделение, особый отряд, который будешь тренировать ты. Но только во время дополнительных практических занятий. Предварительно оговоришь со мной, чем ты будешь с ними заниматься, чтобы не тратить времени на пустяки. Не трать слишком много времени на отработку какой-либо одной модели. Большую часть ты и твой отряд будут оставаться частью целой армии или частью своих обычных подразделений. Но когда-нибудь мне понадо-

бишься ты. Возможно только тогда, когда будет необходимость что-то сделать, с чем справишься только ты.

— Но это все новички, — возразил Боб. — Ни одного ветерана.

— После подобной напряженной недели, Боб, все солдаты могут считаться ветеранами. Разве ты не обратил внимания, что в списке личных достижений вся наша армия из сорока человек стоит в первых рядах пятидесяти сильнейших?

— А что будет, если я ничего не придумаю?

— Ну тогда тебе не поздороваться.

Боб хихикнул.

— Ты не ошибся адресом.

Свет погас и наступила кромешная темнота.

— Ты сможешь найти дорогу назад, Боб?

— Скорее всего нет.

— Тогда можешь оставаться здесь. И если ты будешь чуток и внимателен, то сможешь услышать, как добрая фея принесет нам извещение о сражении на завтра.

— Но ведь они не посмеют снова дать нам бой завтра? Ведь правда?

Эндер не ответил. Боб услышал, как тот растянулся на полке. Он поднялся с пола и последовал его примеру. В его мозгу вереницей носились

идеи, прежде чем сну удалось сморить его. Эндер будет доволен — каждая идея была воистину безумной.

12. Бонзо

— Генерал Пасе, пожалуйста, располагайтесь. Как я понимаю, вы здесь по делу особой важности.

— Естественно, полковник Графф. Не хочу вмешиваться во внутренние дела Школы Баталий. Ваша полная автономия гарантирована и неприкосновенна, и, несмотря на всю разницу должностного положения, я сознаю, что могу лишь советовать, а не приказывать вам действовать.

— Действовать?

— Не старайтесь сбить меня с толку, полковник Графф. Американцы очень любят сыграть под дурачка, когда это выгодно. Но я не из доверчивых. Вы прекрасно знаете, почему я здесь.

— О-о, полагаю, Деп послал рапорт.

— Он по-отечески относится к ученикам. Он чувствует, что вы пренебрегаете, сбрасываете со счетов возникшую ситуацию в Школе, которая грозит окончится весьма плачевно. Она может обернуться трагически, даже смертельно для одного из ваших учеников.

— Но это всего лишь Школа, Генерал Пасе, в ней учатся дети. И наши дела вряд ли могли привлечь сюда главу военной полиции ИФ.

— Полковник Графф, имя Эндера Виггина уже давно просочилось во все главные Штабы и резиденции. Оно даже долетело до моих ушей. Я слышал о нем как о единственной надежде, способной противостоять грядущему нашествию. Поэтому, когда дело касается его здоровья или жизни, я полагаю, военная полиция не должна оставаться в стороне. Разве я не прав?

— Мне стыдно за Депа, тем более стыдно за вас, сэр. Но я знаю, что делаю.

— Действительно?

— Лучше, чем кто-либо другой.

— О, это вполне очевидно, раз никто другой не имеет ни малейшего понятия о том, что вы делаете и к чему это может привести. Вы уже в течение восьми дней знаете, что среди некоторых необузданных учеников зреет желание расправиться с Эндером Виггиным. И они давно бы сделали это, если бы подвернулся случай. И что некоторые члены этого тайного сообщества, особенно один — Бонито де'Мадрид, или как его здесь просто называют Бонзо, настолько непредсказуем и лишен самоконтроля, что

вообще трудно предположить, чем может окончится подобное наказание для Эндера. Поэтому Эндеру Виггину, нашей надежде и опоре, угрожает вполне очевидная расправа, причем лучший мозг человечества может оказаться попросту размазанным по стенам Школы Баталий. А вы, прекрасно сознающий всю опасность его положения, сидите, сложа руки, и...

— Ничего не предпринимаю.

— Теперь вы понимаете, какое замешательство это вызвало в высших кругах.

— Эндер Виггин уже был в подобной ситуации, там, на Земле, в тот день, когда ему вынули монитор; и тогда, когда старшие ребята решили...

— Я не вижу здесь никакой связи.

— Возможно. Но связь есть. Эндер Виггин должен быть уверен что, чтобы не произошло, ему не поможет никто из взрослых. Он должен быть твердо уверен, что только он сам может помочь себе в любой ситуации, какой бы сложной она не оказалась, что ему не на кого рассчитывать кроме себя, своего ума и своих друзей. Если у него не будет твердой уверенности в себе, он никогда не достигнет полного расцвета своих способностей.

— Он не сможет достичь этого, если будет

убит или серьезно изувечен.

— Он не допустит этого.

— Ну почему нельзя просто взять и выпустить Бонзо? Ведь он уже подходит по возрасту.

— Потому что Эндер знает, что Бонзо хочет убить его. А если мы выпустим Бонзо досрочно, он поймет, что мы спасли его. Всем известно, что Бонзо плохой командующий, чтобы быть рекомендованным на флот.

— А что можно сказать о других детях? Сделайте так, чтобы они помогли ему.

— Посмотрим, что произойдет само собой. Это мое первое, последнее и единственное решение.

— Да поможет вам бог, если вы ошибаетесь.

— Да поможет нам бог в случае ошибки.

— Я поставил вас перед глобальной проблемой, но вы не хотите мне внимать. Что ж, должен предупредить. Ваше имя станет нарицательным, весь мир будет судить вас, если вы окажетесь не правы.

— Прекрасная перспектива. Но я запомню. Но если я окажусь прав, могу я быть уверен, что меня ожидает пара дюжин медалей!

— Для чего столько!

— Чтобы в следующий раз никто не вмешивался не в свое дело.

* * *

Эндер сидел в комнате баталий, зацепившись с помощью хука за боковую балку. Он внимательно следил, как Боб тренирует свою гвардию. Вчера они отрабатывали вариант безоружной атаки. Целью атаки было обезоружить врага при помощи ног. Эндер помог некоторыми техническими приемами, которые довольно часто используются в драках в условиях гравитации. Многое из того, что он видел, следовало изменить и усовершенствовать, но суть идеи применительно к полетам можно было легко обратить еще в одно оружие против врага, причем так же легко, как и на Земле в условиях гравитации.

Сегодня у Боба была первая задумка. Он играл с так называемой «мертвой линией», тонким невидимым волокном, обычно применяемым в космических конструкциях для удерживания двух объектов вместе.

Иногда мертвые линии были длиной в несколько километров. Линия Боба была чуть длиннее стены комнаты баталий, она невидимыми петлями обвилась вокруг его пояса. Подобно фокуснику, он вытянул один конец из себя и протянул одному из своих солдат.

— Зацепи ее за балку и закрепи, как следует, обмотав несколько раз.

Другой конец Боб бросил в комнату баталий.

Боб решил, что как подножка или осязаемое препятствие она не слишком годилась. Конечно, она была невидима, но тонкий пучок волокна вряд ли бы смог остановить врага, которой легко мог обойти ее сверху или снизу. Затем ему пришла идея использовать ее для изменения направления движения. Он вновь закрепил один конец вокруг пояса, другой был прикреплен за боковую балку. Он отошел на несколько метров в сторону, затем резко выпрыгнул вверх. Упругое волокно натянулось и поймало его, остановив полет, затем в следствии инерции резко изменило направление движения. Он описал весьма оригинальную дугу и врезался прямо в стену.

Боб пронзительно взвизгнул, потом еще раз. Эндеру понадобились секунды, чтобы понять — он кричит не от боли.

— Вы видели, как быстро я пошел! Вы заметили, как мгновенно сменилось направление!

Скоро вся Армия Дракона прекратила занятия и стала наблюдать за проделками Боба с линем. Изменения в направлениях движения выглядели просто ошеломляющими, особенно если не

знаешь, где прикреплен конец волокна. Когда же он применил мертвую линию для облета вокруг звезды, ему удалось развить такую скорость, которую еще никому не доводилось видеть.

Было 21.40, когда Эндер объявил о прекращении практических занятий. Усталые, но улыбающиеся от того, что увидели кое-что новенькое, его солдаты возвращались в казарму. Эндер шагал рядом с ними и внимательно слушал, о чем они говорят. Конечно, они очень устали — уже на протяжении четырех недель они каждый день проводили бои, часто в ситуациях, требующих сверх возможностей техники и ума. Но они были горды, счастливы и сплочены — сверхнагрузки не привели к неприязни и разрозненности, наоборот, они поверили и научились доверять друг другу. Доверять солдатам бороться на пределе своих сил и возможностей; доверять командирам, с пользой для дела использовать их, а не ради личной выгоды; а кроме всего они слепо верили Эндеру, который готовил их ко всему, что могло произойти.

Идя по длинным коридорам, Эндер то тут, то там подмечал небольшие группы старших мальчиков, стоящих или прохаживающихся по коридору или ответвлениям, ведущим в казармы;

некоторые шли им навстречу, медленно прогуливаясь. Но что еще больше усилило его подозрения, это то, что большинство из них оказались в форме Саламандры, конечно, встречались и другие униформы, но все они принадлежали именно тем армиям, которые больше всего ненавидели Эндера. Некоторые мельком взглядывали на него и тут же отводили глаза в сторону; другие слишком явно демонстрировали свое равнодушие, но было видно, что они нервничают и напряжены до предела. Что делать, если они решат напасть прямо в коридоре? Мои мальчики еще слишком малы и совсем не готовы к дракам в условиях гравитации. Когда им было научиться?

— Привет, Эндер, — кто-то окликнул его.

Эндер остановился и оглянулся. Это была Петра.

— Эндер, нам нужно поговорить.

Эндер тут же сориентировался, что пока он будет беседовать с Петрой, его армия пройдет мимо, и он останется один в коридоре.

— Хорошо, давай пошли вместе, — предложил он.

— Но это всего одна минута.

Эндер повернулся и вновь зашагал вместе с армией. Он услышал как Петра рванула за ним и

поймала его за рукав.

— Ладно, пошли.

Эндер напрягся, когда она приблизилась. Была ли она одной из тех, одним из тех, кто ненавидел его?

— Твои друзья просили предупредить тебя. Есть парни, которые хотят убить тебя.

— Просто удивительно, — как можно равнодушнее ответил Эндер.

Некоторые из его солдат вздрогнули от услышанного. Сплетни против их командующего показались им интересными.

— Эндер, они серьезно намерены сделать это. Они говорили, что все спланировали еще тогда, когда ты только стал командующим…

— Или тогда, когда я побил Саламандру.

— Эндер, я ненавижу тебя с тех пор, как ты победил Феникса.

— По-моему, я не говорил, что обвиняю кого-то.

— Это правда. Он просил отвести тебя в сторону и предупредить по пути из комнаты баталий, чтобы ты был осторожен завтра, так как…

— Петра, если ты хочешь действительно отвести меня в сторону и подождать, пока пройдет армия, то я думаю прямо сейчас найдется дюжи-

на желающих расправиться со мной, не ожидая завтра. Или ты хочешь сказать, что ничего не замечаешь?

Внезапно ее лицо вспыхнуло.

— Нет, я действительно не обратила внимания, как ты мог подумать такое обо мне. Разве ты не знаешь, кто твои друзья?

Она повернулась и стала проталкиваться сквозь Армию Дракона. Выйдя из толпы, она гордо подняла голову и нырнула в свой отсек.

— Это правда? — спросил Безумный Том.

— Что правда?

Эндер оглядел комнату армии, затем солдат и приказал двум, наиболее уставшим ложиться спать.

— Что кое-кто из старших хочет убить тебя?

— Брось, все только слухи, — ответил Эндер.

Но он отлично понимал, что это не так. Петра предупреждала его не напрасно. А то, что он увидел в коридорах, лишь подтвердило его опасения.

— Возможно это и слухи, но ты, надеюсь, поймешь меня правильно, если сегодня и всегда пять командиров подразделений будут провожать тебя до комнаты по вечерам.

— Абсолютно незачем.

— Ладно, не бравируй. Мы обязаны защищать тебя.

— Вы ничего мне не обязаны.

Однако, он понял, что глупо отговаривать их.

— Ладно, делайте, что хотите.

Командиры подразделений пошли вслед за ним. Один даже умудрился забежать вперед и предупредительно открыл дверь. Они тщательно обследовали комнату, взяли с Эндера слово, что он обязательно запрется изнутри, и ушли, чтобы успеть дойти до отбоя.

На его компьютере висело сообщение.

По возможности не оставайся один.
Динк

Эндер улыбнулся. Значит Динк все еще оставался его другом. Не волнуйся, уговаривал он себя, они ничего не смогут сделать тебе. С тобой твоя армия.

Но в темноте ночи не было рядом армии. Ночью ему приснился Стилсон, только теперь он увидел, каким маленьким был Стилсон, ему было только шесть лет. Он и друзья Стилсона снова угрожали ему, толкали и издевались. Они настолько вымотали Эндера, что тот не мог дальше противостоять им. Далее Эндер увидел себя,

лепечущего какие-то приказы своей армии. Но вместо четких распоряжений из его рта вылетала какая-то бессмыслица.

Он проснулся среди ночи и почувствовал страх. Затем он вновь стал успокаивать себя, повторял, что учителя оценивают его вполне адекватно и справедливо, иначе они не оказывали бы на него такого давления; они не допустят, чтобы с ним что-нибудь произошло, что-нибудь очень плохое.

С подобными заверениями он снова уснул. И спал до тех пор, пока дверь бесшумно не открылась и на пол не легло очередное извещение о предстоящем утреннем бое.

Конечно они снова выиграли. На сей раз пришлось долго повозиться, так как комната баталий представляла собой настоящее нагромождение звезд, в тесных лабиринтах которых приходилось вести сражение. Бой продолжался целых сорок пять минут. Противником оказалась Армия Барсуков Пола Слаттери, они дрались в полную силу, явно не собираясь уступать. В этом бою было применено новшество — раненые и поврежденные солдаты в течение пяти минут еще могли поддерживать теплоту и оставаться боеспособными, солдат Пола выходил из боя только тогда,

когда в него производилось прямое попадание и он замерзал мгновенно. Но техника медленного замерзания не сработала перед Армией Дракона. Безумный Том одним из первых сообразил, что становиться спиной к тем врагам, которых они считали абсолютно безвредными, не всегда безопасно. В конце боя Пол дружелюбно пожал Эндеру руку и сказал:

— Я рад, что ты победил, если мне когда нибудь удастся у тебя выиграть, Эндер, я хочу, чтобы это случилось в честном бою.

— Используй любой шанс, который тебе предоставляется, — ответил Эндер. — Если у тебя есть хоть малейшее преимущество перед врагом — смело пользуйся им.

— Что я и делаю, — сказал Слаттери. Он лукаво подмигнул Эндеру. — Я справедливый и здравомыслящий только в учебных боях.

Битва затянулась на долгое время, поэтому они пропустили завтрак. Эндер сочувственно посмотрел на своих разгоряченных усталых солдат, ожидавших его в коридоре и сказал:

— На сегодня учеба окончена, вы и так достаточно освоили. Практики не будет. Отдыхайте. Веселитесь. Сделайте домашние задания.

Мерилом настоящей усталости явилось и то,

что в ответ ни на одном из лиц не появилось ни радости, ни улыбки. Они понуро побрели в барак и разделись, затем одели обычную униформу. Конечно, они все как один вышли бы на практику, если бы он ее не отменил. Но и слепому было видно, что они уже на пределе последних сил. А остаться без завтрака означало еще одно маленькое добавление к общим неприятностям.

Эндер хотел было сразу отправиться в душ, но он тоже слишком устал. Он рухнул на койку прямо в скафандре, намереваясь отдохнуть пять минут, однако проснулся перед самым ленчем. Значит, хватит изучать баггеров, решил он, самое время вымыться, поесть и заняться общеобразовательной подготовкой.

Он поднялся и стал стаскивать скафандр, его тело покрылось липким холодным потом, он вновь ощутил слабость и усталость. Да, не следует спать в середине дня. Я становлюсь ленивым, начинаю терять форму. Нельзя позволять себе расслабляться.

Он заставил себя пойти в гимнастический зал, трижды поднялся и спустился по канату и, взбодрившись, направился в душ. Ему и в голову не приходило, что его отсутствие за ленчем будет замечено, а прием душа в полуденное время,

когда вся его армия находилась в столовой, сделает его одиноким и беззащитным перед лицом опасности.

Даже когда он услышал, что кто-то вошел в душ, он не придал этому серьезного значения. Он стоял под сильными струями воды и наслаждался возвращающейся бодростью. Полностью расслабившись, он не расслышал приближающихся шагов. Возможно ленч уже кончился, пришла ему в голову мысль, а возможно кто-то задержался на практике.

А возможно что-то еще. Он резко обернулся. Их было семеро, они стояли возле стен, внимательно наблюдая за ним. Впереди всех возвышалась фигура Бонзо. Многие улыбались, предвкушая зрелище легкой победы. Бонзо не смеялся.

— Привет, — сказал Эндер.

Никто не ответил ему.

Эндер выключил душ, несмотря на то, что был еще весь в мыле, потянулся к полотенцу. Его на месте не оказалось. Один из мальчиков демонстративно размахивал им. Это оказался Бертран. Для завершения полной картины не хватало лишь Стилсона и Питера. Им явно не хватало змеиной улыбочки Питера и кровожадной глупости Стилсона.

Эндер понял, что полотенце только начало. Ничего не могло его выставить смешнее и слабее, чем заставить его выбежать в коридор голым и в мыле. Это именно то, чего они хотели — унижение и оскорбление его достоинства. Но он не хотел подыгрывать им. Он заранее отказался расписаться в своей слабости, каким бы голым и мокрым не был. Он сделал шаг навстречу, гордо выпрямился и смело взглянул на Бонзо.

— Теперь твой ход, — спокойно сказал он.

— Это не игра, — процедил Бертран. — Мы уже устали от тебя, Эндер, ты всех достал. Мы сегодня не выпустим тебя. На лед.

Эндер даже не взглянул на Бертрана. Ведь это не он, а Бонзо жаждал его смерти, хотя сейчас он молчал. Другие пришли просто за компанию, из любопытства, посмотреть, чем все это кончится. И лишь Бонзо знал наверняка, чем это могло кончиться.

— Бонзо, — спокойно произнес Эндер. — Твой отец будет гордиться тобой.

Бонзо вздрогнул.

— Он будет рад узнать, что ты учинил расправу над голым мальчиком в душе, который намного меньше и младше тебя. А чтобы драка удалась наверняка, ты еще прихватил шестерых друзей.

Он будет очень горд и скажет, что рад за тебя, за то, что у него такой храбрый и смелый сын.

Все рассмеялись, лишь Бонзо и Эндеру было не до юмора.

— Гордись собой, Бонзо, доблестный сын своего отца. Ты со спокойной совестью можешь вернуться и сказать: «Мне удалось побить Эндера Виггина, которому не было еще и десяти лет, в то время как мне уже полных тринадцать. Мне помогало всего шесть товарищей и тем не менее я каким-то образом одолел его, хотя он был абсолютно один и к тому же голый и мокрый. Эндер Виггин — настолько ужасный и зловещий тип, что сначала мы хотели идти целой армией».

— Заткни свою пасть, Виггин, — выкрикнул кто-то из ребят.

— Мы здесь не для того, чтобы слушать галиматью маленького ублюдка, — добавил другой.

— Это вы заткнитесь, — рявкнул Бонзо, — заткнитесь и стойте, где стоите.

Он начал лихорадочно скидывать униформу.

— Значит: голый, мокрый, к тому же один — так, Эндер, ладно я тоже буду таким. Только уж не взыщи, я ничем не могу помочь в том, что я больше тебя. Ну ты ведь у нас выдающийся гений и придумаешь, как лучше одолеть меня.

Он обернулся к остальным и добавил:

— Следите за дверью и никого не пускайте.

Помещение душа не было большим, кроме того, везде были вертикальные перегородки и кабинки. Всюду располагались различные душевые агрегаты и приспособления, так что свободного пространства почти не осталось. Было абсолютно очевидно, что они хотят сделать. Бросать из одной кабинки в другую, швырять об стены и острые трубы, пока один не потеряет сознания и не прекратит борьбы.

Эндер оглядел торс Бонзо и его сердце сжалось. Бонзо явно не пренебрегал физическими упражнениями и, возможно, проделывал их даже чаще Эндера. Он имел отменную реакцию, был строен и силен, к тому же в нем бурлила ненависть. Он вряд ли станет церемониться. И будет специально метить мне в голову, думал Эндер. Он сделает все, чтобы повредить мой мозг. А если драка затянется надолго, в его руках окажутся все шансы на победу. Я должен контролировать его силу. Если мне удастся сбежать отсюда, у меня будет шанс на быструю победу. Его снова охватили слабость и страх, он замер, как тогда, когда почувствовал как ломаются кости Стилсона. Но в этот раз будут хрустеть мои кости, если не удастся как следует

ударить его первым.

Эндер отступил назад, встал у самой стены и открыл горячую воду на полную катушку. Вода хлынула и стал подниматься пар. Он перебежал к следующему душу, затем еще к одному.

— Напрасно стараешься, я не боюсь горячей воды, — голос Бонзо прозвучал уверенно и спокойно.

Но вода оказалась не просто горячей, как и хотел Эндер. Из леек душа с шипением вырывался кипяток. Тело Эндера до сих пор было в мыле, кроме того он весь покрылся испариной и его кожа оказалась не столь восприимчивой к воде и более скользкой, чем того мог ожидать Бонзо.

Внезапно из дверей донесся новый голос.

— Прекратите! — прокричал он.

На мгновение Эндеру показалось, что это кто-то из учителей решил вмешаться, но это оказался всего лишь Динк Микер. Друзья Бонзо схватили его и задержали возле двери.

— Бонзо! Прекрати сейчас же! — не унимался Динк. — Не смей трогать его!

— Это почему? — удивился Бонзо и рассмеялся.

Как и предполагал Эндер, ему нравилось афишировать свое превосходство, показывать свою власть.

— Потому, что он самый лучший, вот почему! Кто еще сможет справиться с баггерами! Все дело в баггерах, неужели тебе, дураку, и это не понятно!

Улыбка сползла с лица Бонзо. Это было как раз то, что так ненавидел Бонзо в Эндере — Эндер имел вес в обществе, был значимым в глазах людей, а он, Бонзо, — нет. «Ты убил меня этими словами, Динк. Бонзо вряд ли рад услышать известие, что я спасу мир. Где же учителя?» — думал Эндер. — «Разве они не понимают, что первые удары в подобной драке могут оказаться и последними? Ведь это совсем не похоже на бои и сражения в комнате баталий, где ни у кого даже в мыслях нет причинять другому увечья. А здесь — полная гравитация плюс пол и стены из цемента и металла. Господи, прекратите это сейчас, или это не кончится никогда».

— Если ты дотронешься до него хотя бы пальцем, значит ты — обожатель баггеров! — закричал Динк. — Ты будешь последним предателем, если ранишь или убьешь его!

Они зажали ему рот и повернули лицом к двери, Динк замолчал.

Пар от работающих душей заполнил комнату, по телу Эндера стекали капли. Сейчас, решил он,

пока на мне еще осталось мыло. Сейчас, пока я еще слишком скользкий, чтобы ухватиться за меня.

Эндер отступил назад и напустил страху на свое лицо.

— Бонзо не трогай меня, — как можно жалобнее произнес он. — Ну, пожалуйста!

Это было как раз то, чего ожидал Бонзо, — признание, что сила на его стороне. Для других мальчиков было достаточно, что Эндер покорился, для Бонзо это означало лишь лишний шанс на победу. Он размахнулся словно для удара, но в последний момент передумал и резко подался вперед. Эндер увидел, как накренилось тело Бонзо, и слегка отодвинулся, делая положение Бонзо еще более неустойчивым, если он захочет схватить его. Крепкие, широкие ребра Бонзо оказались прямо напротив лица Эндера, его цепкие руки коснулись его спины, пытаясь захватить. Но Эндер увернулся и руки соскользнули с мокрой кожи. Тем не менее Эндер все еще был внутри объятий Бонзо. В подобных условиях классический прием — это удар коленом в промежность. Но для того, чтобы осуществить его с максимальной эффективностью, нужна предельная четкость и точность. Подобных действий

ожидал и добивался Бонзо. Он даже поднялся на цыпочки и изогнулся знаком вопроса, пытаясь отдалить и обезопасить свою мошонку. Даже не смотря вверх, Эндер знал, что такой маневр приблизил к нему лицо Бонзо. Оно почти касалось волос Эндера. Поэтому вместо выпада ногой, он с силой оттолкнулся от пола, вложив в прыжок всю свою мощь. Его голова с треском врезалась в лицо Бонзо.

Эндер сморщился от боли и не увидел, как Бонзо отпрянул назад, на лице его застыло удивление и боль, из носа фонтаном хлестала кровь. Эндер знал, что драку можно считать оконченной, и он спокойно может покинуть душ. Точно так же как он ушел из комнаты баталий, когда там пролилась первая кровь. Но тогда через некоторое время его ожидают новые драки и борьба. Снова и снова, пока бой не увенчается окончательной победой. Единственное, что может положить конец всем этим дракам, это заставить Бонзо по-настоящему испугаться, почувствовать этот всепоглощающий страх, который пересилит ненависть.

Поэтому Эндер отклонился назад и уперся спиной в стену, затем резко выпрыгнул на Бонзо, протянув вперед руки и ноги. Ноги Эндера с си-

лой врезались в живот Бонзо. Перевернувшись в воздухе, Эндер по-кошачьи приземлился на ноги и руки, но тут же вскочил и набросился на упавшего Бонзо, молотя кулаками по корпусу Бонзо.

Бонзо не кричал и не корчился от боли. Он вообще никак не прореагировал, его тело лишь слегка приподнялось и изогнулось. Все выглядело так, будто Эндер колотит безжизненный манекен. Вот тело Бонзо стало заваливаться на бок и оказалось прямо под струей хрипящего паром душа. Он даже не пошевелился, чтобы отползти от убийственного кипятка.

— Боже правый! — крикнул кто-то из его свиты и ринулся закрывать воду. Эндер медленно поднялся на ноги. Кто-то стал вытирать его полотенцем. Это был Динк.

— Пошли отсюда, — произнес он, закутывая Эндера полотенцем и увлекая за собой. Позади них послышался топот бегущих ног. Наконец-то пожаловали учителя, даже врача не забыли. Теперь они будут зализывать раны злейшего врага Эндера. Где же он были раньше, когда можно было вообще избежать всяких ран?

У Эндера не осталось никаких сомнений. С чем бы он не столкнулся, сейчас или в будущем, он сам должен позаботиться о собственной безопас-

ности. Питер был подонком, но он был прав, он всегда был прав, говоря, что только сила, причиняющая боль, имеет смысл. Потому что если ты не можешь убить, всегда находится кто-нибудь, кто возжелает убить тебя, и никто и ничто не спасет тебя.

Динк привел его в комнату и уложил в постель.

— Ты не ушибся? — спросил он.

Эндер покачал головой.

— Ну ты разобрал его по костям, я видел как он тебя сгреб и думал, что ты уже труп. Но, ты — молодец, здорово отделал его. Если бы он удержался на ногах, я думаю, ты бы убил его.

— Это он хотел убить меня.

— Я знаю. Я знаю его. Никто не может ненавидеть сильнее Бонзо. Но, пожалуй больше никто не сунется. Если они не заморозят его, или не отправят домой за такие проделки, то он уже вряд ли посмотрит в твою сторону, после такого стыдно вообще поднимать глаза. Он почти на двадцать сантиметров выше тебя, а рядом с тобой выглядел будто хромая корова на льду.

Все, что видел Эндер, это ответный взгляд Бонзо, когда он бросался на него. Пустые, мертвые глаза. Он был уже конченным человеком. Уже

в бессознательном состоянии. Его глаза были открыты, но он ни о чем не думал и не двигался. На его лице застыло мертвое глупое выражение, именно так смотрел Стилсон, когда я его кончал.

— Они заморозят его, — повторил Динк, — все знают, что он заварил эту кашу. Я видел, как они дружно вышли из зала командующих. Через пару секунд я сообразил, что тебя тоже нет, а еще через несколько секунд понял, где ты находишься. Я же предупреждал тебя, чтобы ты не оставался один.

— Прости.

— Они должны заморозить его. Возмутитель спокойствия. Напыщенный индюк со своей вонючей гордостью.

Вдруг, к полному удивлению Динка, Эндер разрыдался. Он лежал на спине, слезы катились по щекам, а тело все еще было влажным о мыла и воды. Наконец ему удалось справиться с рыданиями. Он закрыл глаза и замер.

— С тобой все в порядке?

— Я не хотел причинять ему боль! — выкрикнул Эндер. — Ну почему они не могут оставить меня в покое?

* * *

Он услышал, как дверь осторожно приоткрылась и тут же закрылась снова. Он сразу понял, что это инструкции об очередной битве. Он открыл глаза, ожидая увидеть лишь тьму раннего утра. Но, как ни странно, огни горели. Он был абсолютно раздет, а когда пошевелился, то обнаружил мокрую кровать. Его глаза опухли и болели от слез. Он с нетерпением смотрел на компьютер. Таймер подсказал ему время — 18.20. Значит это все тот же день. У меня уже был сегодня бой, ублюдки, у меня уже было два боя сегодня, а эти старые болваны знали и видели, что происходит и допустили это, пустили все на самотек.

ВИЛЬЯМ БИ, АРМИЯ ГРИФОНА
ТАЛО МОМОЙ, АРМИЯ ТИГРОВ, 19.00

Он замер на краю кровати. Руки с извещением дрожали. Я не смогу, молча сказала его плоть. А затем его собственный голос автоматически повторил: «Я не смогу».

Он медленно поднялся и огляделся в поисках скафандра. Затем он вспомнил, что оставил его в раздевалке душевой. Он до сих пор там.

Все еще держа бумагу в руках, он вышел из комнаты и побрел к бараку. Ужин уже окончился, в коридорах стал собираться народ, но никто не заговаривал с ним, все с любопытством смотрели на него, видимо уже зная о происшествии в душе, или просто были озадачены его ужасным каменным лицом. Почти все мальчики оказались в казарме.

— Эй, Эндер, привет. Будет вечерняя практика?

Он молча протянул листок Горячему Супу.

— Подонки, — огрызнулся он. — Две армии сразу.

— Две армии! — завопил Безумный Том.

— Ну, они просто споткнутся друг о друга, — произнес Боб.

— Я пошел в душ, — сказал Эндер, — а вы переоденьтесь, соберитесь вместе и ждите возле ворот.

Он вышел из казармы. Сзади него поднялся целый рой голосов. Он слышал ругань Безумного Тома и недовольные выкрики других, слышались и шутки: «Подумаешь две паршивые армии. Мы сотрем их в порошок».

Душевая оказалась пустой. Все было тщательно убрано. Нигде ни единой капельки крови. Все чисто, как будто ничего не произошло.

Эндер встал под струю воды и обтерся мочалкой. Его кожа загорелась и тепло стало разливаться по телу. Все проходит, все пройдет, кроме постоянного навязчивого воспоминания о крови, растекающейся по полу. Все рано или поздно сотрется, как сейчас вода стирает с меня липкий трусливый пот и кровь Бонзо, смывает, несмотря на глупость и жестокость тех, кто равнодушно пустил все на самотек и спокойно взирал, чем закончится весь этот бой.

Он тщательно вытерся полотенцем, переоделся в скафандр и направился в комнату баталий. Его армия в полном сборе ожидала его в коридоре, двери еще были закрыты. Они молча наблюдали, как он проходит вперед и останавливается возле серого указателя. Конечно, все уже знали о драке в душе; это известие и навалившаяся усталость от утреннего боя сделали их угрюмыми и молчаливыми, а извещение о предстоящем бое сразу с двумя армиями окончательно вогнало их в тупой страх.

Они делают все, чтобы одолеть меня, чтобы сделать мне больно, думал Эндер. Все о чем они думают, постоянные изменения правил — все направлено на одно — сломить меня. Ведь ни одна из игр не стоит, чтобы кровь Бонзо окрашивала

пол в душе. Меня, меня заморозьте, или отправьте домой, я не хочу больше играть в ваши игры.

Дверь исчезла. В трех метрах от дверей зависли четыре звезды, полностью скрывшие противоположную дверь, откуда должны появиться сразу две армии.

Обе армии еще ничем себя не обнаруживали, они не делали никаких попыток выяснить планы Эндера.

— Боб, — позвал Эндер. — Бери своих ребят и выясни, что там с обратной стороны этих звезд.

Боб вытянул с пояса кусок невидимой мертвой нити. Один конец он обмотал вокруг себя, а другой протянул одному мальчику из своей ударной гвардии, затем осторожно скользнул вверх. Его бойцы тотчас последовали за ним. Они тренировали подобный прием сотни раз, поэтому затратили не более мгновенья, чтобы достичь звезд. Оглядевшись по сторонам, Боб оттолкнулся от звезды, с максимальной скоростью пролетел вдоль линии, параллельной дверям, достигнув угла комнаты оттолкнулся и устремился навстречу врагу. Всполохи света на стене наглядно свидетельствовали, что враг заметил его и открыл огонь. Так как конца невидимого волокна хватало лишь до края звезды, то оно

натянулось и Боб резко изменил направление полета. Он передвигался с такой скоростью и так часто менял направления, что подстрелить его оказывалось фактически невозможно. Его боевой отряд тут же подхватил его, едва он показался с обратной стороны звезды. Боб сам активно помогал им руками и ногами, всем видом давая понять армии, что цел и невредим.

Эндер осторожно скользнул в ворота.

— Там довольно темно, — сказал Боб, — но в то же время света вполне достаточно, чтобы сделать невозможным проследить за передвижением человека по люминесцентному эффекту костюма. А обычным глазом почти ничего не видно. Между этим созвездием и вражеской стороной голое открытое пространство. Возле самых вражеских ворот созвездие из восьми звезд образует вполне надежное укрытие. Я почти никого не увидел за исключением торчащих ружей. По-моему, они там прочно засели и поджидают нас.

Как будто в подтверждение слов Боба, враг начал звать их.

— Эй, если вы голодны, давайте, сожрите нас! Вы — мастера по части жратвы! Настоящие Драконы! Где вы?

Эндер был в отчаянии. Все оказалось более чем

глупым. У него не было ни единого шанса, даже самого малого, одолеть силы, превосходящие его в два раза, находящиеся в надежном укрытии.

— В настоящей войне любой мало-мальски соображающий командующий отступит ради спасения своей армии, — печально изрек он.

— Будь я проклят, — сказал Боб, — но это игра.

— Она давно перестала быть игрой, с тех самых пор, как они отменили все правила.

— Значит, ты тоже не должен ничего придерживаться.

Эндер усмехнулся. Ладно. А почему бы нет?

— Ладно, посмотрим как они воспримут наш общий маневр и стройную атаку.

Боб ужаснулся.

— Развернутая атака! Но мы не ходили массовыми построениями с момента создания армии!

— Ну, нам полагается еще целый месяц до конца тренировочного периода. Со дня на день мы все равно начали бы изучать тактику атаки с построением. О них тоже полезно знать.

С помощью пальцев он сложил букву «А», указал на дверной проем и кивком позвал за собой. Подразделение А быстро выступило под защиту звезд. Конечно, три метра безопасного пространства. Не столь уж большая территория

для свободы творчества, поэтому мальчики порядком растерялись, даже испугались. Пришлось потратить не менее пяти минут, прежде чем они поняли, что нужно делать.

Солдатам Тигров и Грифонов было приказано дразнить и подзадоривать Драконов, пока идет совещание командующих. Обе вражеские армии тоже находились в прикрытии и их командующие ломали голову о том, как лучше атаковать Драконов. Момой выступал за стремительную атаку. «Мы превосходим их вдвое», — аргументировал он. Би предлагал иную тактику. «Сидеть тихо и ждать, пока они не начнут двигаться, а тогда решать, как действовать».

Наконец они решили, что выжидание лучше и набрались терпения. Наконец в тусклом свете со стороны Эндера выплыла большая фигура. Как ни странно она сохраняла жесткую форму, даже когда резко затормозила и приземлилась в самом центре восьмизвездного оплота врага, где их поджидало восемьдесят два солдата.

— Ого, — произнес Гриффин. — Они идут строем!

— Господи, так вот чем они там занимались эти пять минут, — сказал Момой. — Если бы мы их атаковали внезапно в то время, мы бы разбили

их за одну минуту.

— Подавился бы, Момой, — прошептал Би. — Ты видел как летал тот недоносок. Он облетел вокруг звезды и вернулся в обратном направлении, даже не коснувшись стены. Ты что, думаешь у них у каждого по хуку? Они опять придумали что-то новенькое.

Построение Эндера оказалось довольно странным. В центре или лобовой части, плотно друг к другу стояли несколько солдат, образуя своеобразный заслон или стену. За своеобразным центром-щитом тянулся цилиндр из шести бойцов по кругу и двух в глубине. Их конечности казались замороженными и неразъемными. На самом деле они просто крепко сцепились и плотно прижались друг к другу.

Внезапно из центра этой странной фигуры открылся шквальный огонь, он весьма прицельно велся по боевым позициям Грифонов и Тигров, не давая им высунуть головы.

— По крайней мере, хвост у этого монстра не защищен, мы можем зайти сзади и…

— Чем зря болтать, лучше бы действовал! — крикнул Малюй.

Би внял собственному совету и приказал своим ребятам выпрыгнуть в воздух, оттолкнуться от

противоположной стены и зайти в тыл драконова формирования.

Пока предпринималась хаотическая попытка атаки, а армия Грифона все еще находилась в укрытии, фигура Драконов полностью видоизменилась: передняя стенка-щит и сам цилиндр мгновенно разлетелись на две части. Все произошло внезапно, словно взрыв. Однако обе части нацеленно продолжали движение в направлении вражеских ворот. Большинство Грифонов открыли огонь по атакующим, многие солдаты вообще устремились за Драконами. Тиграм осталось лишь любоваться на стремительно удаляющиеся фигуры.

Весь маневр выглядел слишком странным. Вильям Би задумался на минуту и понял почему. По всем законам они не могли сменить направление в ходе полета, за исключением случая, когда отталкиваются друг от друга в противоположных направлениях. Если же они стартовали с максимальной скоростью, какая только возможна для двенадцати человек, летящих вместе, они должны двигаться не столь быстро.

Шесть маленьких солдат оказались возле самых ворот Вильяма Би. По числу огоньков и типу переливов костюмов Би понял, что три из них

уже выведены из строя, два ранены и лишь один цел. Ничего особо угрожающего. Би тщательно прицелился, нажал на спуск, и…

Ничего не произошло.

Зажглись огни.

Учебный бой был окончен.

Хотя Би и смотрел во все глаза, прошло несколько долгих минут, прежде чем он понял, что произошло. Четыре солдата Драконов стояли, держа под прицелом четыре угла поля боя. А один уже проскользнул в калитку. Они просто выполнили ритуал победного прохождения. Все их построение имело одну цель и достигло ее. Прямо под носом двух армий они исполнили традиционный победный ритуал.

Только теперь до Вильяма Би окончательно дошло, что Армия Дракона окончила бой, почти не нарушив правил. Правило победителя гласило, что армия не признается победителем лишь в том случае, если у нее не хватает незамороженных солдат для сдерживания четырех направлений и одного воина для прохождения через вражеские ворота. Тем не менее, победа казалась спорной и можно было скандалить. Однако ярко вспыхнувшие лампы говорили о конце игры.

Двери учительского наблюдательного пункта

распахнулись, и майор Андерсон шагнул в комнату баталий.

— Эндер, — позвал он, оглядываясь вокруг.

Один из замороженных солдат Армии Дракона попытался ответить, не снимая шлема подбитого костюма. Андерсон с помощью хука приблизился к нему и разморозил.

Эндер улыбался.

— Я снова побил вас, сэр, — сказал он.

— Что за глупости, Эндер, — спокойно возразил Андерсон. Ты вел бой с Грифонами и Тиграми.

— Вы правда считаете меня глупым? — спросил Эндер.

Громко, чтобы все слышали, Андерсон произнес:

— После столь показательного маневра правила ведения боя будут дополнены, и отныне необходимо заморозить всех вражеских солдат, прежде чем идти через калитку. Иначе церемония победы будет признана недействительной.

— Ну, во всяком случае, я воспользовался вашей оплошностью лишь один раз, — произнес Эндер.

Эндер разморозил всех одновременно. К черту церемонии и протоколы, к чертям все и вся!

— Эй, — закричал он, видя, что Андерсен собрался уходить, — что вы придумаете в следующий

раз? Моя армия в клетке и без оружия против всей Школы Баталий? А как насчет равенства и справедливости?

Послышался шумный гул одобрения, причем не только от солдат Драконов. Андерсону нечего было сказать, поэтому он повернулся и направился к учительской. Лишь Вильям Би нашел, что ответить.

— Эндер, если тебя выставят на одну сторону, то чтобы не оказалось на другой, равенства все равно не будет.

— Правильно! — понеслось со всех сторон.

Многие смеялись. Тало Молюй от восторга захлопал в ладоши.

— Эндер Виггин! — заорал он.

Другие мальчики поддержали его и тоже захлопали в ладоши, выкрикивая его имя.

Эндер прошел во вражеские ворота, за ним потянулась его армия. Но и в коридорах все еще стояло эхо от выкриков в комнате баталий.

— Вечером практика? — спросил Безумный Том.

Эндер отрицательно покачал головой.

— Тогда завтра утром?

— Нет.

— Ладно, тогда когда?

— Никогда, пока я останусь командующим.

Он услышал ропот многих голосов.

— Но это несправедливо, — сказал один из мальчиков. — Ведь мы не виноваты, что учителя затеяли всю эту нелепую игру. Ты ведь не можешь просто бросить нас и ничему не учить только потому…

Эндер ударил ладонью по стене и закричал:

— Меня больше не заботят их игры!

Его громовой голос эхом разлетелся по коридорам. Из дверей показались головы солдат других армий. Он тут же перешел на тихий спокойный голос. Но в полной тишине он тоже прозвучал довольно громко.

— Вы поняли меня? — А затем шепотом добавил. — Игра окончена.

В полном одиночестве он побрел в свою комнату. Он хотел сразу лечь, но не смог, кровать оказалась мокрой. Это снова напомнило ему о том, что произошло днем. В бешенстве он сдернул и разорвал матрац, затем выкинул его в коридор вместе с подушкой. Потом он скатал униформу, положил ее под голову и улегся прямо на плетеную сетку койки. Лежать было ужасно неудобно, но Эндеру было все безразлично. Через несколько минут раздался стук в дверь.

— Уходите, — спокойно сказал он.

Однако тот, кто стучал, либо не расслышал, либо ему тоже было безразлично. В конце концов Эндер позволил войти.

Это был Боб.

— Уходи, Боб.

Боб покорно кивнул, но не двинулся с места. Он стоял и смотрел в пол.

Эндер ругался, орал, оскорблял, заставляя его уйти. Но вдруг он заметил, какой усталый и удрученный вид у Боба, его тело едва справлялось с усталостью, глаза потемнели от недосыпа; кожа казалась бледной и безжизненной. Тем не менее это все еще была нежная кожа ребенка с ямочками на щеках. Ему не было еще и восьми, вспомнил Эндер. Не имело значения, каким бы замечательным, умным, талантливым он не был, он все равно оставался слишком юным, почти ребенком.

Нет, он не ребенок, подумал Эндер. Он маленький, это да. Он вытянул на себе целое сражение, вся армия зависела от него, он уже руководил людьми. Это не детство и даже не юность.

Рассматривая молчание Эндера и смену выражения на его лице, как приглашение остаться, Боб сделал робкий шаг ближе к Эндеру. Только

теперь тот заметил маленький листок в руках Боба.

— Тебя переводят? — спросил Эндер.

Как он не старался взять себя в руки, его голос звучал равнодушно и бесцветно.

— В Армию Кроликов.

Эндер кивнул. Конечно. Все и так очевидно. Если они не могут добиться поражения моей армии, они просто расформируют ее.

— Кен Карби — очень хороший парень, — произнес Эндер, — я надеюсь, он сумеет оценить тебя по достоинству.

— Кена Карби сегодня выпустили. Он получил свидетельство об окончании, пока мы дрались.

— Хорошо, тогда кто же будет командовать?

Боб беспомощно развел руками и прошептал:

— Я.

Эндер посмотрел в потолок и кивнул.

— Конечно. Ты столько уже умеешь и тебе не хватает всего четырех лет до возраста официального назначения.

— Это совсем не смешно. Я не понимаю, что здесь происходит. Все эти игры, постоянные изменения. А теперь все это. Ты знаешь, переводят не только меня. Они выпустили половину командующих, и многих из нашей армии выдвинули

на освободившиеся места.

— Кого?

— Похоже, что всех командиров подразделений и их замов — командиров отрядов.

— Все ясно. Если уж они решили чуть постричь мою армию, понятно, что они состригут ее до земли. Все, что они делают, они делают слишком основательно.

— Ты будешь по-прежнему побеждать, Эндер. Мы все уверены в этом. Безумный Том постоянно твердит, что понятия не имеет, как одолеть Эндера. Все знают, что ты лучший из лучших. Они не смогут одолеть тебя, чего бы они…

— Уже одолели.

— Нет, Эндер, они не…

— Ладно, меня больше не волнуют их игры, Боб. Я не собираюсь больше играть в них. Никаких практик, ни единого боя. Пусть бросают свои вызовы — инструкции хоть пачками, я не буду участвовать больше в боях. Я решил это сегодня, еще до того, как вступил на поле боя. Поэтому я и послал тебя сразу к вражеским воротам. Я не думал, что это сработает, да мне было уже все безразлично. Я просто хотел, чтобы все скорее кончилось.

— Тебе следовало бы видеть лицо Вильяма Би.

Он смотрел и никак не мог врубиться: каким образом ты победил, имея в запасе лишь семерых солдат, способных переставлять ногами, а у него только три раненых, а остальные все целы.

— Мне наплевать было на его лицо. Почему я должен побеждать всякого?

Эндер поднес ладони к лицу и со всей силы стиснул его.

— Боб, я сегодня здорово избил Бонзо. По-моему, я его серьезно изувечил.

— Он сам напросился.

— Я сбил его с ног, а он рухнул, словно мертвый… А я все бил и бил…

Боб промолчал.

— Я просто хотел быть уверенным, что он не поднимет больше на меня руку.

— Больше на поднимет, — сказал Боб. — Его отправили домой.

— Уже?

— Учителя ничего не сказали. Они всегда обо всем умалчивают. Официально было заявлено, что он выпущен вместе с остальными командующими. Но ты же знаешь, они рассылают назначения. В нем было указано — Картахена, Испания. Там, где его дом.

— Я рад, что его выпустили.

— Забудь, Эндер. Мы все рады этому. Если бы мы знали, что он задумал, мы бы раньше убили его. Это правда, что он привел с собой целую банду?

— Нет. Дрались только я и он. Ему гордость не позволила призвать на помощь. Если бы не эта проклятая гордость, они навалились бы на меня все вместе. Тогда бы они точно убили меня. Его высокомерие и достоинство спасло мне жизнь. Я дрался не за честь и гордость, я дрался за победу.

Боб засмеялся.

— Ты ему здорово всыпал, он сразу слетел с орбиты.

Раздался стук в дверь, и, прежде чем Эндер успел ответить, дверь открылась. Эндер ожидал, что это кто-то еще из его армии. Но в дверях оказался майор Андерсон. Следом за ним вошел полковник Графф.

— Эндер Виггин, — обратился полковник.

Эндер вскочил на ноги и отрапортовал.

— Да, сэр.

— Ваш срыв темперамента сегодня в комнате баталий есть нарушение субординации. Такое больше не должно повториться.

— Да, сэр, — повторил Эндер.

Боб тоже чувствовал полное нарушение субординации и знал, что Эндер вряд ли позволил бы

ему подобные высказывания.

— Я думаю, было самое время напомнить взрослым о том, что мы тоже одушевленные люди и что мы думаем по поводу их игр.

Взрослые явно игнорировали его. Андерсон протянул Эндеру листок бумаги. Это был заполненный бланк. Он совсем не походил на те листочки, извещающие о боях; это был официальный бланк о назначении. Боб догадался, что он означает. Эндера переводят из школы.

— Тоже выпускают? — спросил Боб.

Эндер кивнул.

— Чего они так долго ждали? Ведь тебе не хватало всего двух-трех лет. Ты ведь уже научился ходить, говорить, самостоятельно одеваться. Правильно, чему тебя больше учить?

Эндер покачал головой.

— Все, что я знаю — это то, что для меня все игры окончены. Могу я сказать армии?

— Я думаю, у тебя и так не осталось времени, — произнес Графф. — Твой шаттл отходит через двадцать минут. Кроме того, после твоих необдуманных приказов, я полагаю, вообще лучше с ними не говорить. Это проще для них.

— Для них или для вас? — язвительно заметил Эндер.

Он не стал дожидаться ответа. Он быстро повернулся к Бобу и взял его за руку, затем направился к двери.

— Подожди, — сказал Боб. — Куда тебя определили? В Тактическую? Навигационную? Или Опорную?

— В Школу Командования, — ответил Эндер.

— В Школу начальной подготовки командующих?

— Нет, сразу — в командования, — бросил Эндер. И вышел в коридор. Андерсон вышел следом.

Боб дернул за рукав полковника Граффа.

— Но ведь никто не попадает в Школу Командования раньше шестнадцати лет!

Графф стряхнул руку Боба со своего рукава и вышел, закрыв дверь.

Боб остался в комнате в полном одиночестве, пытаясь разобраться в том, что произошло. Никого до сих пор не отправляли в Школу Командования, пока не пройдено трехгодичное обучение в одной из начальных школ: Тактической, Оборонной, Навигационной или Начальной подготовки Командующих. Кроме того, никого не выпускали раньше, чем через шесть лет обучения в Школе Баталий, а Эндер проучился лишь четыре.

Вся система трещала по швам и лопалась. В этом уже не было никаких сомнений. Или кто-то там, во главе, сошел с ума, или вновь грядет очередная война, настоящая война, война с баггерами. Зачем иначе ломать все правила, целую систему обучения, складывающуюся годами? Зачем иначе сажать такую малявку, как я, на пост командующего армией?

Боб думал об этом, бредя в свою казарму. Огни погасли, когда он подошел к своей койке. Он разделся в полной темноте и наощупь засунул униформу в личный шкаф. Он чувствовал себя более чем скверно. Сначала он думал, что все из-за страха возглавить армию, но это было не так. Он знал, что станет хорошим командующим. И понял, что вот-вот заплачет. Он не плакал с того дня, как впервые был доставлен сюда. Он тщетно пытался подобрать причину того, что заставило его содрогнуться от немых рыданий, что комом сдавили горло. Он поднес руку к губам, пытаясь сдержать всхлипывания, и с силой ударил по своему лицу, стремясь болью выжать свое горе. Нет, ничего не помогает. Он больше уже никогда не увидит Эндера.

Однако, тут же у его горя появилось имя, а значит он мог контролировать его. Он лег на спину и

расслабился. Горечь медленно отступала, уступая место сну. Его рука все еще зажимала рот, затем она безжизненно скользнула на подушку рядом с головой. Морщинки на его нежном детском лбу постепенно разгладились. Его дыхание, хотя и было слишком частым, стало легким. Он был солдатом, и если бы кто-нибудь из взрослых спросил, кем он хочет стать, когда вырастет, он просто не понял, о чем может идти речь.

* * *

Заходя в шаттл, Эндер заметил новую звездочку и отличительные знаки на форме майора Андерсона, он был совсем в другой форме.

— Да, он теперь полковник, — подтвердил Графф его догадки, — между прочим, он теперь директор Школы Баталий, с этого самого вечера. Я приступаю к выполнению новых обязанностей.

Эндер не стал интересоваться, каких именно.

Графф втиснулся в кресло, расположенное от него по диагонали. Кроме них в шаттле оказался еще один пассажир — спокойный, уверенный в себе человек в гражданской одежде. Он был представлен как генерал Пасс. У Пасса был при себе дипломат, но в остальном у него было не больше вещей, чем у Эндера. Каким-то образом

Эндеру стало даже приятно, что у Граффа тоже не оказалось при себе вещей.

Эндер заговорил лишь раз за весь вояж.

— Почему мы летим домой? — спросил он, — я думал, Школа Командующих тоже расположена где-нибудь в зоне астероидов.

— Так и есть, — ответил Графф, — но Школа Баталий не располагает возможностями по принятию и запуску межпланетных кораблей. Ты будешь отправлен с космодрома Земли.

Эндер хотел спросить, сможет ли он повидаться с семьей. Но внезапно, испугавшись, что это действительно окажется возможным, просто струсил и не стал спрашивать. Вместо этого он просто закрыл глаза и попытался уснуть. Генерал Пасс внимательно наблюдал за ним с заднего сидения.

Эндер сразу заметил столь пристальное внимание, но не мог понять, зачем это ему нужно.

* * *

Они приземлились во Флориде, стоял жаркий летний вечер. Эндер столько времени провел без солнечного света, что даже блеклый свет заходящего солнца ослепил его. Он сморщился и отпрянул, единственным его желанием стало

желание спрятаться в темноте шаттла. Но все осталось далеко позади. Кругом был незнакомый мир. Трава казалась где-то далеко далеко. Эндер невольно почувствовал себя маленькой букашкой на огромном зеленом ковре. Гравитация захватила его и потянула к земле. Его ноги не слушались, и он едва устоял на них. Он ненавидел здесь все. Он хотел вернуться домой, обратно в Школу Баталий, ставшую его единственным домом.

* * *

— Арестован?

— Ну, это вполне возможно. Генерал Пасс — командующий военной полицией. А в Школе Баталий произошел смертельный случай.

— Они не сказали мне: был ли полковник повышен в должности или отдан под военный трибунал. А может просто перемещен и ему приказано лично сообщить обо всем Полимарту.

— Это добрый знак или нет?

— Да кто его знает? С одной стороны, Эндер Виггин не просто выжил, он выдержал тест на стресс, выпущен в отличной форме, мы должны быть обязаны Граффу за это, ведь в этом его заслуга. С другой стороны, в шаттле был еще и четвертый

пассажир, он ехал в вечном скафандре — цинковом гробу. Об этом тоже не следует забывать.

— Всего вторая смерть за всю историю Школы. По крайней мере, это не самоубийство.

— По-вашему, убийство лучше, майор Амби?

— Это не было убийством, полковник. Мы просматривали видеозаписи под двумя углами. Ничто не может обвинить Эндера в намеренном убийстве.

— Но все это хорошо обвиняет Граффа. После всего, что случилось, гражданские станут копаться в наших файлах и решать, что было правильно, а что нет. Если решат, что мы правы — повесят очередную медаль, ну а если решат, что нет, — тогда нас ждет трибунал и тюрьма. По крайней мере, им хватило ума не сообщать Эндеру о смерти этого парня.

— Это ведь случилось уже второй раз, правда?

— Да, насчет Стилсона они тоже ему ничего не сказали.

— А что, ребенок из пугливых? Или столь ужасен?

— Эндер Виггин — не убийца. Он просто победитель — причем в честном бою. Если кто и ужасен, так это баггеры.

— По-моему, их стоит пожалеть, если за дело

возьмется Эндер, то им явно несдобровать.

— Если по кому я и сожалею, так это по самому Эндеру. Но все же, видимо, я его недостаточно жалел, чтобы помочь ему. Я только сейчас получил доступ ко всем материалам, которые вел Графф. Кроме того, о передвижениях флота. В эту ночь я буду спать спокойно.

— Остается мало времени?

— Я ничего не говорил об этом. Я не могу разглашать секретную информацию.

— Я знаю.

— Давайте оставим все как есть: они не могли его отправить в Школу Командующих ни днем раньше, ни тем более, двумя годами позже.

13. Валентина

— Дети?

— Брат и сестра. Они уже пять раз заявляли о себе по сетям под разными именами — они писали для компаний, которые оплачивали их участие или что-нибудь другое в этом роде. Наверное, им помогал сам Дьявол.

— Зачем они скрывались?

— Ну, здесь причин может быть очень много. Наиболее очевидно, что они скрывали свой возраст. Мальчику четырнадцать лет, а девочке только двенадцать.

— Который из них Демосфен?

— Девочка. Двенадцати лет.

— Простите меня. Вот уж никогда не думал, что это будет смешно, но сейчас просто не могу сдержаться. Мы все переживали, потратили столько сил, пытаясь убедить русских не принимать всерьез писания Демосфена, специально всячески поддерживали Локи, как доказательство, что не все американцы — безумные разжигатели войны. А тут брат и сестра, только что вылезшие из пеленок…

— Кстати, их фамилия Виггин.

— Это совпадение?

— Тот Виггин — третий, а эти первый и второй.

— Превосходно, Русские никогда не поверят…

— Что Демосфен и Локи не находятся под нашим контролем, как Виггин.

— А может все это только конспирация? Может за ними стоит кто-нибудь еще?

— Мы еще в состоянии определить это. Между этими двумя детьми и взрослыми, которые могли бы руководить ими, нет ни единого контакта.

— Ну, это еще не говорит за то, что кто-то не в состоянии изобрести метод, который вы не можете зафиксировать. С трудом верится, что два ребенка…

— Я разговаривал с полковником Граффом, когда тот вернулся из Школы Баталий. Он дал блестящую характеристику, что нет ничего, чего бы не смогли эти дети. Их способности абсолютно идентичны способностям Виггина. Они отличаются лишь темпераментом. Однако его несколько удивила направленность и характеры выбранных ими персонажей. Демосфен — это определенно девочка, но Графф говорил, что ее

кандидатура была отвергнута Школой Баталий вследствие излишнего пацифизма, слишком примиренческой позиции, а кроме того сверх выразительности.

— По-моему, это не Демосфен.

— А у мальчишки по росту сердце шакала.

— А разве не Локи был недавно охарактеризован как «Единственный правдивый и открытый настежь разум Америки».

— Сейчас трудно определить, что произошло на самом деле. Но Графф рекомендовал, и здесь я с ним абсолютно согласен, не вмешиваться, предоставить их самим себе. Не разоблачать их. Не делать официальных запросов, особенно после того, как мы выяснили, что они не имеют прямых заграничных связей, а также контактов с внутренними группировками, кроме тех, что вступают в публичные сетевые дебаты.

— Иными словами, дать им полную свободу.

— Я знаю, Демосфен выглядит несколько грозным, особенно потому, что он — или она — имеют такую широкую аудиторию сторонников и последователей. Я полагаю, важно то, что они оба или один из них, тот кто наиболее амбициозен, избрали столь современный и довольно умный типаж. Они до сих пор популярны, имеют

даже некоторое влияние, но не имеют власти.

— По своему опыту могу сказать, что влияние и есть власть.

— Если мы не сможем удержать их в определенных рамках, то мы легко разоблачим их.

— Лучше подождать с этим несколько лет. Чем дольше мы ждем, тем старше они становятся, и тем меньше окажется общественный шок, когда станет ясно, кто они такие.

— Вы же знаете, что русские вели активную переброску воинских формирований. А это значит, что в чем-то Демосфен прав. На этот случай…

— Не плохо иметь рядом подобного Демосфена. Ладно, пусть работают на полную катушку. Но необходимо постоянное наблюдение за ними. А я, в свою очередь, постараюсь найти способ успокоить Русских…

* * *

Несмотря на все опасения и предчувствия, Валентину явно забавляла игра в Демосфена. Теперь у нее были свои рубрики фактически в каждой сетевой газете любой страны. Особенно смешно было видеть деньги, постоянно пополняющие ее доверенные счета. Питер и Валентина даже осуществляли пожертвования от имени Демосфена.

Как правило, это были вполне заметные суммы, но недостаточно большие, чтобы купить дополнительное право голоса. Она получала огромное количество корреспонденции, поток писем был столь велик, что ее газета наняла специального секретаря для ответов на простые вопросы и банальные послания. Смешные послания, письма от национальных и международных вождей, иногда весьма неприятные и враждебные, иногда вполне дружелюбные, но всегда стремящиеся повлиять на мировоззрение Демосфена — эти письма она и Питер читали вместе, смеялись от души, потешаясь над взрослыми, пишущими такие вещи им — детям — и ничего даже не подозревающим.

Иногда ей бывало просто стыдно. Отец регулярно прочитывал все статьи Демосфена и никогда не читал Локи, а если и читал что-нибудь, то никогда не высказывался по его поводу. За ужином он частенько цитировал выдержки из статей Демосфена. Питеру очень нравилась подобная реакция отца — «Видишь, это доказывает, что обычный простой человек проявляет внимание» — но Валентина чувствовала унижение за отца. Если бы он только знал, что это я писала и что я не верю в половину того, что написано, он бы

рассердился и сгорел от стыда.

Раз в школе она чуть-чуть не накликала беду. Учительница истории попросила их написать сочинение, отражающее борьбу взглядов Локи и Демосфена, высказанные ими в разных статьях. Валентина утратила всякую осторожность и сделала блестящий анализ их работ. А в результате ей пришлось иметь весьма неприятный разговор с директрисой, решившей опубликовать ее работу в некоторых сетевых газетах. Питера это попросту взбесило.

— Ты написала сочинение почти как сам Демосфен, — кричал он. — Все, теперь ты не сделаешь ни одной публикации, я сегодня же уничтожу Демосфена, ты вышла из-под всякого контроля.

Однако даже подобные громовые раскаты ярости напугали ее меньше, чем громовое молчание Питера. Все произошло в тот момент, когда Демосфен получил приглашение принять участие в Президентском Совете по перспективам развития образования, голубая ленточка приглашения мало что значила, но выглядела очень роскошно. Валентина ожидала, что Питер воспримет все это как своеобразный триумф, однако его реакция была прямо противоположной.

— Отклони его, — грубо буркнул он.

— Но почему? — встревожилась Валентина.

«Ведь это даже не работа. Они даже пошли на сохранение инкогнито Демосфена, предоставляя ему право вести дискуссии посредством сетей. Кроме того, весь этот конгресс дал бы дополнительный вес фигуре Демосфена, ввел бы его в ранг уважаемых людей…»

— И тебе, конечно, очень хочется собрать все лавры раньше меня…

— Питер, но ведь речь идет совсем не о тебе и обо мне, речь идет о Демосфене и Локи. Мы создали их. Они вымышленные, а не реальные фигуры. Кроме всего прочего, приглашение на Совет отнюдь не означает, что Демосфен лучше Локи, это доказывает, что у Демосфена больше сторонников. Ведь ты же знаешь сам. Мы сами стремились под именем Демосфена ублажать ненавистников России и прочий шовинистический сброд.

— Но мы не предполагали, что все так обернется. Предполагалось, что Локи будет выглядеть более авторитетно.

— Но так и есть на самом деле. Настоящее уважение всегда пробивает дорогу дольше, чем просто общественное признание. Питер, ты не должен злиться на меня просто за то, что я хоро-

шо справилась с тем, что ты сам спланировал.

Он был зол, целыми днями не разговаривал с ней, даже тогда, когда ей пришлось готовить материал для очередного обзора. Он не подошел к ней, хотя обычно объяснял, что и как нужно писать. Он решил, что его молчаливая месть отразиться на качестве статей Демосфена, но, как ни странно, никто ничего не заметил. Возможно, еще больше его взбесило то, что Валентина сама не подошла к нему и не стала слезно умолять о помощи. Она слишком долго пробыла Демосфеном, чтобы нуждаться в чьих-то подсказках о том, что Демосфен думает и что ему следует писать.

Благодаря постоянно растущей корреспонденции с широким кругом политически активных граждан, она начала узнавать такие вещи, получать такую информацию, какую вообще нельзя выудить из официальных источников. Некоторые военные в своих письмах, не желая того, роняли крохотные крупицы секретных сведений, Питер и Валентина методом анализа складывали их воедино, а в результате получалась весьма мрачная зловещая картина Варшавского Договора. Без сомнения, они готовились к войне, жестокой и кровавой наземной бойне. Демосфен вряд ли был далек от истины, предполагая, что

Варшавский Договор не будет свято соблюдать принципы Союза.

Характер Демосфена повлиял и на его собственную жизнь. Она уже частенько ловила себя на мысли, что думает как Демосфен, соглашается с ним по многим пунктам. Читая Локи, ее все больше раздражала очевидная ненависть и ядовитость высказываний.

Наверно, просто невозможно достичь отождествления и не стать хоть немного похожим. Эта тема волновала и не давала покоя ей несколько дней, наконец, она написала статью, которую вполне можно было использовать в качестве преамбулы. В ней она ловко изобразила политиков, заискивающих перед русскими в надежде, что подобное раболепство позволит сохранить мир и спокойствие, а также обеспечит им теплое место под солнцем. Это был легкий укол по власть имущим. Она получила множество добрых откликов на свою статью. Кроме того, она перестала бояться, что Демосфен вырождается и деградирует. Он получался даже умнее, чем Питер и она рассчитывали.

Графф поджидал ее на улице возле школы. Он молча стоял, опираясь на дверку машины. Он был в гражданской одежде и изрядно пополнел,

поэтому она сперва даже не узнала его. Но он жестом подозвал ее и прежде, чем успел представиться, она догадалась, кто перед ней.

— Я больше не буду писать писем, — сразу заявила она, — я и то письмо не хотела писать.

— О, значит ты не любишь получать медали.

— Нет.

— Поедем со мной, Валентина.

— Я никуда не езжу с незнакомыми людьми.

Он протянул ей листок бумаги. Это было письменное разрешение, подписанное ее родителями.

— Надо полагать, что вы не относитесь к разряду незнакомцев. Куда мы едем?

— Повидаться с молодым солдатом, который в данный момент находится в Гринсборо.

Она села в машину.

— Эндеру сейчас всего десять лет, я помню, вы говорили, что он сможет покинуть Школу лишь в двенадцать.

— Он досрочно прошел несколько курсов.

— У него все нормально?

— Спроси его об этом сама, когда увидишь.

— Почему я? Почему нельзя всей семьей целиком?

Графф вздохнул.

— Эндер воспринимает мир особым образом. Мы убедили его в необходимости увидеть тебя. А что касается Питера и родителей — они ему просто неинтересны. Жизнь в Школе Баталий очень интенсивна.

— Что вы имеете в виду, он сходит с ума?

— Наоборот, он самый умный и мудрый из всех, кого мне доводилось встречать. Он достаточно проницателен и знает, что его родители совсем не жаждут приподнять завесу показной любви, которая была плотно закрыта четыре года назад. Что до Питера — мы даже не предлагали ему свидание с ним, поэтому и у него не было повода послать нас к чертям.

Они выехали на озерную трассу «Брантроуд», свернули на один из ее отворотов, миновали само озеро и подъехали к белому величественному особняку, возвышающемуся на вершине холма. По одну сторону от него раскинулось озеро Брант, а по другую — целая цепочка мелких дугообразных водоемов и озер.

— Этот замок построен Медлисом Мистерабом, — произнес Графф. — ИФ приобрел его на торгах около двадцати лет назад. Эндер поставил условие — ваш разговор не должен подслушиваться. Я клятвенно заверил его в этом и пообе-

щал полнейшую конфиденциальность. Поэтому вы вдвоем отправитесь на плоту, который он построил своими руками. Но я должен предупредить тебя. После разговора я задам тебе кое-какие вопросы. Естественно, ты можешь не отвечать. Но я рассчитываю на твою откровенность.

— У меня нет купальника.

— Этим мы тебя обеспечим.

— Один из тех, которые не прослушиваются?

— Кое в чем всегда нужно доверять. Например, я знаю, кто такой Демосфен.

Страх на мгновение сковал ее тело, но она ничего не сказала.

— Я понял это сразу, как покинул Школу Баталий. Возможно, нас всего шесть человек во всем мире, знающих правду. Естественно, не считая русских — один Бог знает, какими данными они располагают. Но Демосфену незачем нас опасаться. Ему стоит поверить нам на слово. Так же, как и я доверяю Демосфену в том, что он не скажет Локи, что происходило сегодня. Доверие за доверие.

Валентина никак не могла решить, кого больше они одобряют: Демосфена или Валентину Виггин. Если первого, то вряд ли стоит доверять им, а если вторую — то, возможно, стоит рискнуть. Тот факт, что они просили ее не обсуждать сегодняшнее

свидание с Питером, наводит на мысль, что они действительно знают, как обстоят дела на самом деле и признают разницу между ними. Хотя она сама до конца не осознавала этой разницы.

— Вы сказали, он построил плот. А сколько времени он уже здесь находится?

— Два месяца. Мы планировали задержаться всего на несколько дней. Но, по-видимому, он совсем охладел к продолжению образования.

— О, очередная терапевтическая помощь.

— Но в этот раз у нас нет шансов подвергнуть цензуре ваш разговор. Мы идем на риск. Нам очень нужен Эндер. Все человечество нуждается в нем.

К этому времени Валентина уже достаточно повзрослела, чтобы оценить враждебность мира. Кроме того, она довольно долго была Демосфеном, поэтому без колебаний решила исполнить свой долг.

— Где он?

— Внизу, на отмели, возле лодки.

— Где купальник?

Эндер не пошевелился, увидев ее, спускающуюся с холма. Он не улыбнулся и не произнес ни единого слова, когда она ступила на лодочный помост. Но она знала, что он рад видеть ее. Она

догадалась по его глазам, не на секунду не выпускающим ее из вида.

— Ты стал намного больше, чем я запомнила тебя, — глупая, ничего не значащая фраза сама вырвалась у нее.

— Ты тоже, — ответил он, — я также помню, что ты была красивее.

— Память часто посмеивается над нами.

— Нет, это не то. Твое лицо не изменилось. Просто я забыл, что такое красота. Пошли. Прокатимся по озеру.

Она оглядела маленький плот с явными опасениями.

— Просто не нужно долго стоять на одном месте, вот и все, — подбодрил ее Эндер.

Он заполз на него, подобно пауку, действуя руками и ногами.

— Это первая вещь, которую я построил своими руками. А помнишь, как мы строили крепости из кубиков?

Она рассмеялась. Им очень нравилось сооружать разнообразные конструкции, которые выдерживали и стояли даже тогда, когда вынимались все видимые опоры. Питер же, наоборот, любил вынимать таким образом, чтобы дом мгновенно разрушался, если кто-то случайно

прикасался к нему. Питер часто дурачился, но то, что он делал, все равно оказывало влияние на их детство.

— Питер сильно изменился, — заметила она.

— Давай не будем говорить о нем, — предложил Эндер.

— Ладно, — согласилась она.

Она заползла на плот, правда не так проворно и быстро, как Эндер. Он взял весло и начал грести, плот двинулся к центру частного озера. Она заметила, каким он стал сильным и загорелым.

— Мускулы — это от Школы Баталий, а загар — от долгого пребывания на солнце, — пояснил он, — я провожу все время на воде. Плавание немного сродни невесомости. Кроме того, пока я в воде, мне кажется, что берега расположены там, где я хочу.

— Это все равно, что жить в сфере.

— Я прожил в подобной сфере четыре года.

— Значит мы теперь чужие?

— А разве нет, Валентина?

— Нет, — отрезала она. Она протянула руку и дотронулась до его ноги. Затем резко сжала его колено в том месте, где очень щекотно.

Но почти в тот же момент он перехватил ее руку, сильно стиснув запястье. Его пожатие ока-

залось довольно сильным, несмотря на то, что его руки были меньше и тоньше. На какой-то момент он выглядел озлобленным и угрожающим, затем его лицо расслабилось.

— Да, забыл, — произнес он уже спокойно, — ты ведь просто хотела пощекотать меня.

— Я передумала, — произнесла она.

— Хочешь искупаться?

Вместо ответа она легонько оттолкнулась от края плота и упала в воду. Вода была чистой и прозрачной, здесь явно не ощущалось хлорки. Она немного поплавала, затем вернулась к плоту и растянулась на нем, млея под яркими лучами солнца. Где-то рядом прожужжала пчелка. Описав вокруг нее круг, она уселась возле головы девочки. Обычно, зная, что рядом оса или пчела, она сильно пугалась. Так было всегда, но не сегодня. Пусть себе отдыхает и купается в солнечном тепле, как и я, решила она.

Вдруг плот покачнулся, она обернулась на Эндера и увидела, как он спокойно раздавил осу пальцем.

— Проклятое отродье, — сказал Эндер, — они набрасываются и жалят тебя раньше, чем ты успеваешь замахнуться на них.

Эндер рассмеялся.

— Я выучил много всяких нападений и атак. И здорово преуспел. Никому еще не удалось выиграть у меня. Я лучший солдат школы.

— А разве могло быть иначе? — произнесла она, — ведь ты — Виггин.

— А что это значит?

— Это означает, что тебе суждено изменить мир.

И она рассказала ему обо всем, чем они с Питером занимаются.

— Сколько лет теперь Питеру, четырнадцать? И он уже мечтает править миром?

— Он думает, что он — Александр Великий. А разве это невозможно? А почему и тебе им не стать?

— Мы не сможем оба быть Александрами.

— Две стороны одной медали. А я составлю вам само тело медали.

Произнеся эти слова, она сама удивилась, насколько попала в точку. За последние годы она срослась с Питером, и даже в те моменты, когда она презирала его, она хорошо понимала его. А Эндер жил для нее лишь в памяти до сегодняшнего дня. Для нее он оставался маленьким, хрупким и нежным мальчиком, нуждающимся в ее защите. Она запомнила его другим. Тот мальчик не имел

ничего общего с этим загорелым повзрослевшим подростком с холодными глазами, равнодушно давящим ос одним пальцем. Возможно, он и Питер, и даже я похожи, и всегда были такими. Возможно, мы просто придумали, что отличаемся друг от друга.

— Вся беда медали в том, что вверху может быть только одна сторона, а другая неизменно обращена к полу.

— А ты уверен, что именно твоя сторона на полу? Они хотят, чтобы я подстегнула тебя к дальнейшей учебе.

— У нас нет занятий и учебы, у нас сплошные игры. Только игры без начала и конца с правилами, которые взбредут учителям в голову.

Он протянул ей ладони.

— Видишь жилы?

— Но ты сам можешь воспользоваться их игровыми методами.

— Нет. Только если они сами захотят, чтобы я воспользовался. Только если они сочтут, что ими следует воспользоваться. Все это слишком тяжело и невыносимо, я пресытился игрой и не хочу больше играть ни в какие игры. Лишь только я почувствую себя счастливым, решу, что держу вещи в своих руках и управляю ситуацией, они тут

же всаживают в меня очередной нож. Меня измучили ночные кошмары, именно поэтому я здесь. Мне постоянно снилось, что я в комнате баталий, только вместо невесомости они придумали разные вариации с гравитацией. Они изменяют ее направление. И я никогда не достигаю той стены, куда хотел подлететь. Я попадаю совсем в другие места, далеко не те, куда наметил. Я молю выпустить меня в двери, а они захлопывают их перед моим носом, и я снова остаюсь запертым в проклятой комнате баталий.

Она уловила явную злобу в его голосе и решила, что она предназначена для нее.

— Полагаю и я здесь именно для этого. Для того, чтобы поглубже затолкнуть тебя в ту же комнату.

— Мне совсем не хотелось видеть тебя.

— Они предупреждали меня.

— Я боялся, что все еще слишком люблю тебя.

— Надеюсь на это.

— Мои страхи и твое желание — полностью совпали и оправдали себя.

— Эндер, это действительно правда. Может мы еще слишком молоды, но мы не бессильны. Мы слишком долго играли по их правилам, и в конце концов это все стало нашей собственной игрой.

Она ухмыльнулась.

— Меня выбрали в президентскую комиссию. Питер был очень зол.

— Они не разрешат мне пользоваться сетями. Да там и нет настоящего компьютера; за исключением примитивных домашних мини-систем с некоторой долей защиты и набором стандартных команд. Такое ископаемое чудовище. Их изобрели, наверное, целую вечность тому назад. Тогда еще компьютеры не планировали использовать для серьезной переработки информации. Но они забрали у меня мой компьютер, лишили моей армии, ты можешь хоть что-нибудь понять в этом? Я уже давно перестал что-либо понимать.

— Но ты сам для себя можешь стать весьма неплохой компанией.

— Не я. Лишь моя память.

— Возможно ты и есть то, о чем ты помнишь.

— Нет. Мои воспоминания — это чужаки. Это скорее память баггеров.

Слова резанули по Валентине как пронзительный порыв ветра, и она невольно съежилась.

— Но я навсегда отказался смотреть фильмы о баггерах. Там все одно и тоже.

— Я изучал их долгими часами. Особенно, как их корабли преодолевали космическое простран-

ство. И только здесь, загорая на берегу озера, до меня дошло. Я наконец-то понял, что все битвы, в которых баггеры и люди сражались непосредственно друг с другом, отсняты во времена Первого Нашествия. А во всех сценах Второго Нашествия, где действуют наши бравые солдаты ИФ, во всех тех сценах баггеры уже были мертвы. Их тела безжизненны, чувствуется, что они не владели ситуацией. Вообще нет ни намека на следы борьбы или сопротивления. А битва Мазера Рекхема — ведь нет ни одного фильма, где бы эта битва была отснята полностью.

— Возможно было применено какое-то секретное оружие.

— Да нет, я не об этом. Меня абсолютно не заботит, каким образом их уничтожили. Я о самих баггерах. Я ведь ничего о них не знаю, а когда-то я рассчитываю сражаться с ними. В моей жизни уже были полеты, и будет еще множество полетов, иногда игровых, иногда не игровых. До сих пор я всякий раз побеждал, потому что знал, о чем думает мой враг. Что предпримет в ответ. Я знал, как они воспринимают мои действия, и даже то, каким они видят окончание боя. И именно на этом предвидении и строилась моя тактика. Без лишней похвальбы могу сказать, что преуспел в

этом. В понимании мыслей других людей.

— Проклятие детей Виггиных.

Она пошутила, но сама испугалась своей шутки. Испугалась, что Эндер увидит и ее насквозь, как видит своих врагов. Питер всегда понимал ее или, по крайней мере, думал, что понимал. Но Питер был таким моральным уродом, что она абсолютно не стеснялась, какие бы дурные мысли не приходили ей в голову. Другое дело, — она совсем не хотела, чтобы он понял ее. Это все равно, что раздеться перед ним до нога. Ей было бы стыдно.

— Так ты думаешь, что тебе не удастся разбить баггеров только потому, что ты их совсем не знаешь.

— Все гораздо глубже и сложнее. Здесь я абсолютно один, и ничто мне не мешает, поэтому я много думал и о себе. Я пытался понять, отчего и за что я так ненавижу себя.

— Нет, Эндер.

— Не говори мне «нет, Эндер». Это уводит меня от того, что я есть на самом деле, но поверь, я действительно такой. Понимаешь, я всегда прихожу к одному и тому же: в тот момент, когда я по настоящему распознаю и начинаю понимать своего врага, понимаю настолько, что могу побе-

дить его, в тот самый момент я вдруг понимаю, что люблю его. Я полагаю, просто невозможно действительно понимать и разделять мысли другого человека, знать, что он хочет и во что верит, и не любить его так же, как он любит себя. А затем, в тот самый момент, когда я полюбил своего врага…

«Ты вынужден причинить ему боль, убить его», — подумала она. В этот момент она не опасалась, что он прочтет ее мысли.

— Нет, ты не поняла меня. Я разрушаю их. Я взрываю их изнутри. Я делаю так, что они уже больше никогда не смогут снова напасть и ударить меня. Я размалываю их, шлифую, мучаю до тех пор, пока они не перестают существовать.

— Нет, конечно же, нет.

Страх снова охватил ее, на этот раз это был ужасный, всепоглощающий липкий страх. Питер немного смягчился, начал исправляться, но ты… они превратили тебя в настоящего убийцу. Две стороны одной медали, но которая сторона чья?

— Я уже уничтожил подобным образом несколько людей, Вал. Но я не горжусь этим.

— Я знаю, Эндер. Ты можешь обидеть меня?

— Ты видишь, кем я стал, Вал? — тихо произнес он, — даже ты боишься меня.

Он так нежно и ласково коснулся ее щеки, что она была готова заплакать и закричать. Это было точь-в-точь мягкое прикосновение его детской ручки, когда он был еще маленьким. Она хорошо помнила подобный жест — прикосновение невинной нежной детской ручки у себя на щеке.

— Я не боюсь, — ответила она и не соврала.

— Значит еще будешь, должна бояться.

— Нет, не буду. Ты скоро весь застынешь, если и дальше собираешься стоять в воде по шею. Возможно, даже подхватишь насморк. Или тебя сожрет залетная акула.

Он улыбнулся.

— Все акулы давно плюнули на меня и оставили в покое.

Но тем не менее, он заполз на плот, брызги его мокрого тела попали на Валентину и холодом защекотали по спине.

— Эндер, Питер продолжает заниматься своим делом. Он достаточно умен, и пройдет немного времени, и он станет заметной фигурой. Но он жаждет власти — конечно, не сейчас, позже. Я не уверена, хорошо это или плохо. Питер может быть жестоким, но он знает способы, как добиваться и удерживать власть. Уже сейчас появились первые признака того, что как только окончится

война с баггерами, а может уже в конце войны, мир опять окажется ввергнутым в хаос. Уже после Первого Нашествия Варшавский Договор твердо стал на путь абсолютной гегемонии и диктата. Если они снова решаться упрочить свои позиции…

— То, возможно, даже Питер окажется лучшей альтернативой.

— Ты обнаружил в себе задатки разрушителя, Эндер. Я тоже. Значит, тесты ошиблись, не только Питер имел подобные наклонности. Кроме того, и в Питере есть ростки созидателя. Он не добрый, но он никогда больше не стремиться разбить то красивое и хорошее, что окружает его. Однажды и ты поймешь, что власть рано или поздно сосредотачивается в руках тех людей, которые ее жаждут. Я думаю, те люди могут оказаться намного хуже, чем наш Питер.

— Ну, против такой пламенной рекомендации и мне не устоять. Пожалуй, я тоже проголосую «за».

— Иногда все выглядит абсолютно глупым. Четырнадцатилетний мальчик и его младшая сестра строят планы овладения миром.

Она попыталась улыбнуться, но было совсем не смешно.

— Мы ведь не просто дети. Вернее, все мы — не

обычные, ординарные дети. Ни один из нас.

— А тебе не хотелось бы быть простым обычным ребенком?

Она попыталась вообразить себя похожей на других девочек в школе. Попыталась вообразить для себя типичную детскую жизнь, безо всякой ответственности за судьбу мира.

— Это было бы так скучно.

— А я так не думаю.

Он соскользнул с плота и застыл на поверхности воды, как будто и не вылезал из нее.

Это была чистая правда. Чтобы они не делали с Эндером в Школе Баталий, это расходовало его силы, его энергия иссякла, амбиции улеглись. Он действительно не хотел покидать этот солнечный берег и теплые ласковые воды озера.

Нет, она поняла. Нет, он сам убедил себя и поверил в то, что не хочет отсюда уезжать. Но и здесь в нем слишком много от Питера. Или много от меня. Никто из нас не может быть долго счастлив, бездельничая. Или возможно, никто из нас не может быть счастлив в любой компании, кроме компании из собственного одиночества.

Она снова ринулась в атаку и начала подстрекать его.

— Какое имя известно всему миру?

— Мазер Рекхем.

— А если ты выиграешь следующую войну подобно Мазеру?

— Мазеру Рекхему просто повезло. Счастливая случайность. Он был в резерве. Никто не верил в его и не принимал его всерьез. Он просто оказался в нужном месте в нужное время.

— Но предположи, что и тебе удалось это. Предположи, что ты разбил баггеров и твое имя стало у всех на устах, как имя Мазера Рекхема.

Пусть лучше кто-нибудь иной прославиться. Питер всеми силами добивается известности. Пусть лучше он прославиться.

— Я не говорю о славе, Эндер. Я также не имела в виду власть. Я говорю о случайностях, таких, как Мазер Рекхем. Ведь он стал именно там и тогда, когда понадобилось остановить баггеров.

— Если я буду здесь, — произнес Эндер, — значит я не смогу оказаться там. Я предоставляю эту возможность другим. Пусть им подфартит великий случай.

Его тон равнодушной скуки озадачил ее. «Господи, а я-то распинаюсь, убеждаю его, рассказываю этому маленькому упрямцу о своей жизни». Если ее мысли и задели его, он не показал виду. Он также безмятежно нежился на поверхности воды

с закрытыми глазами.

— Когда ты был маленьким, а Питер издевался над тобой, что бы было, если бы я так лежала с закрытыми глазами и ждала, когда отец и мать прибегут тебе на выручку. Они никогда не верили и не понимали, насколько опасен Питер. А я ведь знала, что у тебя есть монитор, но все равно никогда не ждала, когда кто-нибудь придет тебе на помощь. А ты знаешь, что Питер собирался сделать со мной за то, что я выручала тебя?

— Заткнись, — прошептал Эндер.

Она увидела, как напряглось его лицо, подбородок слегка задергался. Она прекрасно понимала, что сейчас уподобилась Питеру, нащупала больное место и методично била туда. Поэтому она резко замолчала.

— Я не смогу убивать их, — тихо сказал Эндер. — Я знаю, что однажды окажусь там, подобно Мазеру Рекхему, и все будет зависеть от меня, а я не смогу оправдать ожидания.

— Если ты не сможешь, Эндер, тогда этого никто не сможет. Если ты не сумеешь уничтожить их, значит они уничтожат нас, потому что они окажутся сильнее и лучше нас во всех отношениях. Я не хочу, чтобы ты совершил ошибку.

— Скажи это мертвым.

— Если не ты, то кто же?

— Любой другой.

— Никто, Эндер. Я хочу тебе еще кое-что сказать. Если ты попробуешь и потерпишь неудачу — это не твоя вина. Но если ты не хочешь даже попытаться, и все мы потеряем и проиграем — это ошибка будет на твоей совести. Ты всех нас убьешь.

— Я и так стал убийцей.

— Ну и что из этого. Человечество никогда бы не дало эволюционного развития мозга, просто так полеживая на солнце и ничего не делая. Убийство — это самая первая вещь, которой мы обучаемся. Это лучшее, что мы делаем, иначе мы бы просто погибли, и наша Земля сама бы превратилась в мишень.

— Я никогда бы не смог убить, даже избить Питера. Что бы я там не говорил и не делал. Я никогда не смогу.

Все опять зацикливается на Питере.

— Но он старше тебя и сильнее.

— Как и баггеры.

Она видела ход его размышлений. А может наоборот, отказ от всяких рассуждений и аргументации. Он мог победить всякого, кого захочет. Но в глубине его сердца жил извечный страх, что

найдется кто-то, кто уничтожит его самого… Он всегда знал, что не может одержать настоящей победы, так как оставался Питер, для него — непобедимый чемпион.

— А ты хочешь победить Питера? — спросила она.

— Нет, — ответил он.

— Победи баггеров. А когда ты вернешься домой, ты сам увидишь — замечает ли кто-нибудь больше Питера Виггина. Посмотри ему в глаза тогда, когда весь мир почитает и обожает тебя. В его глазах ты увидишь полное поражение, Эндер. Это и будет твой триумф.

— Ты не поняла, — произнес он.

— Нет, я все поняла.

— Ты не поняла. Я совсем не хочу побеждать Питера.

— Тогда чего же ты хочешь.

— Я хочу, чтобы он любил меня.

Она промолчала. Насколько она знала Питера, он никого не любил.

Эндер тоже не произнес больше ни слова. Они просто молча лежали и лежали.

Наконец Валентина уже изрядно изжарилась на солнце, кроме того, с наступлением вечера стали одолевать комары. Она сделала финальный

бросок в воду, проплыла небольшой круг вокруг плота и начала толкать его к берегу. Эндер ни намеком не показал, что осознает ее намерения. Но по его неровному нервному дыханию она поняла, что он не спит. Достигнув лодочного помоста, она взобралась на него и сказала:

— Я люблю тебя, Эндер. Больше, чем когда-либо. И независимо от того, что ты решишь.

Он не ответил. Она сомневалась, что он поверил ее словам. Она молча взбиралась на холм, злясь на тех, кто заставил прийти ее сюда. Ведь она опять сделала то, что они хотели. Она снова ввергла Эндера в пучину тренировок и сражений. Он вряд ли простит ей это.

* * *

Эндер вошел в дверь. Он был весь мокрый от купания в озере. На улице было уже темно. Темно было и в комнате, где его ожидал Графф.

— Едем прямо сейчас? — спросил Эндер.

— Если хочешь, — ответил Графф.

— Когда?

— Когда ты будешь готов.

Эндер насухо вытерся и оделся. За время отдыха он заново научился пользоваться гражданской одеждой, но по-прежнему чувствовал себя неуют-

но без униформы или скафандра. Я никогда больше не одену игровой скафандр, думал он. Он остался позади, вместе с играми и Школой Баталий. Он слышал отдаленный треск цикад, вдруг на шелест листвы и стрекот наложился иной звук — тихое урчание мотора и шелест шин подъезжающей машины.

Что еще он может взять с собой? Он прочел несколько книг из библиотеки, но они принадлежат этому дому, и он не мог взять их с собой. Единственная его собственная вещь — плот, который он построил своими руками. Он тоже останется здесь.

В комнате горел яркий свет, Графф терпеливо ждал его. Он тоже переоделся. На нем вновь была военная форма.

Они одновременно уселись на заднее сидение автомобиля, и машина тронулась, унося их к космодрому.

— Много лет назад, когда количество населения резко возросло, — произнес Графф, — им удалось сохранить этот уголок заповедной природы. Райское местечко. Обильные дожди порождают множество ручейков, сбегающих в озера, под землей текут полноводные подземные реки. Земля очень глубока, Эндер. А там, далеко далеко в глу-

бине, бьется ее живое сердце. Люди просто живут на поверхности, подобно малькам, плавающим возле берега.

Эндер промолчал.

— Мы не даром воспитываем и обучаем наших командующих теми методами, которые обычно практикуем, — они должны думать строго определенным образом, они не имеют права на рассеянность, безумие и даже простое отвлечение внимания. Именно поэтому необходима полная изоляция. Вот и с тобой. Ты был один на один с собой. И это сработало. Но все было бы слишком уж просто. Когда ты не встречаешься с людьми, когда забываешь или не знаешь, что представляет собой земля, когда долго живешь среди металлических стен, надежно защищающих тебя от холодного космоса, как правило, легко забываешь Землю и начинаешь сомневаться, стоит ли ее спасать. Думать о том, стоит ли мир людей твоих усилий, а, возможно, и жертв.

«Поэтому-то вы и привезли меня сюда — подумал Эндер. — Несмотря на всю вашу спешку, вы не пожалели целых трех месяцев, чтобы заставить меня полюбить Землю. Отлично, это дало свои результаты. Все ваши трюки приносят плоды. Валентина тоже одна из ваших уловок.

Заставить меня вспомнить, что образование мне нужно ради себя самого. Хорошо, я все вспомнил и осознал».

— Я использовал Валентину, — продолжил Графф, — ты можешь ненавидеть меня за это, Эндер, но запомни — это сработало только потому, что между вами еще не оборвалась связь. Это правда, в этом связующем звене и есть вся суть. Таких связей целые биллионы между разными людьми. Ради этих живительных связей мы и стараемся, ради этого мы сражаемся и боремся.

Эндер повернулся к окну и стал наблюдать за взлетом и посадкой вертолетов и маленьких легких самолетов.

Они воспользовались вертолетом ИФ, доставившим их на космодром в Стампи Пойнт. У него было свое официальное название в память умершего Гегемона, но все просто звали Стампи Пойнт. Сразу после маленького жалкого городишки, который они проскочили, выезжая на огромные острова из стали и бетона Памлико Саунд. Там до сих пор сохранились болотные птицы. Они горделиво вышагивали среди солончаков и просоленных озер, обходя одиноко стоящие затонувшие деревья. Начался моросящий мелкий дождик, и горизонт затянула грязно-серая дымка.

Дорога стала совсем плохо различимой и уже совсем трудно было определить, где поворот на Стампи Пойнт.

Графф вел по открытому со всех сторон пространству. Власть и авторитет Граффа доказывал маленький пластиковый шарик, который он нес с собой. Он кидал его в специальные корзинки, и двери открывались. За ними стояли люди, приветствующие их. Корзинка-парашют выбрасывала шар обратно и Графф шел дальше. Эндер заметил, что в передних отсеках все смотрели и следили только за Граффом, но чем дальше они углублялись в здание космодрома, люди понемногу стали обращать внимание на Эндера. Сначала это оказался человек, наделенный немалыми полномочиями, но затем стали попадаться сплошь одни командиры и начальники. Он был их грузом, и все стремились тщательно рассмотреть его.

Только когда Графф втиснул свое ожиревшее тело на рядом расположенное сидение, Эндер понял, что он собирается лететь вместе с ним.

— Далеко? — спросил Эндер. — Мы далеко направляемся? Вы долго будете сопровождать меня?

Графф ухмыльнулся.

— Всю жизнь.

— Они перевели вас директором Школы Командующих?

— Нет.

Значит они перевели Граффа сопровождать Эндера на следующей ступени обучения. «Какая я важная птица» — удивился он. Одновременно в его голове раздался издевательский шепот голосом Питера: «А какую из этого можно извлечь пользу?» Он вздрогнул и попытался думать о чем-то другом. Это Питера одолевают фантазии о мировом господстве, Эндеру они чужды. Тем не менее снова и снова прокручивая свою жизнь в Школе Баталий, он осознал, что хотя он никогда не мечтал о власти, он всегда имел ее. Но он полагал, что та власть порождена превосходством, а не действиями. У него не было причин стыдиться ее. Он никогда, за исключением, пожалуй, Боба, не использовал для унижения других людей. А в случае с Бобом все сработало для его же пользы. Боб в конце концов стал его другом, занял место Элая, который определенным образом заменил Валентину, которая теперь помогала Питеру плести интриги. Валентину, которая продолжала его любить, что бы не случилось. Хоровод мыслей вновь вернул его на Землю, на-

зад к спокойному времени, проведенному среди нежной зелени лугов, тихого шелеста листвы и журчания прозрачных вод. «Именно там и есть Земля» — думал он. Земля для него предстала не огромным необъятным пространством в тысячи километров, а частицей зеленого леса с голубым зеркалом озера, уютным домом, приютившимся на склоне холма, высокими, упирающимися в небеса деревьями-исполинами, сочной зеленью травы, устилающей берега, плещущейся рыбой и суетливыми птицами, снующими между водой и небом. Земля для него звенела птичьим гомоном и треском цикад. А также голосом одной девочки, на мгновение вернувшей его в детство. Тот же голос защищал его от обид и унижений. Именно этот голос вернул его к жизни, подтолкнул вернуться в Школу. Если бы он попросил, он готов был оставить Землю на следующие долгие четыре года, да даже не на четыре, а на все сорок лет, нет сорок тысяч лет. И ничего не имеет значения. Даже если она больше любит Питера.

Его глаза были закрыты, он не производил ни единого звука, кроме дыхания; тем не менее Графф осторожно дотронулся до его локтя. Эндер вздрогнул от неожиданности, Графф отодвинулся, но на короткое мгновение Эндера пронзила

мысль, что Графф жалеет и по-своему переживает за него. Но нет, он перестал быть простаком. Это очередной просчитанный жест. Графф вылепливал из маленького мальчика образцового командующего. Без сомнения объект 17 в ходе обучения может рассчитывать на определенные проявления привязанности и любви со стороны учителей.

Шаттл достиг искусственного спутника ВПЗ всего за несколько часов. Внутри-Планетный Запуск представлял собой единый город с тремя тысячами населения. Они дышали кислородом, выделяемым многочисленными растениями, которые их также кормили. Пили воду, которая сотни тысяч раз уже проходила долгий путь по их телам. Основным занятием поселенцев были: поддержание местной солнечной системы, организация космических служб и обслуживание шаттлов, курсирующих от Земли до Луны и обратно. В общем, это был ограниченный мирок, где Эндер сразу почувствовал себя как дома. Даже покрытие полов там оказалось аналогичным Школе Баталий.

Движущийся агрегат системы оказался сравнительно новым, очевидно, недавно его заменили на одну из последних моделей. Он питал

фабрику-корабль, производящий огромное количество стали со специальными свойствами. Словно кровь, эта сталь по гигантским артериям растекалась по близлежащим астероидам. Но основная масса стали перебрасывалась на Луну. Вот и теперь возле фабрики терпеливо ожидали заправки четырнадцать сталеперевозочных барок. Графф снова бросил свой шар в очередной приемник, однако барка уже отсоединилась от насосов. Она должна была немедленно стартовать, но, вероятно, Графф обладал какими-то сверхполномочиями, которым подчинялись даже космические грузовозы.

— Не такой уж это секрет, — произнес командир барки, — когда встречаешь неизвестную аббревиатуру, она всегда принадлежит ВЗЗ.

По аналогии с ВПЗ Эндер решил, что буквы означают Внутри-Звездный Запуск.

— На этот раз не угадали, — ответил Графф.

— Тогда что же?

— Командование ИФ.

— Сэр, у меня весьма ограниченный допуск к секретной информации, чтобы знать где это.

— Ваш корабль сам знает, — продолжил Графф, — нужно только ввести в бортовой компьютер вот это, а затем лишь придерживаться

курса.

Он протянул капитану все тот же пластиковый шарик.

— Полагаю, весь полет мне придется сидеть с закрытыми глазами, чтобы не видеть, куда мы направляемся.

— Вовсе нет, командование ИФ расположено на малой планете Эрос, до которой не больше трех месяцев лету, если двигаться с максимальной скоростью.

— Эрос? А я думал, что баггеры превратили ее в радиоактивную пыль. Значит, я должен буду пройти проверку и получить новый допуск?

— Нет. Когда мы прилетим на Эрос, вы незамедлительно вернетесь к исполнению прежних обязанностей.

Капитан все понял, но перспектива отнюдь не обрадовала его.

— Слушай, ты, ублюдок, я пилот, и у тебя нет никакого права запирать меня в шахте.

— Я передам ваши пожелания командующему. Но мне дано право воспользоваться первым подвернувшимся военным кораблем. В данный момент это ваш корабль. Вам остается лишь смириться и подчиниться приказу. Выше голову, между прочим, вам следует знать, что если вы

полагаетесь на зрение при посадке, то придется действовать иначе, Эрос засекречен и затемнен.

— Спасибо, — бросил капитан барки сквозь зубы.

Прошел целый месяц полета, прежде чем ему удалось серьезно поговорить с Граффом. Бортовой компьютер содержал весьма скудную библиотеку. Все книги относились скорее к области развлекательной и занимательной литературы, чем образования. Поэтому сразу после завтрака и обязательного утреннего комплекса физических упражнений Эндер и Графф обычно беседовали. О Школе Командующих. О Земле, Об астрономии и физике. Обо всем, что Эндеру хотелось бы знать.

А кроме всего прочего, ему очень многое хотелось узнать о баггерах.

— Нам известно очень немного, — сказал Графф. — Нам не удалось понаблюдать в неволе ни за одним из них. Даже если нам удавалось захватить живую особь, она умирала в тот же момент, когда понимала, что попала в плен. Даже если она или он не был уверен. Мы не можем сказать точно, кто эта особь — он или она, хотя, вероятнее всего, большинство баггеров — особи женского пола с атрофированными или недоразвитыми половыми признаками. Опять-таки

это не точно. Пожалуй, тебе было бы полезно получше ознакомиться с их психологией, но нам так и не представился случай побеседовать с кем-то из них.

— Вы расскажите, пожалуйста, подробнее, что вы знаете, возможно, я узнаю кое-что новое для себя.

Графф рассказал ему. Баггеры представляли собой организмы, которые вполне могли зародиться на Земле, если бы биллионы лет назад произошел сбой в эволюционном процессе. На молекулярном уровне нет никаких сюрпризов. Даже генетический материал аналогичен. Не случайно по сравнению с людьми они выглядят слишком насекомоподобными. Хотя их внутренняя организация более сложна и специализирована, чем у насекомых, их скелет и покровы весьма близки насекомым. Кроме того, их физическая организация и психика прямо указывают на связь с предками, которые, весьма вероятно, напоминали земных термитов.

— Но не нужно понимать все слишком поверхностно, — добавил Графф, — это почти аналогично, если сказать, что наши предки очень напоминали белок.

— Но если это лишь отправной пункт наших

знаний о баггерах — это уже кое-что, — произнес Эндер.

— Белки никогда не строили космических кораблей, — продолжил Графф, — обычно существует несколько способов группировки и соединения осколков и ядер астероидов, а также расположения исследовательских станций на спутниках Сатурна.

Баггеры, вероятно, видят цвета в том же спектре, что и люди. В их кораблях и наземных постройках было сделано искусственное освещение. Однако их усики кажутся почти неразвитыми. По их телам можно сказать, что обоняние, вкус, слух вряд ли имеют практическое значение для них.

— Конечно, нельзя утверждать это с полной уверенностью. Но мы не видели, чтобы они пользовались звуковыми сигналами для коммуникации. Кроме того, их космические корабли были также лишены средств связи и переговорных устройств. Ни радио, ни рации, ничего такого, что могло бы передавать и перекодировать сигналы.

— Но они вели переговоры между кораблями. Я видел видеофильмы — они общались друг с другом.

— Да, но от организма к организму, от мозга к

мозгу. Их коммуникации и общение мгновенны. Скорость света не помеха телепатии. Когда Мазер Рекхем разбил их основные силы, они тут же все свернули. В одно мгновение. Там совсем не было времени для передачи приказа. Просто все замерло и остановилось.

Эндер вспомнил кадры с скорченными телами мертвых баггеров, лежащих на боевых постах.

— Мы знаем, что это вполне осуществимо. Общение быстрее скорости света. Это было семьдесят лет назад, однажды мы открыли подобный феномен и осуществили его на практике. Но не я, конечно. Я еще не родился в то время.

— Каким образом это осуществимо?

— К сожалению я не могу объяснить тебе филотическую физику. Мы создали ансибл — в этом все дело. Его официальное название Филотическая Паралаксическая Мгновенная Связь, но кто-то в одной старой книге откопал название «ансибл», и оно прочно пристало к новому феномену. Сейчас лишь единицы знакомы с тем, как функционирует ансибл, что лежит в основе его механизма.

— Это означает, что можно переговариваться между шаттлами, которые находятся в разных частях солнечной системы, — произнес Эндер.

— Да, — ответил Графф, — можно устанавливать связь между кораблями в разных частях галактики. А баггерам это доступно без всяких устройств и компьютеров.

— Значит они узнали о своем поражении в тот момент, когда все произошло, — сказал Эндер. — Я всегда представлял — все всегда говорили, что они, вероятно, обнаружили свое поражение лишь лет двадцать пять назад.

— Эта маленькая ложь удерживала людей от паники, — сказал Графф. — Я говорю тебе некоторые вещи, которых ты совсем на должен знать; между прочим, ты еще не передумал лететь в Школу Командующих? А то война может кончиться.

Эндер разозлился.

— Если вы действительно знаете меня, то давно пора понять, что я умею хранить секреты.

— Таковы правила. Люди после двадцати пяти проходят отборочные тесты, принимают на себя дополнительные полномочия и получают гарантии. Возможно, это не совсем справедливо к некоторым одаренным детям, но это помогает сузить число людей, которые могут допустить промах.

— А для чего вообще подобная секретность?

— Потому что мы вынашиваем некоторые важные планы, связанные с большим риском, Эндер. И нам совсем не хочется, чтобы наши планы обсуждались и обсасывались по всем сетям. В общем, все готово для атаки владений баггеров.

— А мы знаем, где они находятся?

— Да.

— Значит, мы не будем ожидать Третьего Вторжения?

— Мы сами станем Третьим Нашествием.

— Мы будем атаковать. Никто ничего об этом не говорил. Все думают, что мы сосредоточили громадные космические силы, ожидающие под прикрытием кометы…

— Никто. Мы хорошо позаботились об этом.

— А что, если они нас опередят и пошлют свой флот на нас.

— Тогда нам конец. Но наши корабли-разведчики пока ничего не заметили. Ни намека на какое-либо передвижение.

— Возможно, они махнули на нас рукой и предоставили самим себе.

— Возможно. Ты ведь видел фильмы. Ты можешь сказать уверенно, чтобы успокоить человечество, что они плюнули на нас и оставили в покое?

Эндер попытался представить то количество лет, которое будет затрачено.

— Корабли будут в пути лет семьдесят…

— Некоторые, да. Некоторые тридцать лет, некоторые двадцать. Теперь у нас более совершенные корабли. Мы уже знаем, как обращаться с космосом. И все законченные корабли уже на пути к месту обитания баггеров или их поселениям. Каждый космолет, приближающийся к ним, оснащен современным оружием и несет в себе броненосный крейсер. Они движутся с малой скоростью. Потому что почти достигли цели. Самые первые корабли были посланы к дальним поселениям баггеров, более поздние запуски для тех обитаний, которые расположены сравнительно близко от нас. Время атаки работает на нас. В течение месяца они все выйдут на боевые позиции. Жаль, что мы будем атаковать их родину наиболее устаревшим, давно списанным оборудованием. Если они и впредь совершенствуют свое вооружение — мы тоже не ударим в грязь лицом. У нас есть также оружие, какое баггеры не видели.

— Когда оно прибудет?

— В ближайшие пять лет, Эндер.

В командовании ИФ все готово. Там же находит-

ся головной ансибл, он настроен на постоянный контакт с атакующим флотом; все корабли в полной боевой готовности, готовы к запуску. Единственное — чего у нас нет, Эндер, — это хорошего командующего. Того, кто знает, что делать со всеми этими армадами, когда они достигнут места назначения.

— А что если никто не будет знать, что с ними делать?

— Мы должны воспитать лучшего из лучших, нужно успеть подготовить достаточно квалифицированного командующего.

«Меня, — подумал Эндер. — Они хотят, чтобы через пять лет я был готов возглавить флот».

— Полковник Графф, у меня фактически нет шансов подготовиться к командованию всем флотом ИФ всего за пять лет.

Графф пожал плечами.

— Значит нужно постараться, приложить все свои силы. Если ты не будешь готов, придется воспользоваться тем, что есть.

Это немного успокоило Эндера, дало некоторое послабление его напряженно работающему мозгу.

Но только на какое-то мгновение.

— Конечно, Эндер, то, что мы имеем сейчас в

наличии, можно считать пустым местом.

Эндер знал, что все это — очередная игра Граффа. Они хотят заставить меня поверить, что все зависит только от меня, чтобы я не позволял себе раскисать и расслабляться, чтобы я трудился в поте лица и отдавал учебе свои силы.

Игра это или нет, все ведь может оказаться чистой правдой. А значит он приложит все свои силы. И Вал хотела от него и склоняла его именно к тому же. Пять лет. Всего пять лет, и флот прибудет на боевые позиции.

— Мне будет всего пятнадцать через пять лет, — произнес Эндер.

— Тебе пойдет шестнадцатый год, — сказал Графф, — но все будет зависеть от того, что ты знаешь.

— Полковник Графф, — обратился Эндер, — я хочу вернуться назад и плавать в озере.

— Только после того, как выиграешь битву, — сказал Графф, — или проиграешь ее. У нас останется пара декад в запасе, пока они долетят до нас, чтобы разделаться подчистую. Дом останется за нами, и я твердо обещаю тебе, что ты сможешь плавать сколько угодно.

— Но я буду еще слишком молод для несения ответственности.

— Не волнуйся, мы приставим к тебе караул. Военные знают, как вести себя в подобных ситуациях и нести ответственность.

Они оба рассмеялись. Но Эндер еще раз напомнил себе, что Графф лишь внешне ведет себя как близкий друг. Что все, что он говорит ложь или хорошо придуманная тактика, чтобы по глубже затолкнуть Эндера в военную машину боевой подготовки. Я превращаюсь в послушное орудие, о котором все мечтают, про себя изрек Эндер, но, по крайней мере, мне не хочется быть одураченным. Я делаю так, потому что сам избрал свой путь, а не потому, что поддался на ваши хитрые трюки, жалкие ублюдки.

Барка достигла Эроса раньше, чем они смогли разглядеть его. Она не могла совершить прямую стыковку и приземление, так как Эрос обладал повышенной гравитацией. Поэтому барка совершала посадку при помощи буксировочных канатов и подушки, на которые не влияет тяготение. Капитан еще раз обругал их в качестве прощания, но Эндеру и Граффу это совсем не испортило настроения. Капитан был очень расстроен, ему не хотелось расставаться со своей баркой; Эндер и Графф невольно почувствовали себя тюремщиками, препровождающими за-

ключенного в подземелье. Когда они садились в шаттл, который должен был доставить их на поверхность Эроса, они повторили кое-что из извращенных фильмов, которые бесконечно смотрел капитан барки и при этом смеялся как сумасшедший. Капитан выглядел устало и уныло и всем своим видом показывал, что хочет спать. Затем, уже на выходе, Эндер задал Граффу последний вопрос.

— А зачем сражаться и уничтожать баггеров?

— Я слышал почти все версии причин, — ответил Графф, — по тому что они страдают от переполнения перенаселенности и стремятся расширить территории за счет новых колоний. Потому что они не представляют параллельное существование двух разновидностей разума в одной вселенной. Потому что они не признают в нас разумных существ. Потому что у них весьма странные жестокие верования и религия. Потому что они видели наши пропагандистские видеофильмы и решили, что мы чересчур буйны и отчаянны. Таков примерно перечень причин.

— А вы в это верите?

— То, во что я верю, не имеет значения.

— Тем не менее я хочу знать.

— Эндер, они могут общаться друг с другом на-

прямую. От мозга к мозгу. То, о чем думает один, становится мыслями другого; то, что помнит один, помнят все. Зачем им вообще развивать язык? Зачем им учиться писать и читать? Каким образом они отличают письмо и чтение, когда сталкиваются с ними? Или с сигналами? Причина здесь не в простом переводе с одного языка на другой. У них вообще нет языка. Мы использовали любые средства, чтобы вступить в контакт с ними, но у них нет даже устройств, чтобы распознать, что мы подаем им сигналы. Возможно, они телепатировали нам и не могли понять, почему мы не отвечаем.

— Значит война нужна затем, что мы просто не можем поговорить друг с другом.

— Если другой парень ничего не может тебе рассказать о себе, ты вряд ли будешь уверен, что он не собирается убивать тебя.

— А что, если оставить их в покое?

— Эндер, не мы первые явились к ним. Они сами пришли к нам. Если они собирались не трогать нас, они бы сделали это сотни лет назад, во времена Первого Нашествия.

— Возможно, они не разглядели в нас разумной цивилизованной жизни? Возможно…

— Эндер, поверь мне, мир уже целое столетие

бьется над этой проблемой. Никто не знает точного ответа. Когда доходит до дела, любое решение становится неадекватным. Когда кому-то угрожает опасность уничтожения, то лучше пребывать в полной уверенности, что мы единственная цивилизация. Природа не способна поддерживать те виды, которые не обладают стремлением выжить. Отдельные индивиды могут приносить себя в жертву, но раса в целом вряд ли примет решение добровольно прекратить существование. Поэтому, если нам удастся, мы уничтожим последнего баггера. Аналогично и они будут уничтожать нас до последнего.

— Что до меня, — сказал Эндер, — я целиком за выживание.

— Я знаю, — произнес Графф, — поэтому ты и здесь.

14. Учителя Эндера

— С пользой воспользовались временем, не правда ли, Граффф? Путешествие нельзя назвать коротким, но трехмесячные каникулы, кажется, обошлись слишком дорого.

— Я не привык сбывать бракованный товар.

— Некоторым просто неизвестно понятие спешки и ограниченности времени. Не все в этом мире определяется роковой судьбой. Ладно, не обращайте внимания. Вы должны понять наше нетерпение. Мы здесь один на один с ансиблом, контролирующим прибытие кораблей к боевым позициям. Каждый день мы могли столкнуться с началом войны. Если это можно назвать еще днями. Но он еще такой маленький мальчик.

— В нем немало величия. Величия духа.

— И инстинкта убивать, я надеюсь.

— Конечно.

— Мы разработали весьма импровизационный курс обучения для него. Конечно, все предметы пойдут лишь с вашего разрешения.

— Непременно посмотрю. Я, естественно, не буду дотошно вникать в суть предметов, Ад-

мирал Чамранагер. Я здесь только потому, что лучше всех изучил Эндера. Так что не бойтесь, я не стану жестким цензором всех ваших начинаний. Я лишь задаю темп и наблюдаю.

— Что можно сказать ему? Насколько глубоко зайти в обучение?

— Не стоит тратить много времени на физику и теорию космических полетов.

— А ансибл?

— Я уже рассказал ему о нем, а также о флоте. Я сказал, что космические силы прибудут к месту назначения через пять лет.

— Но вы же нам ничего не оставили.

— Вы можете рассказать ему о вооружении и системах боевого оружия. Он должен знать о нем почти все, чтобы принимать решения.

— Да, значит и мы можем оказаться полезными, как это мило с вашей стороны. Мы решили предоставить один из наших пяти симуляторов в его пользование исключительно.

— А что остальные?

— Остальные симуляторы?

— Остальные дети.

— Вы прибыли сюда опекать и заботиться о Эндере Виггине.

— Просто любопытно. Ведь все они в то или

иное время были моими учениками.

— А теперь мои. Они осваивают тайны космических кораблей, полковник Графф. К которым вы, как обычный солдат, допуска не имеете.

— Звучит как приобщение к таинствам священнодействия.

— И к богу. И к религии. Даже те, кто командует флотом через ансибл, знают о великолепии и величии флота и космических полетов. Я вижу, вы весьма презрительно относитесь к подобному мистицизму. Хочу заверить вас, что подобная неприязнь лишь следствие невежества. Очень скоро Эндер Виггин будет знать то же, что и я; он будет выделывать замысловатые па и пируэты среди звезд, его собственное величие, наконец-то, освободится от оков обучения и найдет достойный выход, и расцветет перед лицом всей вселенной. У вас каменная душа, Полковник Графф, но я могу петь серенады и камню также легко, как и другой жаждущей публике. Вы можете отправляться в свои апартаменты и располагаться, привести себя в порядок.

— Но у меня нет никаких вещей, за исключением того костюма, что на мне.

— Ничего своего?

— Они складывают все мои сбережения куда-то

на счет в один из банков на земле. Я не нуждаюсь в средствах. Лишь один раз мне посчастливилось купить гражданский костюм — да и то по чистой случайности.

— Извечная нелюбовь к материальным благам. У вас появилась весьма неприятная обрюзглость и полнота. Это что — прожорливый аскетизм? Какое противоречие.

— Когда я нервничаю, то все время ем. Наверное, когда вы нервничаете, вы пускаетесь в замысловатые разглагольствования.

— Вы мне нравитесь, полковник Графф, я думаю, мы сработаемся.

— Если честно, меня это не слишком заботит, адмирал Чамранагер. Я здесь исключительно ради Эндера, а не ради вас.

* * *

Эндеру не понравился Эрос с того момента, как он вышел из барки. Еще на Земле, среди ровных как зеркало полов он чувствовал себя очень неуютно. Эрос показался ему совсем безнадежным. Он представлял собой горбатую гору, которая в самом своем узком месте не превышала шести с половиной километров. Вся поверхность планеты использовалась лишь для поглощения

солнечного света и превращения его в разные виды энергии. Люди жили в гладкостенных комнатах, связанных между собой туннелями, что и составляло весь интерьер астероида. Жизнь в замкнутом пространстве не угнетала Эндера — все, что беспокоило его, — это весьма ощутимый наклон полов туннелей. Они неизбежно шли с креном вниз. С самого начала Эндеру с трудом удавалось сохранять вертикальное положение во время ходьбы. А особенно тяжело было шагать по туннелю, ведущему вдоль узкого перешейка горы. Не помогало и то, что гравитация была уменьшена до половины земной — иллюзия, что он вот-вот упадет, не покидала его.

Кое-что угнетающее оказалось и в пропорциях комнат — потолки были слишком низкими по сравнению с площадью комнат, туннели слишком узкими. Все выглядело крайне неудобным.

Однако, хуже всего — приходилось мириться с огромным количеством людей. У Эндера совсем стерлись из памяти земные города. По его мнению самым оптимальным было количество людей в Школе Баталий. Там он знал в лицо каждого, кто учился. Здесь, внутри горы, ютились десять тысяч человек. Но толп не было, многолюдно оказывалось лишь в местах обитания и машинных

залах. Особенно беспокоило Эндера то, что он постоянно находился среди незнакомых людей.

Они не позволяли ему не только ближе сойтись, но и познакомиться с ними. Он встречался и с другими учащимися Школы Командующих довольно часто. Но несмотря на то, что он регулярно посещал лекции, в памяти у него оставались лишь одни лица. Он мог посещать ту или иную лекцию, но там с ним занимался то один педагог, то другой, иногда ему в помощь давали старших учащихся. Но они помогали ему, учили, чему могли, и тут же бесследно исчезали. Питался он зачастую один или в компании полковника Граффа. Отдушиной был лишь гимнастический зал, но и там он редко встречал дважды одних и тех же людей.

Он понял, что они снова изолировали его, однако теперь не с целью заставить остальных ненавидеть его, а для того, чтобы не дать ему завести друзей. Он и так вряд ли мог легко сейчас сойтись с ними — за исключением Эндера, почти все учащиеся были юношами.

Поэтому Эндеру ничего не оставалось, как углубиться в учебу и отдать ей все силы. В результате он быстро осваивал новые знания. Навигацию и военную историю он впитывал как губка воду;

абстрактная математика и теория вероятности показались ему чуть сложнее. Но с какими бы он проблемами не сталкивался, он умело пользовался своими навыками и полагался на свой гений. Он скоро понял, что его интуиция всегда оказывается более гибкой, чем расчеты и планирование — он часто сразу мог предположить верное решение, на доказательство которого впоследствии тратил не один час.

Единственным светлым пятном в его жизни стал симулятор. Он располагал наиболее совершенными видеоиграми, в которые ему доводилось играть. Шаг за шагом студенты и учителя обучали его, как использовать симулятор. Сначала, еще не ведая внушающей страх магии игры, он играл лишь на тактическом уровне, управляя единственным истребителем, ведущим последовательные маневры по обнаружению и уничтожению врага. Компьютер, контролирующий врага, вел хитрую и сильную игру, и какую бы тактику не придумывал Эндер, компьютер оборачивал ее против него уже в следующую секунду.

Игра велась в голографическом режиме, где его истребитель представлял собой маленькую световую точку. Враг был тоже представлен световой

точкой, но другого цвета. Они плясали, выделывали хитроумные маневры в десятиметровом кубическом пространстве. Средства управления открывали перед ним широкие возможности. Он мог вращать дисплей в любом направлении, а значит наблюдать под любым углом зрения. Он перемещал центр видения таким образом, что поединок то отдалялся, то приближался к нему.

Постепенно игра становилась все сложнее. Он уже достаточно освоил скорости передвижения и способы управления истребителем, направление движения, ориентацию на местности и средства уничтожения врага. Теперь против него действовали сразу два вражеских корабля. Появились новые препятствия, различные космические преграды. Ему приходилось следить за наличием топлива и радиусом действия оружия. Компьютер стал преподавать ему практические уроки по уничтожению и тактике маневров. Сейчас ему приходилось избегать ловушек и уничтожения, достигать нужных объектов, занимать определенные позиции — все, чтобы выиграть.

Когда он достаточно потренировался и в совершенстве овладел игрой с одним игроком, они разрешили ему перейти сразу на уровень четырех игроков, и вместо того, чтобы последо-

вательно идти по все усложняющимся уровням компьютера, ему было позволено самолично определять тактику ведения боя, ценность атакуемых объектов и направлять свою четверку прямо на врага. Ему хорошо удавалось командовать одним истребителем, он довольно ловко и своевременно маневрировал им. В то же время компьютер умело разделывался с остальными тремя игроками. Игра становилась для Эндера с каждым днем сложнее и сложнее. Он все больше затрачивал времени на командование эскадроном. Однако он был упорен, поэтому все чаще ему стала улыбаться удача, он все чаще стал выигрывать.

К тому времени, как он пробыл в Школе Командующих ровно год, он весьма профессионально овладел симулятором на всех пятнадцати уровнях, от управления единственным истребителем до командования флотом. Прошло довольно много времени, прежде чем он осознал, что аналогично комнате баталий в его прежней школе, главное место в Школе Командующих занимал симулятор. Само обучение здесь тоже было в почете, но центральное место занимала игра. Иногда к нему заходили разные люди — посмотреть как он играет. Визитеры молча стояли и

наблюдали, как он справляется со сложными комбинациями, и лишь только игра заканчивалась, также безмолвно покидали его. Что вам всем надо, вертелось на языке Эндера. Оцениваете меня? Определяете, можно доверить мне флот или нет? Тогда запомните, я не просил вас об этом.

Он вдруг обнаружил, что многое, чему он научился в Школе Баталий, трансформировалось на новом уровне и теперь нашло достойное применение в симуляторе. Он переориентировал симулятор каждые несколько минут, поворачивая симулятор под разными углами, стремясь увидеть обстановку глазами врага. Ему доставляло радость сознание своего полного контроля над битвой, способность предвидеть каждый ее момент.

С другой стороны, его контроль был просто смешен по сравнению с тактикой компьютера. Это стало предметом его постоянных расстройств и стремлений. Компьютер оставлял ему слишком мало инициативы, слишком суживал воображение. Он начал мечтать о новых командирах подразделений, которое бы частично взяли на себя ведение боя и обошлись бы без его вмешательства и советов.

Уже к концу первого года обучения он начал

выигрывать все битвы симулятора. Он играл так, словно компьютер стал неотъемлемой частью его тела. Однажды, обедая вместе с Граффом, он вдруг спросил:

— А что, это все, что может симулятор?

— Что значит все?

— Ну то, как он теперь ведет игру. Все стало слишком легко и неинтересно, там больше не о чем думать.

— О-о!

Графф несколько растерялся. Но Графф всегда выглядел несколько озадаченным. На следующее утро все разительно изменилось. Графф больше не появлялся, а его место занял новый компаньон.

* * *

Он был уже в комнате, когда Эндер проснулся. Это был старик, неподвижно сидящий по-турецки на полу. Эндер выжидательно посмотрел на него, рассчитывая, что незнакомец заговорит. Он не произнес ни слова. Эндер поднялся, принял душ, затем неторопливо оделся, не обращая на старика внимания — пусть себе молчит, если хочет. Он уже многому научился и по своему собственному опыту знал, что когда происходит

что-то необычное, что-то, что является частью хорошо продуманного чужого плана, к которому он не имеет никакого отношения, он получит гораздо больше информации, молча выжидая развития событий, чем задавая разные вопросы. Взрослые, как правило, теряли терпение намного раньше Эндера.

Незнакомец все еще молчал, когда Эндер полностью собрался и подошел к двери, намереваясь выйти из комнаты. Эндер в надежде оглянулся — незнакомец все так же неподвижно сидел на полу. Он выглядел лет на шестьдесят, это был самый старый человек, которого ему довелось видеть на Эросе. Белая щетина начала пробиваться на его подбородке и щеках, от этого лицо старика приобрело болезненно серый вид. Его лицо немного обрюзгло и сморщилось, но в целом имело моложавый вид, лишь возле глаз пролегла глубокая сеть морщин. Он внимательно следил за Эндером, но на его лице застыла маска полнейшего безразличия.

Эндер отвернулся к двери и попытался открыть ее.

— Прекрасно, — сказал он, подергав за ручку, — почему дверь заперта?

Старик молча взирал на него равнодушными

глазами.

Очередная игра, подумалось Эндеру. Ладно, если они захотят, чтобы я пошел на занятия, то откроют двери. А если нет — так нет. Меня это мало волнует.

Эндеру не нравилась игра без правил, цели которой известны лишь преподавателям. Он больше не будет играть в такие игры. Он также не станет злиться и волноваться. Он мысленно занялся аутотренингом и проделал несколько упражнений на расслабление. Вскоре он окончательно успокоился. Незнакомец упорно наблюдал за ним отсутствующими глазами.

Казалось, это будет продолжаться долгие часы. Эндер не задавал вопросов, старик пребывал в состоянии апатичного наблюдения. Иногда Эндер задавал себе вопрос, а не сумасшедший ли он. Прожив на Эросе до глубокой старости, он тронулся, и теперь наглухо засел в комнате Эндера и предается своим бредовым фантазиям. Но время шло, никто не входил в комнату, никто не искал его. Становилось все яснее, что все это подстроено специально для него, чтобы умышленно привести его в замешательство. Эндеру не хотелось сдаваться и дарить победу этому противному старику. Для того, чтобы скоротать время, он стал

заниматься гимнастикой. Кое-какие упражнения требовали специальных снарядов, но другие, особенно те, что применяются в индивидуальной защите, он проделывал чисто механически, безо всяких целей.

Проделывая гимнастику, он начал резво передвигаться по комнате. Он отрабатывал выпады и удары ногой. В одном из движений он слишком близко подошел к старику, в тот же момент старческая рука резко выстрелила вперед и перехватила левую ногу Эндера в начале удара. Он грубо поднял Эндера за ногу и опрокинул на пол.

В следующее мгновение Эндер вскочил на ноги, его лицо пылало от гнева. Он взглянул на незнакомца и с досадой обнаружил, что тот все так же сидит на полу, скрестив ноги; его дыхание ровное и почти незаметное, как будто он не двигался вообще. Эндер принял боевую стойку и приготовился к нападению, но полнейшая неподвижность противника делала бессмысленной всякую драку. А что если ударить старикашке по голове? А затем объяснить Граффу — мол старик напал на меня, и я был вынужден защищаться.

Он снова продолжил гимнастику, а незнакомец — пассивное наблюдение.

Наконец, устав и разозлившись на бесцельно

потраченное время, на собственное заточение в комнате, он упал на кровать и потянулся за компьютером-партой. Лишь только он протянул руку к компьютеру, он вдруг почувствовал, как одна старческая рука грубо схватила его за одежду, а другая вцепилась в волосы. В тот же миг он оказался на полу. Его голова и плечи намертво были прижаты к полу коленом незнакомца, а руки крепко удерживали корпус и ноги не хуже веревок. Эндер оказался абсолютно неподвижным и беспомощным. Он не мог пошевелить руками, не брыкнуться ногами. Менее чем за две секунды старик уложил Эндера на обе лопатки.

— Лады, — прошептал Эндер, — твоя взяла, ты выиграл.

Колено незнакомца сильнее надавило ему на грудь. Чего он медлит? Почему не прибьет меня сразу? Или я выгляжу слишком миролюбиво и невинно?

— Ты повернулся ко мне спиной, глупец. Тебя слишком мало учили, ты так ничего и не усвоил.

Эндер был вне себя от ярости и даже не пытался контролировать себя.

— У меня было слишком много учителей, кроме того мне и в голову не пришло, что к тебе нельзя поворачиваться спиной… Что ты…

— Враг, Эндер Виггин, — прошептал старик, — я — твой враг. Первый из тех, кто умнее тебя. Здесь нет учителей, здесь одни враги. Никто, кроме врага, не скажет тебе, что он намеревается делать дальше. Никто, кроме врага, не научит тебя побеждать и уничтожать противника. Только враг отыщет и покажет тебе твои собственные слабости. В этой игре нет правил. Единственная заповедь таких игр — любой ценой обезвредь и уничтожь врага. Теперь я — твой враг. Теперь я — твой учитель.

Затем хватка старика немного ослабла, и ноги Эндера оказались на свободе. Но голова и плечи остались по-прежнему намертво прижатыми, это не давало ему воспользоваться руками, а каждое движение ногами, даже самое незначительное, доставалось с болью. Внезапно старик встал и позволил Эндеру тоже подняться.

Эндер медленно переступал ногами, и при этом низ живота и поясницу пронзала адская боль. Он не выдержал и рухнул на пол, неловко приземлившись на четвереньки. Однако правая рука Эндера резко резанула воздух, летя навстречу врагу. Старик также резко отклонился, и кулак Эндера ударил по воздуху. В то же мгновение Эндер заметил ногу старика, неминуемо прибли-

жающуюся к подбородку.

Однако подбородок Эндера был уже в другом месте. Он лежал на спине и слегка отполз в сторону. Старик немного пошатнулся, просчитавшись с ударом, тотчас нога Эндера со всей силой лягнула ногу нового учителя. От неожиданности старик упал на одно колено, но в полной готовности вскочить при первой опасности. Целый град ударов обрушился на голову Эндера. Эндер уже не разбирал, руки или ноги обрабатывают его тело. Он был маленького роста и не мог достать уязвимые места старика. Наконец ему удалось лишь выскользнуть и откатиться к дверям.

Оглянувшись, он увидел неподвижную фигуру, сидящую по-турецки. Но равнодушие исчезло с лица. Теперь старик улыбался.

— Уже лучше, малыш, но ты действуешь слишком медленно. Пока управление флотом тебе дается лучше, чем контроль своего тела. А нужно уметь и то, и другое, иначе никто не будет чувствовать себя спокойно под твоим командованием. Усвоил урок?

Эндер вяло кивнул. Его тело ныло.

— Отлично, — продолжил старик, — значит подобной возни у нас больше не повторится. Оставшееся время можешь поработать с си-

мулятором. Отныне я буду программировать твои игры, а не компьютер. Я буду разрабатывать стратегию боя от имени врага, а ты будешь учиться быстро реагировать и разгадывать все трюки, которые я для тебя придумаю. Запомни, мой мальчик. С сегодняшнего дня враг сильнее и умнее тебя. С сегодняшнего дня ты обречен проигрывать.

Лицо старика приняло серьезную мину.

— Ты все время будешь посередине — между проигрышем и победой. Ты будешь учиться наносить поражение врагу. Враг сам будет учить тебя.

Учитель поднялся.

— В этой школе всегда практиковалась практика обучения молодого ученика более взрослым учеником, который специально подобран для него. Эти двое становятся компаньонами; и старший обучает младшего всему, что знает сам. Они всегда борются друг с другом, всегда тесно связаны, всегда вместе. Я избран для тебя.

Эндер заговорил, когда старик был уже возле двери.

— Но ты слишком стар для ученика.

— Никто не может быть слишком старым, чтобы поучиться у своего врага. Я учился у баггеров.

А ты будешь учиться у меня.

Лишь только старик прислонил ладонь к двери, дверь тотчас открылась. Эндер в то же мгновение подпрыгнул и, пролетев через всю комнату, кошкой прыгнул на спину старику, обхватив его ногами за талию. Удар его летящего тела оказался довольно мощным, старик вскрикнул от боли и рухнул на пол, лицом вниз. Едва ноги Эндера коснулись земли, он резко оттолкнулся от пола и мгновенно отскочил в сторону.

Старик медленно поднялся, опираясь на дверь. Его лицо посерело. Было видно, что он всеми силами старается не выказать свою боль. Весь вид старика говорил, что он озадачен и в полной растерянности от неожиданности, но Эндер уже научился не доверять внешнему виду. Сам от себя не ожидая, он рванулся с места, пытаясь на скорости вновь атаковать старика. В следующий момент он обнаружил, что лежит возле противоположной стены. Его нос и губы кровоточили — падая на пол, он ударился о кровать. Но все же он смог повернуться к дверям и посмотреть на учителя, прямо и гордо стоявшего в дверном проеме. Старик довольно улыбался.

Эндер ухмыльнулся в ответ.

— Учитель, — обратился он, — у тебя есть имя?

— Мазер Рекхем, — раздался ответ, и старик исчез.

* * *

С тех пор Эндер был либо с Мазером Рекхемом, либо один. Старик редко разговаривал, но находился все время в комнате; во время еды, во время обучения, во время занятий с симулятором и даже ночью. Иногда Мазер исчезал, но всегда, когда Мазера не было в комнате, дверь оказывалась запертой до тех пор, пока он не возвращался. Эндер уже неделю звал его Тюремщик Рекхем. Мазер с готовностью отзывался на прозвище, как на собственное имя, и не проявлял ни намека на оскорбление. Вскоре и Эндеру это наскучило.

В его заточении были и интересные моменты. Мазер решил показать Эндеру старые фильмы, отснятые во время Первого Нашествия. Эти фильмы не были разрезаны на потребу широкой публики, они были целыми и отражали последовательность событий целиком. С тех пор, как все главные бои снимались с нескольких камер, получалась целостная картина и хорошее наглядное пособие тактики и стратегии баггеров, отснятое с нескольких углов зрения. Впервые в его жизни учитель раскрывал Эндеру такие

вещи, до которых он бы не смог докопаться сам. Впервые в жизни Эндер столкнулся с живым, думающим разумом, которым восхищался.

— Почему ты не умер? — спросил Эндер. — Ведь твоя битва была семьдесят лет назад. Я не думаю, что тебе шестьдесят лет, это невозможно.

— Все это чудеса нашей реальности, — ответил Мазер. — Они держали меня здесь целых двадцать лет, хотя я умолял их отдать под мое командование один из кораблей, которые направляются к родине и колониям баггеров. Затем они наконец-то начали понимать некоторые вещи из того, как ведут себя солдаты во время боевого стресса.

— Какие вещи?

— Ты вряд ли поймешь, у тебя еще нет достаточных знаний в области психологии. Достаточно сказать, что они осознали, что даже если я не в состоянии принять командование флотом — я умру раньше, чем флот прибудет к месту назначения — я все равно останусь единственным человеком, действительно кое-что знающим о баггерах. Я был, по их мнению, единственным человеком, способным победить баггеров не вследствие слепого везения, а в результате силы своего разума. Я был нужен им именно здесь — чтобы передать

свои знания человеку, который возглавит командование флотом.

— Поэтому они посадили тебя в космический корабль и запустили с относительной скоростью…

— Я облетел кружок и вернулся назад. Было очень скучное и нудное путешествие, Эндер. Пятьдесят лет в космосе. Конечно, официально для меня прошло только восемь лет, но они показались мне пятью столетиями. Теперь я могу научить будущего командующего всему, что знаю сам.

— Значит, командующим буду я?

— Давай скажем так, ты лучшая кандидатура на текущий момент.

— А других тоже готовят?

— Нет.

— Значит, у меня совсем нет выбора, да?

Мазер пожал плечами.

— Ведь ты до сих пор жив, почему не ты? Ну, почему не ты?

— Я не могу стать командующим по вполне очевидным и достаточно веским причинам.

— Научи меня, как победить баггеров, Мазер.

Лицо Мазера приняло таинственное выражение.

— Ты уже прокрутил мне фильмы о каждой битве как минимум семь раз. Я думал, что обнаружу там ключ к победе, узнав побольше о баггерах. Но ты еще ничего не показал мне, проливающее свет на то, как тебе удалось разбить их.

— Видеофильмы умеют хранить секреты, Эндер.

— Я знаю. Мне уже удалось частично воссоздать картину. Ты со своим малочисленным резервом и огромная армада тяжелых боевых кораблей баггеров, каждый из которых дополнительно нес в себе множество истребителей. Ты устремился за одним из них, встретил и взорвал его. На этом, как правило, все видеоклипы заканчиваются. После этого солдаты стали атаковать вражеские корабли, но все баггеры были уже мертвы.

Мазер хитро ухмыльнулся.

— Очень хорошо для надежного сохранения тайны. Пошли, посмотрим другие фильмы.

Они были одни в видеозале, и Эндер прислонил ладони к кодовой панели, чтобы запереть дверь.

— Отлично, давай посмотрим.

Новый фильм отражал как раз то, что Эндеру удалось соединить, сопоставив некоторые части разных фильмов. Почти безумный маневр Мазера, врезавшегося в самое сердце вражеской

армады, одиночный взрыв и…

Ничего больше. Корабль Мазера удаляется, сделав ловкий вираж, и спокойно продолжает свой путь среди вражеских кораблей. Они не стреляли в него. Не сменили курс. Два из них врезались друг в друга и взорвались — любой, даже самый малоопытный пилот мог избежать подобного столкновения. И все. Нигде не возникло больше ни малейшего передвижения и шевеления.

Мазер тряхнул головой. Его взгляд стал суровым.

— Мы ждали три часа, — произнес он, — никто не мог поверить в это.

Затем корабли ИФ начали медленно приближаться к кораблям баггеров. Матросы бросились на абордаж. Здесь фильм отражает чистую правду — все баггеры оказались мертвы.

— Ты можешь сам убедиться, — произнес Мазер, — в том, что вывел путем размышления.

— Почему это произошло?

— Никто точно не знает. У меня есть на этот счет свое личное мнение. Но нашлось немало именитых ученых, недвусмысленно намекнувших мне, чтобы я не вмешивался не в свое дело, что у меня нет для этого достаточных знаний и квалификации.

— Но ведь именно ты выиграл сражение.

— Я тоже думал, что это дает мне полное право на отстаивание своей точки зрения; но ведь тебе не хуже меня известно, как все это делается на самом деле. Зенобиологи и зенопсихологи не могли смириться с мыслью, что какой-то военный пилот собрался учить их уму-разуму. Я думаю, они ненавидят меня. После просмотра всех этих фильмов им пришлось прожить остаток своей жизни здесь, на Эросе. Секретная информация, сам понимаешь. Вряд ли они были счастливы.

— Расскажи мне подробнее.

— Баггеры не говорят между собой. Они просто обмениваются мыслями друг с другом. Все это, подобно филотическому эффекту, происходит мгновенно. Многие люди до сих пор думают, что за этим кроется хорошо контролируемый способ общения, подобный языку, — я передаю тебе свои мысли, а ты мне отвечаешь. Я никогда не верил в это. Слишком уж все мгновенно, да и сам способ реагирования на вещи абсолютно идентичен. Ты же сам видел фильмы. Они не совещаются и не выбирают среди различных способов реагирования самый оптимальный, Каждый их корабль вел себя как часть единого организма. Они действовали так, как реагируют различные части твоего

тела на какое-то воздействие. Все части тела действуют автоматически, абсолютно неосознанно, ведут себя таким образом, каким заложено природой. Так и баггеры. Они не ведут сознательных разговоров и обсуждений, что обычно свойственно людям с разными мыслительными процессами. Их мысли сразу, мгновенно появляются одновременно в мозгу у всех.

— Мы — это множество отдельных личностей, а баггеры — словно рука или нога?

— Да. Я не первый предложил такую версию. Но именно я первым поверил в нее. Есть кое-что еще. Но все это выглядит слишком по-детски и слишком глупо, так что зенобиологи, не стесняясь, посмеялись надо мной. Баггеры — это насекомые. Они напоминают муравьев или пчел. Королева-матка и рабочие особи. Возможно все это зародилось сотни лет назад. Но это объясняет образцы их поведения. Можно вполне уверенно сказать, что ни один из тех баггеров, которых нам удалось увидеть, не в состоянии произвести на свет новое поколение маленьких баггеров. Поэтому то, что они сохранили способность одновременно думать об одном и том же, разве не говорит о существовании королевы-матки? Разве не может королева быть центром группы? Что

это может изменить?

— Так, значит, именно королева руководит группой-сообществом.

— Для меня это очевидно. Но не для всех остальных. Подобного не было во времена Первого Нашествия, так как оно носило захватнический характер: Второе Нашествие имело целью создание новой колонии. Чтобы отделить новый рой или что-нибудь в этом роде.

— И для этого они привезли королеву.

— В фильмах о Втором Нашествии, где они наносят поражение нашему флоту на орбите кометы.

Он вызвал фильм на дисплей и укрупнил изображение вражеских кораблей.

— Можешь показать, где корабль королевы-матки?

Все оказалось ловко замаскировано. Долгое время Эндер вообще не мог ничего разглядеть. Корабли баггеров передвигались — все вместе, дружно. У них не было ни флагманского корабля, ни так называемого центра. Но шаг за шагом, когда Мазер снова и снова повторял отдельные эпизоды фильмов, Эндер наконец заметил общую схему движения баггеровских кораблей. Они все шли радиально и были сфокусированы вокруг

одного центра. Центральный объект также перемещался, но было очевидно, что именно он — глаза всего флота, главная его фигура. Именно с точки зрения этой центральной фигуры принимаются все решения. Это был единственный отдельный корабль. Эндер заметил это.

— Видишь, понимаешь? Я тоже в свое время заметил их маневр. Но мы единственные из всего множества людей, которые смотрели этот фильм. Ведь правда же, все очевидно?

— Они заставили этот корабль маневрировать подобно обычному боевому кораблю.

— Они знали, что это их слабое место.

— Ты абсолютно прав, это — королева. Но когда ты разгадал их загадку и пошел в атаку на конкретную цель, они могли сосредоточить весь свой огонь именно на тебе, они могли просто подорвать тебя в воздухе…

— Я знаю. В этой части я сам не все понимаю. Не то, что они пытались остановить меня — они стреляли в меня. Все было так, что я бью королеву, пока не стало слишком поздно. Возможно, в их мире королев никогда не убивают, лишь берут в плен. Я сделал то, что, по их мнению, не мог сделать никакой враг.

— А когда она умерла, все остальные тоже

умерли?

— Нет, то они вели себя очень глупо. В первом корабле, куда мы зашли, баггеры были еще живы. Но чисто на органическом уровне. Они не двигались, ни на что не реагировали, даже тогда, когда наши ученые попытались вскрыть и проанатомировать некоторых для того, чтобы больше узнать о них. Спустя некоторое время они все умерли. Со смертью королевы в этих маленьких телах не осталось ничего, что связывало бы их с жизнью.

— Почему они не поверили тебе?

— Потому что мы не нашли королеву.

— Ее могло разорвать на кусочки.

— Превратности войны. Биология на войне всегда занимает лишь второе место после выживания. Но некоторые ученые все-таки вертятся вокруг моей точки зрения. Однако никто из них не может окончательно поверить, пока все факты не будут налицо.

— А что, на Эросе нужны особые факты?

— Эндер, оглянись вокруг себя. Не люди выстроили все эти лабиринты. Мы предпочитаем высокие потолки, а не норы. Здесь находился передовой рубеж баггеров во время Первого Нашествия. Они обосновались здесь задолго до того,

как мы узнали, что они находятся именно здесь. Мы живем в улье баггеров. Но мы уже сполна расплатились за аренду. Многим матросам это стоило жизни, пока мы комната за комнатой занимали этот каземат. Баггеры насмерть стояли за каждый его метр.

Теперь Эндер понял, почему комнаты казались ему такими чужими и неудобными.

— Я не знал, что раньше это место не принадлежало людям.

— Это была настоящая сокровищница. Если бы они знали, что нам удастся одержать победу в той первой войне, они никогда бы не основались на этом месте. Мы научились регулировать гравитацию, потому что они могли искусственно менять ее уровень. Мы научились использовать выгоды звездной энергии, так как им удалось затемнить и сделать почти невидимым Эрос. Фактически, именно поэтому мы обнаружили их. В течение трех дней Эрос совсем исчез из поля видения наших телескопов. Мы послали корабль-разведчик выяснить, почему. И он обнаружил. Кораблю удалось заснять все на видеопленку и передать на Землю, включая и то, как баггеры атаковали наш корабль и перебили весь экипаж. Остались записи и о последующих действиях баггеров, о том,

как они обследовали корабль. Съемка и передача шли до тех пор, пока баггеры не демонтировали и не разобрали корабль на части. Они проявили определенного рода слепоту — они рассматривали корабль как простое средство передвижения. Им в голову не пришло, что, когда экипаж мертв, кто-то еще может подглядывать за ними.

— А зачем они уничтожили команду?

— А почему бы нет? Для них потерять нескольких рядовых членов сообщества — все равно, что забить гвоздь. Они думали, что убив экипаж, просто прервут связь с Землей. Они убивали не живую жизнь, а ощущающих чувствующих существ с независимой генетической природой. Убийство не было для них преступлением или проступком. Только убийство королевы по-настоящему означало для них убийство. Ведь именно королева несла в себе и передавала генный код.

— Значит они не ведали, что творят.

— Только не извиняйся от имени баггеров, Эндер. То, что они не знали, что убивают людей, еще не говорит за то, что они не стали бы вообще убивать. У нас было полное право защищать, так как мы считали нужным. А единственным верным способом защиты было убить самих баггеров, пока они не уничтожили нас. Подумай хорошенько

над этим. Во время войн с баггерами они успели уничтожить тысячи и тысячи живых, думающих существ. А мы во всех этих войнах убили по-настоящему только одного, вернее одну.

— А если бы ты не уничтожил королеву, Мазер, могли бы мы выиграть в войне?

— Расклад был бы таким: трое против одного. Я думаю, мне пришлось бы туго, и вряд ли я легко разделался с их флотом, если бы им удалось подстрелить нас. У них было достаточно времени, чтобы ответить на нашу атаку, в их распоряжении была масса оружия, но и у нас были свои преимущества. В каждом отдельном нашем корабле находился человек, думающее существо с развитым разумом, который умел мыслить самостоятельно. Каждый из нас мог найти по-своему блестящее решение любой проблемы. А они могли разрешить ту же проблему только одним единственным, пусть даже оригинальным, но все равно единственным способом. Баггеры думали быстрее нас, но это еще не значит, что они умнее. Даже тогда, когда совсем глупые и бездарные командующие проигрывали битву за битвой в ходе Второго Нашествия, некоторые их субмарины наносили поистине непоправимый вред флоту баггеров.

— А что произойдет, когда наше нашествие достигнет их рубежей? Мы снова уничтожим королеву?

— Я думаю, баггеры за это время вряд ли научились полностью обезопасить свое передвижение в космосе. Та стратегия могла сработать лишь однажды. Я полагаю мы не сможем приблизиться к королеве, пока не захватим их планету. Кроме того, королева вообще вряд ли будет находиться рядом с боевыми позициями. Дело королевы — производить потомство. Второе Нашествие имело целью образовать новую колонию — королева находилась там только потому, что предполагалось вывести новое поколение баггеров на Земле. Сейчас это вряд ли сработает. Мы должны разбить их в честном бою — флот против флота. А так как они имеют множество космических звездных баз и опорные пункты почти на всех астероидах, то мой совет — нужно в каждой битве организовать значительное численное преимущество.

Эндер тут же вспомнил свою игровую битву против двух армий сразу. Я попросту обманул их, И когда возникнет настоящая война, то лучше тоже придумать какой-нибудь талантливый обман. Хотя там вряд ли будут ворота, в которые я должен пройти.

— Мы только что получили две вещи, работающие за нас, Эндер. Наша беда в том, что установки не обладают хорошим прицелом, а сама стрельба дает слишком большой разброс.

— Тогда почему мы не применяли ракеты с ядерными боеголовками?

— Ну, есть более мощное оружие, например, Доктор Устройств. Кроме всего прочего, ядерное оружие невозможно запустить с Земли. Маленького Доктора запрещено использовать на планете. Тем не менее, мне бы очень хотелось иметь хотя бы одного во времена Второго Нашествия.

— Как он работает?

— Я не знаю, у меня нет достаточных знаний, чтобы построить подобную установку. В месте пересечения двух пучков создается такое поле, которое вызывает расщепление любых молекул. Электроны утрачивают равномерное распределение. Тебе многое известно из области физики?

— Мы уделяли больше внимания астрофизике, но я знаю достаточно, чтобы иметь общее представление о предмете.

— Поле распространяется по воздуху, но чем больше радиус распространения, тем слабее поле. Исключение составляют лишь столкновения.

При столкновении поля с большой массой молекул, оно усиливается, обретает новые силы, и процесс начинается с самого начала. Чем больше корабль, тем сильнее новое поле.

— Значит всякий раз как поле сталкивается с кораблем, оно порождает новую смертоносную волну…

— И если вражеские корабли расположены близко друг от друга, поле порождает целую цепочку волн, которые в итоге охватывают всю вражескую армаду. Когда поле исчезает, молекулы вновь объединяются друг с другом, и там, где раньше был космический корабль, появляется целая груда грязи и пыли с повышенным содержанием железа. И никакой радиации, никаких искореженных обломков. Просто пыль и все. Мы хотели заманить их в ловушку еще во время первого боя и заставить сгруппироваться поближе. Но они быстро разгадали наш маневр и научились новой тактике. Они стали передвигаться, соблюдая строгую дистанцию.

— Значит Доктор Устройств — неуправляемая ракета, я не могу поражать цели под углом.

— Все верно. Управляемые ракеты вряд ли вообще будут полезны сейчас. Мы многому научились от баггеров во время Первого Нашествия, а они от

нас — например, как организовать эстетическую защиту.

— Но Маленький Доктор проникает сквозь любую защиту?

— Как будто ее нет вовсе. Ты не можешь видеть сквозь защиту, поэтому не можешь прицелиться и сфокусировать луч. Но с тех пор как генератор Эстетической Защиты всегда располагается точно в центре, не так уж невозможно вывести его из строя.

— Почему меня никогда не учили как с ним обращаться?

— А ты постоянно будешь тренироваться. Мы разработали специальную компьютерную программу для тебя и снабдили компьютер всеми необходимыми инструкциями. Твоя задача выйти на главные стратегические рубежи и выбрать мишень. Бортовые компьютеры лучше и точнее прицеливаются, они качественнее нацелят Доктора, чем ты.

— А почему его назвали Доктор Устройств?

— Когда он только разрабатывался, его назвали Устройство Молекулярного Расщепления или М.Р.Устройство.

Эндер до сих пор не мог понять.

— М.Р. — это аббревиатура, обозначающая так-

же Медицинских Работников. Так М.Р.Устройство стало Доктором Устройств. Это шутка.

Но Эндер не нашел в подобной аналогии ничего смешного.

* * *

Они изменили симулятор. Он по-прежнему мог контролировать перспективу и степень детализации, но управление кораблями исчезло. Вместо него появилась новая панель уровней и небольшая головная установка — шлем с наушниками и маленьким микрофоном.

Техники, ожидавшие рядом, быстро объяснили как одевать и обращаться со шлемом.

— Но как я буду управлять кораблями? — спросил Эндер.

Мазер объяснил. Он не должен больше управлять каждым отдельным кораблем.

— Ты достиг следующего этапа обучения. Ты уже имеешь опыт и достаточно навыков на всех стратегических уровнях, теперь самое время сосредоточиться на командовании флотом целиком. Тебе в помощь выделены командиры эскадронов. Ты будешь работать с ними так же, как с командирами подразделений в Школе Баталий. К тебе приписана пара дюжин подобных

кандидатов в командиры. Тебе придется работать с ними, научить их оригинальной тактике и самостоятельности мышления. Одновременно ты узнаешь их сильные и слабые стороны, определишь потолок каждого. Тебе необходимо сделать из них единое целое.

— А когда они прибудут сюда?

— Они уже в нужных местах, работают на собственных симуляторах. Ты можешь поговорить с ними через шлем. Панель управления тоже перестроена на новый уровень командования. Она позволяет своевременно отражать действия командиров эскадронов. Вся ситуация приближена к боевым условиям. В настоящем бою ты будешь видеть и ориентироваться в основном по тому, что видят твои корабли.

— Но как я могу работать с командирами эскадронов, которых я ни разу не видел и не увижу?

— А зачем тебе их видеть?

— Чтобы узнать, что они из себя представляют, как думают и о чем…

— Ты выяснишь, кто они такие и как думают по тому, как они работают с симулятором. Но я думаю, тебе не придется в них разочароваться. Они уже слушают нас. Одень шлем, и ты сам сможешь услышать их.

Эндер одел шлем.

— Шалом, — раздался шепот.

— Элай, — произнес Эндер.

— И я, гномик.

— Боб.

И Петра, и Динк; Безумный Том, Шен, Горячий Суп, Летающий Моло — лучшие ученики Эндера, с которыми он сражался бок о бок, и лучшие из тех, против кого он сражался. Все, кому верил и доверял Эндер в Школе Баталий.

— Я не знал, что вы здесь, — сказал Эндер, — я не знал, что вы приехали.

— Они начали тренировать нас на симуляторе три месяца назад, — произнес Динк.

— Ты скоро поймешь, что я отличный тактик, — вмешалась Петра. — Динк тоже пытался, но у него ум ребенка.

Так они начали работать вместе. Каждый командир эскадрона командовал конкретными пилотами, а Эндер командовал самими командирами. Они научились формам совместной работы по мере того, как симулятор ввергал их в разные игровые ситуации. Иногда симулятор предлагал им вести бой очень многочисленным по количеству флотом. Тогда Эндер укрупнял эскадроны, объединяя под командованием командиров стазу

три-четыре эскадрона. А другой раз симулятор предоставлял в их распоряжение лишь один космический корабль с двенадцатью истребителями на борту. Тогда сразу три командира командовали одним эскадроном.

Игра доставляла им огромное удовольствие. Компьютер как никто вел партии от имени врага, но они все равно выигрывали, несмотря на промахи и ошибки, плохую координацию и несогласие. После трех недель совместной работы, Эндер достаточно хорошо изучил каждого. Динк ловко и быстро выполнял все распоряжения, но почти не мог импровизировать или делал это крайне медленно. Боб, которому тяжело давалось командование большими группами, действовал со своим маленьким эскадроном подобно хирургическому скальпелю, блестяще рассекая все ловушки компьютера. Элай оказался столь блестящим стратегом, как и сам Эндер, он мог бы вполне справиться с половиной флота, опираясь лишь на глобальные инструкции.

Чем лучше Эндер узнавал их, тем быстрее определял им задачи, и в конечном итоге, тем лучше использовал их. В этот момент Эндер по-настоящему осознал, как устроен его флот и из чего он состоит, а также как может проявлять себя

вражеский флот. Симулятор подробно изображал каждую ситуацию на экране. Теперь у него занимало не более нескольких минут, чтобы вызвать на связь командиров эскадронов и объяснить их задачи, закрепить за ними конкретные корабли или боевые формирования, дать необходимые инструкции. Затем, по ходу развития боевых действий, он внимательно следил за деятельностью каждого командира, выдвигая собственные соображения и рекомендации, а при необходимости отдавая приказы. Каждый командир эскадрона видел лишь отражение собственных действий и перспективу собственного боевого участка. Поэтому иногда Эндеру приходилось отдавать приказы, которые могли показаться конкретному командиру непонятными и даже бессмысленными. Таким образом, они, в свою очередь, тоже учились доверять Эндеру и где-то целиком полагаться на его мнение. Если он приказывал отступать, они отступали, зная, что либо они выскочили на слишком опасные рубежи, либо что их отступление заставит врага занять более невыгодные позиции. Они также были уверены, что в конкретных ситуациях Эндер полагается на них и доверяет их собственному мнению больше, чем своим приказам. В их поведении ни разу не

проскользнуло чувство обиды или зависти, все знали, что такова судьба, и сам Эндер не имел отношения к их назначению.

Доверие между ними было обоюдным и полным, флот работал слаженно, быстро и очень продуктивно. К концу третьей недели Мазер показал ему ответные действия врага в недавней битве, но со стороны самого врага.

— Это то, что видит враг во время вашей атаки. Тебе это что-нибудь напоминает? Ну, например, быстрота реагирования?

— Мы похожи на флот баггеров.

— Вы почти сравнялись с ним, Эндер. Вы также быстры и ловки, как они. А вот здесь — посмотри.

Эндер увидел одновременные мгновенные действия своих эскадронов. Каждый реагировал на свою ситуацию, объединяло их лишь общее руководство Эндера.

Действия были слаженные, в то же время тактика каждого командира отличалась независимостью и оригинальностью.

— Конечно, стадное мышление баггеров — дело хорошее, но они могут одновременно сконцентрировать внимание лишь на весьма ограниченном круге вещей. Все твои эскадроны

сосредотачивают внимание на конкретной боевой ситуации или на конкретной задаче, которую ты перед ними ставишь. Ты осуществляешь лишь общее руководство. Значит, у тебя есть некоторые преимущества. Не численное или скоростное превосходство, не превосходство в качестве и количестве вооружения, а превосходство разума и творческой мысли. А отсюда и другие преимущества — быстрота реагирования, хитроумность маневров. Главным же твоим недостатком, трудностью останется одно — тебя все время будут превосходить в численности. Кроме того, после каждого боя враг все больше и больше будет узнавать о тебе, научится как лучше бороться с тобой, изменит свою тактику. Все эти новинки и знания упрочат его позиции.

Эндер ждал его заключения.

— Значит, Эндер, мы прямо сейчас начнем твое обучение. Мы запрограммировали в компьютере все типы ситуаций, которые можно ожидать при столкновении с врагом. Мы использовали все типы маневров, которые нам довелось видеть в ходе Второго Нашествия. Но в отличие от бездумных, автоматических действий врага, я сам буду управлять его действиями. Сначала ты столкнешься с легкими ситуациями, полагаю, что ты

легко справишься с ними и одержишь победу. Поучись на них, потому что отныне я буду твоим врагом. Я все время буду на шаг впереди тебя, все время буду усложнять ситуации, и каждая следующая битва будет труднее предыдущей. И так до тех пор, пока ты не достигнешь предела своих возможностей.

— А дальше?

— Время летит быстро. Ты должен учиться так быстро, как только можешь. Когда я отправился в космическое путешествие к звездам только для того, чтобы остаться в живых к моменту появления нового командующего, моя жена и дети умерли к моему возвращению, а внуки оказались одного возраста со мной. Я ничего не мог сказать им, да и не знал, что сказать. Я оказался вырванным из родной земли, отрезанным от людей, которых знал и любил, от всего, что меня когда-то окружало. А ради чего? Ради того, чтобы погрести себя заживо в этих катакомбах и ничего не делать, кроме обучения студентов. Я учил студента за студентом, каждый из них подавал надежды и каждый из них был обречен на поражение. Я учил, но никто так и не научился. Ты тоже из серии многообещающих, как и многие до тебя, но семя пораженчества возможно есть и в тебе.

Моя задача в том, чтобы отыскать его. Разрушить, уничтожить тебя, если это возможно. И поверь мне, Эндер, я уничтожу тебя, если только смогу.

— Значит я не первый.

— Ну конечно, нет. Но ты последний. Если ты ничему не научишься, то больше не будет времени найти на это место еще кого-нибудь. Поэтому я надеюсь на тебя, ведь ты единственный, на кого остается надеяться.

— А что остальные? Командиры эскадронов?

— А кто, по-твоему, в состоянии занять твое место?

— Элай.

— Будь честен с собой.

Эндер промолчал, не зная, что сказать.

— Я — несчастливый человек, Эндер. Человечество не заботится о том, счастливы ли мы или нет. Оно требует от нас мудрости и яркости гения для своей же выгоды. Сначала выжить, а уж счастье потом, если удастся стать счастливым. Поэтому, Эндер, я полагаю, что в ходе обучения ты не будешь беспокоить меня жалобами, что тебе не слишком весело. Найди, если сумеешь, удовольствие и радость в работе и учебе. Сначала работа, обучение. Побеждать — это все. Без побед ты ничто. Когда ты сможешь вернуть мне умершую

жену, Эндер, тогда сколько угодно можешь мне плакаться, чего тебе стоило подобное обучение.

— Я не просил ни о чем.

— Тем не менее, тебе придется все выполнить, Эндер. Потому что я собираюсь смешать тебя с грязью, если удастся. Собираюсь больно бить тебя всем, что только придумаю. Я не буду знать жалости, забуду о сострадании, так как, когда ты столкнешься с баггерами, они могут использовать против тебя такие вещи, которые мне даже в голову не приходили. А жалость вообще чужда им.

— Ты не сможешь сломать меня до конца, Мазер.

— Я? Не смогу?

— Потому что я сильнее и выносливее тебя.

Мазер улыбнулся.

— Поживем — увидим, Эндер.

* * *

Мазер разбудил его еще до рассвета, часы показывали только 03:04. Эндер, досыпая на ходу, покачивался, плетясь вслед за Мазером.

— Чем раньше ложишься и позже встаешь, — приговаривал Мазер, — тем глупее становишься.

Ему приснилось, что баггеры вскрыли и про-

анатомировали его. Только вместо того, чтобы распороть живот и грудь, они вскрыли его череп и изъяли память, а затем вывели ее на экран компьютера в форме голографических образов и попытались воссоздать осмысленную картину. Ночной кошмар оказался настолько ярким и правдоподобным, что Эндер не мог избавиться от его впечатления, даже шагая по многочисленным туннелям в комнату с симулятором. Баггеры мучили его по ночам, вторгаясь в сны, а Мазер ни на секунду не оставлял его одного во время бодрствования. Он постоянно метался между этими двумя огнями, не зная ни отдыха, ни покоя. Эндер встряхнул головой, отбрасывая ночные наваждения, и окончательно проснулся. Возможно, Мазер имел ввиду, говоря, что приложит все силы для того, чтобы сломать его, совсем не расправу. Он хотел подстегнуть его на игру. Ведь заставить его, усталого и сонного, взяться за учебу — это как раз то, чего ожидал сам Эндер. Но сегодня их трюк не пройдет.

Он включил симулятор и обнаружил, что все командиры эскадронов уже на связи и ждут его распоряжений. Враг еще не объявился, поэтому он разбил их на две армии и начал игровой тренировочный бой, командуя обеими сторонами

сразу, чтобы проконтролировать специальный тест, который должен был пройти каждый командир эскадрона. Игра началась вяло и неохотно, но уже через некоторое время изменилась и стала протекать энергично и темпераментно.

Внезапно все исчезло из поля симулятора, экран очистился и все мгновенно изменилось. У ближнего края поля симулятора появились корабли, величественно переливаясь в голографическом свете симулятора — это были три корабля человеческого флота. Каждый нес в себе двенадцать истребителей.

Враг отреагировал на появление кораблей замысловатым боевым построением в форме сферы. Отдельный космический корабль располагался в центре. Но Эндера нельзя было сбить с толку — он вряд ли мог быть кораблем королевы. Баггеры превосходили силы Эндера в соотношении два к одному. Но их корабли оказались расположенными слишком близко друг от друга — было где разгуляться Доктору Устройств. Он мог нанести врагу гораздо больший вред, чем можно было ожидать.

Эндер выбрал один космический корабль и отметил его мерцанием, затем произнес в микрофон.

— Элай, это твой; назначь Петру или Влада стрелками, если считаешь нужным.

Он распределил другие два корабля, закрепил за конкретными лицами истребители, расположенные на кораблях. Один истребитель каждого корабля он зарезервировал для Боба.

— Отделись от корпуса и зависни под ними, Боб, пока они не начнут преследовать тебя — затем быстро убегай, отступай в безопасное место, иначе, иди в то место, которое я тебе укажу. Элай, сгруппируй свои боевые силы для проведения атаки в данной точке их сферы. Не открывай огонь без моего приказа. Это только маневр.

— По-моему, эта очень легкая, Эндер, — произнес Элай.

— Она легкая, но излишняя осторожность не помешает. Мне хотелось бы все провернуть без потерь.

Эндер сгруппировал свой боевой резерв в две ударные группы; это на время скрыло из вида Элая. Он со своими силами остался в тени; Боб уже находился за пределами поля симулятора, хотя Эндер случайно перешел на его поле видения, чтобы оценить ситуацию под этим углом зрения.

Однако именно Элай вел осторожную игру с врагом. Он выстроил свои силы фигурой, от-

даленно напоминающей пулю, и зондировал вражескую сферу. Лишь только он приближался, вражеские корабли втягивались внутрь сферы, стараясь вовлечь его в центр, к центральному кораблю. Если он отклонялся в сторону, корабли баггеров двигались за ним, но едва он устремлялся к ним, снова приближались к сфере.

Он имитировал ложную атаку, затем отдалялся, потом просто скользил вдоль поверхности сферы, переходя на новую позицию, снова отходил и опять делал вид, что бросается в атаку, и так много раз. Наконец Эндер не выдержал и произнес:

— Входи внутрь, Элай.

Его пуля двинулась внутрь, Элай сурово произнес.

— Ведь ты же знаешь, что они позволят пройти мне к самому центру, затем окружат и сожрут заживо.

— Просто игнорируй центральный корабль.

— Слушаюсь и повинуюсь, босс.

Уверенная, что ловушка сработала, вражеская сфера начала сжиматься. Эндер выдвинул вперед резерв; вражеские корабли сосредоточились в той стороне сферы, куда подходил резерв.

— Атакуйте там, где их больше всего скопилось, — скомандовал Эндер.

— Это бросает вызов всей военной истории, которой ныне четыре тысячи лет, — произнес Элай, направляя вперед истребители, — все время предполагалось, что атакуют там, где у нас, а не у врага, численное превосходство.

— Судя по этому симулятору, они не предполагают, какое у нас есть оружие. Оно может сработать лишь один раз. Но давай сделаем все как можно эффектнее. Стреляй, когда сочтешь, что пора.

Элай все исполнил. Симулятор ответил блестящим фейерверком. Сначала один-два, затем целая дюжина и под конец большинство вражеских кораблей взорвались, окрасив экран разноцветьем огней. Словно огненная гирлянда, всполохи взрывов перетекали от одного вражеского корабля к другому.

— Выходите из зоны огней, — сказал Эндер.

Корабли врага, расположенные в дальней части сферического образования, не были охвачены цепной реакцией взрывной волны, но их ничего не стоило уничтожить вручную. Боб позаботился, чтобы никто из врагов не ускользнул из окружения. Бой был окончен. Он был намного легче, чем многие их практические задания.

Мазер лишь пожал плечами, когда Эндер сказал ему об этом.

— Это было воспроизведение одного из боев реального нашествия. В его ходе была единственная битва, где баггеры не знали, на что мы способны. Теперь начнется твоя настоящая работа. Постарайся не слишком самонадеянно относиться к победам. Скоро я брошу тебе настоящий вызов.

Эндер десять часов в день уделял тренировкам с командирами эскадронов, но не со всеми сразу; лишь после обеда он давал им несколько часов отдыха. Битвы под руководством Мазера проводились каждые два-три дня, но как и обещал Мазер, они не были такими легкими. Враг быстро отказался от попыток окружить Эндера и больше не располагал свои силы слишком близко друг от друга, чтобы не допустить цепной реакции. Каждый раз очередная битва привносила что-то новое, с каждым разом враг оказывался все сильнее. Иногда в распоряжении Эндера был только один космический корабль с восьмью истребителями; в другой раз враг неожиданно появился с хорошо замаскированной подземной базы пустынного астероида; иногда враг оставлял весьма заурядные ловушки — большие устройства, которые мгновенно взрывались, как только один из истребителей Эндера подлетал слишком близко; в подобные ловушки попадались и

корабли Эндера, и те безжалостно калечили и ломали его флот.

— Ты не имеешь права позволять нанести тебе материальный ущерб, не имеешь права на какие-то ни было потери! — негодовал Мазер на Эндера после одной из битв. — Когда ты окажешься на настоящем поле боя, подобной роскоши в бесчисленном пополнении отряда истребителей тебе не представится. Ты окажешься с тем, что прибудет вместе с тобой, и никакого больше пополнения! Так что постарайся научиться сражаться без лишних потерь.

— А у меня нет глупых потерь, — ответил Эндер. — В конце концов, я не могу выиграть бой, если буду трястись за каждый корабль. Иначе я не могу позволить себе никакого риска.

Мазер улыбнулся.

— Блестяще, Эндер. Ты начинаешь что-то понимать. Но в реальном бою над тобой будет еще не один старший по званию, а что хуже всего — это то, что гражданские будут постоянно напоминать тебе об этом и кричать всюду о твоем транжирстве. А теперь смотри, если враг будет хоть мало-мальски умен, он прижмет тебя вот здесь и запрет эскадрон Тома.

Вместе они еще раз от начала до конца про-

шлись по битве, разбирая все положительные и отрицательные моменты. На следующей практике Эндер обязательно расскажет и покажет командирам эскадронов, чему учил его Мазер, так что все можно будет отработать уже в новом бою.

Они думали, что давно были ко всему готовы, они уже четко сложились как одна команда. Теперь, ввергнутые в лавину полуигровых, полуреальных битв, они начали еще больше доверять друг другу. Битвы стали проходить веселее. Его командиры как-то сказали Эндеру, что их игра не оставит равнодушным никого, даже черствый человек подобреет, глядя на совершенство их игры. Эндеру на мгновение показалось, что он окружен друзьями, которые шутят, смеются, радуются одним и тем же радостям. Иногда у него пробивалась мысль о сохранении необходимой дистанции и субординации, но чаще всего он всем сердцем стремился к истинной дружбе. Даже в те жаркие солнечные дни, валяясь на плоту, он не был столь одинок. Мазер Рекхем хотя и стал его компаньоном, но он был учителем, а не другом.

Хотя он ничего не говорил, Мазер сам еще раз напомнил ему, что у людей нет жалости, и его

личные переживания мало кого волнуют. Конечно, чаще всего они и для самого Эндера ничего не значили. Он сосредоточился на игре, пытаясь извлечь из нее максимум пользы. И не столько на самих уроках боев, сколько на том, что могли бы сделать баггеры, будь они немного умнее, и как он, Эндер, должен ответить на их выпады, если в будущем они сделают это. Он жил прошлыми и будущими боями, вставал и ложился с мыслями о битвах, устраивал для командиров эскадронов интенсивные учения и изнуряющую практику.

— Ты слишком добр к нам, — сказал однажды Элай, — неужели тебе не надоело быть самым лучшим и требовать от нас того же. Если ты и дальше будешь так нежить и нянчить нас, то ты точно — по уши в нас влюбился.

Некоторые не удержались и засмеялись. В микрофонах затрещало и послышалось веселое хихикание. Эндер, естественно, понял иронию и ответил затянувшейся паузой. Когда наконец он заговорил, то сделал вид, что не слышал насмешливых жалоб Элая.

— Повторить все снова, — сказал он, — и на этот раз без лишней жалости к себе.

Но если их вера в Эндера, как командующего, росла день ото дня, то их дружба, зародившаяся

еще в Школе Баталий, исчезала. Они стали ближе друг к другу, они научились доверять друг другу, но везде Эндер стоял особняком. Он был их командиром и учителем, и между ними пролегла невидимая пропасть. Требуемая дистанция субординации, точно такая же, как между ним и Мазером, стала настойчиво накладываться на их отношения.

Они дружно работали, и с каждым днем авторитет Эндера становился все выше, а дистанция все больше. Однако это не расстраивало Эндера.

Во всяком случае до тех пор, пока он не просыпался. Каждую ночь он засыпал с мыслями о симуляторе и боях. Но ночью их сменяли другие мысли. Часто он вспоминал тело Гиганта, почти сгнившее и разложившееся. Он помнил его по картинкам компьютера. Во сне же тело было настоящим. Запах смерти до сих пор витал возле него. Все вещи круто менялись в его снах. Маленькая деревушка, выросшая среди костей Гиганта, оказалась теперь населенной баггерами; они торжественно приветствовали его, как гладиаторы обычно приветствуют Цезаря, чтобы затем умереть ради его забавы. В своих снах он не ненавидел баггеров, и хотя он знал, что они прячут от него королеву, он не делал ничего, чтобы

найти ее. Он всегда очень быстро проходил мимо Гиганта и устремлялся к игровой площадке. Дети всегда оказывались уже там. Вечно насмехающиеся и скалящие зубы, они носили лица хорошо известных ему людей. Иногда Питера или Бонзо, иногда Стилсона или Бернарда. Хотя иногда среди диких созданий появлялись Элай, Шен, Динк или Петра, когда-нибудь один из них станет Валентиной. И в том сне он ударит ее, а затем оттащит к ручью, бросит в воду и будет ждать, пока она не утонет. Он потер ладонью о ладонь, стараясь унять дрожь. Он вытащит ее из воды, положит на плот. Там она останется лежать, глядя в небо пустыми, мертвыми глазами. Он станет рыдать и плакать над бездыханным телом, повторяя снова и снова, что это была только игра, игра. Он ведь просто играл!..

Мазер Рекхем усердно тряс его за плечо, и он, наконец, проснулся.

— Ты кричал во сне, — сказал он.

— Извини, — произнес Эндер.

— Не стоит, тем более пора — скоро очередной бой.

Темп обучения все возрастал. Теперь битвы проходили уже дважды в день, поэтому Эндер свел практику к минимуму. В то время, когда все

отдыхали, он еще и еще раз анализировал прошлые бои, пытаясь отыскать свои слабые места, пытаясь предугадать развитие событий. Иногда он был полностью готов и во всеоружии встречал новшества врага, а иногда был абсолютно не подготовлен к ним.

— По-моему, ты жульничаешь, — сказал однажды Эндер Мазеру.

— Да?

— Ты следишь за моей практикой с командирами эскадронов. Ты видишь, над чем я работаю. Кажется, ты готов ко всему, что я делаю.

— Большинство того, что ты видишь, — это просто компьютерные воспроизведения, — ответил Мазер. — Компьютер запрограммирован таким образом, что начинает использовать и отвечать на все наши новшества лишь после того, как они были применены в боях.

— Тогда жульничает компьютер.

— По-моему, тебе следует больше спать, Эндер.

Но он не мог спать. Каждую ночь он все дольше и дольше не мог уснуть, а его сон все меньше приносил отдыха и расслабления. Или он специально будил себя, чтобы побольше думать об игре или чтобы избежать навязчивых снов, он еще не понял. Было такое ощущение, что кто-то ру-

ководил его сном, намеренно будил в нем самые мерзкие воспоминания, оживлял их, превращая в реальность. Ночи становились такими яркими и так походили на реальность, что рядом с ними тускнели дни. Он начал не на шутку волноваться, что не сможет ясно думать и быстро соображать во время игры, что усталость рано или поздно свалит его. Всегда, лишь только начиналась игра, ее напряжение снимало сон, как рукой. Он все больше задумывался: заметит ли он то, что его мыслительная способность ослабевает.

Казалось, он сам понемногу слабел. Теперь не было ни одной битвы, где бы он не потерял хотя бы несколько истребителей. Несколько раз врагу удавалось обмануть его и подвергнуть большей опасности, чем он мог ожидать; в других случаях враг поражал его своим мастерством, и его победы оказывались во многом следствием счастливой случайности, нежели мудрой стратегии. Мазер будет просматривать и анализировать его действия с нескрываемым презрением на лице.

— Посмотри сюда, — наверняка скажет он, — тебе не следовало делать этого.

А Эндер будет продолжать занятия с командирами эскадронов, хотя иногда он воздержится от разочарований вслух по поводу их неумелости

и ошибок.

— Иногда мы делаем ошибки, — прошептала Петра в микрофон.

Это была мольба о помощи.

— А иногда нет, — ответил ей Эндер.

Если она и найдет помощь, то только не от него. Он будет учить ее; предоставит все возможности обрести друзей среди других.

А затем был знаменательный бой, окончившийся полной катастрофой. Петра завела свои силы слишком далеко. Они оказались брошенными на произвол судьбы, а она обнаружила это в тот момент, когда Эндера не было рядом с ней. В одно мгновение она потеряла почти все свои боевые единицы — два космических корабля. Эндер вскоре обнаружил это и приказал ей двигаться назад, к ним, придерживаясь центрального направления; однако она не ответила. И никакого движения. Еще минута, и она бы потеряла последние два истребителя.

Эндер сразу понял, что слишком много свалил на ее плечи — из-за ее одаренности и гениальности он слишком часто возлагал на нее ответственные задачи, оставлял ее один на один со сложнейшими боевыми проблемами, заставлял работать в более тяжелых условиях, чем других.

Но у него не было времени жалеть Петру или прочувствовать всю тяжесть вины за совершенное с ней. Он приказал Безумному Тому принять командование двумя оставшимися истребителями и отключился, сосредоточившись на спасении битвы. Петра занимала ключевую позицию, с ее потерей стратегический план Эндера летел к чертям. Эндер неминуемо бы проиграл, если бы враг не бросился на перехват инициативы, забыв обо всем на свете. Но Шен сумел заманить небольшое формирование врага в ловушку, в результате они сгрудились в одном месте; и через секунду цепная реакция Доктора Устройств превратила их в пыль. Безумный Том бросил два выживших истребителя в самую гущу вражеских кораблей, вызвав хаос и панику. Летающий Моло, видя, что Шен и Том со своими эскадронами изрядно пострадали, во время взял инициативу в свои руки и довел дело до победы, уничтожив оставшиеся вражеские корабли.

В конце боя Эндер услышал плачущий голос Петры, пытающейся прорваться к микрофону. Она кричала сквозь слезы и рыдания.

— Скажите ему, что я прошу прощения. Я так устала, что совсем ничего не соображала. Нашла какая-то тупость. Скажите, передайте Эндеру, что

я прошу прощения.

Некоторое время она не посещала практику, затем снова объявилась. Теперь она не была такой сообразительной и быстрой. Многие ее достоинства, как хорошего командующего, просто исчезли. Эндер не мог использовать ее дальше элементарных, ничего незначащих ситуаций. Она была далеко неглупой и знала, что произошло. Она также знала, что у Эндера нет выбора и сказала ему об этом.

Факт, что она сломалась, был налицо, но она не хотела быть обузой, быть самым слабым командиром эскадрона. Это было своеобразным предупреждением — он не должен взваливать на плечи командиров больше того, что они в состоянии выдержать. Теперь вместо того, чтобы использовать командиров в тех ситуациях, где требуется их опыт и знания, он должен был держать в голове и то, как часто они сражались. Он должен был беречь их, а это означало, что иногда ему приходилось вести бой с теми командирами, которым он ослаблял давление, усиливая давление на самого себя.

Однажды ночью он проснулся от боли. По подушке расплылись пятна крови, неприятный привкус крови стоял во рту. Его руки дрожали.

Ему приснилось, что он с жадностью глодал свою руку. Кровь до сих пор вяло текла по руке.

— Мазер! — в ужасе заорал он.

Рекхем тотчас проснулся и сразу послал за доктором.

Когда доктор обработал рану, Мазер сказал:

— Эндер, я никогда не следил, много ли ты ешь. Но самоедство — это уже слишком, даже для нашей школы.

— Я во сне, — сказал Эндер, — я совсем не хотел освободиться из Школы Командующих.

— Отлично.

— А другие? Те, у которых ничего не получалось.

— Ты о чем?

— Ну, кроме меня? Другие ученики, которые не стали командующими, которые не выдержали тренировок и обучения. Что стало с ними?

— Они не стали больше учиться. И все. Мы не наказываем тех, кто проиграл. Просто они покидают нас и все.

— Как Бонзо?

— Бонзо?

— Он уехал домой.

— Нет, не как Бонзо.

— Тогда что? Что с ними стало? На чем они

сломались?

— А это имеет какое-либо значение, Эндер?

Эндер не ответил.

— Никто из них, конечно же, не сломался именно в этом месте, Эндер. Ты допустил ошибку с Петрой. Но она оправится и восстановит утраченные навыки. Однако Петра — это Петра, а ты — это ты.

— Какая-то часть меня — это она. Ведь в чем-то и она помогла мне сложиться.

— Ты не потерпел неудачи, Эндер. Так что рано впадать в истерику. У тебя были промахи, но ты всегда выигрывал. Ведь ты даже не знаешь, когда достигнешь своего потолка. Но даже если ты его достигнешь, то ты уже можешь считать себя гениальным обжорой. Гениальнее, чем я думал.

— Они умерли?

— Кто?

— Те, кто потерпел неудачу.

— Господь с тобой, мальчик. Они не умерли. Что за глупые мысли.

— Я думаю, что Бонзо умер. Прошлую ночь я видел сон. Я хорошо помню его лицо, когда я врезался в него головой с разбегу. Полагаю, его нос должен был вывернуться в обратную сторону, впечататься прямо в мозг. Кровь брызнула из его

глаз. Я думаю, он уже тогда был мертв.

— Это был просто сон.

— Мазер, мне не нравятся подобные сны. Я уже боюсь уснуть. У меня в голове постоянно крутятся воспоминания, о которых я хочу забыть. Вся моя жизнь идет как-то не так. Иногда мне кажется, что я записывающее устройство, и кто-то очень заинтересован, чтобы я постоянно помнил о самых ужасных моментах моей жизни.

— Мы не даем тебе наркотиков и не подсыпаем яд, можешь на это надеяться. Я могу лишь сожалеть, что тебя мучают по ночам кошмары. Может оставим на ночь включенным свет?

— Прекрати смеяться надо мной! — закричал Эндер. — Я боюсь, что схожу с ума.

Доктор закончил перевязку. Мазер разрешил ему идти. Он вышел.

— Ты действительно боишься этого? — спросил он.

Эндер задумался и засомневался.

— В своих снах, — сказал Эндер, — я не могу понять: я ли это на самом деле.

— Странные сны, Эндер, — это всего лишь безопасный, предохранительный клапан. Впервые в твоей жизни на тебя оказано немного давления. Твое тело само ищет пути компенсировать подоб-

ное состояние, вот и все. Ты ведь уже большой. Пора перестать бояться ночной темноты.

— Ладно, — произнес Эндер.

Он решил, что никогда больше не расскажет Мазеру о своих снах.

Дни шли своим чередом, каждый день проводились битвы, пока наконец Эндер не впал в отчаяние. Пошел явный процесс разрушения. У него начало сводить челюсти, они ныли от боли. Они посадили его на щадящую диету, но вскоре он вообще ко всему потерял аппетит.

— Ешь, — приказывал Мазер, и Эндер начинал механически глотать пищу. Но если бы никто не сказал ему «ешь», он не прикоснулся бы к еде вообще.

Еще два командира эскадрона сорвались и вышли из строя подобно Петре. Бремя нагрузки тяжелым грузом свалилось на плечи оставшихся. Теперь враг все время превосходил четыре к одному; кроме того враг легко ко всему приспосабливался, это очень осложняло выработку тактики. Враг стал умнее, и битвы продолжались все дольше и дольше. Иногда битвы продолжались часами, прежде чем удавалось уничтожить последний вражеский корабль. Эндер начал сменять командиров эскадронов прямо во время боя,

ставя отдохнувших и свежих на место уставших и тех, кто начал отключаться.

Иногда битвы продолжались часами, прежде чем удавалось уничтожить последний вражеский корабль. Эндер начал сменять командиров эскадронов прямо во время боя, ставя отдохнувших и свежих на место уставших и тех, кто начал отключаться:

— А ты знаешь, — сказал ему однажды Боб, эта игра совсем не такая смешная, как надлежит быть игре.

Однажды в ходе практики с командирами подразделений комната неожиданно погрузилась во мрак и все исчезло. Он очнулся на полу, все его лицо было в крови. Это был обморок.

Они уложили его в кровать. Он болел целых три дня. Он помнил, что во сне видел какие-то лица, но это были не реальные люди. Он знал это, даже не вглядываясь в них. Иногда среди странных лиц мелькало лицо Валентины, иногда Питера, иногда его друзей по Школе Баталий. Но чаще это были баггеры, препарирующие его. Один раз видение показалось ему особенно четким — он увидел склонившегося над ним полковника Граффа. Он что-то нежно нашептывал ему, словно любящий отец. Но когда он проснулся, то

обнаружил только своего врага, Мазера Рекхема.

— Я проснулся, — сказал Эндер.

— Вижу, — ответил Мазер. — Ты слишком долго спал. Приведи себя в порядок. Сегодня будет очередной бой.

Эндер поднялся, начал сражение и выиграл его. Второй битвы в тот день не предполагалось, и ему было разрешено лечь спать пораньше. Его руки тряслись и плохо слушались, когда он раздевался.

Ночью ему приснилось, что кто-то нежно прикоснулся к нему. В руках чувствовалась твердость и ласка одновременно. Его сонную голову заполнили голоса.

— Ты не был слишком добр к нему.

— Это не было предусмотрено предписанием.

— Сколько это уже длится? Он почти сломлен.

— Достаточно долго. Но мы почти у финиша.

— Скоро?

— Через несколько дней. Тогда для него все кончится.

— Но как он все сможет вынести в таком состоянии?

— Он прекрасно справится. Даже сегодня он сражался лучше, чем всегда.

В его сне голоса принадлежали полковнику

Граффу и Мазеру Рекхему. Но таковы сны, они любое безумие могут превратить в реальность. Поскольку даже во сне он желал этого, один из голосов произнес:

— Я не могу больше видеть, как он мучается.

А другой голос ответил:

— Я знаю, я тоже люблю его.

Затем они превратились в голоса Валентины и Элая. В его сне они хоронили его. Над его телом высился холм. Скоро он сгниет и превратиться в дом для баггеров, подобно Гиганту.

Все это лишь сонные мечты. Любят ли его, жалеют ли.

Все это лишь сны.

Он снова проснулся, провел новый бой и вновь выиграл. Затем лег в постель и уснул. Потом опять проснулся и победил. Снова уснул. Он уже плохо различал: где реальность, а где сон. Хотя это мало заботило его.

Следующий день был последним его днем в Школе Командующих, хотя он еще не знал об этом. Когда он проснулся, Мазера Рекхема не было в комнате. Он принял душ, оделся и стал терпеливо ждать, когда Мазер появится и отопрет дверь. Но он все не шел. Эндер подергал дверь.

Та оказалась открытой.

Было ли это случайностью или Мазер пожаловал ему свободу нынешнем утром? И никого возле него не будет, чтобы подгонять его, говорить, что он должен есть, что ему пора на практику или спать. Свобода. Долгожданная полная свобода. Беда только в том, что он не знает, что с ней делать. Ему пришло в голову, что хорошо бы найти своих командиров эскадронов и поговорить с ними с глазу на глаз, но он не знал где они. Они находятся где-то за двадцать километров отсюда, это все, что он знал о них. Поэтому, поблуждав вдоволь по лабиринту туннелей, он пришел в столовую. Там он неожиданно для себя подсел к двум матросам, травившим непристойные байки, и съел завтрак. Эндер не мог понять пошлого юмора матросов и не стал засиживаться. Поднявшись, он направился в комнату со стимулятором. Он хотел попрактиковаться. Обретя свободу, он не знал, чем другим можно еще занять себя.

Мазер ожидал его возле стимулятора. Эндер медленно прошел по комнате. Его слегка покачивало, он вновь почувствовал себя больным и усталым.

Мазер неодобрительно оглядел его.

— Ты проснулся, Эндер?

В комнате находились и другие люди. Эндер

удивился, зачем они здесь, но промолчал. Он на опыте знал, что бесполезно задавать вопросы; все равно никто не ответит на них. Он подошел к пульту стимулятора и сел возле него, готовый начать бой.

— Эндер Виггин, — сказал Мазер. — Пожалуйста, оглянитесь вокруг, сегодняшняя игра требует кой-каких объяснений.

Эндер обернулся. Он равнодушно оглядел людей, сгрудившихся возле дальней стены комнаты. Большинство из них ему не доводилось раньше встречать. Некоторые из них были одеты в гражданскую одежду. Он узнал Андерсона и улыбнулся его присутствию здесь, подумав, на кого тот оставил Школу Баталий. Там же был и Графф. Глядя на него, он вспомнил теплые воды озера и сочную зелень лесов Гринсборо. Он тут же захотел домой. Отведи меня домой, мысленно молил он Граффа. В моих снах ты говорил, что любишь меня. Отвези меня домой.

Но Графф лишь сурово кивнул ему; лишь сухое приветствие и никаких обещаний. Андерсон вообще делал вид, что с ним не знаком.

— Обрати, пожалуйста, внимание, Эндер. Сегодня твой последний заключительный экзамен в Школе Командующих. Эти наблюдатели бу-

дут оценивать то, чему ты научился. Если ты волнуешься или предпочитаешь, что бы их не было в комнате, они будут следить по другому симулятору.

— Они могут остаться.

Заключительный экзамен. Отлично. Возможно завтра ему дадут отдохнуть.

— Сегодня мы проведем справедливый беспристрастный тест твоих способностей, но не на то, что ты отработал сотни раз. В сегодняшней битве на ряду с тем, что ты уже видел, будут введены некоторые новшества. Действие будет происходить вокруг планеты. Это заставит врага изменить тактику, да и тебе придется попотеть. Пожалуйста, сосредоточься на сегодняшней игре.

Эндер подошел к Мазеру почти вплотную и спокойно спросил:

— Я первый из твоих учеников, который зашел так далеко?

— Если ты победишь сегодня, Эндер, ты станешь первым и единственным. Остального я не могу тебе сообщить. У меня нет на это права.

— А у меня есть полное право услышать об этом.

— Ты можешь обижаться и злиться сколько

тебе угодно, но завтра, хорошо? Сегодня я хотел бы, чтобы ты сосредоточился и отдал все силы экзамену. Не дай себе растерять все то, что ты нажил таким трудом. Так что ты предпримешь с планетой?

— Я пошлю кого-нибудь на разведку вокруг орбиты, не люблю действовать вслепую.

— Все верно.

— А если гравитация станет воздействовать на уровень топлива и горючего, то, пожалуй, лучше понизить ее, чем поднять.

— Да.

— Маленький Доктор может поразить планету?

Лицо Мазера застыло.

— Эндер, ни в одном из нашествий баггеры никогда не нападали на гражданское население. Тебе нужно хорошенько подумать, мудро ли использовать данное оружие в ситуации, которая может обернуться репрессалией.

— Планета будет единственным новшеством?

— А ты помнишь хотя бы одну битву, где бы было только одно новшество. Позволь мне еще раз заверить тебя, Эндер, что сегодня этого тоже не произойдет. Я несу полную ответственность перед всем флотом и не позволю выпустить вто-

росортного командующего. Я брошу против тебя весь свой талант; все, на что я только способен. У меня нет намерения щадить или подыгрывать тебе. Тебе следует сложить в уме все то, что знаешь о себе и о баггерах, тогда у тебя появится шанс справиться с ситуацией.

Мазер вышел из комнаты.

— Эндер одел шлем и произнес в микрофон:

— Все на месте?

— Как штыки, — ответил Боб, — что-то поздновато для утренней практики, долго спишь, а Эндер?

Значит они не предупредили командиров эскадронов. Эндера распирало желание разделить с ними всю важность сегодняшнего боя, но затем он решил, что от этого будет мало пользы, лишь лишние волнения и нервотрепка.

— Простите, — сказал он, — я проспал.

Они засмеялись — никто не поверил ему.

Он провел с ними серию маневров в качестве разминки перед боем. Сегодня он потратил больше времени, чтобы сосредоточиться на командовании, избавиться от посторонних мыслей. Но скоро он обрел нужную форму, быстроту реакции и трезвость ума. Или, по крайней мере, убедил себя в этом, полагая, что обрел.

Экранное поле симулятора очистилось. Эндер стал ждать начала игры. Что произойдет, если сегодня я сдам экзамен? Еще пара лет изнуряющих тренировок, очередной год изоляции; год, когда его жизнь не зависит от него самого и нет ничего — только люди, толкающие на этот путь или на тот? Он попытался вспомнить, сколько ему сейчас лет. Одиннадцать. А сколько лет прошло с тех пор, как ему стукнуло одиннадцать? Сколько дней? Должно быть это случилось уже здесь, в Школе Командующих, он не мог вспомнить точно. Возможно, он даже и не заметил, что стал взрослее. Никто не заметил этого, кроме Валентины.

А пока тянулись томительные минуты ожидания, он всем сердцем желал проиграть эту битву, потерпеть позорное поражение, и может тогда они освободят его от тренировок и отправят домой. Он хотел вновь оказаться в Гринсборо. Успех означал надежду на посещение полюбившегося места, провал — отправку домой.

Нет, все неправда, убеждал он себя. Они нуждаются во мне. И если я потерплю фиаско, то, возможно, вообще некуда будет возвращаться.

Но он сам себе не верил. Его сознание твердило, что это правда, но в других местах — глубин-

ных закоулках его существа, он сомневался, что нужен им. Назойливость Мазера — всего лишь очередной трюк. Очередной способ заставить его сделать то, что им нужно. Очередная уловка, чтобы не дать ему отдохнуть, не дать побездельничать.

Как только появились вражеские формирования, разочарования Эндера обернулись полным отчаянием.

Враг превосходил его в отношении тысячи к одному. Экран симулятора окрасился в зеленый свет от кишащей вражеской массы.

Они шли самыми разнообразными группировками. Постоянно меняли передовую линию, передовой рубеж кораблей. Казалось, экранное поле симулятора до отказа заполнено вражескими силами. Те места, которые мгновение назад были пустыми, в следующий миг заполнялись очередной группировкой противника. Эндеру не оставалось ни единого свободного кусочка, куда бы он мог вклиниться. Планета маячила в дальнем углу экрана. Все что мог предполагать Эндер — так это то, что там вражеских кораблей еще больше, чем в экранном поле симулятора.

Что касается его собственного флота, то он состоял из двадцати кораблей, с четырьмя ис-

требителями на борту каждый. Он отлично знал подобные четырех-истребительные корабли — это были давно устаревшие модели, крайне неповоротливые и неуклюжие, кроме того Маленький Доктор, которым они были вооружены, обладал лишь половиной мощности новых моделей. Восемьдесят истребителей против, по крайней мере, пяти тысяч, а может и десяти тысяч вражеских кораблей.

Он услышал, как тяжелый вздох его командиров эскадронов прокатился по эфиру; он так же уловил недоумение и шепоток удивления со стороны наблюдателей. Было приятно узнать, что хоть кто-то из взрослых тоже заметил, насколько «справедлив» данный экзамен. Не то, чтобы это имело для него какое-то значение, подобная несправедливость давно перестала быть игрой, это был хорошо продуманный план. Они не попытались даже предоставить ему хоть малый шанс на победу. Все, что я наработал — летит к чертям, они вообще не хотят, чтобы я сдал этот экзамен.

В его мозгу промелькнул образ Бонзо с его маленькой, жаждущей крови бандой, которая готова была разорвать его. Тогда ему удалось пристыдить Бонзо и вызвать на поединок один на один. Едва ли подобное может сработать в

данной ситуации. Он вряд ли мог удивить врага и своими сверхординарными способностями, как в комнате Баталий со старшими мальчиками. Мазер хорошо знал возможности Эндера. Он изучил их вдоль и поперек.

Наблюдатели начали нервно покашливать и прохаживаться. Они начали понимать, что Эндер в замешательстве и не знает, что предпринять.

Меня это больше не волнует, подумал Эндер. Можете сами играть в свои игры. Если вы не оставили мне ни единого шанса, зачем я буду вообще начинать игру?

Все как тогда, в Школе Баталий, когда они выставили против меня сразу две армии.

В тот момент, когда он вспомнил ту битву, возможно и Боб подумал о ней. Его голос насмешливо звучал в микрофоне.

— Вспомни, вражеская калитка внизу.

Моло, Суп, Влад, Дампер и Безумный Том дружно рассмеялись. Они тоже, безусловно все вспомнили.

Эндер тоже улыбнулся. Это было смешно. Взрослые относились ко всему слишком серьезно, а дети играли и играли до тех пор, пока взрослые не заходили слишком далеко, не уставали, и дети не начинали понимать всей подоплеки их игры.

Забудь обо всем, Мазер, меня мало волнует, сдам я экзамен или нет. Мне безразлично нарушу, я твои правила или нет. Если ты решил обмануть меня, что ж, давай, я отвечу тебе тем же. Я не позволю одолеть меня нечестным путем — я первый уничтожу тебя твоим же оружием.

В последнем бою в Школе Баталий он одержал победу, так как полностью игнорировал врага, не обращал внимание на свои потери; он, не взирая ни на что, нацеленно шел к вражеским воротам.

А ворота врага были внизу.

Если я нарушу это правило, они никогда не позволят мне стать командующим. Это будет слишком опасно. Я больше никогда не буду играть в их игры. Это будет настоящая победа.

Он что-то быстро зашептал в микрофон. Его командиры приняли под свое командование боевые части и сгруппировались в некое подобие толстого снаряда, нацеленного на ближайшее формирование врага. Враг приветствовал такое начало, даже не пытаясь отражать атаку. Они рассчитывали заманить Эндера в ловушку, прежде чем уничтожить. Мазер, по крайней мере, взял в расчет тот факт, что они научились уважать меня, думал Эндер. Это позволит мне выиграть время.

Эндер изворачивался и уклонялся то вниз, то к северу, то к востоку, затем снова вниз. Казалось он совершал хаотические маневры, неподчиненные никакому плану. Однако у них была цель — как можно ближе подойти к вражеской планете. Наконец враг стал от него совсем близко. Неожиданно формирование Эндера взорвалось. Весь его флот превратился в мелкие осколки. Создавалось полное впечатление, что восемьдесят истребителей существуют сами по себе и без всякого плана беспорядочно палят по вражеским кораблям.

После нескольких минут подобной неорганизованной битвы, Эндер что-то снова прошептал в микрофон. Внезапно уцелевшие истребители вновь объединились в формирование. Но теперь они оставили позади основные силы противника; ценой огромных потерь они прошли сквозь вражеские массы — теперь до планеты противника осталось ровно половина первоначальной дистанции. Теперь враг увидит, думал Эндер. Безусловно, Мазер поймет, что я задумал.

Или, возможно, Мазер не поверит, что мне это удастся. Что ж, тем лучше для меня. Редеющий флот Эндера упорно шел к своей цели. Каждый раз два-три истребителя разлетались в разные стороны, симулируя атаку, затем снова присо-

единялись к основным силам. Вражеское кольцо боевых кораблей и формирований сжималось вокруг Эндера. Большинство вражеских сил сосредоточилось над Эндером, обрезая ему путь в космос. Враг приближался. Прекрасно, думал Эндер. Ближе. Еще ближе.

Затем он прошептал очередную команду, и корабли, словно камни, устремились к поверхности планеты. В распоряжении Эндера были корабли и истребители, абсолютно не приспособленные к ведению боя в около планетной атмосфере. Но Эндер и не планировал входить в атмосферный слой планеты. С того момента, как они начали падение, они сфокусировали своих Маленьких Докторов на одной вещи. На самой планете.

Один, два… четыре… семь его истребителей взорвались. Операция была очень рискованной, все истребители Эндера могли быть уничтожены. Однако потребовалось не так уж много времени, чтобы взять прицел на саму поверхность планеты. Только тут до Эндера дошло, что в компьютер, возможно, не заложена соответствующая программа и он не сможет отразить, что произойдет после атаки Маленьким Доктором. А что я должен буду делать потом? Кричать — эй, вы там, живы ли?

Эндер убрал руки с пульта и отклонился, чтобы лучше видеть, что произойдет. Теперь вражеская планета занимала почти все экранное поле симулятора. Один из космических кораблей Эндера вошел в атмосферу планеты и начал воздействие на гравитационное поле. Теперь Эндер не сомневался, цель была в зоне досягаемости.

Поверхность планеты, наполовину занимавшая экранное поле симулятора запузырилась и закипела, сотни взрывов подняли пыльные бури. Эндер пытался представить, что происходит внутри планеты. Поле охвата все расширялось. Молекулы начали распадаться на части, однако в условиях космоса эти частицы не могли соединиться.

За какие-то три секунды вся планета разлетелась на мелкие кусочки, превратившись в облако блестящей кружащейся пыли. Истребители Эндера одними из первых вышли из зоны взрывов, ускользнув из поля видения симулятора. Теперь на его экране были видны лишь корабли, ожидающие вдали от опасной зоны. Вражеские силы оказались приближенными ровно настолько, насколько и ожидал Эндер. Поле, возникшее вследствие взрыва планеты, все больше разрасталось и враг уже не мог избежать грозящего

уничтожения. Маленький Доктор нес неминуемую смерть. Смертоносная волна захватывала каждый корабль, превращая его в блестящий пыльный ком.

Лишь к самому краю обзора симулятора поле М.Д. ослабло, и два-три вражеские корабля рванули в открытый космос. Но каким бы ни был быстроходным вражеский флот без планеты, которую они защищали, уже ничто не имело значения. Облако переливающейся пыли начало сжиматься и рассеиваться. В его центре очевидно повысилась температура и возникло огненное свечение. Теперь в том месте, где была планета, осталось лишь сияющее в дымке пыли крошечное солнце, которое через несколько мгновений грозило погаснуть навсегда.

Эндер снял шлем, наушники гудели от веселого гомона и радостных возгласов командиров эскадронов. Только теперь Эндер заметил, какой шум стоит в комнате. Суровые люди в военной форме со слезами на глазах обнимали друг друга, смеялись и шутили; кое-кто сидел на полу, а некоторые в изнеможении лежали, не скрывая своего состояния, кто-то неистово молился. Эндер в недоумении смотрел на эту сцену. Что-то было явно не так, но он не мог понять что именно. Они

должны были злиться.

Полковник Графф отделился от полубезумной массы наблюдателей и подошел к Эндеру. Он улыбался, а по его лицу текли слезы. Он встал на колени, протянул руки и к полному удивлению Эндера крепко обнял его. Задержав его в своих объятиях он прошептал:

— Спасибо, спасибо тебе, Эндер. Благодарю Бога за то, что послал нам тебя, Эндер.

Вскоре к нему присоединились другие. Они жали ему руку, трясли за плечи и наперебой поздравляли его. Эндер уже явно устал от попыток что-либо понять. Означает ли это, что он все-таки сдал злосчастный экзамен? Это была его победа; его, а не их. Это была просто победа — победа любой ценой и все. Почему же они ведут себя так, будто он одержал блестящую, достойную всякого уважения и почета победу?

Толпа наблюдавших раздвинулась и в образовавшемся проходе появился Мазер Рекхем. Он шел прямо на Эндера, раскрыв руки для объятий.

— Тебе достался крепкий орешек, Эндер, и ты выбрал трудный путь к победе. Все или ничего. Конец им или конец нам. Но только господь знает: был ли иной способ. Поздравляю. Ты разбил

их начисто. Теперь им конец.

Конец. Окончательная победа. Эндер опять ничего не понимал.

— Я разбил тебя.

Мазер улыбнулся. Громовой хохот запомнил комнату.

— Эндер, ты никогда не играл против меня. Ты никогда не играл в игры с тех пор, как я стал твоим врагом.

Если это была шутка, то юмор оказался слишком тонким для понимания Эндера. Он сыграл слишком много партий, и ему дорого доставались победы. Он начал злиться.

Мазер мягко дотронулся до его плеча. Эндер нетерпеливо отбросил его руку. Лицо Мазера стало вновь суровым и серьезным.

— Эндер, последние месяцы ты был боевым командиром всего нашего флота. Настоящим Командующим. Это было Третье Нашествие. Игры не были играми. Это были настоящие бои, в которых единственным твоим врагом были баггеры. Ты выиграл каждую битву, а сегодня ты начисто разбил их у себя дома. Именно там находилась королева, находились все королевы их колоний, и ты полностью уничтожил их. Они больше никогда не нападут на нас. Ты сделал это. Ты.

Значит все на самом деле. Не игра. Мозг Эндера слишком устал, чтобы переварить подобную информацию. Значит это были не просто схематические блестящие точки — это были настоящие вражеские корабли. Он вел настоящие бои и уничтожал врага. Он взорвал из мирок. Он молча двинулся сквозь толпу поздравляющих, расталкивая их, игнорируя их похвальбы и рукопожатия. Добравшись до своей комнаты, он сорвал с себя одежду, рухнул на кровать и, укрывшись с головой одеялом, провалился в сон.

* * *

Эндер проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Потребовалось довольно много времени, чтобы он врубился. Графф и Рекхем. Он демонстративно повернулся к ним спиной. Дайте, наконец, поспать.

— Эндер, нам нужно поговорить с тобой, — тормошил его Графф.

Эндер повернулся.

— Они там, на Земле, весь день и всю ночь крутят видеозапись вчерашней битвы.

— Вчерашней?

Значит он проспал целый день.

— Ты — герой, Эндер. Они увидели, что ты сде-

лал, ты и другие. Я думаю, на Земле не найдется ни одного правительства, которое не удостоит тебя самой высшей награды.

— Я ведь их всех убил, так? — спросил Эндер.

— Всех, это кого? — переспросил Графф, — баггеров? Я так полагаю.

Мазер наклонился над ним.

— Именно для этого существуют войны, — произнес он.

— Всех их королев. Значит я уничтожил всех их детей, все живое их мира.

— Они должны были думать об этом, когда нападали на нас. Это не твоя вина. Все это должно было случиться.

Эндер ухватился за одежду Мазера и с силой потянул его вниз, к себе, чтобы оказаться лицом к лицу.

— Я совсем не хотел убивать их. Я не хотел вообще никого убивать! Я — не убийца! Вам нужен был не я; вам, ублюдкам, нужен был Питер. Но вы заставили меня сделать это, вы обманом втянули меня в грязное убийство!

Он совсем потерял над собой контроль и разрыдался.

— Конечно же, нам пришлось обмануть тебя, чтобы вовлечь в дело. Но в этом заключалась вся

суть проблемы, — сказал Графф. — Нам пришлось пойти на обман, иначе ты бы никогда не сделал этого. Мы все оказались связанными данными обязательствами. Нам нужен был командующий, который мог бы думать как баггеры, мог хорошо понимать их и предвидеть их действия. Он должен быть сострадающим и тем самым снискать любовь чиновников и мелких сошек, и в то же время оставаться дееспособной машиной, такой же первоклассной, как сами баггеры. Но любой с подобным чувством сострадания не смог бы стать убийцей, не смог бы стать таким, каким он нужен нам. Он не мог бы, очертя голову, ринуться в бой и добиваться победы любой ценой. Если бы ты знал всю правду, ты не смог бы всего этого совершить. А если бы ты оказался человеком, который при любых обстоятельствах справился с подобной задачей, ты бы никогда не смог понять баггеров!

— И оставаться ребенком, Эндер, — добавил Мазер. — Ты оказался быстрее и сообразительнее меня. Лучше меня. Я стал слишком старым и осторожным. Любой славный парень, познавший, что такое война, уже никогда не вступит в бой с открытым сердцем. Но ты ничего не подозревал. Мы были абсолютно уверены в этом. Ты был безрассудным, молодым и талантливым. Именно

для этого ты был рожден.

— Но ведь кораблями управляли люди, пилоты, разве не так?

— Да.

— Я приказывал пилотам идти и умирать, а сам даже не знал об этом.

— Но они знали, Эндер. Они в любом случае исполнили бы свою миссию до конца. Они понимали, за что умирают.

— Но вы даже не спросили меня! Вы все время скрывали от меня правду.

— Ты должен был стать оружием, Эндер. Подобно ружью, подобно Маленькому Доктору, который никогда не знает осечки, даже не догадываясь о целях. Мы нацеливали тебя. Мы за все в ответе. Если бы случилось что-то непоправимое, вина бы легла на наши плечи.

— Расскажите мне обо всем позже, — сказал Эндер.

Его глаза снова закрылись.

Мазер Рекхем отчаянно затряс его за плечо.

— Не спи, Эндер, — говорил он, — нам нужно сказать тебе кое-что важное.

— Но вы ведь уже закончили со мной, — пробубнил Эндер сквозь сон, — так оставьте меня в покое.

— Но именно за этим мы и здесь, — сказал Мазер. — Мы пытаемся тебе рассказать обо всем. Они не все за тебя. Земля сошла с ума. Они помешались. Они собираются начать новую войну. Американцы, предъявляющие претензии Варшавскому Договору, вот-вот бросятся в атаку. А Варшавский Пакт аналогичные требования предъявляет Гегемону. Еще не прошло и двадцати четырех часов с момента окончания войны с баггерами, а мир уже снова готов воевать и грозит развязать еще более жестокую войну. И всех их волнуешь ты. Все они просто жаждут тебя. Великий полководец нашей истории, они хотят, чтобы ты возглавил их армии. Американцы. И Гегемон. Все, кроме Варшавского Договора, те хотят видеть тебя мертвым.

— Это самое лучшее для меня, — сказал Эндер.

— Мы хотим увезти тебя отсюда. Вокруг Эроса полно русских матросов. Да и сам Полимарт — русский. Все это может превратиться в кровавую резню.

Эндер снова отвернулся от них. На этот раз они не протестовали. Однако, он не уснул. Он внимательно слушал продолжения разговора.

— Я боялся этого, Рекхем. Ты слишком сильно нажал на него. Некоторые из отдаленных малень-

ких поселений могли бы и подождать. Ты должен был дать ему отдохнуть хоть несколько дней.

— А разве ты не приложил к этому руки, Графф? Пытаясь решить, каким способом мне лучше это осуществить. Ты не знал, что может произойти, если ослабить напряжение. Никто ничего не знал. Поэтому я все сделал, как считал нужным, и это сработало, несмотря ни на что. Запомни подобную тактику, Графф. Возможно, она тебе тоже пригодиться.

— Прости.

— Я видел, что с ним творили. Полковник Лайкай сказал, что у него были все шансы окончательно сломаться, но я не верил в это. Он очень вынослив. Победы означали очень многое для него, почти все, и он побеждал.

— Не говори мне о силе и выносливости. Ребенку всего одиннадцать. Дай ему отдохнуть, Рекхем. Атмосфера еще не так сильно накалена. Мы выставим дополнительную охрану с наружной стороны дверей.

— А заодно возле некоторых других дверей, чтобы все думали, что он именно там.

— Хорошо.

Они вышли. Эндер снова уснул.

* * *

Время шло, не касаясь Эндера. Лишь часовой бой изредка вторгался в его сон. Однажды он проснулся от того, что что-то пережало его руку, затем что-то надавило на нее, и руку пронзила острая боль. Он осторожно высвободил другую руку и потрогал ноющее место. В его вене торчала игла. Он хотел выдернуть ее. Но игла была хорошо зафиксирована и не поддавалась, а он слишком ослаб. Другой раз он проснулся в полной темноте. Вокруг него суетились и тихо переговаривались люди. В его ушах стоял какой-то звон. Он и разбудил его; он плохо помнил, что это был за звон.

— Включите свет, — произнес чей-то голос.

В следующее мгновение он услышал, что кто-то плачет возле него.

Возможно все это произошло в один день, а возможно и через неделю. Его сон был беспокойным и тяжелым. Он мог спать месяцы, годы. Казалось, во сне он проживет свою жизнь заново. Он вновь играл в «Напиток Гиганта»; снова шел мимо детей-волков, кровожадных убийц, скрывающихся под детскими масками; слышал голос, доносящийся сквозь шуршание листвы, «ты должен убить детей, чтобы достичь Конца

Света». Он уже устал повторять, что совсем не хочет никого убивать. Никто даже не спрашивает, хочу ли я убивать? Но лес лишь смеялся над ним. А когда он спрыгивал с утеса в Стране Конца Света, зачастую его ловило не облако, а истребитель. Он относил его на самую ключевую позицию на орбите планеты баггеров. И он вновь и вновь наблюдал смертоносный взрыв планеты и цепную реакцию, порожденную Маленьким Доктором. Перспектива обзора все приближалась и приближалась. Вот он уже мог видеть, как лопаются тела отдельных баггеров. Они раскалываются на мелкие частички и оседают ворохом блестящей пыли. А пыль все кружит и кружит у него перед глазами. Он видит королеву, окруженную детьми; только королева — это его мать, а дети — это Валентина и его друзья по Школе Баталий. Один из них с лицом Бонзо. Он лежал, неподвижно распростершись на земле, из носа и глаз сочилась алая кровь, а губы шептали: «Ты умрешь без чести и славы». Сон всегда обрывался на зеркале или на ровной глади воды, или глянцевой обшивке корабля — на любой поверхности, способной отразить его собственное лицо. Сначала он всегда видел отражение Питера. Тот хищно улыбался окровавленным ртом, из уголка которо-

го торчал хвост змеи. Но спустя некоторое время он уже видел свое собственное лицо, оно было старым и печальным, с суровыми опустошенными глазами, повидавшими не один миллион убийств. Но он знал, что это его глаза, и был даже доволен, что у него именно такие глаза.

Это был его собственный мир, здесь он прожил не одну жизнь за пять дней Союзной Войны.

Когда он проснулся, его окружала полная темнота. Где-то далеко грохотали взрывы и раздавались оружейные залпы. Он прислушался и уловил легкий шорох приближающихся шагов.

Он развернулся и вытянул руку, готовый схватить любого, кто приблизится к нему. Он был уверен, что крадущийся человек собирается наброситься на него и убить.

— Эндер, это же я, это я!

Он узнал голос. Он поднял и всколыхнул пудовые пласты его памяти, возвращая к жизни.

— Элай.

— Шалом, малявка. Что ты пытался сделать — убить меня?

— Да, мне показалось, что ты хочешь убить меня.

— Я пытался не разбудить тебя. Последнее время ты потерял всякое стремление к выживанию,

а если послушать Мазера, то вообще превратился в овощ.

— Я пытался. Что там гремит?

— Идет война. Но мы находимся в полностью заблокированном бункере, так что в полной безопасности.

Эндер свесил ноги и попытался сесть. Но ему не удалось. Сердце забилось слишком часто, дыхание сбилось, и он свалился от боли.

— Не пытайся сесть, Эндер. Все в порядке. Похоже, мы выиграем ее. Не все представители Варшавского Договора поддержали Полимарта. Многие бросили оружие, когда Стратег призвал их к миру и согласию. Он также сказал, что ты остался предан ИФ.

— Я просто спал.

— Значит, он солгал. А ты во сне не плел интриги, не мечтал о бунте, нет? Кое-кто из русских перешел на нашу сторону. Они сказали, что когда Полимарт приказал найти и убить тебя, они едва не убили его самого. Что бы они не чувствовали по отношению к другим людям, Эндер, они любят тебя. Весь мир смотрел видеозаписи битв. Фильмы шли день и ночь. Я тоже видел некоторые. Шло все целиком, без всякой ретуши и цензуры. Хороший материал. Только на фильмах ты смо-

жешь сделать себе карьеру.

— Не думаю, — произнес Эндер.

— Я пошутил. Эй, ты что, поверил? Мы победили в войне. Мы так хотели быстрее вырасти, что смогли сражаться как настоящие. Я к тому, что мы еще дети, Эндер. И тем не менее, именно мы выиграли.

Элай рассмеялся. Элай продолжил.

— Именно ты. Ты был просто неотразим, чучело, я не знаю, как тебе удалось все так ловко обстряпать в последней. Но это твоя заслуга. Ты был великолепен.

Эндер вспомнил как он говорил себе: Я неотразим.

— А как я сейчас, Элай?

— Отлично. В порядке.

— Порядок в чем?

— Во всем. Да здесь миллион солдат, готовых последовать за тобой на край вселенной.

— Мне совсем не хочется тащиться на край вселенной.

— Ну, а куда ты хочешь? Они куда угодно пойдут за тобой.

«Я хочу домой, — подумал Эндер, — но я не знаю, где мой дом».

Грохот взрывов затих.

— Слушай, — произнес Элай.

Они прислушались. Дверь открылась. Кто-то остановился прямо в дверях. Он был очень маленький.

— Она окончилась, — произнесла маленькая фигура.

Ею оказался Боб. Как бы подтверждая догадку, зажегся свет.

— Привет, Боб, — сказал Эндер.

— Привет, Эндер.

В след за Бобом вошла Петра. Динк слегка поддерживал ее. Они подошли к кровати Эндера.

— О, наш герой проснулся, — объявил Динк.

— Кто победил? — спросил Эндер.

— Конечно мы, Эндер, — ответил Боб, — ведь с нами был ты.

— Он еще не сошел с ума, Боб. Он имел в виду, кто сейчас победил.

Петра взяла Эндера за руку.

— Сейчас на Земле перемирие. В течение нескольких дней они вели переговоры. Наконец они согласились принять Предложение Локи.

— Но он не знает о Предложении Локи…

— Оно очень сложное, но что важно именно сейчас, что ИФ остается существовать, но в него больше не будет входить Варшавский Договор.

Матросы Варшавского Договора будут отправлены домой. Я думаю, Россия согласилась из-за восстания рабов на Славик. У каждого свои проблемы. Около пятисот смертей здесь. Но на Земле было еще круче.

— Полимарт ушел в отставку, — сказал Динк. — Все это какое-то безумие. Кто за это ответит?

— Ты в порядке? — спросила Петра, дотрагиваясь до его головы. — Ты закалил нас. Они говорили, что ты сошел с ума, а мы им отвечали, что это они безумны.

— Я сошел с ума, — произнес Эндер. — Но я думаю, со мной все о'кей.

— Когда это тебе пришло в голову? — спросил Элай.

— Когда подумал, что ты собираешься прикончить меня, и я решил убить тебя первым. Мне кажется, во мне до сих пор еще жив убийца. Но, тем не менее, я больше хочу жить, чем умереть.

Они рассмеялись и согласились с ним. Затем Эндер расплакался и начал обнимать Петру и Боба, которые стояли ближе к нему.

— Я проглядел тебя, — сказал он, — я так плохо следил за тобой.

— Ты вообще за нами отвратительно следил, — ответила Петра.

Она нагнулась и поцеловала его в щеку.

— Я видел то, что ты действуешь превосходно, — говорил Эндер, — именно ты нужна была мне больше всего. Я слишком часто использовал тебя, слишком много взваливал на твои плечи. Это моя вина, как командующего.

— Сейчас со всеми все в порядке, — сказал Динк, — за эти пять дней с нами не произошло ничего плохого. Мы были в полной безопасности в самом пекле войны.

— Я больше не буду вашим командующим, правда? — спросил Эндер. — Я больше не хочу никем командовать.

— А тебе и не придется больше командовать, — сказал Динк. — Но ты навсегда останешься нашим командиром.

Они замолчали.

— А что мы будем теперь делать? — спросил Элай. — Война с баггерами окончена. Окончена война на Земле, даже здесь уже нет войны. Что нам теперь делать?

— Мы ведь еще дети, — сказала Петра. — Они просто определят нас в школу. Таков закон. Ты должен учиться в школе до семнадцати лет.

Они дружно рассмеялись и хохотали до тех пор, пока слезы не брызнули из их глаз.

15. Говорящий от Имени Мертвых

Озеро сверкало ровной гладью. Не было ни дуновения ветерка. Двое мужчин сидели рядом на скамье плавучей пристани. Возле пристани бился маленький деревянный плот; Графф подцепил ногой веревку плота и втащил его на пристань, затем отпустил, глядя как он соскальзывает в воду, и снова втащил.

— Вы похудели.

— Один стресс дает килограммы, другой забирает их обратно, я — продукт химических реакций.

— Это должно быть тяжело.

Графф пожал плечами.

— Нет. Я всегда знал, что буду освобожден.

— Некоторые из нас не были уверены. Люди просто посходили с ума. Плохое обращение с детьми, бесконечные убийства — те фильмы о смерти Стилсона и Бонзо выглядели довольно ужасно. Видеть, что один ребенок может сделать с другим…

— Я думаю, что фильмы спасли меня, как и

многое остальное. Они добились специального судебного расследования, но мы показали истинную суть вещей. Из фильмов ясно, что Эндер не был провокатором. А раз так, то это просто игра в загадки. Я же сказал, что делал то, что, по-моему мнению, должно было спасти человечество, и это сработало: судьи без всяких колебаний и разногласий пришли к заключению, что Эндер мог выиграть войну и без наших тренировок и обучения. А после обучения все стало совсем просто. Кроме того, война была необходима.

— Как бы то ни было, Графф, это принесло нам громадное облегчение. Я знаю, мы нередко ссорились, и обвинение располагало записями наших разговоров. Но тем не менее, вы оказались правы, и я распорядился, чтобы это засвидетельствовали в вашу пользу.

— Я знаю, Андерсон. Мои адвокаты говорили мне об этом.

— И чем вы сейчас занимаетесь?

— Не знаю. Просто отдыхаю. Я заработал уже не один год отпуска. Я вполне могу подать в отставку. Кроме того, у меня скопилось достаточно непотраченных средств в банках. Наконец-то я могу жить, как хочу. И даже просто ничего не делать.

— Звучит заманчиво. Но мне это чуждо. Я предложил свои услуги трем университетам; хотел читать лекции по предметам, на которых специализировался. Они просто не поверили, когда я сказал, что мое руководство Школой Баталий было не более, чем игра. Очевидно, придется искать другие варианты.

— Членство в комиссиях?

— Теперь все войны окончились, и самое время снова взяться за игры. Это хорошая вакансия. В нашей лиге всего двадцать восемь команд. После стольких лет наблюдений за полетами детей футбол для меня стал особой игрой. Это все равно, что смотреть как нули врезаются друг в друга.

Они засмеялись. Графф снова приподнял, а потом пнул плот ногой.

— Плот. По-моему, вы вряд ли сможете плавать на нем.

Графф покачал головой.

— Его построил Эндер.

— Да, верно. Ведь именно сюда вы возили его.

— Да, теперь это все передано ему. Его достаточно наградили. У него теперь столько денег, сколько он пожелает.

— Если, конечно, ему позволят вернуться до-

мой и попользоваться ими.

— Они никогда не пойдут на это.

— Даже если Демосфен будет агитировать за его возвращение?

— Демосфен больше не выступает.

Андерсон удивленно поднял бровь.

— Что все это означает?

— Демосфен отошел от дел. Навсегда.

— Ты что-то знаешь, старый брюзга? Ты знаешь, кто есть Демосфен?

— Был.

— Хорошо, хорошо, расскажи мне.

— Нет.

— Ведь ты больше не шутишь, Графф.

— Я никогда не шутил.

— Но, по крайней мере, ты можешь объяснить, почему? Среди нас много таких, которые думали, что Демосфен это Гегемон.

— Этого просто не может быть. Нет, даже все политическое влияние Демосфена не сможет склонить Гегемона к возвращению Эндера на землю. Он слишком опасен.

— Но ему лишь одиннадцать, нет, теперь уже двенадцать.

— Поэтому-то он и опасен, его слишком легко контролировать. У многих имя Эндера

отождествляется чуть ли не с волшебством. Полубог-полудитя, живое чудо, в его руках жизнь и смерть. Любой мало-мальский тиран хотел бы иметь рядом подобного ребенка, чтобы выставить его впереди армий и наблюдать, что произойдет с миром: перебежит на его сторону или умрет от страха. Если бы Эндер вернулся на Землю, он бы приехал сюда, чтобы отдохнуть, наверстать упущенные радости детства. Но они никогда не дадут ему отдохнуть.

— Понимаю. Кто-то объяснил это Демосфену?

Графф рассмеялся.

— Демосфен сам объяснил это кое-кому. Кое-кто хотел бы использовать Эндера так, как никому бы не пришло в голову, чтобы управлять миром и сделать мир таким, каким ему хочется.

— Кто?

— Локи.

— Но Локи один из тех, кто ратовал за пребывание Эндера на Эросе.

— Не все происходит на деле так, как кажется.

— Это слишком замысловато для меня, Графф. Дай мне игру. Прекрасную игру с четкими правилами. Судьями. Началом и концом. Победителями

и проигравшими. Счастливым концом; наконец, когда все расходятся по домам к своим женам.

— Получишь билет на такую игру и все?

— Но ведь ты не сможешь просто так сидеть здесь, абсолютно не у дел, ведь так?

— Нет.

— Собираешься в Гегемонию?

— Я теперь новый Министр Колонизации.

— Значит они добились своего..

— Сразу, как только мы получили ответные сообщения на наши послания о землях баггеров. Я знаю, где они расположены. Они все обжиты, с налаженным бытом и производственными структурами, и все баггеры мертвы. Очень удобно. Мы сможем отменить законы ограничения роста населения...

— Которые все ненавидят...

— И все эти третьи, четвертые, пятые смогут сесть на корабли и подыскать себе подходящий мир, познанный или непознанный.

— А люди действительно пойдут на это?

— Люди всегда стремятся к иным мирам. Они верят, что на новом месте их ждет новая счастливая жизнь, лучше, чем на старом.

— Ах, черт, а может быть они правы?

* * *

Сначала Эндер искренне верил, что они позволят ему вернуться домой, лишь только прояснится обстановка. Но теперь было все ясно и спокойно, все это было спокойно уже ровно год, и он понял, что они не хотят его возвращения, что он гораздо более полезен и безопасен как легенда, просто имя, а реальный человек из плоти и крови.

А здесь проходил сбор материалов для военного суда над Граффом. Ему приписывалось много преступлений. Адмирал Чамранагер пытался скрыть от Эндера ряд фактов, но ему не удалось; Эндеру тоже был пожалован чин адмирала, и он воспользовался своими привилегиями. Так он добился просмотра записей о драке со Стилсоном и Бонзо, увидел фотографии их мертвых тел, внимательно выслушал доводы психологов и адвокатов, которые решали, было ли это намеренное убийство или убийство случайное, в целях самозащиты. У Эндера было на этот счет собственное мнение, но его никто не спрашивал. Решением суда было признано, что он защищался. Обвинители оказались умными и сообразительными и не стали выдвигать открытых обвинений. Однако, были

попытки представить его слабым, но коварным и извращенным.

— Не бери в голову, — сказал Мазер Рекхем, — политики боятся тебя, но не могут расправиться с тобой, замарать твою репутацию. Да это у них просто не получиться, пока историки не будут лить на тебя грязь в течение 30–40 лет.

Эндера не заботила собственная репутация. Он абсолютно равнодушно смотрел все фильмы, некоторые моменты его даже развеселили. В ходе войны я уничтожил биллионы баггеров, которые жили и думали, как и мы, которые не сделали даже шага в сторону Земли. И никто не подумал назвать это преступлением.

Все его преступления тяжелым бременем висели на нем, и смерти Стилсон и Бонзо не казались тяжелее остальных.

И с этой тяжкой ношей ждал и ждал долгие месяцы, пока спасенный им мир позволит ему вернуться домой.

Один за одним его друзья неохотно покидали его, возвращаясь в свои семьи. Города радостно встречали своих героев. Эндер видел видеозаписи их возвращений, его неприятно задевало многословное восхваление его заслуг. Почти все его друзья долго говорили, как много он для них

сделал, что он научил их всему и привел к победе. Но как только они заговаривали о его возвращении на родину, их слова тонули в шуме помех, и никто уже не слышал ответа.

Со временем вся работа на Эросе свелась к минимуму — расчистке и восстановлению после Союзной Войны, к получению и анализу отчетов бывших военных кораблей, которые теперь проводили исследовательскую работу в бывших колониях баггеров.

Но теперь Эрос стал более деловым и многолюдным, чем раньше и даже во время войны, так как новые поселенцы-колонисты готовились здесь к длительным путешествиям в чужие миры. Эрос стал своеобразной предстартовой базой, Эндер тоже принял участие в общей работе, насколько ему было позволено. Людям даже в голову не приходило, что этот двенадцатилетний мальчик может оказаться таким незаменимым в мирное время, каким был на войне. Но он был терпим к их невниманию, к их стремлению игнорировать его. Он научился выдержке и хитрости. Он стал давать советы и высказывать предположения тем немногим людям, которые его слушали, а те затем все выдавали за собственные идеи. Он беспокоился не о своем авторитете, а том, чтобы

задание было выполнено качественно и в срок.

Единственное, с чем он не мог мириться и что ненавидел, — это слепое обожание колонистов. Он тщательно избегал туннелей, где они жили, потому что они везде узнавали его — мир хорошо запомнил его лицо — и начинали рыдать и кричать, обнимать и поздравлять его, показывать детей, названных в его честь, говорить ему, что его молодость навсегда запала им в сердца, что они любят его и совсем не обвиняют в тех убийствах, которые он совершил, потому что он еще совсем ребенок и в том нет его вины…

Он прятался от них, где только мог.

Не было ни одного колониста, от которого он бы не прятался.

В тот день его не было внутри Эроса. Он отправился к новой межпланетной станции, где он планировал научиться наружным работам в открытом космосе. Офицеру высшего состава было не по званию выполнять простую работу техника-механика, адмирал Чамранагер неоднократно говорил ему об этом, но Эндер всегда отвечал, что с тех пор как его призвание и мастерство никому больше не нужны, то самое время обрести другие навыки.

Они связались с ним по рации и сообщили, что

кое-кто хочет увидеть его сразу, как он только решил, что нет такого человека, которого он бы страстно желал видеть, поэтому не торопился. Он закончил установку специального передатчика бортового ансибла, затем при помощи хука медленно облетел весь космический корабль и лишь тогда двинулся к люку.

Она ждала его снаружи раздевалки. На мгновение разозлился на то, что они позвонили какому-то колонисту беспокоить его и отрывать от работы. Но, взглянув повнимательней, понял, что если молодая женщина вдруг окажется девочкой, то возможно он знает ее.

— Валентина, — сказал он.

— Привет, Эндер.

— Что ты здесь делаешь?

— Демосфен отошел от дел. Теперь я собираюсь вместе с теми, кто летит к первой колонии.

— Но туда пятьдесят лет пути…

— Всего два года на борту корабля.

— Но если ты захочешь вернуться, то все, кого ты знала, уже умрут…

— Только об этом я и думаю. Но я надеюсь, что кое-кто, кого я знаю на Эросе, присоединится ко мне.

— Я не хочу лететь в те места, которые рань-

ше принадлежали баггерам. Я хочу вернуться домой.

— Эндер, ты никогда не сможешь вернуться на Землю. Я поняла это прежде, чем лететь сюда.

Эндер молча смотрел на нее.

— Я говорю тебе правду, так что если хочешь ненавидеть меня, то можешь начинать прямо сейчас.

Они прошли в крошечные апартаменты Эндера, где продолжили разговор. Питер хотел, чтобы Эндер вернулся на Землю, но под протекцией Совета Гегемона.

— На сегодняшний день дела обстоят таким образом, Эндер, что ты сразу попадаешь под влияние Питера. Ныне половина совета пляшет под его дудку и делает, что он хочет. А ту часть, которая не входит в свору его ручных собачек, он попросту прижал к ногтю.

— А они знают, кто он на самом деле?

— Да. Он не известен широкой общественности, но люди из высших кругов хорошо знают его. Правда, это больше не имеет значения. Он имеет большое влияние на них, и ему нечего больше беспокоиться о своем возрасте. Он проделывает невероятные вещи, Эндер.

— Я запомнил один договор, еще год назад. Он

шел под именем Локи.

— Он стал началом разлома. Он провел его через своих друзей из политической цензуры сетей, причем он также ссылался на Демосфена. Он ждал именно такой момент, чтобы использовать влияние Демосфена на толпу, а влияние Локи на интеллигенцию, и на гребне полного контроля предложить что-нибудь достойное внимания. Это предотвратило губительную для всех войну, которая могла продлиться долгие десятилетия.

— Он собирается пробиться к управлению государством?

— Думаю, да. Но когда на него находили припадки циничности, он часто заявлял, что позволит развалиться Союзу на части, а затем завоюет мир по кусочкам. И пока длиться Гегемония, он снова объединит их в единое целое.

Эндер кивнул.

— В этом весь Питер, я знаю.

— Смешно, верно? Именно Питер спас миллионы жизней.

— В то время как я убил биллионы.

— Я не собиралась говорить этого.

— Значит, он хочет использовать меня?

— У него есть виды на тебя, Эндер. Он публично заявит о себе, лишь только ты прибудешь. И

отправиться встречать, чтобы быть на переднем плане во всех фильмах. Старший брат Эндера Виггина, он же — таинственный Локи — великий архитектор мира. Стоя рядом с тобой, он будет выглядеть довольно впечатляюще и зрело. Тем более сходство между вами сейчас просто потрясающее. А затем он очень просто уберет тебя.

— Его нельзя остановить?

— Эндер, ты вряд ли будешь счастлив, став простой пешкой в руках Питера.

— А почему бы нет? Я всю жизнь был пешкой в чужих руках.

— Моих тоже. Я представила Питеру факты и доказательства, которые я хотела вынести на широкий суд общественности, доказывающие, что он маньяк-убийца. Там включены многие видеокадры его издевательств над белками и тех трюков, которые он проделывал над тобой. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы сложить все факты воедино. Но когда он посмотрел материал, то безоговорочно согласился дать мне то, о чем я просила. А я просила свободу для тебя и меня.

— Я совсем иначе представлял свободу. Свобода у меня никогда не ассоциировалась с необходимостью жить в домах тех людей, которых я убил.

— Эндер, что сделано, то сделано. Их мир теперь

пуст, а наш переполнен. И мы должны привезти туда то, о чем никогда ничего не знал их мир — города, полные людей, которые живут своей неповторимой жизнью, любят и ненавидят, рождаются и умирают. В мире баггеров существовала лишь одна история, передаваемая от поколения к поколению, мы заполним их мир миллионами историй, которые каждый день будут наполняться новым содержанием. Эндер, Земля принадлежит Питеру, и если ты не захочешь присоединиться ко мне, Питер запрет тебя здесь и будет использовать как красивую декорацию до тех пор, пока ты не проклянешь день и час своего рождения. У тебя есть единственный шанс вырваться.

Эндер молчал.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Эндер. Ты думаешь, я пытаюсь управлять тобой, как Графф и другие, как хотел бы Питер.

— Это вечная заноза в моем мозгу.

— Такова уж человеческая раса. Никто не властен над собственной жизнью. Единственное, что ты можешь сделать — выбрать контролеров. Пусть твоей жизнью руководят хорошие люди, которые любят тебя. Я прилетела сюда не потому, что хочу стать колонистом. Я прилетела потому, что провела всю свою жизнь бок о бок с нелю-

бимым братом, которого ненавижу. Теперь я хочу воспользоваться случаем и получше узнать брата, которого любила, пока еще не поздно, пока мы еще дети.

— Уже слишком поздно.

— Ошибаешься, Эндер. Ты думаешь, что ты уже взрослый, что достаточно возмужал, что твоя душа начала черстветь. Но в глубине сердца ты такой же ребенок, как и я. Мы можем хранить это в глубокой тайне. Пока ты будешь управлять колонией, а я писать философские статьи, им и в голову не придет, что по ночам мы прокрадываемся друг к другу в комнату и устраиваем подушечные бои.

Эндер рассмеялся, но заметил в ее речи одно слово, которое вряд ли было обронено случайно.

— Управлять?

— Я — Демосфен, Эндер. Я приехала сюда баркой. Широкой общественности было заявлено, что я настолько поверила в идею колонизации, что самолично отправилась первым же кораблем к новым землям. В то же время Министр Колонизации, бывший полковник Графф, объявит, что первый корабль с колонистами поведет к далеким землям великий Мазер Рекхем, а правителем первой колонии станет Эндер Виггин.

— Они могли бы спросить и мое мнение.

— Мне самой хотелось спросить тебя.

— Но ведь это уже объявлено.

— Нет, они объявят об этом завтра, если ты согласишься. Мазер принял предложение несколько часов назад.

— Ты всем говоришь, что ты — Демосфен? Четырнадцатилетняя девочка?

— Мы объявили только, что Демосфен летит с колонистами. Пусть оставшиеся пятьдесят лет изучают список пассажиров и гадают, кто из них великий демагог эпохи Локи.

Эндер снова улыбнулся.

— Ты смешная, Валентина.

— А почему мне не быть такой?

— Отлично, — сказал Эндер, — я поеду. Может даже стану правителем, если ты и Мазер согласитесь помогать мне. Мои способности вряд ли сейчас кому-то нужны.

Она бросилась к нему и поцеловала, как обычная маленькая девочка, которой брат подарил долгожданную куклу.

— Вал, — произнес Эндер, — я хочу сразу поставить все точки над «и». Я еду не ради тебя, не ради поста правителя и не ради желания удрать отсюда. Я еду туда, потому что лучше всех знаю

баггеров; и, может быть, если я окажусь там, то еще лучше смогу их понять. Я украл у них будущее и лишь только сейчас начал платить долги, посмотрим, может удастся частично загладить свою вину, возродив их прошлое.

* * *

Путешествие было длинным. К его концу Валентина закончила первый том истории войны с баггерами и передала книгу по ансиблу под именем Демосфена. Эндер тоже достиг нечто большего, чем слепое обожание пассажиров. Теперь все достаточно узнали его как человека, а не как легендарную личность. Он снова завоевал любовь и уважение, но уже совсем на иной основе.

Он трудился, не покладая рук, и отдавал все силы руководству новой колонией, правя скорее по убеждению, нежели по букве сухого закона. Кроме того, почти все время он тратил на создание самостоятельной экономической структуры страны. Но самой важной стороной его деятельности, это признавали все, было изучение наследия баггеров. Он пытался отыскать среди построек, оборудования, полей то, что могли бы взять на вооружение люди, чему бы они могли

научиться у баггеров. После баггеров не осталось ни одного документа — книги им не были нужны. Все необходимое хранилось в их мозгу, они вели обмен мыслями, а не словами, поэтому все ценные сведения умерли вместе с ними.

И тем не менее, по прочному материалу крыш их жилищ и продовольственным запасам он понял, что здесь суровые зимы с обильными снегопадами. По крепким изгородям с шипами, направленными наружу, он догадался, что на планете водится немало мародерствующих животных, угрожающих стадам и не брезгующих запасами урожая. По мельницам он понял, что продолговатые фрукты с острым неприятным привкусом сушатся, промалываются и добавляются в пищу. А по люлькам с лямками можно было догадаться, что баггеры — не индивидуалисты, а любящие и заботливые родители, не бросающие своих детей, а при необходимости переносящие их на далекие расстояния в более безопасные места.

Жизнь шла своим чередом, летели года. Колония жила в деревянных домах и использовала туннели баггеров для хранения запасов и производственной деятельности. Теперь управлял колонией консул, была избрана администрация.

Поэтому Эндер, хотя формально и оставался верховным правителем, на деле был просто судьей. В колонии, как и везде, случались преступления и раздоры, неразделенная любовь и взаимопомощь; жили люди, которые любили и ненавидели друг друга. Это был мир людей, и в нем все случалось. Они не очень внимательно следили за последними передачами по ансиблу; имена, довольно известные на Земле, мало что значили для них. Единственное имя, которое они знали, было имя Питера Виггина, Гегемона Земли; единственные новости, долетевшие до их глубинки, были новости о мире и старте космического корабля, везущего новую партию колонистов. Вскоре появятся и другие колонии в мире баггеров, в мире Эндера; скоро они обзаведутся соседями; они уже преодолели половину пути; но это мало кого беспокоило. Они помогут новичкам, как только те прибудут, научат их всему, что узнали сами. Однако сейчас они жили другими проблемами. Важнее для них считалось кто на ком женился, кто и чем болеет, когда подойдет время очередного сева и почему я должен платить за теленка, если тот умер через три дня после покупки.

— Они стали истинными землянами, — заме-

тила как-то Валентина, — ни одному из них не интересно, что Демосфен отправил седьмой том истории. Ни один из них не прочтет его.

Эндер нажал кнопку на клавиатуре и появилась следующая страница.

— Очень бессодержательно, Валентина. Сколько томов тебе еще осталось?

— Всего один. История Эндера Виггина.

— И что ты теперь будешь делать? Ждать, пока я умру?

— Нет. Просто писать и все. Я приурочу ее выпуск к какому-нибудь знаменательному дню и тогда остановлюсь.

— У меня есть идея получше. Приурочь ко дню нашего заключительного боя. Нет, закончи прямо сейчас. Я ведь ничего не сделал такого, о чем следовало писать.

— Возможно, — ответила Валентина. — А может быть и нет.

* * *

Ансибл принес им сообщение, что корабль с новыми колонистами вылетел год назад. Они попросили Эндера подыскать место для нового поселения возле колонии Эндера, чтобы обе колонии могли торговать и сотрудничать, но на

достаточном удалении, чтобы иметь свое правительство и администрацию. Эндер взял вертолет и приступил к изучению местности. Он взял с собой одного из мальчиков, одиннадцатилетнего Арбу; ему исполнилось три года, когда обосновалась колония, и он не знал другого мира. Он и Эндер часто улетали так далеко, куда только мог доставить их вертолет. Они разбивали лагерь на ночлег, варили пищу на костре, а утром продолжали исследования.

Это случилось на третьи сутки. Именно тогда у Эндера появилось подсознательное чувство, что он уже был ранее в этом месте. Он внимательно огляделся, перед ним раскинулись новые земли, он никогда не видел их раньше. Он позвал Арбу.

— Эй, Эндер! — ответил тот. Он был на вершине пологого холма. — Карабкайся сюда!

Эндер стал подниматься, сухая порода крошилась под его ногами. Арба указал вниз.

— Ты можешь поверить в это? — спросил он.

Возвышенность имела внутри ущелье. Глубокая впадина, частично заполненная водой, была окольцована вогнутыми сводами, которые торчали из воды. В одну сторону возвышенность переходила в две гряды, между которыми находилась У-образная долина; в другую — распадалась

на кусочки белой породы. Они походили на челюсти, в которых выросло дерево.

— Все напоминает картину гибели Гиганта. Будто он умер именно здесь, и земля присыпала его останки.

Теперь и Эндер понял, почему место выглядело таким знакомым. Это был корпус Гиганта. Он слишком часто играл в эту игру, будучи еще ребенком, чтобы не узнать этого места. Но это казалось невозможным. Ведь компьютер в Школе Баталий вряд ли мог видеть это место. Он тщательно осмотрел в бинокль хорошо знакомую местность. Со страхом и надеждой он узнавал знакомые ориентиры.

Качели и горки, обезьяний лабиринт. Все это поросло травой, но их формы отчетливо проглядывались.

— Кто-то специально построил это, — сказал Арба, — посмотри на эту башню, ведь это не гора и не холм, она из бетона.

— Я знаю, — ответил Эндер, — это построено для меня.

— Что? — переспросил Арба.

— Мне знакомо это место. Баггеры построили его для меня.

— Но баггеры умерли за пятьдесят лет до твоего

появления.

— Все верно, это кажется невозможным, но я знаю все наверняка. Арба, и не хочу тебя брать туда, вместе с собой. Это может быть очень опасно. Если они достаточно хорошо изучили меня, чтобы воссоздать это место, возможно, они хотели…

— Заполучить тебя.

— И убить.

— Не ходи туда, Эндер. Не делай того, к чему они тебя подталкивают.

— Если они хотят взять реванш таким образом, Арба, то я не возражаю. Возможно, это попытка контакта. Они оставили мне послание.

— Но они не умеют ни читать, ни писать.

— Может быть перед смертью они научились.

— Ладно, думаю мы не провалимся в ад, если они хотели поговорить с тобой. Я пойду с тобой.

— Нет, ты еще слишком молод, чтобы рисковать…

— Пошли! Ты — Эндер Виггин. И не говори мне, что может делать одиннадцатилетний ребенок.

Вместе они пролетели на вертолете над детской игровой площадкой, над лесом, над колодцем на поляне. Затем, конечно же, покружили над утесом с пещерой, справа отыскали выступающий карниз, с которого обычно начиналась Страна

Конца Света. В отдалении, как это обычно происходило в игре, располагался замок и башня.

Он оставил Арбу возле вертолета, строго наказав не ходить за ним и возвращаться домой, если он не появится через час.

— Брось, Эндер, я с тобой.

— Брось сам, Арба, или я сотру тебя в порошок.

Арба сделал обиженное лицо и сказал, что он так и понял и посему остается.

Стены башни оказались пористыми, по ним легко можно забраться, а это означало, что его приглашали внутрь.

Комната оказалась расположенной там, где и должна была быть. Помня игру, Эндер стал оглядываться в поисках змеи, но в комнате находилась лишь дорожка с головой змеи. Имитация оказалась довольно хорошей, особенно для существ, у которых не было развито искусство. Должно быть, они взяли эти образы прямо из мозга Эндера, отыскав и выделив его из всех, поняв его темные мысли даже через тысячи световых лет. Но почему? Конечно же, чтобы привести его в эту комнату. Чтобы оставить ему послание. Но где оно, и как я пойму его?

Зеркало спокойно ожидало его на стене. Им оказался глянцевый листок металла, в котором

маячила мутная человеческая тень. Они попытались воссоздать образ того, что я смогу там увидеть, какое-то изображение.

Глядя в зеркало, он невольно вспомнил, как он разбивал его или снимал со стены, а оттуда с шипением выскакивали сотни змей, набрасывались на него и убивали своим смертоносным ядом.

Как же хорошо они знают меня, удивлялся Эндер. Достаточно, чтобы понять, что я часто думал о смерти и боялся ее? Достаточно, чтобы сообразить, что если бы даже я боялся смерти, это все равно не остановило бы меня и я опять снял бы зеркало со стены.

Он подошел к зеркалу, приподнял его и снял со стены. Вместо дыры он обнаружил там кокон из белого шелка. Тонкие, словно паутинки, нити прочно удерживали его на одном месте. Яйцо? Нет. Куколка королевы баггеров, оплодотворенная самцами-личинками, готовая воспроизвести на свет сотни тысяч новых баггеров, новых королев и самцов. Перед глазами Эндера появились червеобразные самцы, облепившие стены туннеля. Туннель был погружен во мрак, по нему шли взрослые особи, несущие маленьких только что родившихся королев в комнату оплодотворения. Каждый самец глубоко входил в личинку

королевы, вздрагивал от экстаза и умирал, падая на пол туннеля, затем скрючивался и усыхал. Затем новую королеву положили возле старой величественной огромной самки с бархатными переливающимися крыльями. Она давно забыла и утратила манящую силу величия и старшинства. Старая королева благословила молодую на долгий сон нежным поцелуем своих отравленных губ, затем обернула и запеленала нитями из своего тела. «Стань мной, — скомандовала она, — породи новые города, новые поселения, дай жизнь новым королевам, а вместе с ними новым мирам…»

«Откуда я все это знаю, — думал Эндер. — Почему все эти образы бегут перед глазами подобно слепкам памяти».

Вместо ответа он увидел свой первый бой с баггерами. Он и раньше неоднократно просматривал видеозапись через симулятор, теперь он смотрел на битву иными глазами, глазами королевы баггеров. Корабли баггеров выстроились по окружности невидимой сферы, затем налетели ужасные истребители. Они вырвались из темноты подобно молниям, и Маленький Доктор завершил дело, уничтожив все в огненном сопле. Эндер почувствовал то же, что чувствовала

королева пчел, глядя глазами своих солдат и видя, что смерть охватывает все слишком быстро, чтобы избежать ее, и слишком медленно, чтобы предвидеть. Они не знали ни боли, ни страха. Единственным чувством королевы была печаль и смирение, горькая покорность происходящему. Естественно, она не могла произнести тех слов, когда увидела людей, пришедших убивать их. Но Эндер понял ее, и слова нашлись сами: «Они не простили нас. Мы неминуемо умрем».

— Как ты будешь жить дальше? Как ты оживешь? — мысленно спросил Эндер.

Королева не могла ему ответить из кокона; Эндер закрыл глаза и напряг память. Она ответила ему всплеском новых образов. Нужно положить кокон в темном прохладном месте, где есть вода. Иначе она высохнет. Но нужна не просто вода, а вода, смешанная с соком определенного дерева. Нужна и теплота, чтобы в коконе началась химическая реакция. Затем нужно время. Дни, недели, чтобы куколка внутри преобразилась. Как только это произойдет, кокон из белого станет темно-коричневым. Далее Эндер увидел себя открывающим кокон и помогающим вылезти маленькой слабой королеве. Он снова увидел себя поддерживающим хрупкое создание за

лапки и ведущим королеву от места рождения к месту гнездования — мягкому вороху теплых полусгнивших листьев и сухой травы на песке. Тогда я оживу, пронеслось у него в мозгу. Тогда я очнусь ото сна и произведу на свет десять тысяч своих детей.

— Нет, — сказал Эндер, — я не могу.

Жестокое страдание.

— Твои дети — это чудовища из наших ночных кошмаров. Если я разбужу тебя, мы снова убьем всех вас.

Мозг Эндера вспыхнул десятками образов — баггеры убивали людей. Но вместе с образами возникло сильное, почти непереносимое чувство вины. Вина была настолько тяжелой, что Эндер не мог с ней справиться, и слезы хлынули у него из глаз.

— Если ты сумеешь заставить их почувствовать то же, что ты сейчас чувствуешь, то, возможно, они простят тебя.

Только меня, понял он. Они отыскали меня по ансиблу, проникли в мой мозг. В агонии моих больных мыслей и бредовых идей они изучали меня, даже когда я проводил все свое время, воюя и уничтожая их; в глубине души они нашли у меня страх перед ними, а также уверенность, что

я убью их всех. В те немногие недели, что им осталось жить, они построили все это: тело Гиганта, детскую площадку, карниз, ведущий к Концу Света. Чтобы я отыскал это место, узнал его по зрительному сходству. Я оказался единственным, которого они знали, поэтому они могли общаться только со мной и через меня. Мы как и ты, мы подобны тебе — пронеслось у него в мозгу. Мы не думали об убийстве, а когда мы поняли, что совершили, мы ушли, чтобы никогда больше не появляться. Мы думали, что мы единственные разумные существа во всей вселенной, пока не встретили вас. Но разве мы могли подумать, что мысли могут возникать и у одиноких животных, которые не думают мыслями других. Мы могли бы жить в мире и согласии. Поверь нам! Поверь нам! Поверь нам!

Он протянул руки к углублению в стене и взял кокон. Он был легким как пушинка, хотя и нес в себе надежду и будущее великой популяции.

— Я заберу тебя с собой, — сказал Эндер, — я повезу тебя через миры, пока не выберу место и время, где бы ты могла возродиться в спокойствии и безопасности. Когда ты проснешься, я расскажу тебе историю своего народа, может быть, со временем вы тоже сможете простить

нас. Так же, как ты простила меня.

Он завернул королевский кокон в свою куртку и покинул башню.

— Что это? — спросил удивленный Арба.

— Ответ, — сказал Эндер.

— На что?

— На мой вопрос.

Это все, что он кому-либо сказал; они искали место еще пять дней, наконец, нашли подходящую местность к юго-востоку от башни.

Спустя несколько недель, Эндер пришел к Валентине и попросил ее кое-что прочитать; она открыла файл Эндера и прочла.

Текст шел от имени королевы пчел. Было такое ощущение, что она сама рассказывает, что они намеревались сделать, какое значение это для них имело, и что сделали на самом деле. Здесь наши промахи и поражения, здесь наше величие; мы не хотели, не предполагали причинять вам боль, поэтому мы прощаем вам свою смерть. С момента их зарождения до великой войны, уничтожившей их миры, Эндер излагал историю кратко и быстро, словно записывал свои воспоминания. Туда же он включил и сказку о великой матери, верховной королеве, которая первой научила сдерживаться и учить всему молодую королеву,

навсегда подавив в себе инстинкт уничтожения соперницы. Он подробно описал, сколько раз она уничтожала свою плоть, своих рожденных детей, которые не переняли ее свойства, не переняли ее «я». Наконец, она породила ту единственную, которая поняла и приняла ее стремление к гармонии. Их мир наполнился новым содержанием. Впервые за всю историю две королевы любили и помогали друг другу вместо извечной вражды и уничтожения. Вместе они стали сильнее любой другой королевы пчел. Их объединенный род начал процветать, они преуспели и произвели на свет многих дочерей, вступивших в их мирный союз; так родилась мудрость.

Если бы мы могли говорить, королева сказала бы словами Эндера. Но поскольку это невозможно, мы просим лишь об одном: запомните нас не врагами, а сестрами с трагической судьбой, которым по иронии Судьбы, Бога или Эволюции суждено было одеть личину мерзких тварей. Если бы мы умели целоваться, мы, наверное, стали бы людьми в глазах друг друга. Но тем не менее мы приветствуем вас как добрых друзей. Идите и занимайте наши дома, дочери Земли; обживайте наши туннели, собирайте урожай с наших полей. Мы не могли и не умели этого делать. Теперь

вы стали нашими руками. Трава, деревья, луга, поля, будьте ласковы к ним; солнце, будь нежно с ними; планета, прими их с миром. Они наши сестры, и они у себя дома.

Книга, написанная Эндером, не была длинной, но в ней было все: добро и зло — то, что знала королева пчел. Он подписал ее не собственным именем, а замысловатой фразой:

ГОВОРЯЩИЙ ОТ ИМЕНИ МЕРТВЫХ

На Земле книга была опубликована спокойно, без помпы, и также спокойно разошлась по рукам. Экземпляры книги передавались от одного к другому, и вскоре трудно было найти такого, кто бы ее не читал. Многие, кто прочел ее, нашли книгу интересной, многим она не понравилась, и они забыли о ней. Но многие начали строить свою жизнь по этой книге и проживали ее как могли, и когда кто-то из близких умирал, рядом с могилой вставал самый верующий, он становился Говорящим от Имени Мертвых и рассказывал о том, что хотел бы сказать умерший. Он говорил со всей искренностью, но избегая упоминать о нормах и проступках. Часть Говорящих стала специализироваться на подобной службе. Ряд людей находил подобную деятельность ненужной и

приносящей боль. Но большинство считало, что их жизнь вполне достопочтенна, и, несмотря на все свои ошибки, после смерти Говорящему будет что сказать от их имени.

На Земле подобная деятельность прочно закрепилась в жизни, превратившись в своеобразную религию. А для тех, кто бороздил космические просторы и жил собственной жизнью в туннелях королевы пчел, собирал урожай с ее полей, она превратилась в единственную религию. Ни одна колония не существовала без Говорящего от Имени Мертвых.

Никто не знал и не хотел знать, кто был первым настоящим Говорящим. А Эндер и не стремился афишировать себя.

Когда Валентине исполнилось двадцать пять лет, она закончила последний том истории войны с баггерами. В конец своей книги она включила полное изложение маленькой повести Эндера, но не указала, кем она была написана.

Вскоре по ансиблю ей пришел ответ от древнего Гегемона, Питера Виггина. Ему было семьдесят семь лет, и сердце его явно сдавало.

— Я знаю, кто написал ее, — сказал он, — если он сумел сказать от имени баггеров, то я уверен, что он сможет сказать и от моего.

Много часов по ансиблу шел разговор Питера и Эндера. Питер рассказывал историю своей жизни, своих преступлений и благих дел. После его смерти Эндер написал вторую книгу и снова подписал ее Говорящий от Имени Мертвых. Эти книги объединили в одном издании и выпустили под единым названием «Королева пчел и Гегемон».

— Пошли, сказал он однажды Валентине. — Давай улетим отсюда и будем жить вечно.

— Но это невозможно, — возразила она, — чудеса не могут превратиться в реальность, Эндер.

— Мы должны идти. Я здесь почти счастлив.

— Так оставайся.

— Не могу. Я хочу долго нести свою боль, я не знаю, смогу ли прожить без нее.

Они купили корабль и стали путешествовать от мира к миру. Где бы они не останавливались, он для всех представлялся Эндрю Вигиным, странствующим Говорящим от Имени Мертвых, она — Валентиной, Странствующим Историком. Она писала истории о живых в то время, как Эндер говорил за мертвых. И везде, и всюду Эндер возил с собой сухой белый кокон, тщательно подыскивая место, где бы королева могла проснуться и начать новую жизнь.

Он искал долгое время.